

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

ГЕНЕРАЛ
БИЧЕРАХОВ

И ЕГО
КАВКАЗСКАЯ
АРМИЯ
1917—1919

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

**ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ
И ЕГО КАВКАЗСКАЯ
АРМИЯ**

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И ИНТЕРВЕНЦИИ НА КАВКАЗЕ

1917—1919

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 323.311
ББК 63.3(2)-8
Б40

Рецензенты:

В.В. Ионов, доктор исторических наук, профессор
В.И. Жуматий, доктор исторических наук, профессор
А.Ю. Скаков, кандидат исторических наук

Кафедра истории войн и военного искусства Военного университета

Монография обсуждена и рекомендована к изданию на заседании
Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья
Института востоковедения РАН 14 июля 2010 г.

Оформление художника И.А. Озерова

Безугольный А.Ю.

Б40 Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917—1919. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. — 348 с. — (Россия забытая и неизвестная. Золотая коллекция).

ISBN 978-5-227-02536-4

Монография кандидата исторических наук А.Ю. Безугольного посвящена почти неизученной странице истории Гражданской войны на Кавказе — военной и политической деятельности генерала Лазаря Федоровича Бичерахова. Это первое научное исследование короткой, но очень яркой истории стремительного восхождения Л.Ф. Бичерахова на арене Гражданской войны и столь же стремительного его падения. Он был обойден и советской и эмигрантской историографией: первые обходились хлестким жуэлом «бичераховщина», вкладывая в него все демонические черты контрреволюции; у вторых он прослыл «красным» за короткий период сотрудничества с Бакинской коммуной, руководимой С.Г. Шаумяном. Между тем роль и значение Л.Ф. Бичерахова и его партизанского отряда, развернутого осенью 1918 г. в Кавказскую армию на обширных территориях Северного Ирана, Азербайджана, Дагестана, Терека, в 1918 г. и начале 1919 г. были очень значительны. Его власть в прикаспийских землях была признана Временным Всероссийским правительством в Омске (предшественником колчаковского правительства). На первых этапах развития Добровольческого движения на Юге России Бичерахов составлял ему реальную конкуренцию. История бичераховского движения — неотъемлемая составная часть истории гражданского противостояния в России.

УДК 323.311
ББК 63.3(2)-8

© Безугольный А.Ю., 2011
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-02536-4

**ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ
И ЕГО КАВКАЗСКАЯ
АРМИЯ**

**НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И ИНТЕРВЕНЦИИ НА КАВКАЗЕ
1917—1919**

Посвящаю сыну Олегу

Как мы исполнили свой долг —
скажет история.

Л.Ф. Бичерахов

ОТ АВТОРА

«В вихре страстей разных изданий от периода Бичерахова осталось пустое место», — написал еще в 1930-х гг. соратник Лазаря Федоровича Бичерахова Б.В. Никитин. Спустя восемь десятков лет мало что изменилось. Имя одного из ярких и самобытных персонажей Гражданской войны в России остается в полном забвении. А те штампы, что кочуют из книги в книгу и по сей день, лучше бы и не появлялись на свет вообще, поскольку порочат Бичерахова необоснованно, незаслуженно и несправедливо, что не достойно памяти любого человека, а памяти человека, оставившего след в истории Отечества, — особенно.

Замысел этой монографии родился случайно. Работая в архивах над совершенно другой темой из истории Гражданской войны на Кавказе, я то там, то здесь наталкивался на имя Лазаря Бичерахова. Первые, касательные знакомства с его судьбой и деятельностью вызывали прежде всего чувство удивления: необычными поступками, неординарным складом ума, широким благородством и щедростью и в то же время совершенным забвением этой фигуры в историографии Гражданской войны. Приняв решение написать биографию Л.Ф. Бичерахова и углубившись в архивный и мемуарный материал, связанный с его именем, я лишь убеждался в верности своих первых впечатлений.

Советская историческая наука обходилась хлестким жупелом «бичераховщина», имея в виду заодно и политическую деятельность его родного брата Георгия, возглавившего в 1918 г. антибольшевистское политическое движение казаков в Терской области. В термин «бичераховщина» вкладывался только негативный смысл, реакционная и «контрреволюционная» деятельность, не достойная ни одного доброго слова. Сотрудничество войскового старшины Л. Бичерахова с большевистским Бакинским совнаркомом в последние недели его существования в июле 1918 г. стало удобным поводом для списания на него краха большевиков в этом важнейшем нефтедобывающем и промышленном регионе. В то же время связь с Бакинской коммуной во многом стала причиной того, что Бичерахов не был принят ни Белым движением, ни белоэмигрантской средой, ни зарубежной русской историографией — здесь он прослыл «красным».

Между тем исторический масштаб деятельности Бичерахова и подчиненных ему войск (партизанского отряда, позднее развернутого в Кавказскую армию и флот) в первый период Гражданской войны (1918 — начало 1919 г.) на обширных территориях Северного Ирана, Восточного Кавказа и Закаспия — в Азербайджане, Дагестане, на Тереке и в Закаспийской области — исключительно велик. На некоторое время он стал фактическим правителем обширных прикаспийских территорий, был признан в этом качестве Временным Всероссийским правительством (прообразом будущего колчаковского правительства) и непрерывно расширял сферу своего влияния. На ранних этапах развития Добровольческого движения на Юге России под предводительством генералов М.В. Алексеева, А.Г. Корнилова и А.И. Деникина Л.Ф. Бичерахов составлял им реальную конкуренцию на антибольшевистском фронте.

В настоящей книге на обширном архивном материале, в том числе и на впервые вводимых в научный оборот документах фонда отряда Бичерахова, а также большого пласта современной событиям прессы, мемуарной литературы, дневников, писем свидетелей эпохи, предпринята попытка

реконструировать жизненный путь Лазаря Бичерахова и оценить роль его партизанского отряда (Кавказской армии и флота) в Гражданской войне в Баку, Дагестане и на Тереке в 1918 г.

Не стоит удивляться тому, что ставится вопрос об исторической роли в Гражданской войне командира «какого-то» отряда. Нужно помнить, что в тех условиях, особенно в первый, самый сложный период гражданского противостояния в России, любая воинская часть, сохранявшая организованность и воинский облик, могла претендовать на важную историческую роль. Как не вспомнить, что Добровольческая армия времен 1-го Кубанского (Ледяного) похода представляла собой лишь небольшой отряд. Стойкость, упорство и высокий моральный дух горстки добровольцев способствовали притоку в их ряды новых и новых контингентов, усилению союзнической помощи и развертыванию в последующем многотысячной боеспособной армии.

Герой этой книги принадлежит к многочисленному племени военачальников Гражданской войны, вышедших из небогатых дворянских, казачьих семей или социальных низов. В.Л. Покровский и С.М. Буденный, А.Г. Шкуро и Ф.К. Миронов, Р.Ф. Унгерн и М.Н. Тухачевский, А.Н. Гришин-Алмазов и Б.М. Думенко. Ряд сопоставлений можно продолжать долго. Вчерашние подполковники, поручики, вахмистры и просто «нижние чины» становились командующими фронтами и армиями, народными комиссарами и военными министрами. Гражданская война вбрасывала их в свой стремительный круговорот, заменявший им годы университетов и военных академий.

История сама находила и выдвигала таких людей, способных в короткий срок мобилизоваться и в сложной обстановке найти свой путь, часто неверный и гибельный, но свой. Взять на себя ответственность и повести за собой людей. Сами себя они к такой роли совсем не готовили. Лазарь Бичерахов еще до мировой войны, в мирное для Российской империи время, служа в Персии, был неоднократно ранен, стал инвалидом и совсем еще молодым человеком в невысоком чине ушел на

пенсию — «залечивать старые раны». С началом войны он вновь оказался в строю. Командуя в 1917 г. партизанским отрядом в бесконечно далекой от главных театров военных действий Персии, Бичерахов совсем не мог предполагать ни того, что через несколько месяцев окажется главнокомандующим Кавказской армией и флотом, главой правительства Кавказско-Каспийского союза, ни того, что в один момент потеряет все, что было создано его руками.

То, что Бичерахов не стал в конечном итоге известным персонажем истории Гражданской войны (а в разное время он имел шансы стать как красным, так и белым вождем) и рано, еще в начале 1919 г., покинул Россию — следствие стечения объективных и субъективных обстоятельств, несколько не извиняет наше полное незнание о нем. Сам он вполне понимал изменчивость собственной судьбы в то изменчивое для его родины время. В одном из писем генералу А.И. Деникину он пророчески писал: «Вначале благодаря случайности у меня был отряд, затем случайно я собрал армию, затем случайно присоединился ко мне флот. И такая же простая случайность все смоеет из моих рук, и я останусь без единого солдата»¹.

Далее, дабы быть более убедительным, считаю нужным перейти к научному повествованию.

Выражаю искреннюю благодарность своим коллегам по Научно-исследовательскому институту (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, оказавшим ценную помощь советами и рекомендациями при написании этой книги: В.В. Ионову, В.И. Жуматию, В.А. Авдееву, С.А. Иванову, Д.Г. Мартиросяну, а также сотрудникам Института востоковедения РАН А.К. Аликберову, А.Ю. Скакову и художнику издательства «Центрполиграф» Ю.Г. Клименко.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Братья Лазарь и Георгий Бичераховы упоминаются в специальной литературе по истории Гражданской войны на Северном Кавказе и в Закавказье часто. Однако подбор и интерпретация фактов, связанных с их военно-политической деятельностью, получившей нарицательное имя «бичераховщина», совершенно неудовлетворительны и не отвечают требованиям исторического исследования. Сказанное касается не только популярной публицистической литературы, но и научных трудов, претендующих на широкий охват темы и глубину выводов.

В советской литературе трактовка «бичераховщины» сложилась еще в историографии сталинского периода в 1930-х гг. и с тех пор не претерпела серьезных изменений. Лазарь Бичерахов — полковник (подполковник, войсковой старшина, генерал-майор — в его чине советские историки так и не разобрались) царской армии, английский наймит, поступивший на службу англичанам в Персии, добровольно присоединившийся к войскам Бакинской коммуны, а затем предавший ее по наущению англичан. В последующем Л. Бичерахов — душитель революции в Дагестане и на Тереке. Его брат Георгий — меньшевик, лидер контрреволюционного казачьего движения на Тереке.

Более полного раскрытия темы контрреволюции в советской историографии не требовалось. Готовый набор негатив-

ных ярлыков тем более делал излишним внимание к личности «контрреволюционера» Бичерахова. Отсюда полное пренебрежение любыми биографическими деталями: военными чинами, служебной карьерой и другими жизненными вехами. Понятно, что его ценности, взгляды, идеи при таком подходе вообще не могли стать предметом научного интереса. «Бичераховщина» выродилась в жупел, фигуру речи, обрамляющую и оправдывающую революционную борьбу большевиков на Кавказе.

Справедливости ради надо сказать, что если бы кто-то из историков и проявил интерес к личности Лазаря Бичерахова, то наверняка натолкнулся бы на стену секретности и цензуры, которой весь советский период были «защищены» архивные источники по теме (фонды отряда Бичерахова, ВСЮР, русских экспедиционных войск в Персии, казачьих органов власти на Тереке, партийно-советских органов Баку, Дагестана, Терека).

Традиция упоминать о бичераховщине мимоходом, не предпринимая усилий разобраться в сущности этого явления, в полной мере сохранилась и в новейшей литературе. Что можно узнать о нем в новейших академических изданиях по тематике Гражданской войны на Кавказе? В материалах научной конференции, посвященной дагестанскому революционному и государственному деятелю Д. Коркмасову, Л.Ф. Бичерахов безапелляционно назван «английским ставленником»². В работе С.М. Исхакова «Российские мусульмане и революция» отряд Бичерахова назван «белоказачьим»³, хотя к Белому движению он не относился, да и термин такой в начале Гражданской войны еще не употреблялся. Для защитившего в 2008 г. докторскую диссертацию о дагестанском политическом и религиозном деятеле Н. Гоцинском М.М. Доного политическая позиция Л.Ф. Бичерахова (в частности, в отношении Дагестана) осталась полной загадкой⁴. А в фундаментальной монографии В.А. Гениса о революционном движении в Персии в конце 1910-х — начале 1920-х гг. репутаны инициалы Бичерахова⁵.

Между тем, как представляется, игнорирование этой фигуры приводит к искаженному пониманию многих событий Гражданской войны на Кавказе, таких как падение Бакинской коммуны, казачье восстание на Тереке второй половины 1918 г., революционные процессы в Дагестане, турецкая оккупация Азербайджана и Дагестана, история интервенции в регионе и т. д.

В последние годы появляются первые биографии Л.Ф. Бичерахова⁶, авторами которых являются прежде всего региональные историки, что отражает общий подъем краеведческой науки и интенсивный процесс национальной самоидентификации, сопровождающийся поиском знаковых фигур в национальной истории. Как всегда в начале пути, научный уровень таких работ не высок, они компилятивны и публицистичны. Зачаточный научно-справочный аппарат не позволяет оценить источниковую базу, а значит, и объективность таких работ.

Первая и, пожалуй, единственная на сегодняшний день действительно научная работа была опубликована в 2005 г. в Нумизматическом сборнике Государственного исторического музея. В своей небольшой (0,5 авторского листа) статье «Бичераховские награждения (К вопросу о наградной политике генерала А.И. Деникина)» А.С. Кручинин вышел далеко за рамки заявленной темы, сделав ряд существенных выводов о масштабах, политической эволюции бичераховского движения в Гражданской войне и о личных качествах и моральном облике и мотивации самого Л.Ф. Бичерахова. Собственно «наградная» часть статьи А.С. Кручинина значительно слабее, вследствие того что автор недостаточно полно изучил архивный материал, а с мемуарным наследием по теме знаком лишь касательно. Например, очень осторожно высказанное предположение о том, что «Бичерахов жаловал офицерам и Георгиевские награды, но это вопрос очень спорный...»⁷, на деле подтверждается десятками страниц поименных списков георгиевских кавалеров, сохранившихся в фонде отряда Бичерахова в РГВА и доступных любому желающему. А заяв-

ленное в подзаголовке статьи уточнение деникинской наградной системы и вовсе не раскрыто.

В настоящее время в связи с фактически исчерпывающей доступностью источников по истории Гражданской войны (в том числе прежде закрытых архивных материалов, опубликованного и рукописного наследия Русского зарубежья) появляется возможность достаточно полно реконструировать биографию нашего героя. По архивным данным и весьма многочисленным свидетельствам современников с большой точностью можно отследить жизненный путь Л.Ф. Бичерахова в самые главные годы его жизни и в переломную для нашей страны эпоху — период Первой мировой и Гражданской войн. Но его жизненный путь до и после указанного периода реконструируется лишь по очень ограниченному кругу источников.

Сразу оговоримся, что сам Лазарь Бичерахов, несмотря на то что прожил в эмиграции долгую жизнь, к сожалению, не пожелал взяться за перо и оставить потомкам собственную версию своих походов, порой подходящих на сюжет приключенческого фильма. Об этом можно лишь сожалеть, поскольку, судя по многочисленным документам, написанным его рукой (заметим, красивым, стремительным почерком и весьма грамотно), хранящимся ныне в Российском государственном военном архиве, автор обладал острым умом, четким слогом и хорошими литературными задатками, хотя и не имел столь блестящего общего образования, которым щеголяли многие офицеры Русской императорской армии. Думается, что неожиданный и полный крах, который Л.Ф. Бичерахов потерпел в начале 1919 г. — и не на поле боя, а от союзников-англичан и добровольцев, — вселил в него желание забыть и не вспоминать более своего участия в Гражданской войне. Что мог он описать в своей книге: как много раз протягивал руку помощи то одним, то другим силам, ведущим борьбу с большевиками, они высокомерно эту помощь принимали, а затем без тени сомнения разрушили его детище — Кавказскую армию и флотилию, именовавшуюся со-

временниками «флотом»? Сводить счеты на страницах мемуаров Бичерахов, очевидно, посчитал для себя недостойным. Возможно, по этой причине он не принимал участия и в деятельности многочисленных эмигрантских офицерских организаций, а предпочел тихую жизнь частного человека.

Отсутствие у главного героя книги мемуарного наследия или воспоминаний, зафиксированных в иной форме, кроме двух малозначительных интервью*, несколько компенсировали изыскания первого его биографа — русского офицера-артиллериста Б.М. Кузнецова, присоединившегося к бичераховскому отряду в Дагестане в 1918 г., а в эмиграции тесно общавшегося с ним в течение нескольких лет. В числе других русских офицеров, составлявших остатки гарнизона крепости Хунзах, летом 1918 г. он оказался пленником прибывших в Дагестан турок. Бичерахов стал для него избавителем, и благодарность об этом Кузнецов пронес через всю жизнь. Позднее он собрал биографические данные о Бичерахове у его жены, однокашников по военному училищу, присовокупил к ним собственные наблюдения и скупые откровения самого Л.Ф. Бичерахова (именно скупые: «Встречаясь с ним ежедневно, я не мог добиться от него откровенности о прошлом», —

* Первое из них было дано автору-составителю солидного по составу участников и объему сборника «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества», изданного в Париже в 1928 г. генерал-лейтенантом А.П. Богаевским. Интервью Бичерахова лишний раз оттенило его эмигрантскую неприкаянность и неосведомленность о текущей жизни Русского зарубежья. Сформулировав в своем довольно просторном (с. 86–94) интервью идею «федеративного сожительства» казачества с Россией, Бичерахов как бы дезавуировал собственные размышления такой сентенцией: «Я позволил себе высказать свои взгляды, но я должен предупредить, что я оторван от казачества, живущего в условиях СССР... Я не знаю и устремлений зарубежного казачества... Я не могу сказать, идет... казачество к славному будущему или... отводится в историю» (с. 94). Второе интервью Л.Ф. Бичерахова было дано издателю военно-исторического журнала «Часовой» Е.В. Тарусскому в 1934 г., в котором он рассказывал, впрочем, не о себе, а о ставшем к тому времени большой знаменитостью в Европе в качестве балетного импресарио ротмистре В.Г. Воскресенском — бывшем своем подчиненном (*Тарусский Е. Славный путь: Генерал Бичерахов о В.Г. де Базиле // Часовой. Париж. 1934. № 135–136. С. 29–31.*

сетовал Кузнецов⁸). Все собранное им вылилось в небольшой очерк о Бичерахове, изданный в Нью-Йорке в 1959 г. и ставший в нашей стране чрезвычайной библиографической редкостью⁹. За неимением иных источников, биографы Бичерахова XXI в. вынуждены воспроизводить его буквально дословно, иногда почему-то выдавая это за результаты своих разысканий¹⁰ и обильно разбавляя их собственными домыслами¹¹.

Дополнить данные о Бичерахове, относящиеся к его довенной молодости и периоду эмиграции, приведенные Б.М. Кузнецовым, действительно сложно. Скрупулезный архивный поиск в центральных архивах Российской Федерации дал лишь случайные находки: несколько писем его однокурсника Льва Жиромского, оказавшегося в 1918 г. в положении просителя и использовавшего теплые юношеские воспоминания, чтобы растопить сердце всесильного тогда вождя Кавказской армии¹². Удалось обнаружить и краткую автобиографию, написанную самим Бичераховым в феврале 1919 г., незадолго перед отъездом из страны¹³. Эти и некоторые другие архивные материалы дополняют и уточняют сведения, собранные Б.М. Кузнецовым. Нельзя не сказать о том, что пока не удалось обнаружить послужной список Л.Ф. Бичерахова, позволивший бы уточнить многие вехи его биографии, чинопроизводство и награждения. В фондах послужных списков (фонд 409) и штаба Кавказского военного округа (фонд 1300) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) он отсутствует. Возможно, послужной список «белогвардейца» и эмигранта Бичерахова был изъят советскими специальными органами для какой-то оперативной работы.

Что касается самого важного периода в жизни Лазаря Бичерахова — времени Гражданской войны, — он документирован хорошо, хотя материал о герое этой книги приходится искать в самых разнообразных источниках.

Первый и главный среди них — фонд отряда Бичерахова, поступивший после расформирования его Кавказской армии в начале 1919 г. в делопроизводство Вооруженных сил Юга

России (ВСЮР), а затем отложившийся в знаменитом Пражском архиве (Русском заграничном историческом архиве). Ныне он хранится в Российском государственном военном архиве (фонд 39779). Фонд отряда Бичерахова представляет собой редкий случай почти полной сохранности документации воинской части, относимой к «белогвардейским» (хотя бичераховское движение, строго говоря, не являлось таковым). В пылу сражений, разгромов и драматических отступлений белые войска потеряли значительную часть своей документации. Нормальной является ситуация, когда фонды большинства белогвардейских отрядов, полков, дивизий, корпусов и даже армий, находящиеся на хранении в РГВА, насчитывают от нескольких единиц до нескольких десятков единиц хранения. Да и само делопроизводство в период Гражданской войны велось далеко не идеально.

В этой связи 234 дела бичераховского отряда, сгруппированные в три описи, — случай, несомненно, уникальный, и обязаны ему историки тем, что длительное время отряд не испытывал финансовых затруднений и имел возможность вести делопроизводство в полном объеме. В фонде содержатся сведения о боевой численности отряда, боевом пути, его финансировании. Имеется обширная переписка Бичерахова с его братом Георгием, лидерами Добровольческого движения, Временного Всероссийского правительства и т. д. Имеется и определенный комплекс личных документов Лазаря Бичерахова, в том числе и крайне любопытный блокнот его «памятных заметок» — лаконичных записей, сохранивший процесс размышлений и принятия решений.

Кроме фонда отряда Бичерахова, важное значение имеют документы Добровольческой армии, в той или иной степени отражающие контакты добровольцев с Бичераховым, оценки состояния его отряда (Кавказской армии и флотилии) и проч. (фонды 40308, 39540 и др.). Кроме того, в работе использованы материалы советского происхождения, в которых Бичерахов представлен и союзником и противником большевиков (фонды 1, 2, 108, 25895).

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) особый интерес представляют обширные материалы государственной исторической комиссии по подготовке многотомной «Истории Гражданской войны в СССР», отложившиеся в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (фонд 71). В 1930-х гг. сотрудниками ведущих научно-исторических учреждений была сделана огромная работа по выявлению и систематизации архивных документов, сбору полевого материала (интервью и письменных воспоминаний участников событий — как большевиков, так и их противников), поиску иммигрантских воспоминаний и переводу книг интервентов об их участии в Гражданской войне. Лишь малая толика этих материалов после жесткого сита цензуры была использована в первых томах фундаментального труда, а публикация самого труда из-за внутренних и внешних потрясений, произошедших с нашей страной в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг., так и не была закончена. В описях 34 и 35 указанного фонда содержится обширный материал по истории Гражданской войны в Закавказье и в юго-восточной части Северного Кавказа в 1918 г., в которой не последнюю роль играл Л.Ф. Бичерахов. Особенно интересны личные наблюдения о нем ряда британских и французских генералов. В фонде содержатся переводы мемуаров П. Сайкса, Ф.Дж.Ф. Френча, У. Маршалла, изданные ими в первые годы после окончания мировой войны. Большой массив документов относится к Гражданской войне в Дагестане.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) особую ценность для разработки темы представляет фонд рукописей представителей Русского зарубежья (фонд 5881), в котором отложились рукописи по истории Гражданской войны на Тереке, в Дагестане, в Закавказье. В составе фондов Русского зарубежного исторического архива в Праге после окончания Великой Отечественной войны они были вывезены в СССР. Наиболее интересны среди них воспоминания члена войскового правительства Терского казачьего войска Д.С. Писаренко, казачьих офицеров Г.С. Хутиева, Б. Нартова

и ряда других, в которых подробно показана роль братьев Бичераховых в бурных событиях 1918 г. в Терской области.

В ГАРФ также изучены фонды белых правительств на Юге России и на востоке страны (фонды 439 и 180), с которыми Бичерахов имел отношения как руководитель созданного и возглавляемого им государственного образования — Кавказско-Каспийского союза (прежде всего имеются в виду его контакты с Временным Всероссийским правительством в Уфе, признавшим верховную власть Бичерахова в Кавказско-Каспийском регионе).

Кроме архивного материала в работе использовались опубликованные документы. В советский период, особенно в годы «оттепели», был издан целый ряд добротных сборников, в которых в той или иной мере освещался и интересующий нас вопрос. Это общие сборники по истории Гражданской войны (Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.): Сборник документов. Т. 1—4. М., 1971—1978; Из истории Гражданской войны в СССР. 1918—1922. В 3 т. М., 1957—1961), а также региональные издания (Борьба за установление и упрочение советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг. Махачкала, 1958; Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, 1917—1918 гг. Баку, 1957). Чрезвычайно важны для понимания тенденций развития революционного процесса на Терек-ке материалы съездов трудовых народов Терека, которых в течение 1918 г. состоялось пять. Особенно ценен сборник стенограмм, в которых деятельное участие от фракции казаков принимал Г.Ф. Бичерахов. Материалы съездов отражают развитие политической борьбы на Терек-ке, дискуссии по различным вопросам: земельному, военному, государственного устройства и прочим¹⁴. К сфере публичной политики относятся и сборники речей, статей, писем видных большевистских деятелей на Кавказе (Г.К. Орджоникидзе, С.Г. Шаумяна, П.А. Джапаридзе, А. Шерипова)¹⁵.

Ряд ценных мемуаров, в которых разносторонне показана ситуация на Кавказе в первый период Гражданской войны,

а также место в ней Л.Ф. Бичерахова, оставили представители британской армии, за короткий срок превратившиеся из союзников в интервентов-агрессоров. Например, автор интересных и содержательных мемуаров британский генерал-майор Л. Денстервилль несколько месяцев очень тесно общался с Лазарем Бичераховым и оставил о нем множество красноречивых наблюдений. Нельзя не отметить и ряда ценных мемуаров других участников интервенции — британских офицеров полковника А. Роулсона, подполковников В.С. Остина, Дж.В. Уордена и др.¹⁶

Воспоминания советских участников Гражданской войны тоже, как правило, небезынтересны. Сложные взаимоотношения между руководством Бакинской коммуны и Бичераховым показаны в книге воспоминаний сына Степана Шаумяна Сурена, активного участника событий 1918 г.¹⁷

Однако в целом воспоминания советских партийно-государственных и военных деятелей о «бичераховщине» отличаются негативными оценками, умолчаниями и прямым искажением фактов. В любом случае личных впечатлений в таких работах было не много, да и не могло быть, поскольку бичераховцы и большевики в основном находились по разные стороны фронта. То время, когда они были заодно, — период Бакинской коммуны весной и летом 1918 г. — вспоминалось советскими авторами неохотно. Ведь в то время они предпочитали договариваться с этим «отъявленным врагом советской власти» и «английским наймитом», чем воевать с ним. Чаще всего можно встретить воспоминания о том, что Бичерахова «командировали» на Кавказ из Персии англичане, что он «выполнял прямые распоряжения» англичан и т. п. Самый главный «грех» Бичерахова подчеркивают и все советские мемуаристы: в критическую минуту он оставил бакинский фронт и «обрек на поражение» советский строй в важнейшем нефтедобывающем и нефтеперерабатывающем регионе молодой советской республики¹⁸.

Те авторы, которые не брали на себя ответственность открыто фальсифицировать исторические факты, предпочитали

замалчивать скользкие для большевистской власти эпизоды, связанные с Бичераховым. Характерный пример — мемуары А.И. Микояна, бывшего комиссара бригады Бакинской Красной армии, соратника чрезвычайного комиссара СНК РСФСР по делам Кавказа С.Г. Шаумяна. У него Бичерахов появляется уже накануне крушения коммуны, только лишь затем, чтобы сразу же «исчезнуть», «подло обманув» коммунаров и «оголив наш правый фланг»¹⁹. Вся сложная, многоходовая история с приглашением Бакинским совнаркомом Бичерахова в Баку для обороны города от наступающих турок, переговоры с Лениным и Сталиным по этому поводу, самые лестные характеристики Бичерахову со стороны вождей коммуны опущены.

В постсоветский период, после открытия спецфондов библиотек, в научный оборот был вовлечен целый комплекс мемуаров и дневников, авторы которых при различных обстоятельствах пересекались с Л.Ф. Бичераховым и его братом и оставили личные впечатления о них и их эпохе. Из сослуживцев Бичерахова кроме упомянутого Б.М. Кузнецова нужно отметить Б.В. Никитина, А.Г. Шкуро, Ф.И. Елисеева, К.Г. Кромиади, Н.Н. Лишина²⁰. Достаточно обширно число свидетелей деятельности Л.Ф. Бичерахова в Персии, Азербайджане, Дагестане и на Тереке²¹.

Отдельно следует сказать о воспоминаниях капитана русской армии В.А. Добрынина²². В составе отряда пограничников, не принявших, как и герой настоящей книги, революции, он в течение многих месяцев оборонял от всевозможных врагов небольшую хлебородную область на юге Бакинской губернии, населенную преимущественно русскими староверами, — Мугань. Взгляд Добрынина на события Гражданской войны предельно субъективен; крайний реакционер по своим политическим убеждениям, он ненавидит революционеров всех мастей и очень пристрастен в описании революционных будней Закавказья. Однако в интересующем нас вопросе — похождениях отряда Лазаря Бичерахова — Добрынин оказывается неожиданно хорошо осведомлен. Факты и даже мелкие детали, приводимые им, нередко подтверждаются архивным

материалом. В то же время крайний субъективизм автора наложил свою печать и на облик Бичерахова, невероятные zig-zagi судьбы которого представляются Добрынину дальновидным и хитроумным расчетом казачьего предводителя.

Ценные штрихи к портрету Л.Ф. Бичерахова содержатся в воспоминаниях полковника М. Джафарова. Воспоминания, написанные им в 1937 г., в заключении, незадолго до расстрела, обнародованы только недавно²³. Джафаров был офицером 1-го Дагестанского полка Российской армии, существовавшего в 1918 г. в значительной мере уже формально, но еще представлявшего собой некую вооруженную силу, которую старались привлечь на свою сторону многие. В силу этого Джафаров поддерживал тесные отношения фактически со всеми политическими силами в Дагестане — князем Н. Тарковским, представителями Социалистической группы, имамом Н. Гоцинским, представителями турецкого командования. В этом сугубо местном противостоянии «роль и значение появления отряда Бичерахова в Дагестане мне долго были непонятны, да и до сих пор неясны», признавался М. Джафаров²⁴. Джафарову пришлось много раз тесно общаться с Бичераховым (они были знакомы еще до Первой мировой войны), и воспоминания об этом он в подробностях передал в своих записках.

Очень интересное описание и редкое свидетельство «позднего» бичераховского периода, если можно так сказать, относящегося ко времени вторичной оккупации его войсками Баку в самом конце 1918 и начале 1919 г., и обстоятельств, вынудивших его покинуть свою армию и Россию, принадлежит перу генерал-майора (полковника царского производства) Г.Д. Ивицкого. Он стал первым после ухода бичераховцев из Порт-Петровска (нынешней Махачкалы) комендантом города и служил под началом генерала от инфантерии М.А. Пржевальского, который по настоянию английского командования принял руководство остатками бичераховцев. С самим Бичераховым Ивицкий встретился лишь однажды, но не мог не оказаться очарованным этим человеком и оставил о нем яркие замечания²⁵.

Нельзя не сказать и об оценке Бичерахова генерал-лейтенантом А.И. Деникиным, которую он дал в своих «Очерках русской смуты». Не будучи знакомым с Бичераховым лично, но настроенный к нему как к узурпатору и самозванцу, Деникин аккумулировал и транслировал лишь негативные оценки Бичерахова, базировавшиеся как на данных его разведки, так и искаженных сведениях и слухах, доходивших до Екатеринодара из бесконечно далеких в 1918 г. Баку и Петровска.

Чрезвычайный разброс мнений о Лазаре Бичерахове, огромный и разнородный массив документов, в подавляющем числе впервые вводимых в научный оборот, ставят перед автором сложную задачу написания взвешенной, объективной работы, опирающейся на анализ источников. Думается, решению этой задачи поможет широкий охват событий Гражданской войны, установка на написание не просто портрета Л.Ф. Бичерахова, а «портрета в интерьере» — интерьере Истории.

Все даты в книге приведены по новому стилю.

Для удобства читателя работа снабжена комментированными документальными приложениями и научно-справочным аппаратом.

ОСКОЛОК НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Лазарь Федорович Бичерахов относится к многочисленной плеяде казачьих генералов и старших офицеров осетинского происхождения. Хотя в составе Терского казачьего войска было лишь две осетинские станицы (Новоосетинская и Черноярская), благодаря льготам в чинопроизводстве, высочайше предоставленным казакам-осетинам еще в начале XIX в., осетинские офицеры всегда занимали заметное место среди терского казачества. Это способствовало культурному и языковому сближению русских и осетин. Большая часть казаков-осетин из Новоосетинской и Черноярской были крещеными. К началу Первой мировой войны из приблизительно 400 генералов и офицеров-терцев каждый четвертый был осетином по происхождению²⁶. Двенадцать уроженцев этих двух станиц дослужились до генеральских чинов (восемь из них, в числе которых и Л.Ф. Бичерахов*, относились к генералам производства Гражданской войны).

* Сразу следует оговориться, что в мемуарной и исследовательской литературе существует большая разногласия по поводу военного чина Л.Ф. Бичерахова, виной чему является сам герой повествования и его совсем не прямолинейная военная судьба. Впрочем, для деятелей периода Гражданской войны это обычное явление. Бичерахова именуют «войсковым старшиной», «полковником» и, наконец, «генерал-майором». И то, и другое, и третье — верно. Последний чин Бичерахова в Российской армии — войсковой старшина (что соответствует армейскому подполковнику). Однако уже в период боев за Баку и дагестанского похода партизанского отряда Бичерахова (июль—сентябрь

Лазарь Федорович Бичерахов родился 15 ноября 1882 г., по одним данным — в родной станице, по другим — в Петербурге, где его отец служил в конвое его императорского

1918 г.) он во всех документах уже подписывается полковником. Так же к нему обращаются подчиненные и сторонние лица. Дату и обстоятельства производства Бичерахова в полковники обнаружить не удалось. Офицер К.Г. Кромиади, с первого дня существования состоявший в отряде на командных должностях, сообщает, что Бичерахов был произведен в полковники не позднее конца июля 1917 г. — как только принял формирующийся из частей Кавказского корпуса партизанский отряд. Однако обстоятельства производства Кромиади не знает (*Кромиади К.Г. Последний рейд // Новый журнал (Нью-Йорк). 1968. Т. 90. С. 185*). В октябре 1918 г. Бичерахов признал власть Временного Всероссийского правительства (Уфимской директории). Приказом Верховного главнокомандующего войсками Директории генерала В.Г. Болдырева № 37 от 16 ноября 1918 г. «за боевые заслуги по очищению Прикаспийского края от большевиков» он был произведен в генерал-майоры и назначен командующим русскими силами «в Прикаспийском крае и в освобожденном от большевиков прилегающем районе» (ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 20. Л. 103). Всего через два дня Директория была свергнута, установилась диктатура адмирала А.В. Колчака, однако Верховный правитель подтвердил это производство. Официально о производстве Бичерахова в генералы было объявлено во второй половине декабря 1918 г. Однако в делопроизводственный оборот этот чин вошел раньше — с ноября 1918 г., когда из Омска поступили сведения о чинопроизводстве. Помимо всего прочего, в конце 1918 г. А.Ф. Бичерахов был также удостоен чина генерал-майора британской армии и, таким образом, трижды был произведен в генерал-майоры. Следует оговориться, что относительно двух последних производств Бичерахова в генералы (Колчаком и англичанами) официального подтверждения найти не удалось, однако оба они многократно подтверждались самим Бичераховым, его окружением, русскими и британскими мемуаристами.

К.Г. Кромиади, описывая события зимы 1918/19 г. в Баку, сообщает, что однажды «к Бичерахову прибыл посланник Уфимской Директории профессор Головин, который объявил Бичерахову поддержку со стороны Директории и производство его Директорией в генерал-лейтенанты» (*Кромиади К.Г. Указ. соч. Т. 91. С. 229*). Однако это событие не подтверждается более никаким источником. К тому же, если речь идет о генерал-лейтенанте Н.Н. Головине, то он в указанное время находился в Европе, представляя там антибольшевистские силы, а в Сибирь отправился в середине 1919 г., поступив на службу уже не Директории, а свергнувшему ее адмиралу Колчаку.

Итак, Лазарь Бичерахов является генерал-майором производства периода Гражданской войны, получившим этот чин, очевидно, минуя официальное производство в полковники. Во избежание путаницы и излишнего усложнения повествования в дальнейшем автор следует указаниям первоисточников для указания чина героя этой книги: то есть до июля 1918 г. Бичерахов именуется войсковым старшиной, с июля по конец октября — полковником и с ноября 1918 г. — генерал-майором. Хотя, конечно, читатель должен иметь в виду указанные выше оговорки.

величества. По обычаю императорского двора Лазарь был крестником вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В раннем детстве он сошелся со своим сверстником великим князем Михаилом Александровичем и его сестрой великой княгиней Ольгой Александровной и проводил лето с ними в Царском Селе.

Он был определен в интернат Санкт-Петербургского реального училища. В училище он считался хорошим товарищем и отличался большой физической силой, которой, впрочем, не злоупотреблял. В то же время в учебе большими успехами он не отличался.

После этого Лазарь Бичерахов поступил в Московское (в последующем — Алексеевское) военное училище, основанное в 1864 г. и расположенное в Красных казармах в Лефортове. Это военно-учебное заведение дало Российской, а затем и Советской армии ряд ярких талантов — М.В. Алексева, А.М. Василевского, Б.М. Шапошникова, А.Е. Снесарева, С.А. Пугачева, И.Е. Петрова.

Об отроческих годах Бичерахова сохранились лишь отрывочные сведения. Известно, например, что в военном училище у него было прозвище Бичи, что он увлекался борьбой на поясах — традиционным видом единоборства, популярным у тюркских народов. При выпуске из училища Бичерахов и его друзья дали друг другу клятву в том, «что если кто из нас выдвинется, то должен помочь, без всяких, другому»²⁷.

Училище Лазарь окончил по первому разряду. 22 апреля 1905 г. он был произведен в хорунжий* и начал служить в 1-м Горско-Моздокском полку.

Судя по его автобиографической записке, он успел проучиться один год в университете²⁸. Но в каком, когда и на каком факультете — неизвестно. Так или иначе, окончательный выбор был сделан в пользу военной профессии.

* Х о р у н ж и й — офицерский чин в казачьих войсках Русской императорской армии до 1917 г., соответствующий корнету в кавалерии и подпоручику в пехоте и артиллерии.

В 1909—1912 гг. в составе 1-го Горско-Моздокского полка Л.Ф. Бичерахов участвовал в боевых действиях в Персии, где русские части, выделенные из состава Кубанского, Терского и Семиреченского казачьих войск, по договору с шахским правительством принимали участие в подавлении мятежников. Страна фактически находилась в состоянии анархии. Первоначально, до осени 1911 г., им приходилось действовать в основном против племен турок-шахсеван и туркмен-иомудов, с которыми не справлялась слабая армия персидского шаха. После этого мятежники совершили ряд нападений на русские отряды и консульства в Тавризе и Реште, на севере Персии. Теперь персидские проблемы в глазах царского правительства стали «нашим делом». В Персию на выручку казакам было отправлено более двух десятков гренадерских, пехотных и стрелковых полков, саперы и артиллерия²⁹.

С переменным успехом русские войска вели боевые действия до конца 1912 г., а фактически русские части оставались в Персии до начала Первой мировой войны, после чего начался новый этап оккупации страны.

Лазарь Бичерахов, сотник 1-го Горско-Моздокского полка, получил несколько боевых ранений и заслужил орден Святого Владимира 4-й степени. Казакам часто выпадала задача конвоирования российских консульских колонн. 27 октября 1911 г. сотник Бичерахов с двадцатью казаками, сопровождая в армию иеромонаха Григория, подвергся обстрелу не менее ста конных курдов. Бичерахов приказал казакам спешиться и рассыпаться в цепь. Пятеро казаков были отправлены в тыл курдам. Бичерахов был ранен в этом бою трижды — в обе ноги и в грудь навывлет, — но оставался в сознании и продолжал командовать цепью через урядника до подхода подкрепления³⁰. После излечения Бичерахов остался инвалидом: одна рука стала сохнуть, кроме того, на одну ногу он остался хром.

Военная карьера Л. Бичерахова могла неожиданно оборваться: по возвращении в Россию он принял участие в дра-

ке, за что офицерским судом чести был уволен из армии на пенсию. По сведениям полковника Ф.И. Елисеева, причиной конфликта стало увлечение Бичерахова женой сослуживца-осетина, вследствие чего брак последнего распался³¹. Позднее, в марте 1916 г., Бичерахову было отказано в прикомандировании к 1-му Кубанскому полку как раз ввиду «исключения его из полка судом чести»³². Правда, Б.М. Кузнецов, находившийся в дружеских отношениях с Бичераховым, утверждает, что причиной увольнения, причем добровольного, стала его инвалидность³³.

Так или иначе, увольнение состоялось 5 августа 1914 г. — уже после начала Первой мировой войны, поэтому менее чем через три недели Л.Ф. Бичерахов вновь оказался в рядах русской армии³⁴.

До мая 1915 г. он командовал сотней 2-го Горско-Моздокского полка, сражавшегося в Карпатах. После этого Л.Ф. Бичерахов состоял в распоряжении великого князя Михаила Александровича, стоявшего в тот период во главе Кавказской Туземной конной дивизии, более известной как Дикая дивизия.

5 января 1916 г. Бичерахов уже в чине войскового старшины был направлен на Кавказский фронт, где ему в июне 1917 г. было поручено сформировать отряд для самостоятельных рейдовых действий на коммуникациях противника, «ночных поисков, непрерывного тревожения тыла противника и добывания языков»³⁵. По традиции того времени, такой отряд именовался партизанским. Отряд входил в состав 1-го Кавказского (Экспедиционного) кавалерийского корпуса в Персии, северная часть которой по соглашению с британским командованием на Ближнем Востоке поздней осенью 1915 г. была оккупирована русскими войсками для предотвращения выступления персидского правительства на стороне центральных держав. Корпус под командованием генерала Н.Н. Баратова на момент его отправки в Персию в октябре 1915 г. состоял из 39 сотен казаков, двух батальонов пехоты, двух дружин ополчения и 20 орудий³⁶.

Формирование отряда было вызвано известиями о том, что весной 1917 г. за рекой Диала (левый приток Тигра), разделявшей зоны контроля русских и турок, появился 3-тысячный турецкий конный отряд (впоследствии оказалось, что это отряд персидской жандармерии на турецкой службе, руководимый германскими офицерами), за которым могли показаться и более крупные силы. Для корпуса Н.Н. Баратова, отрезанного от источников снабжения, не имеющего собственных средств и находившегося среди голодающих персов, столкновение с турками могло окончиться гибелью. Поэтому он решил пробиваться в направлении на Багдад на соединение с англичанами, где можно было рассчитывать стать на довольствие союзников. Англичанам целостность русского корпуса была не менее важна, поскольку он оттягивал с месопотамского фронта немалые силы турецкой армии³⁷.

Тактика партизанских действий по тылам противника небольших отрядов была достаточно широко распространена в годы Первой мировой войны. Правда, не все в Российской армии считали опыт их использования удачным, утверждали, что царская Ставка чрезмерно «увлекается партизанщиной». Наблюдавший на Юго-Западном фронте за действиями партизанского отряда есаула А.Г. Шкуро (Шкуры) генерал П.Н. Врангель составил о нем и о партизанской тактике в целом негативное впечатление: «Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями, туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе 18-го корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса генерала Крымова, был с участка корпуса отозван»³⁸.

Но в Персии, с ее огромными пространствами и отсутствием линии фронта, партизанские действия напрашивались

сами собой. Предусмотрев сложность поддержания должного уровня дисциплины в рейдирующих, оторванных от основных войск отрядах, генерал Баратов предписал формировать отряды «из самых лучших и смелых казаков», а начальниками назначить «самых предприимчивых и отважных офицеров из числа желающих»³⁹. Для стимулирования храбрых поступков были назначены крупные денежные премии за каждого плененного неприятельского солдата и офицера, и это — «кроме заслуженной боевой награды — Георгиевского креста или медали»⁴⁰. Отряд Бичерахова, как и несколько других, был сформирован уже в Персии из отборных полусотен от нескольких казачьих полков корпуса.

Обстановка в Персии в тот момент была сложной: шахское правительство практически не контролировало огромную территорию государства. Здесь промышляли десятки разноплеменных вооруженных группировок, соперничавших друг с другом и достаточно умело использовавшихся в своих интересах турками. В Персии также действовали регулярные турецкие войска и турецкая конница, укомплектованная курдами и персами.

В начале августа 1917 г. формирование отряда было завершено и после напутствия командира корпуса, пожелавшего его скорейшего возвращения, он выступил из города Керманшах навстречу невероятным приключениям, которые и послужили причиной появления этой книги. Численность отряда к этому времени достигала 30 офицеров и до 1000 казаков при орудиях, пулеметах и транспорте⁴¹, что значительно превышало штат обычного казачьего полка, приближаясь к бригаде. Совершив сложный переход по безводной гористой местности, отряд Бичерахова вышел к реке Диале в районе персидского города Касри-Ширин, где занял оба берега реки, ожидая неприятеля. Подошедшая к Диале персидская жандармерия не могла ни напиться, ни отправиться восвояси в пустыню на верную гибель. 25 октября, в день, когда в Петрограде бушевала революция, в Персии противнику ничего не оставалось, как сдаться на милость победителя. 2500 человек персидской жандармерии

были последними пленными, взятыми русскими войсками во время Первой мировой войны⁴².

Таким образом, угроза Экспедиционному корпусу со стороны турецких войск была снята. Но теперь требовалось установить его прочную связь с англичанами. Отряд двинулся в направлении Мендели. Через несколько дней совершенно закончились продукты, на исходе была вода, поскольку казакам пришлось взять на довольствие и многочисленных пленных. Изможденным людям и лошадям приходилось преодолевать крутые горные хребты Южной Персии. Им «не было конца и стоило преодолеть один, как перед глазами вырастал другой», вспоминал К.Г. Кромиади⁴³.

Через неделю тяжелого похода, во время которого были и смертельные случаи от жажды и желтухи, отряд вышел на соединение с британским Индусским кавалерийским полком, который его уже ожидал. Англичане встретили союзников оркестром и дали в честь него парад войск⁴⁴. Логично, что отряд был немедленно зачислен на довольствие английской армии и к штабу отряда был прикомандирован английский офицер для связи — полковник Клатербек⁴⁵.

После отдыха отряд Бичерахова занял крайний правый фланг английских войск и из района города Кизил-Рабат повел совместное с союзниками наступление против турок. Только на участке наступления отряда удалось прорвать оборону турок, отбросить их к Диале, переправиться через реку и настичь отступавших у крепости Кара-Тепе. Однако, подержанный лишь силами Индусского кавалерийского полка, бичераховский отряд отступил на английские позиции.

Этот бой произошел поздней осенью 1917 г., после чего наступило затишье. Отряд Бичерахова зимовал в лагере у города Шаропаны, развлекаясь лишь тем, что временами группы казаков и офицеров выезжали в сказочный для русского глаза Багдад.

Между тем связь со штабом Экспедиционного корпуса был прервана. Партизанские отряды — а их в корпусе было несколько — оказались предоставленными сами себе.

Автономность и свобода действий, которыми в течение длительного времени пользовались командиры отрядов в составе Экспедиционного корпуса, способствовали их дальнейшему выдвижению в последующем, в годы Гражданской войны. Самым известным из них стал А.Г. Шкуро, именовавший себя «белым партизаном». Правда, судьбы отрядов Шкуро и Бичерахова сложились различным образом. Шкуро вступил в Персию значительно позже, в мае 1917 г. Своим небольшим отрядом он успешно командовал еще на Юго-Западном фронте. Разложение войск русской армии шло уже полным ходом, и бравый вид кубанских сотен производил большое впечатление на местных жителей, уже привыкших «за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей» — так в то время именовали революционно настроенных солдат⁴⁶. Отряд Шкуро хорошо проявил себя на персидском фронте. По словам генерала Баратова, «небольшую численность он восполнял доблестью и отвагой», так что его 2,5 сотни «заменили целый 6-сотенный полк»⁴⁷.

Но революционные события 1917 г. не оставили в стороне ни отряд, ни его командира. Поздней осенью 1917 г. А.Г. Шкуро отправился делегатом на Кубанскую Раду и, возвратившись, застал свой отряд не в столь блестящем состоянии: казаки «немного разболтались», в прикомандированных к отряду армейских командах шло брожение⁴⁸. А в рождественскую ночь Шкуро был тяжело ранен кем-то из революционно настроенных солдат, надолго потерял связь со своими казаками, которые постепенно разбрелись по домам. Возвращаясь Шкуро на Северный Кавказ в начале 1918 г. из иранского порта Энзели одетым в персидский халат, с выкрашенными волосами и поддельным паспортом⁴⁹. Уже дома, в верховьях Кубани, по свидетельству современников, он «скитался по полям, ночуя по кочевкам и пасекам, как и все такие люди, питался тем, что удавалось выпросить у казаков, и компанию ему составил всего лишь один кубанец, да и тот безоружный»⁵⁰.

Оптимизм вернулся к Шкуро, жившему на нелегальном положении в Кисловодске, много позже, когда окрепла и стала на ноги Добровольческая армия.

В бичераховском отряде все было по-другому. Командир отряда ни на минуту не покидал его, скрепляя и цементируя своей волей воинский коллектив. А 28 ноября 1917 г., уже после издания первых декретов советской власти и объявления перемирия с Германией, Бичерахов направил генералу Баратову телеграмму: «Я решил: 1) остаться на фронте; 2) продолжать воевать; 3) не участвовать в перемирии; 4) считать все переговоры предательскими... Это решение мое, и я один отвечаю за него перед Россией». На этой телеграмме Баратов оставил надпись: «Молодец, Бичерахов!»⁵¹

В декабре 1917 г. генерал Баратов вызвал к себе Бичерахова. На английском аэроплане он вылетел в Хамадан. Через две недели он прилетел, по воспоминаниям К.Г. Кромиади, «в самом мрачном настроении»⁵². Собрав отряд, он заявил, что по приказу командира корпуса отряд должен вернуться домой. Оказывается, к моменту приезда Бичерахова части корпуса уже начали эвакуацию из Персии. То же происходило и на других фронтах. Распропагандированные солдаты уходили домой.

Конечно, его отряда тоже коснулась революционная волна. Первоначально в отряде был организован комитет, сфера деятельности которого, однако, была ограничена хозяйственными вопросами⁵³. Одновременно стала резко падать дисциплина. Непосредственно наблюдавший отряд в эти дни морской офицер Н.Н. Лишин отмечал: «Это была русская часть, в достаточной мере подходившая под понятие дикой вольницы. На регулярную воинскую часть они не походили. Кое-какая дисциплина у них была, так сказать, революционного порядка... Мы... несколько сторонились всей этой дикой вольницы, красочных, с умыслом неоднородных нарядов, пьяного дебоширства и нарочитого отсутствия скромности, в которой воспитывается морская братия...»⁵⁴

Большинство казаков приняли революцию именно как вольницу, вседозволенность, возможность стать равными

офицерам, поэтому собственно революционная, социальная пропаганда не оставляла в их сознании серьезного следа. Попытки большевистских агитаторов выяснить их взгляды на советскую власть терпели крах «благодаря отсутствию таких». «Отряд безнадежно не мыслит», — заключал большевик из Баку С. Буданцев⁵⁵. Другой опытный агитатор, пытавшийся «расколоть его отряд», в казачьи казармы проникнуть смог и сумел даже, как ему показалось, «кое-чего» добиться, но на третий вечер был предупрежден, что его убьют, если он еще раз появится⁵⁶. Красноармейцев бичераховцы презирали за их неприглядный внешний вид, называли их «красными индусами», «считая себя в положении англичан» по отношению к ним⁵⁷.

В то же время отряд Бичерахова оставался вполне боеспособной единицей. Тот же Лишин признавал, что первые его впечатления о бичераховцах оказались ошибочными: «Впоследствии этот отряд, несмотря на все его недостатки, зарекомендовал себя в боевом отношении довольно хорошо, и в действиях дисциплина была хорошая»⁵⁸. Английский генерал Л. Денстервилль, в ближайшем будущем тесно связавший свою судьбу с бичераховцами, писал о них: «Его часть была единственной имевшей еще какое-то уважение к закону и порядку»⁵⁹. Генерал Г.Д. Ивицкий, в свою очередь, отмечал феномен бичераховского отряда: «Его войска представляли собой типичную вольницу, послушную своему вождю в битвах, но в мирной обстановке... надо было особенное умение, чтобы вольница окончательно не распоясалась»⁶⁰.

Таковыми качествами Лазарь Бичерахов, несомненно, обладал. Заслуга того, что отряд сохранил боеспособность, принадлежит исключительно ему. Храбрый боевой офицер, экзальтированная, харизматичная личность, инвалид, опиравшийся на трость, служившую ему и оружием в бою, Бичерахов обладал огромным авторитетом среди своих казаков. «Преданность Бичерахову, в особенности среди офицеров, граничит со своеобразным обожанием, вызванным личной храбростью Бичерахова...» — писал один из свидетелей⁶¹. Ге-

нерал Г.Д. Ивицкий так описал этого «во всех отношениях колоритного человека»: «Передо мной был очень молодой генерал с веселым взглядом, в котором отражалась какая-то уверенность и отвага... Бичерахов был среднего роста. Фигура сухая и подвижная...»⁶² Ивицкий отмечает увечье Бичерахова: «Сухожилия пальцев правой руки попорчены в боях, и генерал подавал левую руку»⁶³. Другие свидетели отмечали комичную манеру почти всех офицеров отряда ходить опираясь на палку и подавать для приветствия левую руку, как это делал командир⁶⁴.

В начале исследования следует также сказать несколько слов и о другом человеке, пережившем с Лазарем Бичераховым все его военные приключения вначале в Персии, а затем и на просторах пылающей Родины, но по характеру его должности остававшемся в основном в тени. Это — неизменный начальник штаба, «мозг» партизанского отряда, а затем и организованной Бичераховым Кавказской армии Алексей Евгеньевич Мартынов. Мартынов был младше Бичерахова и по возрасту, и по званию, однако успел еще до войны получить хорошее образование. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1908 г.). Служил в 4-м Уральском казачьем полку. В 1913 г. поступил в Николаевскую императорскую военную академию (Академию Генерального штаба). В 1914 г. был переведен на старший курс академии, но разразилась война. В связи с объявлением мобилизации Мартынов был откомандирован в свой полк. За боевые отличия был награжден Георгиевским оружием. В 1917 г. Мартынов продолжил обучение в академии. Окончил старший класс по первому разряду ускоренных курсов и был произведен в капитаны. В июне 1917 г. он был причислен к Генеральному штабу, в сентябре 1917 г. переведен в Генеральный штаб, после чего получил должность старшего адъютанта штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии⁶⁵, а вскоре был переведен в 1-й Кавказский кавалерийский корпус. По воспоминаниям современников, Мартынов отличался уравновешенным характером и хладнокровием, что выгодно

отличало его от его непосредственного начальника Л.Ф. Бичерахова — человека горячего и вспыльчивого. Профессионально Мартынов был подготовлен гораздо лучше своего начальника, признавшегося однажды, что он «простой рядовой офицер армии» и «по своей специальности — и то мало обучен»⁶⁶.

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Весной 1918 г. отряд Бичерахова еще подчинялся штабу Экспедиционного корпуса в Хамадане, являясь, по существу, единственной организованной единицей в его составе. Британский генерал Денстервилль, побывавший в Хамадане в конце февраля 1918 г., констатировал, что генералу Баратову и его начальнику штаба генералу Ласточкину оставалось только «глубоко сочувствовать», поскольку войска их все более разлагались и «виды на восстановление дисциплины были весьма проблематичны»⁶⁷. Хамадан, по его словам, был переполнен русскими, которые из праздности ночами непрерывно палили в воздух. Англичанами это воспринималось как выражение «русского веселья», «хотя это звучало как жестокий бой в самом разгаре»⁶⁸. Закрытие перевалов из-за необычно сильных снегопадов в начале марта 1918 г. задержало эвакуацию русских войск. Она продолжилась только в середине марта. Замыкать колонну и обеспечивать эвакуацию имущества было поручено отряду Бичерахова. Перезимовав в расположении английских войск, отряд отправился в обратный поход через Ханикен, Миантагское ущелье, Керинд, Керманшах, куда прибыл в конце февраля 1918 г. и где задержался надолго.

Между тем положение английских войск на Ближнем Востоке в связи с революцией в России и крушением Кавказского фронта ухудшилось. Теоретически для центральных держав открылся путь в британские индийские владения по линии Баку—Красноводск—Ташкент. Многие в британском Военном кабинете были обеспокоены сложившейся ситуацией и искали выхода, которого, казалось, не было: в Северной Персии,

которая могла послужить воротами для вражеского вторжения, англичане не имели ни одного солдата. В довершение ко всем бедам, считалось, что немецким агентам удастся вооружить и организовать 100-тысячный корпус австрийских и немецких военнопленных, содержащихся в русском плену в Туркестане (по русским сведениям, таковых на 1 сентября 1917 г. числилось в Кавказском военном округе 80 тыс. человек, в Туркестанском военном округе — 41,2 тыс. человек⁶⁹). «Положение было почти безнадежным», — констатировал британский бригадный генерал сэр Перси Сайкс в своих воспоминаниях⁷⁰.

Конечно, во всем этом была большая доля лукавства. Были и те, кто считал возможность марша германцев и турок через Кавказ и Среднюю Азию в Индию плодом «слишком живого воображения» некоторых представителей британского Военного кабинета⁷¹. Как замечал британский министр иностранных дел А. Бальфур, «каждый раз... участвуя в обсуждении этого вопроса с интервалом, скажем, в 5 лет, — узнаю, что появляется новая территория, которую мы должны охранять, т. к. предполагается, что она защищает подступы к Индии. Эти подступы уходят все дальше и дальше от Индии, и я не представляю себе, как далеко на запад они будут отнесены Генеральным штабом»⁷². Военный министр А. Милнер, в свою очередь, в одной из служебных телеграмм в июле 1918 г. оценивал германо-турскую угрозу достаточно призрачной «в течение длительного времени»⁷³.

Впрочем, и те, кто не видел для Индии никакой опасности, вовсе не считали, что на Ближнем Востоке и Кавказе ничего предпринимать не нужно. Крушение России открывало для Великобритании (как и для ее противников) невероятные перспективы овладения самым богатым на тот момент нефтеносным районом с самой развитой в мире добывающей и перерабатывающей промышленностью. В рекордный для Бакинского региона 1916 г. отсюда было вывезено 408,8 млн пудов нефтепродуктов всех видов⁷⁴. Владея бакинской нефтью, англичане рассчитывали «занять ключе-

вые позиции в экономике России», какой бы общественный строй в результате гражданской войны там ни победил⁷⁵.

В военно-стратегическом плане Великобритания придавала первостепенное значение установлению своего господства над Каспием, который служил бы прикрытием ее завоеваний в Месопотамии, опорным пунктом для контроля над Кавказом, Персией, Средней Азией, отрезал бы Баку от России. Великобритания имела в виду надолго закрепиться на Каспии. В телеграмме Милнера от 28 июня 1918 г. в Багдад, командованию английских войск в Месопотамии, подчеркивалось: «Правительство е. в. придает... важное значение овладению постоянным контролем над Каспием». Великобритания намеревалась превратить в свои военно-морские базы персидский порт Энзели и закаспийский Красноводск. Последний рассматривался ею как ворота в Туркестан и Среднюю Азию. В телеграмме Военного министерства Денстервилау от 14 августа 1918 г. выделялась задача «постоянной оккупации Красноводска»⁷⁶.

Чтобы формулировать и проводить политику на «новых» для Британской империи землях, в конце марта 1918 г., по настоянию военного министра А. Милнера, при военном кабинете был образован Восточный комитет, который стал координирующим центром всей военной и политической деятельности Англии в огромном районе, охватывавшем Ближний и Средний Восток, Кавказ и Среднюю Азию. Состав Восточного комитета варьировался, но почти неизменно в его заседаниях участвовали председатель тайного совета Д. Керзон, министр иностранных дел А. Бальфур, его заместитель лорд Сесиль, начальник имперского Генштаба Г. Вильсон, начальник военной разведки генерал-майор Дж. Макдонэ и др. Председателем комитета стал Д. Керзон⁷⁷.

Одна проблема стояла на пути осуществления столь грандиозных планов стратегического масштаба: у англичан не было войск, чтобы совершить дерзкие походы на ставшие «бесхозными» бывшие внутренние колонии Российской империи. Добыча лежала у ног Англии, но взять ее не было сил.

Еще до создания Восточного комитета, в декабре 1917 г., было решено снарядить несколько немногочисленных экспедиций на Кавказ и в Среднюю Азию для выяснения обстановки на месте, а также, по возможности, оккупации территорий бывшей Российской империи. Экспедиции имели большой запас денежных средств, чтобы в случае удачи нанять «туземных» войск и хотя бы так решить проблему оккупации. Непосредственное осуществление интервенции в Закавказье и Туркестане возлагалось на отряд генерала Денстервиля, который получил задание «следовать по маршруту Багдад—Баку—Бухара»⁷⁸, и на отряд генерала У. Маллесона, следовавшего в Мешхед для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию.

Фигура руководителя кавказской экспедиции генерал-майора Лайонела Чарльза Денстервиля весьма любопытна, она в чем-то схожа с Л. Бичераховым. Большая часть военной службы Денстервиля прошла в имперских колониях. В годы Первой мировой войны он служил в Индии и лишь на ее исходе, в конце 1917 г., был переведен в Персию с присвоением генеральского чина. Здесь этот «очень способный солдат»⁷⁹ смог дать выход кипучей энергии, оставшись в истории британских вооруженных сил генералом, которому довелось воевать на одном из самых экзотических театров военных действий Первой мировой войны и в очень необычных условиях.

По свидетельствам сослуживцев Денстервиля, он был «на редкость способным лингвистом». «О нем рассказывают, — сообщал британский генерал Ф.Дж. Ф. Френч, — как на одном из многих митингов, на котором он обращался с речью к местной знати, он говорил последовательно на четырех различных языках»⁸⁰. Прежде он бывал в России, и английские современники (в частности, командующий английскими войсками в Месопотамии генерал Маршалл) настаивали на том, что Денстервиль обладал «прекрасным знанием как самих русских, так и русского языка»; «по-русски говорил бегло»⁸¹ (генерал Френч). Впрочем, степень владения его русским язы-

ком могла быть и преувеличена его коллегами. По крайней мере, не раз общавшийся с ним лично русский офицер Н.Н. Лишин сообщал, что Денстервилль лишь «немного понимал русский язык»⁸².

Так или иначе, к языковым способностям следует прибавить недюжинное личное обаяние, дипломатический дар и особую сибаритскую манеру поведения, выработанную за годы восточной службы. Денстервилль умел и любил «производить впечатление», держал себя как «знатный господин»⁸³, быстро нашел подход к чувствительной к лести персидской аристократии, «расточая дары своего красноречия перед представителями знатных персидских родов, стараясь убедить этих последних в том, что приход англичан в Персию вполне соответствует их интересам»⁸⁴.

Аристократизм с авантюрным оттенком проявлялся и в отношении Денстервилля к собственным офицерам. Бригадный генерал Перси Сайкс, которому также довелось оказаться в 1918 г. в Персии, вспоминал, что Денстервилль своей властью произвел в контр-адмиралы руководителя английской флотилии на Каспии commodora Дэвида Норрисса, несмотря на справедливое сопротивление последнего⁸⁵. Авантюрная жилка — одна из главных черт характера Денстервилля, которая была присуща ему всю жизнь. Не случайно Денстервилль стал прообразом героя одного из лучших романов его однокашника Редьярда Киплинга «Старки и компания», в котором Старки — хулиган и хитрец⁸⁶. Возможно, это способствовало его сближению с Бичераховым.

Надо отметить, что офицеры, включенные в состав отряда Денстервилля, а среди них оказались не только англичане, но и жители отдаленных провинций Британской империи — канадцы, южноафриканцы, австралийцы и даже новозеландцы, — были под стать своему командиру. Многие из них прибыли с Западного фронта в поисках новых ощущений, их «сладко манил риск неизвестного»⁸⁷.

Первое свое предприятие Денстервилль начал, самонадеянно рассчитывая только на собственные силы. «Генерал

Денстервилль решился на дерзкую авантюру: проследовать с миссией в Тифлис — столицу Кавказа, для того чтобы объединить армян, казаков и лояльных русских против наступления турок», — вспоминал П. Сайкс⁸⁸. Нужно отметить, что генерал Маршалл был категорически против как продвижения на север Персии, так и проникновения в Закавказье. Однако особая миссия Денстервилля была инициирована и контролировалась Восточным комитетом Военного кабинета и финансировалась отдельно от прочих расходов британских войск на Ближнем Востоке. Маршаллу оставалось только пассивно следить за редкими донесениями о передвижениях Денстервилля⁸⁹.

На пути англичан к бескрайним просторам бывшей Российской империи лежала узкая прибрежная полоса в Северной Персии — провинция Гилян. С начала 1910-х гг. русские войска без особого успеха вели борьбу с гилянскими повстанцами, объединенными в достаточно мощное войско (в разное время — от 3 до 5 тыс. штыков и сабель) под руководством персидского революционера Мирзы Кучук-хана. Провинция Гилян лежала в узкой долине между Каспийским морем и Эльбрусским хребтом и разительно отличалась от остальной Персии климатом и природой — здесь господствовали густые влажные субтропические леса, очень удобные для действий партизан, которых именовали дженгелийцами (от слова «дженгель» — лес, джунгли). Кучук-хан был очень популярен не только в народе, но и среди многих высокопоставленных шахских чиновников, несогласных с засильем иностранцев в стране. «Его считали спасителем Персии, который выгонит отсюда иностранцев и вернет стране ее прежний золотой век»⁹⁰. Поэтому Кучук-хан получал помощь практически повсеместно и быстро восстанавливал силы после разгромов, которые ему учиняли русские войска⁹¹.

Через Гилян пролегла единственная дорога из внутренних персидских провинций к порту Энзели, через который осуществлялось снабжение русского экспедиционного корпуса во время Первой мировой войны, а с начала 1918 г. — шла

эвакуация его частей и имущества. Русские караваны подвергались бесчисленным грабежам со стороны дженгелийцев, нередко сопровождавшимся убийствами.

Все это было хорошо известно Денстервиллю, однако он решил на путешествие в Энзели, для которого, по его собственному признанию, он имел лишь «несколько офицеров, несколько броневиков и сколько угодно денег». Его маленький отряд получил наименование «Данстерфорс»⁹². Неудивительно, что марш-бросок к Энзели в феврале 1918 г. едва не окончился для англичан плачевно, поскольку, не имея реальной военной силы, их колонна в каждый момент своего движения оказывалась окруженной повстанцами Кучук-хана. Добравшись в конце концов до Энзели, англичане сразу оказались в плену у безраздельно господствовавшего здесь Военно-революционного комитета Восточно-Персидского района Кавказского фронта, координировавшего свои действия с Бакинским совнаркомом⁹³. Едва вырвавшись из плена, Денстервилль вернулся в Хамадан, где и встретился с бичераховским отрядом.

БИЧЕРАХОВ И ГЕНЕРАЛ ДЕНСТЕРВИЛЛЬ: «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ» В ЧАСТНОМ ПОРЯДКЕ

Теперь стало ясно, что деньги придется тратить не в Закавказье, а уже сейчас, иначе англичане едва ли могли сдвинуться с места. Наем местных персидских воинов-добровольцев провалился, поскольку персы не устроили англичан ни по своим боевым качествам, ни по уровню мотивации. Необходим был мощный отряд, способный защитить англичан.

И такая сила в Персии имелась. С осени 1917 г. отряд Бичерахова действовал в британской зоне ответственности и поэтому находился в оперативном подчинении командующего британскими войсками в Месопотамии генерала Маршалла, подчиняясь одновременно командиру 1-го Кавказско-

го кавалерийского корпуса Н.Н. Баратову. Фактически же регулярный контроль за его действиями ни тот ни другой осуществлять не мог. Отряд в это время прекратил получать финансирование из корпуса и находился на распутье. Бичерахов планировал организованно отвести его на Кубань и Терек, где распустить казаков по домам.

На Денстервилля первое знакомство с «поистине замечательной фигурой» полковником Бичераховым и его «живописными казаками» произвело большое впечатление. 3 февраля 1918 г. в своем дневнике он записал: «Встретился также с полковником Бичераховым, командующим горсткой верных ему казаков — около 300 человек. Он кавказец, прекрасный парень; тяжело ранен»⁹⁴. Как и другие наблюдатели, он отметил особую харизму Бичерахова и то, что «его люди его боготворят, как бесстрашного командира»⁹⁵. В дальнейшем, несмотря на принципиальные разногласия, между ними установились достаточно теплые отношения, причем, как предполагал генерал Маршалл, «Денстервилль, по-видимому, находился под большим влиянием Бичерахова»⁹⁶.

Несмотря на взаимную нужду друг в друге, переговоры между Бичераховым и Денстервиллем шли сложно. Каждая из сторон преследовала собственные цели: Бичерахов настаивал на немедленном движении на север Персии и возвращении отряда на Кавказ, а Денстервилль хотел дождаться подкреплений в виде частей 39-й бригады королевских войск. На момент переговоров в распоряжении последнего имелись лишь 12 офицеров, два писаря и 41 шофер на сорока автомобилях и одном броневике⁹⁷.

26 марта, после «долгих препирательств по разным пунктам», стороны пришли к следующему соглашению: 1) Бичерахов обязывался не выводить своих войск из Персии до тех пор, пока их место не займут англичане; 2) английская сторона брала на себя оплату жалованья казакам и покрытие расходов на военные операции; 3) все военные операции должны были согласовываться с английским командованием; 4) отряд Бичерахова должен был направить свои усилия про-

тив повстанческих войск Кучук-хана, с тем чтобы пробиться к Каспийскому морю и в дальнейшем быть готовым к совместным операциям на Кавказе⁹⁸.

Как уже отмечалось во введении, в литературе за Бичераховым прочно закрепился ярлык «английского наймита», «отрабатывавшего английские деньги». Факт содержания отряда на средства английской миссии в Персии действительно неоспорим. Однако вся политическая и военная деятельность Бичерахова говорит о том, что эти отношения обеими сторонами длительное время (а Бичераховым до конца) понимались как союзнические, равноправные, взаимовыгодные и ни о каком наемничестве не могло быть и речи. Бичерахов неизменно и до конца отстаивал перед англичанами русские интересы, как он их понимал.

Ранее, в ноябре 1917 г., когда суть и перспективы Октябрьской революции в России были еще совершенно неясными, отряд Бичерахова официально передавался в оперативное подчинение британскому командованию для ведения совместных действий. Никому в голову не придет называть это «наймитством». В начале 1918 г. генерал Баратов, не располагавший уже дисциплинированными частями, потребовал отряд обратно и генерал Маршалл, по его выражению, дал такое «разрешение».

Следует отметить, что на этот момент английское правительство имело обязательство субсидировать содержание всего корпуса генерала Баратова. И это тоже не было «наймитством». Это были партнерские отношения: одна сторона имела средства, а другая силу. Однако, по мере того как корпус таял физически и терял боеспособность, естественным образом падала и заинтересованность в нем англичан. Корпус был обременен огромными долгами перед персидскими крестьянами, торговцами и органами власти, и английское правительство не желало брать эти долги на себя. Воспользовавшись похищением дженгелийцами нескольких английских офицеров и обвинив русские войска в бездействии, начиная с апреля 1918 г. английское правительство приостановило и без того

скудное финансирование корпуса. Баратов выезжал в Тегеран к английскому послу, вел переговоры с генералом Денстервиллем, однако, кроме обещаний, ничего не получил.

Поиск средств на погашение долгов составил существо деятельности генерала Баратова в последний период его пребывания на должности командира 1-го Кавказского кавалерийского корпуса. Тон его посланий англичанам, большевикам в Энзели и всем, от кого он зависел, становился все более заискивающим. В середине апреля он ездил в Тегеран и нанес визит британскому посланнику, который обещал ходатайствовать перед своим правительством о выделении корпусу 8 млн рублей, однако решение было предоставлено командующему английскими войсками в Месопотамии генералу Маршаллу, к которому Баратову и пришлось отправиться, убедив Маршалла, что «долг чести» русской армии перед «ни в чем не повинным персидским населением» должна уплатить именно английская казна⁹⁹. Нетрудно предположить реакцию на это прижимистого английского генерала. Баратов вел аналогичные переговоры и с генералом Денстервиллем, предложив британской стороне в счет долгов... дороги, телеграфное имущество и прочие объекты, которые были сооружены русскими руками. Разумеется, Денстервилль не согласился покупать то, чем мог располагать и так.

Между тем в последних числах марта Бичерахов продвинулся от Хамадана до Казвина. Далее он планировал в полной мере использовать содействие англичан, намереваясь, согласно донесению присутствовавшего на его переговорах с Денстервиллем представителя российской миссии в Казвине Р. Жуковского, «в самом ближайшем будущем двинуться на автомобилях с отрядом достаточной силы, с двумя английскими броневиками, несколькими аэропланами, артиллерией и пулеметами из Казвина на Решт. Дорога будет очищена от шайки Кучук-хана, и отряд займет Решт, который будет очищен от большевиков». Далее отряд должен был внезапным ударом овладеть портом Энзели и принять меры к «закры-

тию выезда в Персию для германских агитаторов и большевиков»¹⁰⁰.

Но в Казвине отряду пришлось задержаться надолго. Во исполнение договора он вынужден был ожидать подхода английских сил. По словам Денстервилля, ему пришлось «кормить обещаниями» Бичерахова целых десять недель, которые «отнюдь не были приятными для нас обоих»¹⁰¹. Бичерахов неоднократно был готов разорвать соглашение с Денстервиллем, ставя интересы скорейшего возвращения отряда на родину выше его содержания англичанами.

Еще одна причина, которая удерживала Бичерахова от дальнейшего движения вперед, — это неоконченная эвакуация имущества Экспедиционного корпуса в Россию. Задачу охраны колонн русских обозов возложил на его отряд, как на последнюю организованную часть корпуса, командир корпуса Н.Н. Баратов. Бичерахов не отказался заняться этим, хотя подчинился Баратову уже лишь формально. По всему Кавказскому фронту русские войска целыми полками и дивизиями снимались с передовой и уезжали по железной дороге в Россию, нисколько не заботясь ни о фронте, ни об имуществе (конечно, кроме того имущества, которое уместилось в солдатские мешки). И только в далекой Персии, в то время когда вся Кавказская армия уже разъехалась и разбрелась по городам и весям, два человека — генерал от кавалерии Н.Н. Баратов и войсковой старшина Л.Ф. Бичерахов — организовали вывоз имущества русской армии. В письме поручику С. Альхави, который еще не раз появится на страницах этой книги, 1 апреля 1918 г. Бичерахов отмечал: «Моя задержка не зависит от движения англичан. Я задерживаюсь благодаря тому, что моя задача — прикрыть всю эвакуацию корпуса»¹⁰². К первым числам апреля полностью были эвакуированы русские войска и имущество из Керманшаха, и было обещано, что в Хамадане в первые же дни апреля «не останется ни одного человека и ни одного патрона»¹⁰³.

К началу апреля большая часть русского имущества была сосредоточена в Казвине, уже совсем недалеко от морского

порта Энзели, однако, по признанию Бичерахова, для его переброски требовался еще месяц. Работа очень серьезно затруднялась постоянными нападениями на колонны партизан Кучук-хана, которые с некоторых пор обзавелись официальными бумагами «борцов с контрреволюцией» и ссылались на русские революционные комитеты.

Вынужденный простой пагубно сказывался на состоянии дисциплины в отряде. Очевидцев казвинского «стояния» бичераховского войска поражал его неповторимый колорит: «совершенно неправдоподобный грязный вид» и пьянство казаков¹⁰⁴. «Развращенные высокими окладами, полной безнаказанностью, отсутствием дисциплины... бездельем, обеспеченные возможностью широко пользоваться услугами голодающих персов, солдаты лихо скачут со стрельбой и употреблением холодного оружия по улицам, и даже понятное стремление домой... совершенно незаметно и в разговорах отсутствует»¹⁰⁵.

Между тем весной 1918 г. силы гилянских повстанцев быстро росли. Агенты Кучук-хана вели антибританскую пропаганду далеко за пределами Гиляна — в Казвине, Хамадане, других городах. Поэтому двухсоткилометровый переход от Казвина до Решта — административного центра Гиляна — и далее до Энзели, чудом удавшийся англичанам в самом начале 1918 г., уже весной едва ли был возможен без серьезного сопровождения.

В этот же период гилянцы вошли в активный контакт с Бакинским советом народных комиссаров. Последний пытался воспользоваться революционной энергией персидских повстанцев, с тем чтобы задержать дальнейшее продвижение на север англичан. Помогавший англичанам Бичерахов был объявлен бакинцами «контрреволюционером», «врагом Родины и Персии». Была достигнута договоренность о блокаде бичераховцев и англичан. Им не продавалось продовольствие и фураж, задерживался отправляемый из Энзели бензин¹⁰⁶.

Впрочем, гилянцы и без революционного антуража готовы были к ставшему уже привычным разбойничьему промыслу.

Бичерахов, со своей стороны, старался не провоцировать повстанцев: «Уступаю Кучук-хану и терплю их насилие и издевательства»¹⁰⁷.

В связи с этими обстоятельствами Денстервилль в своем донесении вышестоящему руководству от 5 мая 1918 г. мог сообщить, что союз с Бичераховым «явился необычайной удачей». «Бичерахов достиг Казвина 28 марта, примерно в тот день, когда Кучук-хан готов был уже занять город без всякого сопротивления. Если бы Кучук-хан сумел это сделать, то Тегеран поднял бы знамя дженгелийцев и на следующий день вся Северная Персия ускользнула бы от нас»¹⁰⁸.

В этом же донесении Денстервилль пояснял: «Бичерахов требует довольно много денег, и Военное министерство спрашивает меня, стоит ли он того. Конечно, стоит. Я вовсе не считаю его требования чрезмерными, особенно если принять во внимание то, что он для нас делает, и еще то обстоятельство, что только он один может это делать. У нас нет выбора»¹⁰⁹. 19 апреля Денстервилль получил наконец подкрепление в виде офицеров и сержантов Новозеландской стрелковой бригады в количестве 178 человек¹¹⁰, но для развертывания активных самостоятельных действий этого по-прежнему было недостаточно.

Суммы, выдаваемые Бичерахову, действительно были небольшими. Первый платеж англичан составил 1 млн персидских кран (около 30 тыс. фунтов стерлингов). Для сравнения можно привести порядок оплаты строителей объездной дороги вокруг города Хамадана из числа местных жителей, которым англичане в это же время платили по три крана в день. Стол офицера английской армии обходился в 30 кран в день¹¹¹.

В дальнейшем выплаты отряду Бичерахова значительно выросли. По агентурным данным лидера бакинских комиссаров Степана Шаумяна, ежемесячно на текущие нужды Бичерахов получал по 9 млн рублей¹¹². За полный 1918 г. отрядом было израсходовано 75,1 млн рублей и 10,2 млн иранских кран (в мае 1918 г. 5 кран обменивались на один николаевский рубль)¹¹³.

Интересно отметить, что российские деньги, которыми английское командование оплачивало как услуги Бичерахова, так и прочие свои расходы, возможно, печатались в Великобритании, то есть были фальшивыми. Этот ход существенно сэкономил средства британской казны. В тех критических условиях никто не ставил под сомнение их подлинность. Н.Н. Лишин, поступивший на службу в отряд Денстервиля весной 1918 г.*, вспоминал, что «в Персии все получали деньги в персидской валюте, но со времени прибытия в Баку их заменили русские деньги (речь идет об осени), бумажные, так называемые «царские», в отличие от «керенских» и бакинских денежных бонов. Вид у «царских» кредитных билетов был чрезвычайно новый, настолько, что они не только хрустели, но и в пачках чуточку склеивались. До того, как они к нам попадали, в употреблении они не были». Лишин, между прочим, спросил у одного британского старшего офицера, откуда эти деньги. «Из Басры, конечно», — последовал ответ. «Очень подмывало спросить, как они попадают в Басру и... где они печатаются», — вспоминал Лишин свои ощущения¹¹⁴. Слухи о том, что англичане расплачиваются фальшивыми деньгами, были распространены по всему Кавказу. 14 декабря 1918 г. газета «Народная власть» писала о том, как англичане расплатились с председателем антибольшевистского Атагинского совета в Чечне Чуликовым, выдав ему «полтора миллиона «николаевских» денег издания английской скоропечати»¹¹⁵.

Следует отметить, что производство российских денег царского образца действительно было налажено в Великобритании. Летом 1918 г. заказы на их изготовление разместило руководство белого Севера — Верховное управление Северной области (ВУСО). А в конце осени британский генерал-майор Ф. Пуль, который имел дело с ВУСО, предложил командованию Добровольческой армии «в видах об-

* Всего на службу в отряд Денстервиля поступило 12 русских офицеров (см.: Austin W.S. The Official History of the New Zealand Rifle Brigade. Wellington, 1924. S. 537).

легчения изготовления денежных знаков для Добровольческой армии» способствовать доставке соответствующих машин из Англии либо помочь «принятием соответствующего заказа на отпечатание потрeбных денежных знаков в Лондоне по образцу изготавливаемых английским правительством для Северной армии, оперирующей на Мурмане»¹¹⁶. Особое совещание при главнокомандующем Добровольческой армией, испытывавшее острейший дефицит бумажных денег¹¹⁷, 7 декабря 1918 г. постановило разместить в Англии заказ на печатание 500 млн рублей «по точному образцу романовских (царских) денег»¹¹⁸. Для английской стороны это было не ново.

На протяжении всего 1918 г. «николаевские» деньги ценились гораздо выше, чем пресловутые керенки, многочисленные региональные боны и прочие суррогаты платежных средств, в изобилии появившиеся в период Гражданской войны. Поэтому летом 1918 г. Бичерахов способен был оплатить любые расходы. Если что-то не продавалось за деньги, он предлагал двойную оплату¹¹⁹.

В период с апреля по июнь 1918 г. отряд Бичерахова честно выполнял союзнические обязательства перед англичанами, которые, впрочем, исчерпывались бесполезным времяпрепровождением в Казвине и его окрестностях. Англичане ожидали подхода подкреплений, чтобы оставить в Казвине гарнизон. Эвакуация русского имущества приостановилась. Отношения между Бичераховым и Денстервиллем медленно, но верно портились. 1 июня большая часть английской миссии перебралась из Хамадана в Казвин, и здесь союзники имели возможность встречаться значительно чаще. Денстервиль пытался увлечь Бичерахова обсуждением планов совместного похода на Кавказ. Однако никаких официальных полномочий для этого английский генерал не имел. По воспоминаниям Денстервилля, Бичерахов часто восклицал в сердцах: «Как я могу о чем-либо сговариваться с вами, когда у вас нет войск и вы даже не можете обещать мне, что они у вас будут!»¹²⁰ В отряде среди казаков также утвердилось

твердое недоверие англичанам за их манеру «воевать в тылу отряда и на автомобилях»¹²¹.

Наконец, в начале июня Денстервилль получил известие о подходе достаточно крупных сил британских королевских сил: частей 14-го гусарского полка, восьми броневедомостей и тысячи штыков Гентского пехотного полка с артиллерийской батареей, следовавших на пятистах «фордах»¹²².

Лишь 5 июня генерал Денстервилль, наконец, согласился начать движение в Энзели. В этот же день отряд Бичерахова при поддержке эскадрона 14-го гусарского полка англичан, двух броневедомостей и двух аэропланов выступил в направлении городка Менджил, имевшего важное значение, поскольку именно здесь находился единственный мост через глубокое ущелье, по которому с севера на юг текла река Сефид-Руд. В долине этой реки проходила единственная дорога на Решт и Энзели. Гилянцы, руководимые германским майором фон Пахеном, не использовали должным образом выгоднейшие условия местности для организации неприступной обороны на пути к Менджильскому мосту. Тем не менее рассаженные по возвышенностям несколько тысяч стрелков, усиленных пулеметами, представляли серьезную угрозу для колонны англичан и казаков.

В значительной мере исход боя за Менджильский мост, состоявшегося 12 июня, был предрешен личной храбростью и тактическим умением Л. Бичерахова. Он постоянно находился во главе своих войск, лично своей знаменитой тростью разогнал передовой пикет дженгелийцев, вооруженных пулеметом, а затем организовал наступление с трех направлений на ключевое предместное укрепление персов. Не выдержав давления, противник побежал, и Менджильский мост — неодолимое препятствие, на котором, как казалось Кучук-хану, будет достаточно одной демонстрации силы, — был взят почти без потерь. По воспоминаниям одного из лидеров дженгелийцев Эсханулы, повстанцы настолько были разочарованы этим поражением, что «войска стали рассеиваться», а члены революционного комитета дженгелийцев «Эттехад-э-Ислам»

«склонны были совершенно распустить отряды и прекратить деятельность»¹²³.

Вскоре отряд Бичерахова прибыл в Энзели. Отряд Денстервилля остался в Реште, в нескольких десятках километров от моря. Здесь, в гялянской столице, Денстервилль решил дожидаться новой партии английских войск и заодно закрепиться в этом регионе. Путешествие двух попутчиков по Северной Персии, занявшее так много времени, завершилось. Бичерахов к этому времени уже был вовлечен в новый, еще более невероятный союз. Однако и связи его с Денстервиллем и англичанами не прервались.

Летом 1918 г. причудливые дороги Гражданской войны свели вместе Бичерахова с, казалось бы, очень далекими ему политическими силами — большевиками. Лазарь Бичерахов внес свою лепту в историю Бакинской коммуны — одного из самых мифологизированных эпизодов Гражданской войны — и сам стал частью этого мифа, его, так сказать, темной страницей, на которую записано падение советской власти в Баку и последующий расстрел большевистских руководителей — знаменитых двадцати шести бакинских комиссаров.

БАКИНСКАЯ КОММУНА И ЕЕ АРМИЯ

Драматическая история Бакинской коммуны, как немногие события Гражданской войны, была предельно мифологизирована и сознательно искажена. Причина крылась в той тонкой и очень ранимой материи, на которой произросла социалистическая республика в Баку, а именно в исключительно напряженной межэтнической обстановке в Закавказском регионе, Азербайджане и Баку. Этнические мотивы против воли создателей коммуны сопровождали и часто определяли всю ее короткую историю, стали ее доминантой. Другой особенностью революционной практики коммунаров стала их готовность сотрудничать едва ли не с любыми политическими силами ради удержания этого важнейшего для

экономики Советской России региона. Данная глава посвящена военной истории Бакинской коммуны, и появление в конце ее Бичерахова, как кажется, вполне закономерно.

Межнациональное насилие стало лейтмотивом революции в Закавказье. Уже Февраль 1917 г. выпустил наружу джинна национализма. До осени 1917 г. он обретал силу в лице многочисленных национальных комитетов, национализации войск Кавказского фронта, государственного размежевания и просто обострения бытового национализма при одновременном ослаблении органов власти и развале фронта. Падение Временного правительства послужило сигналом для эскалации межнационального насилия. Уже в первые недели после Октябрьской революции в Муганской долине на юге Азербайджана разгорелся конфликт между русскими поселенцами и азербайджанским населением (именовавшимся тогда тюрками или татарами), вылившийся в многомесячное взаимное истребление. Особой жестокостью вошли в историю так называемые шамхорские события 9–12 января 1918 г., когда тюркское население несколько дней громило воинские эшелоны, возвращавшиеся с Кавказского фронта в Россию. Азербайджанцам удалось завладеть до 15 тыс. винтовок, до 70 пулеметов и 20 орудий. В ответ русские войска уничтожили десятки азербайджанских селений. С обеих сторон погибли тысячи человек¹²⁴. Резко обострились отношения между азербайджанцами и армянами, армянами и грузинами. Несколько тысяч вооруженных армян, покинувших фронт, скопилось в Баку, но они не могли отправиться на родину, поскольку передвижение по территории Азербайджана было смертельно опасным занятием. Баку и его окрестности дважды в 1918 г. становились ареной страшной этнической резни — в марте азербайджанской, а в сентябре армянской. Массовый геноцид русских, армян и горских евреев произошел весной 1918 г. в Кубинском и Шемахинском уездах. Все это, помноженное на исключительную слабость новых органов власти — заседавшего в Тифлисе Закавказского комитета и сменившего его Закавказского сейма, разди-

равшихся противоречиями между национальными советами, и разлагающую, дезорганизирующую деятельность большевиков, противников и недавних союзников России по мировой войне (немцев, турок, англичан, американцев), — создавало исключительно благоприятную почву для разгула шовинизма, этнических чисток, произвола и хаоса.

Другой ключевой фактор закавказского политического пространства 1918 г. — внешний. «Похабный» Брест-Литовский мир дорого обошелся Советской России: она отказалась от значительных территорий бывшей Российской империи, в том числе от районов Батума, Карса и Ардагана, которые отошли Турции. Закавказский сейм не принял условий Брестского мира. Чтобы сделать закавказское правительство более сговорчивым, турки еще 12 февраля 1918 г. начали крупномасштабное наступление с рубежа Трабзон — озеро Ван в направлениях на Эрзерум, Батум, Карс. Для армянского населения это грозило гибелью. Однако Кавказский фронт к тому времени фактически был распущен, существовали лишь штабы частей и соединений и обеспечивающие учреждения. По существу, только армяне пытались организовать оборону. Уже в конце марта турецкие войска перешли государственную границу России.

22 апреля 1918 г. была юридически оформлена фактическая независимость Закавказья. Правительство выполняло одно требование турок за другим. 26 мая они потребовали пропуска турецких войск по всем железным дорогам Закавказья для проследования в район Баку, где, как было заявлено, «сотни тысяч тюрков и мусульман терпят в Баку и окрестностях ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров»¹²⁵.

В это время грузины повели сепаратные переговоры с Германией о протекторате, а азербайджанские мусаватисты не скрывали своих протурецких настроений. Не имея возможности повлиять на ситуацию, 26 мая Закавказский сейм сложил свои полномочия. Были провозглашены независимые Грузинская, Азербайджанская и Армянская республики,

каждая из которых самостоятельно выстраивала свою внешнюю политику. 4 июня они подписали договоры «о мире и дружбе» с Турцией, условия которых были еще более кабальными, чем положения Брест-Литовского мира: Турции дополнительно отошли Ахалкалакский и Ахалцикский уезды Грузии и большая часть Армении. Вне сферы досягаемости турок оставался главный промышленный центр региона — Баку. Ближайший союзник турок — вновь образованная Азербайджанская демократическая республика, — рассматривала Баку своей столицей.

Между тем еще 2 ноября 1917 г. в Баку была провозглашена советская власть, и только здесь она смогла укрепиться. Один из крупнейших пролетарских городов бывшей Российской империи принял советскую власть быстро и безболезненно. Среди бакинского пролетариата преобладали русские и армяне. В основном русско-армянским по составу был и Бакинский совет народных комиссаров. После перевыборов 12 декабря в его состав вошли 48 большевиков, 85 эсеров (большинство — левых, блокировавшихся с большевиками), 36 дашнаков, 18 мусаватистов, 13 меньшевиков. Председателем совета был избран старый большевик Степан Шаумян. Он же 16 декабря был назначен Лениным чрезвычайным комиссаром СНК по делам Кавказа. В условиях армяно-азербайджанской напряженности особенно бросался в глаза дисбаланс в новых органах власти между представителями этих национальностей. Кроме дашнаков, много армян было среди большевиков и левых эсеров. Между тем армяне значительно уступали по численности азербайджанскому населению (на 1 января 1916 г. 75 тыс. армян и 183 тыс. мусульман проживало в Баку и 42 тыс. армян и 691 тыс. мусульман в Бакинской губернии)¹²⁶.

Бакинский совет оказался в полном одиночестве перед целым рядом противников: национальными советами и правительствами, угрозой внешней интервенции со стороны турецких, германских и английских вооруженных сил. Он не мог оставаться в стороне от процесса всеобщей милитариза-

ции. Зарождение красноармейских и красногвардейских отрядов в Баку происходило в условиях почти полной изоляции города от большевистского центра страны и Красной армии советской России. Революционным лидерам на местах приходилось действовать автономно. Первоначально отряд Красной гвардии Бакинского совета состоял лишь из 300—400 вооруженных рабочих, не имевших военной подготовки. Несколько бывших солдат выполняли функции командиров.

Демобилизация старой армии, начавшаяся сразу после Октябрьской революции, значительно ускорила процесс зарождения вооруженных сил Баксовета. В ноябре, после обнародования Декрета о мире, в Баку стало прибывать большое количество частей и одиночных солдат. Сюда же в первых числах января 1918 г. перебрался Военно-революционный комитет Кавказской армии — большевистский орган, альтернативный эсеро-меньшевистскому Краевому совету Кавказской армии. В распоряжении ВРК имелось до 6000 солдат, ожидавших отправки на Северный Кавказ¹²⁷. В Баку их в значительной мере удерживал страх повторения расправы над русскими солдатами, подобной той, которая случилась на станции Шамхор.

Мусульманский национальный комитет располагал в Баку в начале 1918 г. значительно меньшими силами. В октябре 1917 г. в город прибыл Татарский (то есть азербайджанский по составу) полк Кавказской туземной конной дивизии. Полк был расквартирован в Баку и, по свидетельству начальника Туземного конного корпуса П.А. Половцева, еще сохранял воинский вид¹²⁸.

Ключевыми стали мартовские события, получившие в советской литературе наименование «подавление мусаватского мятежа». Более всего процесс установления советской власти в Баку 30 марта — 1 апреля 1918 г. походил на кровавую межэтническую резню. Ожесточенный спор по поводу разоружения рабочими отрядами (русскими и армянскими по национальному составу) офицеров Татарского полка перерос в открытые кровопролитные столкновения на улицах города

с применением артиллерии. На сторону большевиков в те дни стало много солдат-армян из находившихся в городе армянских национальных частей и местное отделение партии дашнакцутюн.

По оценке С.Г. Шаумяна, на стороне Бакинского совета выступило 3—4 тыс. человек из числа армянских частей. С обеих сторон в боях приняли участие более 20 тыс. человек¹²⁹. Бомбардировки города отрядом советских судов велись главным образом по мусульманским кварталам¹³⁰. В ходе боев и со стороны армян, и со стороны азербайджанцев было отмечено «много случаев зверств: не только убивали, но и надругивались над своими жертвами и те и другие»¹³¹. По некоторым данным, только азербайджанцев в эти дни погибло свыше 12 тыс. человек¹³².

Большевики укрепили свою власть, но оказались в очень неловком положении: молва об их симпатиях к армянам быстро распространилась среди российских мусульман и сослужила дурную службу большевикам, боровшимся за власть в других мусульманских регионах, в частности на Северном Кавказе¹³³. Представитель Бакинского совета в Астрахани С.М. Тер-Габриэлян был шокирован деятельностью своих коллег-революционеров: «Ни от одного русского, которые сейчас массами выезжают из Баку, независимо от их социального положения, не услышишь о советской борьбе в Баку, все в один голос говорят — в Баку идет армяно-татарская резня и что эта резня создана армянами»¹³⁴.

Действия большевиков требовали объяснений. В довольно путаной форме и лишь спустя две недели после событий их дал С.Г. Шаумян. Гражданская война на «кавказской почве», по его мнению, не исключала межнациональных столкновений. В письме в СНК РСФСР 13 апреля 1918 г. он доносил, что участие в боях армянских национальных частей «придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы сознательно шли на это» (курсив мой. — А. Б.). Далее следовал каламбур, призванный примирить классовую борьбу с на-

циональным геноцидом: «Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплавивается вокруг большевиков и вокруг Совета»¹³⁵. Столь же неуклюжую попытку развести национальную и классовую борьбу предпринял А.И. Микоян, один из руководителей военных отрядов Баксовета. В частном письме он отмечал: «Военные действия носили классовый характер, поскольку во главе с нашей стороны был Военно-революционный комитет. Однако неграмотная масса обывателей старалась придать всем этим событиям национальный характер... До воскресного дня партия дашнакцутюн и Армянский национальный комитет объявили о своем нейтралитете. Но многие их солдаты не остались нейтральными, а активно участвовали в боях»¹³⁶.

Через несколько дней Шаумян на заседании Бакинского совета выдержал свое выступление в стиле «цель оправдывает средства» и уже не испытывал неудобств по поводу произошедшего: «Результаты показали, что мы не ошиблись. Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от его услуг... Победа настолько велика, что это мало омрачает действительность»¹³⁷. По его мнению, прояви большевики сдержанность и не пойдут они в атаку, «вся немусульманская часть населения была бы вырезана»¹³⁸. Еще позднее, 25 апреля, военный руководитель Баксовета Григорий Корганов в статье, переданной для опубликования в большевистском органе «Астраханские известия», пошел дальше, напомнив о «десятках тысяч русских беженцев, обобранных до нитки» и погибших под Елизаветполем солдатах-окопниках. Виновниками этих бед были объявлены мусульмане. Бакинские события, по мнению Корганова, явились второй частью их деструктивной программы, целью которой являлось «истребление трудового армянского крестьянства»¹³⁹.

Несколько сгладило положение решение Баксовета об освобождении из-под стражи всех захваченных в плен мусульман.

В то же время для соблюдения баланса сил азербайджанское население города не подверглось разоружению.

Первые успехи чрезвычайно вдохновили большевиков, медленно приступивших к экспорту революции в окрестные уезды. Здесь надо подчеркнуть, что начало 1918 г. было самым романтичным временем большевистской революции, когда любые цели казались легко достижимы, а трудности временными и преодолимыми.

Баку являлся ключевым экономическим районом для всей Советской России. Поставки нефти по Каспийскому морю в Астрахань хотя и существенно сократились, а с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. и вовсе прерывались, но они оставались единственным источником нефти для ведения гражданской войны в России. За период советской власти в Баку, с апреля по сентябрь 1918 г., в Астрахань было отправлено 77,6 млн пудов нефтепродуктов (для сравнения: в 1916 г. этим маршрутом отправилось 337,1 млн пудов нефтепродуктов)¹⁴⁰. Отгрузка нефти по другим направлениям в этот период была практически прекращена.

1 мая новый состав Бакинского Совета Народных Комиссаров отмечал, что «гражданская война продолжается и сейчас», а «передовые отряды наших товарищей из Красной армии и Красной гвардии» сражаются в Петровске, Шемахе, Ленкорани, Дербенте, Кубе, Сальянах и т. д.

Широкая революционная экспансия требовала крепких вооруженных сил. Между тем русские части, прибывшие в Баку с ВРК Кавказской армии, быстро таяли. К весне 1918 г. исчезла сама армия, солдаты разъехались: подавляющее их большинство было политически индифферентно, не желало вступать в политическое противоборство и «стремилось во что бы то ни стало быстрее разойтись по домам»¹⁴¹.

15 апреля 1918 г. было объявлено о создании Красной армии Бакинского совета (Кавказской Красной армии). В этот день Военно-революционный комитет Кавказской армии постановил свести все отряды Красной гвардии, партийные дружины и прочие вооруженные группы в регулярные батальоны

Красной армии. Одновременно проводились регулярные принудительные мобилизации в армию рабочих и солдат, была «объявлена регистрация всех офицеров на предмет их мобилизации в Красную армию»¹⁴². Достаточно нейтральный свидетель событий кадет Б. Байков подчеркивает, что мобилизации велись среди «христианского» населения¹⁴³.

Председатель ВРК Г.Н. Корганов стал комиссаром по военным и морским делам в Бакинском совете.

Началось интенсивное формирование вооруженных сил Бакинского совета — уже не на добровольной основе, как это было в период существования Красной гвардии, а на основе обязательной мобилизации, уклонение от которой каралось «самым беспощадным образом»¹⁴⁴. Формально к концу мая 1918 г. бакинские советские вооруженные силы состояли из 19 стрелковых батальонов, объединенных в четыре бригады. По разным данным, они насчитывали от 13 до 18 тыс. человек (называлась даже цифра в 35 тыс. человек в составе 21 батальона)¹⁴⁵ красноармейцев при двух десятках орудий¹⁴⁶. Этнически в бакинской армии резко преобладали армяне (по данным военно-морского комиссара Баксовета Г.Н. Корганова, армян имелось до 80 процентов от всего личного состава; по данным комиссара Центральной комиссии по боевому снабжению РККА Тер-Арутюянца — свыше 90 процентов¹⁴⁷; по данным представителя Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА И. Кузнецова — 95 процентов¹⁴⁸).

В состав армии в полном составе были включены части формировавшегося армянского корпуса вместе с их начальниками. Возглавили это войско бывшие полковники царской армии армяне Казаров, Аветисов, Амазасп (Сварнцтян). Армянские части почти полностью состояли из фронтовиков-партизан, служивших во время войны в иррегулярных армянских дружинах Кавказского фронта. В свое время они производили большое впечатление своей отличной новой экипировкой, и особенно вооружением — длинными пистолетами системы «маузер» с деревянным прикладом для упо-

ра в плечо (отсюда общее прозвище «маузеристы»). В годы войны они стали «очень ценными помощниками» казакам. «К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно»¹⁴⁹. Весной 1918 г. это было уже не то войско, однако оставалась надежда, что на фронте они проявят себя хорошо.

Нельзя сказать, что большевики целенаправленно отбирали в Красную армию армян и эксплуатировали их вражду к азербайджанцам и туркам. Это был союз ради выживания. Б. Байков отмечал, что в позиции армян, поддержавших большевиков, определяющую роль сыграло откровенно нетерпимое отношение к армянской нации ведущей азербайджанской партии «Мусават». Тот же Байков отметил причину популярности большевиков среди армян: даже «правоверные кадеты» из числа армян считали, что «на Кавказе большевики делают «русское» дело»¹⁵⁰. Иными словами, как это ни парадоксально, большевики воспринимались армянским (да и русским) населением как продолжатели царской политики с ее преференциями христианам. На фоне пестроты противостоявших друг другу кавказских народов, дополненной многочисленными интервентами (турками, англичанами, немцами), большевистские силы выделялись именно значительным удельным весом русских в своем составе. Имидж русской армии как защитницы христианского населения Закавказья после развала Кавказского фронта старой армии остался вакантен и достался большевикам автоматически ввиду полного отсутствия конкуренции.

Бакинские большевики сами вольно или невольно смешивали понятия «русский» и «советский». «Единственное спасение Баку, — доносил в Москву коммунары Б. Шеболдаев, — это присылка немедленно не менее 4000 красноармейцев... надежных в смысле партийном и, в крайнем случае, в смысле крепкой *русской советской* ориентации»¹⁵¹ (здесь и далее курсив мой. — А. Б.). В другом донесении представитель Бакинского Совнаркома пишет о большой силе «обаяния», «которое

приобрели *русские* войска среди местного населения»¹⁵², и т. д. То же самое отметили и в штабе Добровольческой армии: «Русское и армянское население города без различия партий стало на защиту города, как части единой России»¹⁵³. Начальник политической канцелярии Добровольческой армии полковник Д.А. Чайковский обратил внимание на *«старательно подчеркиваемый русско-государственный централизм»* бакинских большевиков¹⁵⁴. Отождествление большевистских и русских войск — важный аспект истории Красной армии и большевизма в целом в Закавказье.

Большевики были открыты для сотрудничества. «Мы никогда не были доктринерами», — заявлял Шаумян и готов был *«идти на некоторые уступки до некоторого предела»*, определявшегося интересами удержания власти в Баку¹⁵⁵. Поэтому они не стеснялись делать предложения любым силам, в том числе националистическим. Так, большевики тесно контактировали с представителями дашнакской партии, как в Баку, так и в Тбилиси. По словам Шаумяна, *«дашнаки действуют всецело по нашим указаниям»*¹⁵⁶.

Предложение о сотрудничестве получили и защитники Муганской области (Ленкоранского уезда Бакинской губернии) — самого южного уезда Бакинской губернии, где компактно проживали русские переселенцы. Отряд муганцев состоял из русских пограничников под командованием полковника Ильяшевича. Это была достаточно мощная сила (до 10 тыс. человек при 20 орудиях, 50 пулеметах, нескольких бронемашинах и эскадрилье гидропланов)¹⁵⁷, правда, как и другие части бывшей русской армии, в немалой степени затронутая *«митингами и сумлениями»*¹⁵⁸. Такая вполне боеспособная единица была очень привлекательна для бакинских большевиков. Первоначально они оказали муганцам немалую помощь оружием, боеприпасами. К пограничникам приезжал один из руководителей коммуны П.А. Джапаридзе (Алеша), который своей образованностью и манерами даже на чрезвычайно скептически настроенного к большевикам муганского офицера В.А. Добрынина произвел впечатление

человека «не глупого, самостоятельного и даже культурного». Джапаридзе, имевший у большевиков репутацию «товарища несколько оппортунистического характера»¹⁵⁹, обращался к муганцам «господа офицеры» и не возражал против ношения ими погон¹⁶⁰. Только географическая удаленность Мугани от Баку и разразившийся вскоре кризис Коммуны помешали этому своеобразному союзу новой Советской армии и осколка старой Российской.

Преобладание в армии армян ставило на повестку дня определение их позиции к мусульманскому населению. Главнокомандующий Бакинскими вооруженными силами Г.Н. Корганов докладывал Ленину, что преобладание в армии солдат-армян «неизбежно приводит в отдельных случаях к эксцессам, жестокостям и насилиям». Однако «с национализмом боремся непрерывно и уже многого добились», продолжал он¹⁶¹. Прежде всего «во имя торжества интернационализма» было предписано расформировать армянские национальные части и влить армянских военнослужащих в Красную армию по отдельности. Однако на деле эта мера реализована не была и армянские части вошли в Кавказскую Красную армию целиком. Шаумян заявлял о развертывании в частях интернациональной пропаганды: «Пусть скажет кто-нибудь, что наш военный руководитель в каждый отряд не посылал специального комиссара, который должен был удерживать солдат, чтобы они не обижали мусульманского населения, чтобы не было мародерств и убийств мусульманской бедноты...»¹⁶²

Однако за то историческое мгновение, которое просуществовала Бакинская коммуна, интернациональная воспитательная работа, как и дело насаждения твердой воинской дисциплины в целом, конечно, не могли дать глубоких результатов. Само руководство коммуны, очевидно, относилось к этой работе как к перспективной. В масштабах «текущего момента» гораздо более эффективна была ставка на вражду между армянами и мусульманами. В донесениях в Москву оно не скрывало тесных контактов с представителями даш-

накской партии, главной целью ставившей спасение армян в Закавказье.

Между тем над Бакинской коммуной все более сгущались тучи: 28 мая 1918 г. в Елизаветполе (Гяндже) была провозглашена Азербайджанская демократическая республика, ставившая целью освобождение своей столицы — Баку. Для этого азербайджанское правительство немедленно призвало на помощь единоверцев-турок, которые не заставили себя долго ждать, имея на Баку собственные виды. Уже в мае 1918 г. в Елизаветполе началось сосредоточение турецких частей, а также было приступлено к формированию азербайджанской национальной армии — так называемой Армии ислама. 6 июня 1918 г. главнокомандующий турецкой армией Энвер-паша прибыл в Батум в сопровождении начальника своего Генштаба генерала фон Секста. 9 июня был издан приказ: 3-й армии (командующий Эссад-паша) в составе 3, 11, 36 и 37-й дивизий ставилась задача занять район Батум, Карс. 9-я армия под руководством Якуб-Шефки-паши (9, 10, 15, 5 и 12-я пехотные дивизии) должна была защищать Кавказ от большевиков.

5-я кавказская дивизия Нури-паши должна была отправиться в район Елизаветполя для организации азербайджанской армии. Правда, ее создание сильно затянулось. По многочисленным свидетельствам современников, собственно азербайджанцы воевать ни с кем не желали. Принудительные мобилизации давали лишь горстки людей, да и те по ночам уходили в казенной экипировке и с оружием¹⁶³. По данным русских офицеров, докладывавших в Добровольческую армию, за две недели удалось собрать лишь 300 человек; «население бежит от мобилизации в горы, в леса, даже к армянам»¹⁶⁴. Поэтому основу Армии ислама составили турецкие офицеры и солдаты. Присутствие азербайджанских войск было лишь имитацией, прикрывавшей турецкую оккупацию.

Общее руководство двумя армиями было поручено дяде Энвера Хаалил-паше. Все кавказские дивизии были пополнены до 9 тыс. человек. Русские агенты в Закавказье сообщали

в военно-политическое отделение штаба Добровольческой армии, что 9, 11 и 15-я пехотные дивизии турок, переброшенные с румынского фронта, «очень хорошо выглядят после длительного отдыха», а 10-я и 36-я дивизии считаются отборными в турецкой армии¹⁶⁵.

Однако турки не могли использовать все наличные силы для похода на Кавказ, поскольку большая их часть была отвлечена летом 1918 г. на борьбу с армянскими отрядами в турецкой Армении. Поэтому на Елизаветполь и Баку были направлены первоначально только 5-я пехотная дивизия и ряд вспомогательных частей¹⁶⁶.

Оккупировать Баку спешила и кайзеровская Германия. На этой почве между союзными Турцией и Германией разгорелся серьезный конфликт, угрожавший даже перерасти в военное столкновение. Напряженные отношения двух союзных стран, в частности постоянные дипломатические демарши Германии и блокирование ими железной дороги, в значительной степени сдерживали активность турок на Кавказе.

Наконец, воспользоваться бакинской нефтью и перерабатывающими мощностями Бакинского промышленного района, как уже говорилось выше, желали и британцы, опасавшиеся к тому же, что незащищенный Баку мог бы стать трамплином для германо-турецкой агрессии в Среднюю Азию и британскую Индию. Однако сил для осуществления агрессии в Закавказье англичане на тот момент еще не имели. Форсирование турецкого наступления на Баку в июне 1918 г. было связано как раз с дошедшими до Константинополя известиями об активизации англичан в Персии.

Рассуждая трезво, руководство Бакинской коммуны, не собираясь дожидаться противника у стен города, в мае приняло решение о наступлении на Елизаветполь, а в случае удачи, то и далее — на Тифлис с целью разгрома национальных правительств и изгнания с территории Закавказья оккупационных немецких и турецких войск. Энтузиазм большевикам придавали первые военные удачи: без особых усилий им удалось в середине апреля сломить сопротивление объединенных сил

дагестанской контрреволюции и овладеть главными городами Дагестанской области — Дербентом, Петровском и Темир-Хан-Шурой, где была установлена советская власть. Бакинцы предприняли первые шаги и для продвижения на юг Азербайджана — в богатую хлеборобную область Мугань. Здесь также была провозглашена советская республика (которая существовала наряду с отрядом Ильшевича).

Общий замысел готовившегося главного наступления Бакинской Красной армии Шаумян сформулировал так. «Нужно торопиться в Елизаветполь, — сообщал он в Москву 24 мая, — чтобы там, а затем и дальше вызвать восстание армян. Это повлияет на грузинское крестьянство, и сейм будет разогнан»¹⁶⁷. От классовой борьбы в этом призыве не осталось и следа. На одном из публичных выступлений 29 мая он развил свою мысль, заранее сложив всю ответственность на «ханов и беков» и само азербайджанское крестьянство: «Если первое время (имеется в виду начало наступления войск Красной армии. — А. Б.) ханам и бекам удастся сбить с толку мусульманское крестьянство... первые столкновения могут принять национальный характер, и если в Елизаветпольской губернии произойдут печальные столкновения армян и татар, если, может быть, это и неизбежно, то это не должно нас пугать, ибо это будет лишь временным явлением»¹⁶⁸. Впрочем, он выразил надежду, что мусульманское крестьянство «скоро очнется и не даст возможности развиться армяно-татарской резне, подобно тому как это было в Баку»¹⁶⁹. Возможное наступление в Грузию также связывалось с провоцированием межнациональной борьбы, в которой бакинские большевики рассчитывали на содействие тифлисских дашнаков. Последние были «готовы поднять восстание, если у бакинцев достаточно сил, чтобы победоносно двинуться через Елизаветполь»¹⁷⁰. В целом, по словам Степана Шаумяна, «дашнаки действуют всецело по нашим указаниям»¹⁷¹.

Нельзя не сказать и о весьма прозаической причине, гнавшей большевиков вперед, за пределы города. Весной в Баку начался «форменный голод», и успешная война могла ком-

пенсировать нарушение рыночного обмена с деревней. В начале лета населению по карточкам выдавалось от половины до четверти фунта хлеба в день (80—160 граммов), а иногда не выдавалось ничего¹⁷². Голод значительно пошатнул положение большевиков, не сумевших наладить хозяйственную жизнь в Баку, и давал козырь в пропаганде правым социалистам, которые не преминули, по словам большевиков, прибегнуть к «недостойному приему — пользоваться озлоблением голодных людей»¹⁷³. Русский офицер В.А. Добрынин резюмировал замыслы большевиков стремлением «укрепить свою власть, избавить себя от бушующей в Баку вооруженной и преступной черни и как-то раздобыть хлеба... Реквизициями и грабежами» они надеялись «прокормить огромный город»¹⁷⁴.

Первоначально большевикам противостояли «нерегулярные войска грузин, мусаватские татары и банды дагестанцев в форме нашей пехоты»¹⁷⁵. Особенно ожесточенные бои велись на территории Шемахинского и Геокчайского уездов, населенных преимущественно тюрками. Русское и армянское меньшинства этих уездов помогали большевикам. Красная армия нанесла противнику ряд поражений. 16—18 июня в боях под Геокчаем он потерял, по разным данным, от 800 до 3000 человек. Бакинскому совету казалось, что победа уже близка, а Кавказская Красная армия благодаря наличию армянских дружин приближалась к идеалу, то есть к стандарту регулярной армии: «Общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная «советская» армия — в лучшем случае партизанские отряды, — а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторги, знакомясь с нею. И пока что эта армия ведет себя великолепно»¹⁷⁶. 23 июня 1918 г. Шаумян уверенно писал Ленину о необходимости двигаться на Тифлис, о вреде простоя для его войск¹⁷⁷.

Однако наступательный порыв новой армии, терзаемой жарой, жаждой, малярией, голодом и нехваткой боеприпасов, быстро иссяк. В конце июня в бой вступили турецкие

войска, получившие солидное подкрепление¹⁷⁸, а Красная армия смогла пополниться лишь 2 тыс. человек, призванными по мобилизации. В боях под Геокчаем 27 июня — 1 июля бакинские войска были разбиты и стали беспорядочно отступать. Начался массовый уход бойцов с фронта. В.А. Добрынин отмечал «полную дезорганизованность, совершенное отсутствие порядка и дисциплины и повальное, потрясающее дезертирство» в красных частях¹⁷⁹. Командир одного из батальонов доносил в Бакинский Совнарком: «Касаясь дисциплины во вверенном мне отряде, я должен констатировать... что сознательного и разумного отношения к своим обязанностям не было. Неповиновение командному составу, подчас переходившее в грубые реплики и ругань по адресу инструкторов, неисполнение часто простых боевых задач... мародерство, изнасилование женщин, подчас молодых подростков... Из 700 штыков, находящихся в моем распоряжении, только 300 человек были в окопах, остальные спрятались в ближайшей деревне и на пароходах. И мне, начальнику, вместо того чтобы отдавать те или иные распоряжения, приходилось бегать по пароходам и собирать солдат для отправки в окопы»¹⁸⁰. Этого начальника за нежелание отступить в конце концов изгнали из отряда.

Красная армия Бакинского Совнаркома фактически развалилась и в беспорядке отступала к Баку. Сами большевики склонны были всю вину взваливать на командиров старой армии — дашнаков Амазаспа, Казарова и главнокомандующего Аветисова — слишком поспешно отводивших войска. Об этом вспоминал, в частности, А.И. Микоян, бывший военным комиссаром 3-й бригады и отступавший, может быть, лишь чуть медленнее военных руководителей армии¹⁸¹.

Отличительной особенностью истории бакинской Красной армии этого периода стала бесконечная митинговщина, сопровождавшая каждое действие войск. Б. Байков отмечал, что «в войсках дисциплины не было никакой и таковая заменялась революционным сознанием», по любому поводу выводившим солдат на собрания¹⁸². Митинговали даже в кри-

тические моменты, когда решалась судьба самой Коммуны. Впрочем, это было повсеместным явлением в нарождавшейся Красной армии. Муганский офицер В.А. Добрынин с негодованием замечал, что «митинговать, сумлеваться и выражать недоверие офицерам было гораздо... легче, чем, обняв винтовку, лежать под пулями в грязном окопе»¹⁸³. Когда на линии фронта практически не оставалось бойцов, 25 июля в заседании Бакинского совета принимали участие 500 человек (только тех, кто голосовал!). Закончились митинги только с гибелью самой Коммуны. 4 августа состоялась последняя «партийная конференция».

В силе Кавказской Красной армии таилась и ее слабость. Армянские солдаты-фронтовики и офицеры, добровольно встававшие на сторону большевиков из инстинкта самосохранения, по той же причине стали искать себе иных покровителей, как только положение Коммуны пошатнулось. «Командный состав плох, — писал еще в конце июня заместитель комиссара по военным и морским делам Б.П. Шеболдаев, — и опорой советской власти может быть только до тех пор, пока дашнаки имеют «русскую ориентацию»... Возможна перемена ориентации на английскую, и тогда... могут быть любые неожиданности...»¹⁸⁴ В конце второй декады июля, когда Красная армия стала терпеть поражение за поражением, Шеболдаев высказывался уже более определенно: «Необходимо иметь Советской власти гарнизон в Баку, чтобы отстоять Апшерон... Местная красная армия, будучи в громадном большинстве (80 процентов) из армян-дашнаков, таковой опорой служить не может...»¹⁸⁵ Именно депутаты-армяне Бакинского совета продавили в конце июля решение о приглашении в Баку английских войск, чем, по словам Шаумяна, «окончательно деморализовали армию»¹⁸⁶. «Предательство по отношению к нам дашнаки совершили явное», — сокрушался Шаумян¹⁸⁷.

Шаумян неустанно просил центр о «срочной и солидной помощи» военной силой, резонно замечая, что «каждый день дорог»¹⁸⁸. Просьбы о присылке в Баку вооруженных отрядов

составляют существенную часть переписки Баксовета с Москвой¹⁸⁹. По свидетельству бывшего председателя бакинской ЧК М.С. Тер-Габриэляна, Ленин правильно понимал нужды бакинцев и даже «по-большевистски» надавил на начальника Главного артиллерийского управления, предупредив его о том, что если «требуемое оружие не будет отправлено в распоряжение С.Г. Шаумяна...», то он «пошлет его на Лубянку к Ф.Э. Дзержинскому»¹⁹⁰.

Однако в этом отношении бакинцы оказались в заведомо проигрышном положении перед руководителями обороны Царицына во главе с И.В. Сталиным, также с трудом сдерживавшим натиск противника. Пользуясь тем, что львиная доля грузов и войск для Баку направлялась по волжской магистрали, они всеми силами добивались их переадресации в свою пользу. Понимая гибельность для Баку этого произвола, Шаумян отчаянно просил Ленина и Сталина, чтобы «местные советы по дороге не останавливали частей, направляющихся в Баку»¹⁹¹. Однако лоббистские возможности Сталина на тот момент оказались сильнее. 8 августа, когда дни бакинцев были уже сочтены, особоуполномоченный Баксовета в Астрахани Элиович получил категоричную телеграмму: «Все советские и другие грузы не отправлять в Баку без ведома Сталина, Минина. Просим одно боевое судно из Красной флотилии и истребителей отправить срочно в Петровск. Войска в Баку без справки у тов. Сталина не отправляйте»¹⁹².

За все время боев с турками бакинцы получили лишь один отряд Г.К. Петрова — по одним данным, полковника, по другим — прапорщика (что ближе к истине, учитывая его возраст — 26 лет) царской армии*. Первоначально он состоял из шести полков и представлял собой внушительную силу — до 9 тыс. человек (сам Петров именовал его «Юго-Восточной армией»)¹⁹³. Но в Царицыне И. Сталин изъял его большую часть и использовал для обороны города. До Баку добрались

* В.А. Добрынин назвал Г.К. Петрова «попом-расстригой» (*Добрынин В.А. Оборона Мугани. 1918–1919. Париж, 1974. С. 55*).

лишь один эскадрон (100—120 сабель), одна батарея (6 орудий), одна рота моряков и команда конных разведчиков — всего 780 человек¹⁹⁴. По воспоминаниям секретаря Шаумяна О.Г. Шатуновской, в Царицыне осталась вся пехота отряда Петрова общим числом 7240 человек¹⁹⁵. Сам Петров прибыл в Баку с головным отрядом первым и уже оттуда настойчиво требовал от представителей Наркомвоенмора в Москве и Астрахани: «Спешно срочно направляйте мою кавалерию, батарею, пехоту, если есть возможность — еще кроме моей. Спешите. Жду ответа»¹⁹⁶.

Даже в таком урезанном виде отряд Петрова стал самой боеспособной единицей Кавказской Красной армии, и не раз он спасал город. При этом Петров — человек молодой и горячий, успевший повоевать на нескольких фронтах Гражданской войны, по словам Сурена Шаумяна, «держал себя самостоятельным, и наши товарищи его нередко опасались... В блоке с [Армянским] Национальным Советом ему бы ничего не стоило свернуть шею советской власти»¹⁹⁷. К тому же из центра он приехал, имея солидный мандат московского правительства, точная формулировка которого в источниках разнится: Сурен Шаумян именовал его «чрезвычайным военным комиссаром по делам Кавказа»¹⁹⁸, а сам он подписывался «военным комиссаром Бакинского района от Центрального Совнаркома»¹⁹⁹. Так или иначе, Петров считал себя если не выше Шаумяна, то по крайней мере равным ему. Он был типичным представителем «партизанщины» — первого, стихийного этапа строительства новой революционной армии. «Шаумяну приходилось очень сдерживать себя» в общении с Петровым²⁰⁰.

Какое же отношение ко всему этому мог иметь Лазарь Бичерахов? Самое прямое, и именно к последней, драматической странице истории Бакинской коммуны — ее гибели. Но сначала необходимо немного вернуться назад, к тем полным надежды весенним дням 1918 г., когда большевикам казалось, что все достижимо, что дело остается за малым. В том числе за поиском толкового главнокомандующего.

Кто поведет Кавказскую Красную армию на ратные подвиги? Немалое количество профессиональных военных имелось среди армянских военнослужащих. Однако большевики опасались полностью передавать военную силу в руки армян, находившихся под сильным влиянием Армянского национального совета. Назначение главнокомандующим полковника Аветисова было временной мерой — до утверждения нового главнокомандующего.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА БАКИНСКИХ КОМИССАРОВ

В этот момент взгляды коммунаров обратились на Лазаря Бичерахова, о котором в Баку давно уже были наслышаны и даже имели с ним деловые контакты. 24 мая председатель Баксовнаркома Степан Шаумян сообщал в СНК, Ленину: «Нет командного состава, не можем найти даже командующего войсками, которые должны быть двинуты к Елизаветполю. При этих условиях очень остро стоит вопрос о Бичерахове, о котором я уже несколько раз писал вам»²⁰¹.

Бакинский совет через своего представителя в персидском порту Энзели И.О. Коломийцева уже не первый месяц имел прямой контакт с представителем Бичерахова поручиком Селимом Альхави — молодым офицером арабского происхождения, знавшим восточные языки. Альхави являлся адъютантом командира корпуса генерала Баратова. По поручению последнего он отвечал за прием в порту имущества корпуса, следовавшего со складов в Хамадаме, Казвине и Реште. Бичерахов Альхави также доверял полностью; между ними сложились равноправные отношения, несмотря на разницу в звании и возрасте. В дальнейшем он поручил Альхави от своего имени вести важнейшие переговоры с Бакинской коммуной («полномочия даю вам полные и по всем вопросам во всех отношениях и в решительном смысле»)²⁰².

Бакинский совет позиционировал себя полномочным представителем центральной власти в Закавказье, чьей задачей, в частности, являлось обеспечить планомерную эвакуацию русских войск и имущества из Персии²⁰³. Не видя перед собой иных представителей власти, сначала командир корпуса генерал Н.Н. Баратов, а затем и Бичерахов честно сдавали имущество корпуса Энзелийскому ревкому (полное название — Военно-революционный комитет Восточно-Персидского района Кавказского фронта; позднее — Военно-революционный комитет Восточно-Персидского фронта)²⁰⁴, который отправлял полученное в Баку. Это артиллерийское и инженерное имущество, крупная авточасть, медикаменты, 12 тыс. пудов риса и многое другое²⁰⁵. В обмен отряд Бичерахова получал деньги, но большей частью — бензин и масла для своего многочисленного автопарка²⁰⁶.

Не без некоторых неувязок между Бичераховым и Баксоветом завязалась устойчивая взаимовыгодная деловая связь. Столь же крепкие деловые взаимоотношения установились и между представителем Бичерахова в порту Энзели поручиком Альхави и Энзелийским ревкомом (И. Коломийцев, А.П. Челябин, Н. Джигитян и др.). «Товарищу» Альхави был даже переназначен ревкомом в своей должности начальника гарнизона, тем самым легализовавшись в глазах советской власти. К лету 1918 г., в связи с тем что численность большевистски настроенных солдат в Энзели резко сократилась, сократилось и влияние ревкома, в то время как Альхави, по свидетельству Денстервилля, стал настоящим «королем Энзели», и это положение ему «очень нравилось»²⁰⁷.

Бичерахов, судя по всему, относился к эвакуации ответственно, считая своим долгом переправить в Россию «более ста тысяч пудов народного русского добра», и готов был отказаться от нее и «ехать домой» лишь после того, как на него резко усилилось давление со стороны партизан Кучук-хана, поддерживаемых многочисленными русскими революционными комитетами²⁰⁸.

Большевики явно не ожидали таких подарков судьбы. Еще в феврале они настраивались силой вырывать «народное достояние из цепких лап английских империалистов» и «продавшимися им Баратовыми и других русских офицеров»²⁰⁹. Теперь же они имели все основания для симпатий к Бичерахову. Представители Энзелийского ревкома (в частности, дашнак Джигитян) первыми вели официальные переговоры с Бичераховым и оказали значительное влияние на формирование положительного мнения о нем у председателя Бакинского СНК Степана Шаумяна. Чтобы не раздражать Бичерахова, а заодно и сохранить отряд боеспособным, «товарищу Степан» «определенно приказал» запретить вести среди казаков революционную агитацию²¹⁰.

Шаумян в донесениях в Москву настаивал: «Все, кого я уполномочивал вести с ними переговоры, и лица, многие годы знающие его и знакомые с его отрядом, — все уверяли в его порядочности...»²¹¹ Он убеждал центр в том, что «мы должны без колебаний принять его услуги», и часто употреблял термин «использовать» в том смысле, что ему удастся навязать Бичерахову свою волю. Шаумян делал упор на его личных качествах и аполитичности, присущей Бичерахову, как профессиональному военному. Еще не познакомившись с Бичераховым лично, Шаумян явно был им очарован. «Он полковник по чину, старый вояка, много раз раненный, с высохшей правой ногой и недееспособной левой рукой, человек с большим обаянием, очень деятельный, по-своему честный, который не подведет», — доносил он Ленину²¹².

В свою очередь, Бичерахов уверял бакинских большевиков в том, что не претендует на власть в регионе, что «ни в политике, ни в социализме ничего не понимает». «Я казак: умею немного воевать, немного понимаю в военном деле»²¹³. Бичерахов как будто чурался политики: «Имейте в виду, я к власти не стремлюсь, если моей работе не будут мешать, то я могу принести пользу. Предупредите, что я разговорами не умею заниматься и не буду»²¹⁴. Свою политическую позицию он формулировал в то время довольно туманно: в Учреди-

тельное собрание он не верит, поскольку его решения некому будет проводить в жизнь на местах, пока не укрепится советская власть. Отсюда его тезис: «Вижу спасение в советской власти»²¹⁵. В начале апреля 1918 г. политическую позицию Бичерахов формулировал следующим образом: «Ввиду создавшейся уже на внешнем турецком и внутреннем татарско-бакинском фронтах обстановки... необходимо возможно безболезненной провести в Энзели союзников, которые из Энзели будут поддерживать нашу борьбу против немецкой и турецкой ориентации в Кавказском крае... По моему малому разумению, без поддержки извне погибнет и армянское дело и советская власть и русская ориентация в Баку...» — общал он в письме Альхави 7 апреля²¹⁶.

Вопрос о связях Бичерахова с англичанами не мог не стать на повестку дня при обсуждении возможного сотрудничества с большевиками. Шаумян признавал, что в глазах большевистского руководства страны он «наемник англичан» и «это оставляет некоторые сомнения»²¹⁷. В то же время Бичерахов считал сепаратные от англичан действия заранее обреченными на неудачу.

25 апреля он заявил большевикам, что готов взять на себя защиту Баку «в том случае, если мне не будут мешать держать прочную связь с англичанами, так как на этом новом фронте единственную поддержку могут оказать только англичане — и оружием, и патронами, и деньгами, а если понадобится, то и войсками»²¹⁸. Он успокаивал большевиков: «Имею полную гарантию того, что в политическую жизнь страны они не вмешаются. Я полагаю, что их непосредственно приглашать не придется. Но пользоваться в борьбе против панисламизма их оружием и деньгами необходимо»²¹⁹.

Разумеется, Баксовету было хорошо известно о тесной связи Бичерахова с английской миссией. Через союз с Бичераховым они рассчитывали воспользоваться помощью англичан. Прямой контакт с ними, разумеется, сильно дискредитировал бы большевиков. По словам Шаумяна, «без англичан нам не справиться с турками. Но нам подтверждать связь

официальную с англичанами равносильно объявлению войны Германии»²²⁰. На его докладе, в котором сообщалось о «неофициальном использовании» англичан, была оставлена резолюция Л.Д. Троцкого, который от имени СНК особо подчеркнул, что бакинцы могут рассчитывать на то, что правительство «приложит все усилия в поддержке вас морально и материально в борьбе за советскую власть»²²¹.

Предварительное соглашение, подписанное от имени Бичерахова поручиком Альхави, имело следующую редакцию: «Бичерахов признает Советскую власть, как Всероссийскую, так и Бакинскую. Бичерахов назначается командующим одной из частей Кавказской Красной армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В операционном отношении он пользуется самостоятельностью, но все его приказы скрепляются подписью комиссара. Временное приостановление или прекращение военных действий зависит от Бакинского Совета Народных Комиссаров. Боевые задачи разрешаются штабом и приводятся в исполнение командующим самостоятельно. Отряд Бичерахова получает содержание от Бакинского Совнаркома на общих основаниях и входит в состав Кавказской Красной армии. Бакинский Совнарком берет на себя содержание всех отрядов, которые могут быть организованы Бичераховым в дальнейшем на Северном Кавказе и которые также войдут в состав Красной армии»²²².

Генерал Денстервилль объяснял желание Бичерахова «сделаться красным» сугубо прагматичными причинами: мол, таким способом он пытается пробраться на Северный Кавказ. «Он говорит своему отряду: мы идем домой через Тифлис по Военно-Грузинской дороге»²²³.

Однако путь через Тифлис сквозь боевые порядки турецко-азербайджанских, а затем и грузинских войск не кажется самым кратким и безопасным, какой мог быть выбран «для отвода глаз». Для объяснения причин перехода Бичерахова на сторону большевиков необходимо, как представляется, обратить внимание на его понимание бакинской власти. Не

искушенный в политике казачий войсковой старшина, прошедший многие годы на задворках империи, искренне принимал большевиков за представителей законной — «русской», в его понимании, власти.

Весьма обширная частная переписка Бичерахова с поручиком Альхави и братом Георгием за апрель—май 1918 г. рисует Бичерахова и вовсе убежденным сторонником советской власти. Но при этом он бесконечно далек от социалистических идей. «Советскую власть, — пишет он Альхави, — я считаю властью русской ориентации, и в борьбе с немецко-турецкой ориентацией мы можем работать рука об руку»²²⁴. За месяц до заключения соглашения с большевиками, в конце апреля в письме Альхави, Бичерахов заметил по поводу большевиков: «Мне по пути с тем, кто понимает необходимость придерживаться русской ориентации»²²⁵. Такую же точку зрения он высказывал и в частной переписке со своим братом²²⁶. Похоже, что решимость большевиков противостоять турецкой агрессии, понимаемая (и подаваемая самими большевиками) как патриотический акт, направленный на сохранение единства страны, стала главным фактором в принятии Бичераховым решения вмешаться в кавказские дела. «Вначале я хотел просто довести отряд и корпусное имущество до Северного Кавказа, а теперь решил помогать всем, кто против германо-турок», — писал он²²⁷.

Как уже отмечалось выше, восприятие Баксовета как правительства, представляющего и защищающего «русские» интересы, в тот период было практически повсеместным, особенно на фоне центробежных ультранационалистических тенденций, приведших в мае 1918 г. к развалу Закавказской Федерации и образованию независимых государств Армения, Азербайджан и Грузия. Большевики же оказались единственной значимой политической силой, выступившей против отделения Закавказья от России. В таком же ключе, между прочим, понимал бакинскую власть и непосредственный начальник Бичерахова — генерал Н.Н. Баратов²²⁸. Как сообщал 14 апреля один из корреспондентов Бичерахова, «волею судь-

бы большевики оказались в роли защитника русского дела на Кавказе и оплотом против мусульmano-турецкого нашествия»²²⁹.

Вполне можно допустить, что именно такой образ бакинской власти через слухи и отрывочные сведения доходил до далекой Персии. И дилетант в политике, вполне вероятно, не имевший о большевистской доктрине никакого мнения, войсковой старшина Бичерахов посчитал, что ему достаточно того, что большевики защищают русские интересы.

25 мая Г.Н. Корганов от имени Бакинского Совнаркома обещал Бичерахову принять все его условия (главное из них — «полное и безраздельное командование всеми вооруженными силами и флотом» Баку²³⁰) и предложил ему должность главнокомандующего Кавказской Красной армией²³¹. Таким образом, первоначальные полномочия, предложенные Бичерахову, были значительно расширены.

Перед заключением соглашения Бичерахов лично явился в Баку в сопровождении только двух казаков²³². Он представил Баксовнаркому «памятку» о своем отряде, в которой еще раз декларировал общность геополитических интересов на почве сопротивления герmano-турецкой агрессии, предупредив, однако, что конечная цель отряда — Кубань и Терек, где он должен расформироваться. Он обещал помощь советской власти, но попросил «ни отряд, ни меня не привлекать ни к политической, ни к социальной, ни к национальной борьбе»²³³. Такое дистанцированное партнерство устраивало обе стороны. Особенно были довольны большевики: они получили отряд и талантливого командующего, не требующего в обмен ни власти, ни денег.

Вполне возможно, что окончательное решение о военном союзе было принято и раньше, однако выдвинуться из Казвина в Энзели Бичерахову не позволяли полное отсутствие бензина и масел, необходимых для обширного автопарка бичераховцев (в июле 1918 г. только марок автомобилей в отряде насчитывалось 14)²³⁴. Ирония состояла в том, что Баксовет располагал неограниченными запасами горючего и масел и

готов был предоставить его Бичерахову, однако долго не мог этого сделать из-за отсутствия тары. Первая партия в 1800 пудов бензина и 300 пудов масла была получена помощником Бичерахова поручиком Альхави, однако этого было совершенно недостаточно для переброски всей колонны²³⁵. Нельзя забывать и того, что Бичерахов был связан обязательствами и с англичанами и вынужден был простаивать в Казвине в ожидании прибытия английских подкреплений.

Наконец, 25 и 27 мая отряд выдвинулся из Казвина в Энзели. Первый эшелон под командованием войскового старшины Попко составили: Уманская сотня; Пулеметная команда; Партизанская горная батарея; 1-я конная радиостанция; Полусотня пограничников; транспорт; Кубанская сотня.

Второй эшелон под руководством подьесаула Слесарева составили: Запорожская сотня; 2-я пулеметная команда; Кубанская казачья батарея; 2-я конная радиостанция; штаб отряда; транспорт; Горско-моздокская сотня.

В Казвине до полной эвакуации остались автомобильная команда, Линейно-хоперская и Осетинская сотни, а также Менджильский гарнизон²³⁶.

Общая численность отряда на 2 июля составляла 880 казаков, 80 нестроевых, 37 вольнонаемных, 544 строевые, 30 офицерских и 221 обозная лошадь²³⁷.

Персидская страница истории отряда была перевернута по-бичераховски широко и щедро: 4 июля начальник отряда подписал приказ о награждении личного состава Георгиевскими крестами. В списках награжденных крестами различной степени оказалось 943 человека — практически весь наличный состав отряда²³⁸. Происхождение Георгиевских крестов очевидно: они оказались среди имущества Экспедиционного корпуса, которым Бичерахов полновластно распоряжался. И позднее начальник отряда никогда не скупился на награды своим подчиненным, раздавая не только специфически военные награды — Георгиевские кресты и Георгиевские медали, но и имперские ордена Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, Святой Анны 4-й и 3-й степеней и Святого Владимира 4-й сте-

пени. Награждения этими орденами зафиксированы в архивных документах. Например, орденами Святого Владимира 4-й степени и Георгиевским крестом 3-й степени (было отмечено, что это именно «солдатский крест») были награждены генерал Денстервилль и сменивший его осенью 1918 г. генерал Томсон²³⁹. Иногда награды, особенно георгиевские, сыпались на чинов отряда как из рога изобилия. В приказах о награждении нетрудно встретить случаи, когда одно и то же лицо одновременно награждалось Георгиевскими крестами двух степеней и еще Георгиевской медалью в придачу²⁴⁰. Орденов Святого Георгия — высшей военной награды Российской империи — в арсенале Бичерахова не было. Впоследствии именно наградная политика Бичерахова наряду с чинопроизводством оказалась одним из главных раздражающих факторов в его взаимоотношениях с добровольческим командованием.

2 июля началась погрузка отряда в порту Энзели на семь пароходов, поданных из Баку. В этот же день первые пароходы отправились в направлении гавани Алят²⁴¹.

14 июня Шаумян отрапортовал Ленину: «Отряд Бичерахова... вошел в состав Бакинской советской армии, спешит на помощь бакинцам»²⁴². Большевики возлагали большие надежды на Бичерахова и раздавали ему щедрые авансы в хвалебных статьях, утверждавших, что одно только прибытие казаков на фронт настолько взбодрило красные войска, что они повсеместно готовы перейти в наступление²⁴³. В публичных выступлениях Шаумян подчеркивал русский состав отряда, что соответствовало общей цели сохранения независимости России и Баку²⁴⁴.

К моменту появления на фронте бичераховцев в начале июля 1918 г., как уже отмечалось выше, Кавказская Красная армия потерпела несколько чувствительных поражений от турок и была дезорганизована.

Армянский национальный совет, действовавший в союзе с Баксовнаркомом, несмотря на все усилия, не мог заставить своих солдат отправиться на фронт. Один из начальников обороны полковник Аветисов сообщал в эти дни, что из обещан-

ных 1000 штыков-армян на фронт прибыл 21 человек, да и те «при первых выстрелах ушли обратно в город»²⁴⁵.

Заместитель наркома по военным и морским делам Баксовета докладывал 19 июля в Москву, что «армия сильно дезорганизована. Из 12 тысяч красноармейцев, брошенных в десятых числах июня на этот фронт, осталось не более 4—4,5. Большая часть выбыла больными и ранеными (5000), остальные дезертировали... Недостаток пополнения грозит катастрофой всей армии. Пополнить силами Баку не представляется возможным, и необходима присылка частей из округа»²⁴⁶.

Между тем в конце июня 1918 г. командующий Восточной турецкой армией Нури-паша сосредоточил на бакинском направлении две пехотные дивизии — 5-ю и 15-ю, а также 107-й пехотный резервный полк, два батальона пограничного формирования и 4-ю пехотную дивизию, предназначенную для занятия центрального Азербайджана, обеспечения тыла и для специальных формирований частей из местных мусульман²⁴⁷. В то же время к 1 июля турецкие войска еще не перешли реку Кура по единственному мосту у станции Евлах. Высаживаясь на пристани Алят, в 100 километрах от Евлаха, Бичерахов рассчитывал успеть перехватить Евлахский мост. Если бы удалось захватить и удержать его, то опасность осады Баку была бы отложена на неопределенное время.

Тем временем турки продолжали активное проникновение в Азербайджан. Прежде всего новые подразделения турецких войск продвинулись на Гянджу через Дилижан—Казак—Акстафу, а также в район Джульфы и Шуши.

В начале июля турецкие войска предприняли наступление на Баку. 10 июля они заняли Кюрдамир — важный пункт на пути к городу, а 26 июля в их руках оказалась станция Карасу и еще через день — Аджи-Кабул, что к юго-западу от Баку. Одновременно турки с целью охвата города с севера развили наступление в направлении на Шемаху.

27 июля С.Г. Шаумян в телеграмме, направленной на имя В.И. Ленина, сообщал: «Положение на фронте ухудшается с

каждым днем. В шемахинском направлении наши войска отступили от Баку и переформировываются по линии железной дороги. Войска, угрожаемые с севера на пирсагатском направлении, с юга, со стороны Сальян, отступили до станции Алят, положение крайне серьезное»²⁴⁸. Судя по газетным сообщениям, отряд потерял 90 человек убитыми и ранеными — больше, чем за весь период с момента формирования отряда²⁴⁹.

В первых числах июля отряд Бичерахова высадился южнее Баку и занял правый фланг обороны города. С немалым оптимизмом Шаумян сообщал в Царицын И.В. Сталину: «7 июля на Кюрдамирском фронте противник перешел в наступление, стараясь охватить Кюрдамир, но после 12-часового боя был отброшен, причем понес большие потери. В бою участвовал бичераховский отряд, броневики. Наши потери невелики»²⁵⁰.

К этому времени отряд действовал уже в полном составе: Запорожской, Горско-Моздокской, Кубанской, Уманской, Линейно-Хоперской, Пограничной Осетинской сотен, Кубанской казачьей конно-горной батареи, 1-й конно-горной батареи, пулеметной команды, 1-й и 2-й конных радиостанций, лазарета, автомобильной команды²⁵¹. В усиление Бичерахову были назначены два пехотных батальона — 5-й красный и 1-й стрелковый. Южный сектор обороны занимали еще пять батальонов Красной армии²⁵².

На бакинцев бичераховцы произвели большое впечатление. «На упитанных с лоснящейся шерстью лошадях сидели казаки в мерлушковых черных шапках, — вспоминал ветеран Кавказской Красной армии, в последующем — член-корреспондент АН СССР В.С. Емельянов. — На их спины спускались башлыки. Впереди ехал казак со штандартом с золотистыми кистями. На штандарте были изображены череп со скрещенными костями и надпись золотым шитьем... Держались казаки обособленно, вели себя высокомерно. Превосходной экипировкой и вооружением бичераховцы резко выделялись от наших солдат, одетых и вооруженных чем попало»²⁵³.

Первое же знакомство Бичерахова с бакинской Красной армией сильно его разочаровало. «Красной армии нет, — писал он Георгию. — Все это пустой звук. До моего прихода, говорят, было около 6000 человек, но при появлении регулярных турецких войск они все разбежались. Сейчас имеется красноармейцев около 2000, но все это сидит в вагонах и при малейшем появлении противника бежит... Номеров батальонов у них много, но солдат нет. Правда, очень много комиссаров»²⁵⁴.

Согласившись прибыть в Баку, Бичерахов рассчитывал на существенное пополнение своего отряда, как за счет терских казаков, так и местными ресурсами. «Пушек, пулеметов и снарядов у меня много, мало живой силы и винтовок», — писал он своему брату Георгию в Моздок, «прося и требуя» от него пары тысяч казаков, с которыми он мог взяться за сверхзадачу — разгром турок в Закавказье²⁵⁵. Судя по всему, обещание пополнения реальной боевой силой было пунктом договора между Бичераховым и коммунарами. Как разъясняла издававшаяся в Баку дашнакская газета «Вперед», «полковник Бичерахов точно указал цифры: в течение столько-то дней вы должны мне дать столько-то тысяч войск, а в течение двух недель — столько-то тысяч; в противном случае он слагал с себя всякую ответственность за защиту Баку»²⁵⁶. Между тем мобилизации, объявляемые Совнаркомом, неизменно проваливались: «Мобилизация... при колоссальном числе мужчин и фронтовиков в городе, не давала никаких результатов... на призыв являлись только единицы»²⁵⁷.

Отношения Бичерахова с политическим руководством Коммуны стали быстро портиться. Полную власть над войсками он так и не получил. Руководство центром и левым флангом фронта оставил за собой Корганов. Бичерахов командовал только правым флангом обороны. Коммунары очень опасались популярности Бичерахова среди горожан, особенно среди армян. Бакинский обыватель цеплялся за соломинку; еще до начала высадки отряда в Аляте большевистское руководство вынуждено было констатировать, что «все контр-

революционные элементы тянутся и объединяются вокруг Бичерахова и его отряда». Оно не исключало борьбу против и «татаро-турецких банд и бичерахово-английских». Имелся и новый руководитель обороны: «Комиссар Петров со штабом работает вместе с нами, и ему именно поручено это ответственное дело»²⁵⁸.

Г.К. Петров, назначенный руководителем еще не созданной армии, человек, как уже говорилось, необузданный и честолюбивый, игнорировал распоряжения Бичерахова и на указанные ему позиции так и не вышел²⁵⁹. «Негодяй из московского центра», — характеризовал Л. Бичерахов Петрова в письме к брату²⁶⁰. Отряд Петрова должен был занять позиции левее бичераховцев, а в итоге казаки наблюдали, как мимо их позиций «турецкие войска, не разворачиваясь, походным порядком, густыми колоннами двигались прямо левее нас на том участке, где должен был быть Петров. Турки знали, что наших войск не будет, это и было обещано бывшими комиссарами»²⁶¹. Очень скоро отряд Бичерахова оказался в полном одиночестве в 35 километрах от Баку, в то время как большевики стянули все свои вооруженные силы в город, с тем чтобы давить на общественное мнение горожан, в большинстве своем настроенных против них и за приглашение англичан.

В эти дни в городе царили панические настроения. 17 и 25 июля дважды созывались расширенные чрезвычайные заседания Бакинского совета, на которых присутствовали члены Баксовета, районных советов, судебных комитетов, представители Центрокаспия и других организаций. На первом из них присутствовали 420 делегатов, а на втором — 495²⁶². Для большинства политических сил Баксовета (Армянского национального совета, левых эсеров, меньшевиков) спасением казалось приглашение в город англичан: генерал Денстервилль к этому времени уже прочно укрепился в Энзели и Реште и всерьез нацеливался на Кавказ. «Все — и правые и левые партии — ввиду безнадежности Красной армии требуют приглашения англичан», — отмечал в письме брату Л. Бичерахов²⁶³. Против этого выступали только преобладав-

шие в Совете большевики, выполнявшие жесткую установку центра и Сталина: не призывать «варягов-англичан»²⁶⁴. Интересно, что Бичерахов поддержал мнение большевиков по поводу англичан. Он считал, что можно обойтись собственными силами, но при условии немедленной присылки из России подкреплений не менее 5,5 тыс. штыков хорошо обученных солдат²⁶⁵. Видимо, он также был введен в заблуждение большевистскими лидерами, поскольку прибытия таких сил на самом деле не ожидалось.

В самом конце июля произошел вопиющий случай, который окончательно вывел Бичерахова из себя. Три тысячи армянских солдат отказались выйти на позиции, мотивируя это отсутствием экипировки. Многие свидетели тех дней отмечали удивительную деталь: в то время как на фронте были единицы, все городские кафе и рестораны были забиты военными, в основном армянами. В каком-то бесшабашном отчаянии они пьянствовали, ожидая собственной участи.

Развал фронта сказался и в том, что приглашенные Баксоветом бичераховцы с самого начала не получали обещанного снабжения, по утверждению начальника отряда: «ни фунта хлеба, ни патрона, ни снаряда»²⁶⁶.

28 июля, когда турки возобновили наступление, оставшийся в одиночестве на позициях на Шемахинской дороге отряд Бичерахова сразу оказался отрезанным от Баку.

30 июля Бичерахов снял свой отряд с фронта и отвел его вначале в район Сумгаит, а затем последовал с ним в северном направлении, на Дербент. «Я отказался от командования армией дезертиров и трусов», — написал он брату. Всего за период боев, по утверждению самого Бичерахова, его отряд потерял более 100 человек²⁶⁷.

На следующий день на заседании Бакинского совета небольшим большинством было принято решение о приглашении в город английских войск. Ночью «с болью в сердце и проклятьем на устах»²⁶⁸ город покинули большевики.

Уход отряда Бичерахова в советской литературе представлялся своего рода ключом к разгадке, объяснявшим падение

Баку. Его поступок объяснялся заранее запланированным совместно с англичанами предательством с целью облегчения последним захвата Баку²⁶⁹.

Однако беглый взгляд на последующие события показывает, что англичане не смогли удержаться в Баку именно вследствие ухода Бичерахова и недостатка собственных сил. Бичерахов обманул ожидания не только большевиков, но и англичан. Генерал Денстервилль, привыкший за последние полгода опираться на него, как на свою «единственную надежду», и в данном случае рассчитывал, что, «как он только там утвердится, то дело будет в шляпе»²⁷⁰. Он намекал на некое соглашение между ним и Бичераховым, на которое он возлагал «большие надежды»²⁷¹.

Принимая решение оставить Баку, Бичерахов, как представляется, чувствовал себя не менее обманутым, чем большевики. Он не получил в свое распоряжение армии, снабжения. Обещанные резервы так и не подошли на фронт, и, кроме того, отряд оказался отрезанным от Баку и от питания²⁷². Большевики не выполнили условий договора, и он мог чувствовать себя свободным от обязательств Бакинскому совету. Выступивший на страницах своих мемуаров адвокатом Бичерахова В.А. Добрынин отмечал, что перед начальником отряда стоял несложный выбор: турецкий плен, расправа большевиков или вывод отряда на Северный Кавказ, в родные станицы²⁷³. Кстати, Добрынин и вовсе не считал Бичерахова чем-либо обязанным большевикам, а соглашение с ними толковал как тактический ход в надежде оставить Баку за собой.

Решение покинуть Баку, очевидно, какое-то время вызревало, и задерживала Бичерахова невозможность собрать подвижной состав для отправки в Дербент трехтысячного отряда (к отряду присоединилось немного добровольцев), обремененного немалым материальным грузом (на тот момент — 32 пулемета, 16 орудий, боеприпасы, свыше 4 тыс. пудов различного продовольствия и около 2 тыс. пудов фуража, автомобильный и гужевой транспорт, полуторатысячный

конский состав)²⁷⁴. Для транспортировки всего этого требовалось 8 составов по 60 вагонов каждый²⁷⁵. Большая часть строевых войск вынуждена была в итоге отправляться пешком. Поездами были отправлены грузы, лазареты, а также штаб отряда. Бичерахову пришлось даже оправдываться в том, что не смог разделить общей судьбы казаков: широко растянутую колонну легче было контролировать, перемещаясь на поезде, «такую работу верхом делать нельзя»²⁷⁶.

В то же время Бичерахов до последнего рассчитывал оборонять Баку. Еще 25 июля в Энзели заготовителям отряда Альхави и Бульбе было отправлено распоряжение начальника отряда срочно отправлять в Баку «ячмень, рис, сушеные овощи, консервы, масло, томаты, сухари, соль и солому». При этом указывалось, что «прибывший ячмень и солома погружены в вагоны и отправлены в Баладжары. Склад открывать в Баку не будем, так как все присланное будет отправляться на фронт»²⁷⁷.

Разумеется, причина ухода с фронта отряда Бичерахова стала предметом повсеместного обсуждения в Баку. Ходили упорные слухи о том, что большевики ставили вопрос «о полном разоружении отряда» Бичерахова²⁷⁸. Утверждалось также, что большевики вошли в соглашение с германцами, обещавшими им свое покровительство, требуя в обмен недопущения в город англичан. Разоружение бичераховцев как ближайших союзников англичан могло быть частью требований германского командования. В написанных по свежим следам мемуарах генерала Денстервилля утверждалось, что большевики решили выдать Бичерахова туркам в обмен на перемирие²⁷⁹. Сам Бичерахов в ответ на посыпавшиеся обвинения в предательстве в своем публичном приказе войскам заявил: «Врут! Я оторвался от фронта Баку благодаря тому, что большевики предложили сдать Баку туркам, но удержать власть в своих руках, что им было гарантировано немцами, и поэтому решили поставить меня в положение, невозможное для боя»²⁸⁰.

Переговоры по поводу Баку между советским правительством на уровне центрального Совнаркома и германским командованием действительно велись и подтверждаются многочисленными высказываниями, вышедшими из-под пера первых лиц Советского государства. 30 июня Ленин отправил Сталину телеграмму: «Немцы согласны принудить турок прекратить военные операции дальше Брестской границы, установили нам точную демаркационную линию, обещают не пускать турок в Баку, но желают получать нефть. Иоффе* ответил, что мы будем строго придерживаться Бреста, но *вполне согласны с принципом «давать, чтобы получать»*. Обратите сугубое внимание на это сообщение и постарайтесь передать его Шаумяну поскорее, ибо *теперь есть серьезнейшие шансы удержать Баку, часть нефти, конечно, мы дадим*»²⁸¹ (здесь и далее выделено мной. — А. Б.). Позднее ему же: «Немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся»²⁸². 23 августа, уже после вступления в Баку англичан, Ленин писал председателю Туркестанского совнаркома: «Немцы согласны гарантировать наступление на Баку, если мы выгоним оттуда англичан»²⁸³. Известно, что большевики грозили немцам, что, если им придется сдать город туркам, они уничтожат нефтепромыслы и в этом случае нефть не досталась бы никому.

В этой связи в правящих кругах Германии наряду с поддержкой турецкого наступления возникло стремление к заключению соглашения с Советской Россией о поставке бакинской нефти. Характерна запись генерального консула Германии в Стамбуле, прибывшего в начале июля в Гянджу в качестве сопровождающего генерал-интенданта турецкой армии Исмаил Хаки-паши и встречавшегося с командующим турецкими силами в Азербайджане Нури-пашой. Генеральный консул записал: «Представляется сомнительным,

* И о ф ф е А.А.— в 1918 г. советский полпред в Германии.

чтобы туркам вообще удалось взять Баку; вероятно — и это было бы желательно, — они потерпят там от большевиков основательное поражение. Если мы полюбовно договоримся с большевиками, то нефтяные источники Баку и тамошние запасы попали бы в наши руки в целостности и сохранности. Если последние, вопреки ожиданиям, будут вынуждены покинуть город, то они подожгут весь Баку, и тем самым ни турки, ни мы не сможем воспользоваться запасами нефти»²⁸⁴.

Шаумян был в курсе переговорного процесса; его регулярно информировал о его ходе Сталин²⁸⁵. Вполне возможно, что большевики рассматривали бичераховский отряд как разменную монету.

Говоря об уходе отряда Бичерахова из Баку, нельзя оставить без ответа тяжкие обвинения в ограблении Баку, которые были брошены ему вслед большевиками и были широко растиражированы затем его противниками, в том числе и представителями Белого движения. Утверждалось, что Бичерахов якобы, уходя, прихватил из «бакинской кассы» многомиллионную сумму денег.

Невероятное по тем временам богатство отряда Бичерахова, значительные, нерациональные для постороннего взгляда траты на благотворительность рождали единственно возможное в те смутные времена представление об источнике денег: они были изъяты из некоей бакинской казны. Слухи о богатствах которой, впрочем, были сильно преувеличены.

Бичерахов, очевидно, стал собирательным образом многочисленных завоевателей, в разное время побывавших в Баку, от которых горожане действительно много натерпелись. Своего рода квинтэссенцией слухов об ограблении Баку Бичераховым можно считать сведения, которые приводил французский дипломат Эдмонд Иппо, работавший в Закавказье в период Гражданской войны. В 1920 г. он издал брошюру воспоминаний. Начиная повествование о разорении Баку с апреля 1918 г. (с момента окончательного прихода к власти большевиков), автор сообщает фантастические подробности:

«Все было предано разграблению: товары, продукты, имущество, сахар, вино, бензин. Совет, руководимый личностью по имени Биченков, который называл себя «генералом», исчез, после того как похитил 350 млн рублей ассигнациями государственного банка, кроме того, он наложил руку на ценности банков и сберегательных касс, исчислявшиеся в сумме 420 млн»²⁸⁶. Нетрудно заметить, сколько судеб и историй наложились здесь друг на друга и породили невероятного рода смесь. Отголоски этих мифов можно найти и в мемуарах генерала А.И. Деникина, сообщающего, что в сентябре 1918 г., перед захватом Баку турками, Бичерахов двинулся на север, «захватив 100 млн рублей бакинской казны»²⁸⁷. На самом деле Баку Бичерахов покинул за месяц до этого.

Между тем Бичерахов физически не мог никого ограбить в Баку, поскольку непосредственно в городе бывал лишь эпизодически, а его отряд туда и вовсе не входил. Совершенно невероятны и суммы, которыми оперируют «свидетели». Предполагая такими деньгами, Бичерахов мог бы купить весь Кавказ. К моменту ухода из Баку в кассе отряда документально подтверждено наличие 5976 тыс. рублей²⁸⁸. Эта сумма, позволявшая безбедно существовать отряду, все же была на порядок ниже того, что Бичерахову приписывали. Все деньги, которыми он пользовался, были получены от генерала Денстервиля, который строго контролировал их расход и, будучи наслышан о российской коррупции и казнокрадстве, не без удивления отмечал: «Все, что мы платим ему, не идет в его карман, а честно расходуется на военные нужды...»²⁸⁹ Вообще многие современники, в том числе и большевики, отмечали щепетильную честность Бичерахова. Ведомости расхода денежных сумм в отряде велись идеально и сохранились поныне.

Напротив, Бичерахов тратил большие суммы на благотворительность, и тому есть множество документальных подтверждений. Так, пострадавшим при пожаре парохода «Адмирал Корнилов» морякам был выплачен тройной оклад — 156 тыс. рублей²⁹⁰. В декабре 1918 г. выделено 273 тыс. рублей

на содержание бывших чинов штаба Кавказского фронта, оставшихся без средств. Будучи уже в Дагестане, через ротмистра Вознесенского Бичерахов передавал деньги (200 тыс. рублей) на нужды Русского национального комитета, занимавшегося помощью русским жителям Баку²⁹¹. В делах отряда можно обнаружить несколько десятков распоряжений о денежной помощи конкретным частным лицам — в основном малоимущим жителям Баку — на суммы до нескольких десятков тысяч рублей.

В заключение этой темы отметим, что скорее бакинские большевики ограбили Бичерахова, чем наоборот. В Баку в свое время была задержана значительная сумма денег, отправленная на содержание отряда еще Временным правительством (10,5 млн кран серебром), а также 240 тыс. пудов сахара, предназначенных для продажи в Персии. Ничего из указанного корпус так и не получил²⁹². Огромную денежную сумму вывезли из Баку в Петровск сами большевики уже после ухода Бичерахова — 30 млн рублей²⁹³.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ БИЧЕРАХОВА

1 августа власть в Баку подхватила Диктатура Центрокаспия и Временного исполнительного комитета Совета — весьма аморфная политическая структура, состоявшая из эсеров, меньшевиков и дашнаков, взявшая курс на сотрудничество с англичанами. Интенсивные бои на подступах к Баку и на его окраинах (районах Биби-Эйбат и Баилов) продолжались до 5 августа, уже под руководством Диктатуры. Отчаянной контратакой в рабочем пригороде Баку Биби-Эйбат противника удалось отбросить, нанеся ему большие потери — до 500 человек убитыми и ранеными²⁹⁴. После этого активные боевые действия на время прекратились.

Однако бакинская эпопея Бичерахова на этом не закончилась, а продолжилась, но уже в совершенно новом для него качестве.

Диктатура Центрокаспия (члены — Леммлейк, А. Велунц, Бушев, Г. Айолло, А. Аракелян, Печенкин, Мелик-Еолчан, Ермаков и др.) по своей инициативе сразу же объявила Бичерахова командующим войсками бакинского фронта. Бичерахов объявил своему отряду о предложении со стороны Диктатуры 4 августа: «В Баку переворот, большевики от власти отстранены. Власть, по воле народа, взял Каспийский флот, установив диктатуру... Мне предложен пост Главнокомандующего войсками Кавказа, сухопутными и морскими. Баку еще обороняется»²⁹⁵.

Понятно, что в той ситуации Диктатура нуждалась в Бичерахове значительно больше, чем Бичерахов в Диктатуре. Уже после его назначения Диктатура «умоляла» Бичерахова взять командование в свои руки²⁹⁶. Переговоры с ним действительно в эти дни велись. «С Бичераховым вели переговоры и, кажется, решили благоприятно», — 31 июля телеграфировали в Энзели своим представителям руководители Центрокаспия²⁹⁷.

Щекотливое положение главнокомандующего, отсутствующего на линии фронта, Диктатура объяснила в бакинских газетах тем, что «главнокомандующий полковник Бичерахов» ведет боевые операции «на другом фронте». Диктатура пыталась «выжать» пользу из его отсутствия: «Занятие им Дербента, а затем и Петровска означает большой шаг вперед в смысле достижения нами намеченных целей и значительно приближает его и нас к его единомышленникам с Северного Кавказа, от которых мы теперь сможем получать реальную помощь в виде продовольствия и боевой силы...»²⁹⁸ «Впредь, до установления правильной постоянной связи» с Бичераховым, командующим войсками и флотом был назначен генерал-майор Г.А. Докучаев²⁹⁹, бывший командир бригады 5-й Кавказской стрелковой дивизии. Надежды на казачий отряд действительно возлагались большие. «В Баку много злоупотребляют именем Бичерахова», — доносили и самому Бичерахову из Баку³⁰⁰.

Связи с Баку у отряда порваны не были. Член Диктатуры Печенкин был отправлен вслед бичераховцам для связи и

представительства. В свою очередь, в Баку остался ротмистр В.Г. Воскресенский, отвечавший за эвакуацию имущества отряда. Еще один представитель Бичерахова, начальник тыла отряда Т. Савлаев, из «старых партизан» отряда, являлся начальником штаба при генерале Докучаеве и одновременно уполномоченным Бичерахова по формированиям.

Сам Бичерахов, хотя формально и согласился на пост главнокомандующего, достаточно длительное время не решался взять на себя новую роль защитника Кавказа. Первая весточка от него была обнародована в Баку лишь 16 августа. В этот день на первой полосе официоза Диктатуры Центрокаспия «Бюллетеней Диктатуры» было опубликовано «радио от Бичерахова», как ни в чем не бывало сообщавшего горожанам о том, что он осаждает Дербент, а также считает нужным захватить и Петровск. Он утверждал, что петровские большевики захватили несколько его офицеров, после чего он решил штурмовать Дербент (о пленении и отправке в Астрахань пяти представителей штаба Бичерахова писала и противная сторона)³⁰¹. Бакинцам он пообещал 10 тысяч вооруженных горцев и хлеб, выразив одновременно уверенность, что турки до этого времени Баку не возьмут³⁰². Понимая, что с оставленными им горожанами необходимо объясниться, в следующем своем обращении, опубликованном 18 августа, он заявил, что ушел в тот момент, «когда Баку был уже в безопасности, а я отрезан»³⁰³.

Первое время он предоставил своим представителям на Кавказе действовать в инициативном порядке, сообразуясь с обстановкой. Так, 21 августа он телеграфировал Воскресенскому: «Инструкции давать не могу, не зная положения. Вы знаете мои взгляды. Вы на месте. Вам виднее. Действуйте по совести и долгу перед родиной»³⁰⁴. В то же время Бичерахов давал понять, что одобряет власть Диктатуры Центрокаспия, отправил груз соломы, ячменя и риса («Знаю, что бакинские войска в этом очень нуждаются»), помог изданию газеты Диктатуры. Наконец, Бичерахов одобрил формирование новых воинских частей в Баку взамен ушедшим с большевика-

ми («Очень рад, что в Баку формируются войска») и изначально взял их на свое содержание³⁰⁵.

Не вмешивался Бичерахов и в трагическую судьбу бывшего руководства Бакинской коммуны — тех самых двадцати шести бакинских комиссаров, гибель которых стала одной из самых знаменитых легенд Гражданской войны. Как известно, Диктатура Центрокаспия не позволила большевикам отплыть в Астрахань после сложения ими власти. Две недели после этого многотысячные большевистские войска со всем вооружением стояли лагерем на Петровской площади в Баку и однажды даже поддержали продолжавшие оборону бакинские части артиллерийским огнем. 14 августа большевики захватили несколько пароходов и предприняли вторичную попытку отплыть в Астрахань. Однако после артиллерийского обстрела со стороны кораблей Центрокаспия им пришлось вернуться в Баку. На этот раз руководители большевиков были взяты под стражу. Вооруженные отряды большевиков были разоружены. Не обошлось без Воскресенского, который горячо настаивал на разоружении большевистской пехоты и сочувствовал большевикам экипажей военных кораблей. («Настаиваю на аресте комиссаров, решивших удрать с Петровым... После Петрова хотим разоружить [канонерскую лодку] «Карс»»)³⁰⁶.

Но к последней, самой драматичной странице истории бакинских комиссаров уже ни Воскресенский, ни тем более Бичерахов прямого отношения не имели. В день эвакуации из Баку англичан, 14 сентября, воспользовавшись паникой, большевики освободили своих соратников, томившихся в тюрьме. Инкогнито они сели на пароход «Туркмен», на котором находилась самая разнообразная публика: армянский отряд Татевоса Амирова, женщины, дети, даже два английских офицера из отряда Денстервилля. Команда отказалась вести пароход в большевистскую Астрахань ввиду того, что на пароходе оставалось мало запасов топлива и пресной воды. Кроме того, в Астрахани, как говорили, начался голод. Молодой и горячий большевик Анастас Микоян, участвовавший в освобождении комиссаров из бакинской тюрьмы, просто-

душно предлагал завладеть оружием и «сбросить в море» тех, кто не согласен идти на Астрахань, но был осажен старшими товарищами³⁰⁷. Выбор стоял между ближайшими портами: Петровском, Энзели и Красноводском. «Было известно, что в Петровске хозяйничает Бичерахов», — вспоминал сын Степана Шаумяна Лев, также находившийся на пароходе. В Энзели — англичане. «А о положении в Красноводске не было точных сведений, и поэтому он представлялся меньшим злом»³⁰⁸. «Туркмен» направился в Красноводск, где продовольствия, опять же по слухам, было вдоволь.

Прямо на рейде Красноводска Степан Шаумян был выдан одним из пассажиров представителям эсеровского Закаспийского временного правительства (присутствие большевиков на борту «Туркмена» ни для кого не было секретом). Затем по списку на раздачу пищи (в котором далеко не все были комиссарами), обнаруженному у Г.Н. Корганова, были арестованы еще 34 человека. Некоторые из них, в основном женщины и молодые люди, вскоре были отпущены на свободу, а 26 человек расстреляны 20 сентября на 207-й версте Закаспийской железной дороги между станциями Перевал и Ачха-Куйма. Решение о расстреле принималось ашхабадским Закаспийским временным правительством во главе с Ф.А. Фунтиковым³⁰⁹.

В этот период большой интерес к Закаспийской области стали проявлять англичане. «Обладание Красноводском представлялось весьма важным, как единственным портом, свободным ото льда в течение всего года. В то же время это был конечный пункт Среднеазиатской железной дороги. Владая портом, можно было также поддержать связь между двумя группами британских войск в Персии», — сообщал генерал Дж. Мильн³¹⁰. Еще в конце июня 1918 г. в Лондоне было принято решение об интервенции в Туркестан, ключом к которому служил порт Красноводск. Как и на Кавказе, для интервенции в Среднюю Азию англичане имели лишь горстку войск — два пехотных батальона, легкий кавалерийский полк и артиллерийский взвод. Поэтому они поддержали антиболь-

шевистский мятеж правых эсеров, произошедший в Закаспии 11—12 июля. После свержения советской власти в Ашхабаде утвердилось правительство — Закаспийское временное правительство (Временный исполком Закаспийской области) под председательством Ф.А. Фунтикова. По соглашению, подписанному ашхабадским правительством с англичанами 19 августа, в Туркестан из иранского Мешхеда двинулся отряд генерал-майора У. Маллесона. Соглашение превращало Закаспий в британскую полуколонию. Англичане получали здесь право беспрепятственного пользования железными дорогами и телеграфом. В Красноводске разместились гарнизоном основные силы англичан — 700 человек.

Тем не менее англичане, которых советская историография изо всех сил старалась «пристегнуть» к расстрелу комиссаров, не успели поучаствовать в их судьбе. Они планировали использовать пленных большевиков (напомним, что в их числе был член ЦК РСДРП(б) и член правительства С.Г. Шаумян — «кавказский Ленин», как называли его тогдашние газеты) в качестве заложников, для чего переправить их в Индию, тем более что присутствие их в Туркестане было признано «крайне опасным». Однако вынуждены были констатировать, что «упомянутые лица, как сообщают, уже казнены»³¹¹.

Что касается Бичерахова, то его, на тот момент уже закрепившегося в Дагестане, но сохранявшего формальную должность главнокомандующего бакинскими войсками при Диктатуре Центрокаспия, о «бывших комиссарах» запросил по телеграфу представитель Фунтикова в Красноводске инженер В. Кун. Он просил согласия Бичерахова и Диктатуры на предание комиссаров военно-полевому суду: «Просим срочно телеграфировать, как поступить с бывшими комиссарами и Амировым, причем полагаем, если не встретится возражений с вашей стороны, предать их военно-полевому суду». Кун получил четкий ответ: «Одобряю ваши действия, направленные к аресту бакинских комиссаров. Предложение ваше о предании их военно-полевому суду разделяю. Мое мнение поддерживает Диктатура Центрокаспия. Бичерахов»³¹².

Однако через три дня комиссары были расстреляны без суда и следствия. Телеграфные переговоры между Бичераховым и Закаспийским временным правительством были обнародованы на судебном процессе над главой этого правительства Федором Фунтиковым в 1926 г. и навсегда как бы связали Бичерахова с этой трагедией. Уже по свежим следам трагедии, явно аккумулируя циркулирующие в Прикаспийском регионе слухи, информационный отдел Наркомата по делам национальностей отмечал в своем обзоре: «По приказанию Бичерахова бывший комиссар Кавказа тов. Шаумян, бывший военный комиссар тов. Петров, т. Джапаридзе и др. преданы «военно-полевому суду», который и приговорил их к смертной казни через четвертование. Приговор этот заменен расстрелом и приведен в исполнение на одном из островов около Красноводска»³¹³.

Можно не сомневаться, что и Бичерахов предстал бы обвиняемым на этом процессе, окажись он в Советской России в это время. Между тем ясно, что он стоял на позициях максимально возможного в той ситуации сохранения законности в отношении комиссаров: он не потребовал выдать их себе на расправу, не рекомендовал их расстрелять, а лишь согласился с мнением о необходимости предания их суду, не пытаясь предрешить его исход. В этом отношении он выглядит значительно цивилизованнее других фигурантов дела. Собственно говоря, комиссаров в Баку и ожидал суд, пока 14 сентября они не бежали из Баиловской тюрьмы. Ирония судьбы состоит в том, что бакинские большевики могли бы оказаться в Петровске в руках Бичерахова и получить искомое правосудие, хотя, может быть, и в упрощенном виде, а могли бы и вовсе легко отделаться.

«Ему приписывали расстрел бакинских комиссаров (23 человека), но сам Бичерахов этого не утверждал и не отрицал», — сообщал о нем близко его знавший в эмиграции Б.М. Кузнецов³¹⁴. Пожалуй, так оно и было: Бичерахов участвовал в их судьбе косвенно. Он не погубил их, но и не помог.

Между тем события в Западном Прикаспии развивались стремительно. Не менее стремительно развивалось и политическое самосознание нашего героя. Первый толчок к отказу Бичерахова от показного, присущего многим профессиональным военным политического нигилизма дала, очевидно, его бакинская эпопея. Волей-неволей ему пришлось окунуться в кипящую политическими страстями жизнь города. Несколько раз он лично принимал участие в заседаниях Бакинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Длительная пауза после ухода из Баку, очевидно, была заполнена не только ратными делами в Дагестанской области, но и размышлениями о своем месте в сложившейся обстановке. Бои под Баку и дальнейшее продвижение в Дагестан (о котором речь пойдет ниже) показали, что его отряд — реальная сила, способная взять под свой контроль значительные территории и способствовать реализации его политической программы. Но в чем суть последней? Он понимал, что нефтяную столицу России невозможно сохранить, не овладев по крайней мере всей прибрежной полосой Азербайджана и Дагестана и железнодорожной линией на Петровск, а также не задействовав ресурсы Терека и Кубани³¹⁵. Первоочередной задачей он провозгласил борьбу с турками, а театр военных действий с ними теперь перемещался на Северный Кавказ. Уже 1 августа, сразу после ухода из Баку, в частном письме брату Георгию он пишет, что защищает «русский Баку и русские жизни в Закавказье и на Каспийском море». Он предупреждает, что если туркам не поставить заслон, «панисламизм перебросится на Северный Кавказ и мы окажемся рабами»³¹⁶.

Итак, Бичерахов начинает мыслить себя в роли собирателя российских земель. Однако на этих землях необходимо навести порядок, установить твердую власть. На какой политической платформе строить власть? На какие силы опираться, тем более что его отряду, как организованной воинской части, «рады» всюду — и крайне левые и крайне правые. На этот вопрос у него пока нет ответа. Заняв в середине ав-

густа Дербент, он просит эсэро-дашнакскую по составу Диктатуру Центрокаспия прислать ему «компетентное лицо для создания власти и государственных учреждений»³¹⁷.

Исключительно большую роль в осознании Бичераховым своего политического значения сыграл ротмистр Вокресенский. Как и многие герои этой книги, Василий Григорьевич Воскресенский — личность незаурядная, раскрыться которой в полной мере помогли экстремальные условия Гражданской войны. Оставленный Бичераховым в Баку «на хозяйстве» ответственным за полную эвакуацию имущества отряда и принужденный для этой цели тесно контактировать с Диктатурой и Каспийской флотилией, Воскресенский, этот кавалерийский офицер, неожиданно для всех и для себя самого обнаружил недоюжинные дипломатические способности, помноженные на организаторскую жилку и неприменный в те времена авантюризм. Совсем скоро он сделался очень важным в Баку человеком, связавшим воедино все военно-политические группировки, которые удерживал друг с другом страх перед турецкой оккупацией. Бичерахов был знаком с Воскресенским уже достаточно давно, и начальник отряда имел возможность оценить последнего в деле. В 1917 г., еще в Персии, возглавляя партизанскую сотню в отряде Бичерахова, офицер Ейского полка хорунжий Воскресенский показал себя храбрым командиром, участвовал в рейде за реку Диалу, в котором захватил много пленных и оружия. Был ранен, но оставался в строю³¹⁸.

Вброшенный в панический круговорот осажденного Баку, Воскресенский «поставил на карту свою голову» и вдруг начал говорить с архиреволюционной матросской массой, по его словам, «тем языком, каким умею справляться (как ни странно) со всеми матросами только я»³¹⁹. Язык общения Воскресенский выбрал жесткий, «иначе разболтаются». Он умел навязать оппонентам свою волю, был гибок, но настойчив в достижении своих целей. «Василий Григорьевич тянется и распространяется как цепкая лиана тропических лесов, — характеризовал его уже в эмиграции Л.Ф. Бичерахов. — Он гибок, но его не сломаешь... Хватка у него была мертвая»³²⁰.

В результате длительных переговоров в начале августа он добился благосклонности обеих серьезных политических сил, господствовавших на суше (Диктатура) и на море (флот). Следует отметить, что флот подчинялся Диктатуре лишь условно, на каждом из кораблей происходило непрерывное брожение. Воскресенский добился фактического согласия Диктатуры на то, чтобы «она не делала никаких самостоятельных распоряжений. Были бы при Вас (т. е. главнокомандующем Л.Ф. Бичерахове. — А. Б.) как совещательный и исполнительный орган»³²¹. В свою очередь, флот дал Воскресенскому «подписку и торжественное обещание исполнять только Ваши приказания, а здесь, на месте, — мои, как Вашего представителя»³²². Как заметил сам Воскресенский, «все мог в жизни предполагать, но только не командование флотом на море. И грустно, и смешно...»³²³.

В организации обороны на суше Воскресенскому также принадлежит немалая заслуга. Уже после ухода из города большевиков и бичераховского отряда Диктатуре и Воскресенскому удалось организовать оставшиеся силы, сформировав Образцовую бригаду (командир — полковник Степанов). Бригада состояла из трех «образцовых» полков, артиллерийской батареи и конной сотни. «Контроль и решение главных вопросов» в руководстве бригадой Воскресенский также взял на себя.

Воскресенский убеждал и Диктатуру, и матросов в том, что Бичерахов является единственным человеком, способным спасти Баку от турецкого нашествия. Как сообщал он в одном из писем самому Бичерахову, он готов на все, чтобы «укрепить ваше влияние на массы»³²⁴.

Сентенции Воскресенского могут показаться банальным подхалимажем, если не учитывать того факта, что его с ушедшим на север Бичераховым уже ничего не связывало. Между ними вообще длительное время не было связи, и по крайней мере первые четыре письма Воскресенского с отчетами о положении в Баку и о проделанной работе, отправленные в первой половине августа в Дагестан с нарочными, оставались

без ответа (хотя все попали адресату, поскольку сохранились в фонде отряда). На руках у Воскресенского оставались огромная денежная сумма в 1,2 млн рублей и материальные ценности отряда. И ему не пришло в голову распорядиться ими по своему усмотрению: все деньги были отправлены в отряд.

Между тем положение Баку ухудшалось. После паузы в начале августа турецкий главнокомандующий Энвер-паша приказал командующему бакинской группировкой Нури-паше возобновить штурм города. 36-я пехотная дивизия турок блокировала северные подступы к городу со стороны Дербента, а 5-я пехотная дивизия, совместно с отрядами Армии ислама общей численностью до 30 тыс. штыков, повела наступление на Баку.

Новый этап обороны города связан прежде всего с высадкой 4—5 августа долгожданного многими английского десанта «Данстерфорс» (части 39-й пехотной бригады 13-й пехотной дивизии). Но численность союзников (около 1300 штыков при 16 орудиях)³²⁵ всех разочаровала, включая, разумеется, и самих англичан, понимавших, что для удержания бакинского района необходимы значительно более серьезные силы. Британский Военный кабинет, по-прежнему возлагавший большие надежды на генерала Денстервилля, заверил его 14 августа в своей полной поддержке³²⁶, а все так же раздраженному его авантюрами генералу У. Маршаллу был дан совет «оставить свое недовольство при себе»³²⁷.

Вступая в Баку, генерал Денстервилль издал декларацию о том, что британское правительство «не преследует никаких личных целей» в Баку, «кроме общих интересов союзников в борьбе против германского империализма», и что британские войска «действуют по соглашению с временной Диктатурой Центрокаспия и совместно с войсками Бичерахова»³²⁸.

В начале сентября Бичерахов смог оказать помощь войскам защитникам Баку. 12 сентября сюда прибыл отряд в 500 человек при 10 пулеметах, по оценке Денстервилля, «сравнительно хорошо обученных и дисциплинированных»³²⁹. Это

были не казаки, а бакинцы, ушедшие с ним в августе в Дагестан. Тем не менее они оказались значительно лучше обучены и экипированы, чем местные защитники города. В последних сражениях (Баку пал 14 сентября) они оказались наряду с английскими войсками «единственной силой, на которую еще можно было полагаться»³³⁰. Кроме того, бакинским войскам оказывалась существенная помощь продовольствием, в котором они остро нуждались³³¹. Бичерахов намеревался прислать в Баку еще 600 казаков и обещал сам «быть вторым эшелонном», однако не успел ввиду падения города³³².

Малочисленные британские войска оказывали скорее моральное воздействие на противника, хотя несли и немалые потери (только в последних боях убитыми, ранеными и пропавшими без вести было потеряно 180 человек)³³³. Денстервилль запросил у генерала Маршалла присылку еще одной бригады, однако получил решительный отказ. Маршалл распорядился начать эвакуацию войск, «предоставив событиям идти своим чередом»³³⁴.

14 сентября, не дожидаясь решающего штурма города турками, отряд Денстервилля погрузился на пароходы и отплыл в Энзели.

События не заставили себя ждать: войдя в город, азербайджано-турецкие войска устроили повальную резню армянского населения, сполна отомстив армянам за мартовские дни. Следует отметить, что из Лондона генералу Маршаллу пришел приказ взорвать все нефтяные вышки в бакинском районе, чтобы они не достались врагу. Однако, справедливо опасаясь восстания пролетариата, способного смести англичан, Маршалл не выполнил этого приказа³³⁵. Туркам достались огромные трофеи: 30 млн пудов нефти-сырца, 40 млн пудов мазута, 11 млн пудов керосина, 9 млн пудов масел, 80 тыс. пудов бензина³³⁶.

Лично для генерала Л. Денстервилля эта история означала конец его военной карьеры. «Эта злополучная попытка спасти Баку была строго раскритикована как с политической, так и с военной точки зрения... Несомненно, что эвакуация

Баку нанесла сильный удар британскому престижу...» — отмечал генерал П. Сайкс³³⁷. В то же время наказания не последовало — все были убеждены, что поражения бы не случилось, если бы англичане имели должную поддержку со стороны тех, кого они защищали, — бакинских армян.

Любопытно, что несколько лет спустя, в 1926 г., генерал Денстервилль (как и полковник Бичерахов) стал героем пьесы специфического судебного жанра («агитсуда») некоего Р. Бегака. Английский генерал на этом суде обвинялся в том, что являлся «проводником политики британского империализма в Закавказье и тем самым является одним из виновников всей цепи бедствий, постигших бакинский пролетариат...»³³⁸. Досталось на «суде» и Бичерахову, ведь он «оголил ответственный участок фронта, после того как намеренно подпустил неприятеля близко к городу...»³³⁹. «Агитсуд», надо сказать небезынтересный и обнаруживающий хорошее знание автором — исторического материала, вместо приговора выносит резолюцию, «подводящую итоги урокам 18-го года и увязывающую их с лозунгами Октября»...³⁴⁰

Между тем во второй половине сентября 1918 г. по возвращении в Энзели состоялась церемония прощания генерала Денстервилля с остатками его отряда. По воспоминаниям Н.Н. Лишина, «солдаты, матросы, морские и сухопутные офицеры, в том числе и мы, были выстроены в каре, и генерал сказал речь, прощаясь и благодаря за службу. Все были мрачны. Все знали уже, что высшее начальство выразило генералу неудовольствие по телеграфу, что генерал отзывается, кажется, в Месопотамию. Невольно шевельнулось чувство искреннего участия к генералу, который, в конце концов, сделал максимум того, что можно было сделать таким маленьким отрядом... Он тяжело переживал поражение, ему тяжело было покидать отряд. Надо отдать справедливость, это был отличный, дисциплинированный отряд»³⁴¹.

О Бичерахове Денстервилль сохранил теплые воспоминания, которые изложил в своих мемуарах, вышедших в Великобритании уже в 1920 г. В самый последний момент он

успел добиться у Военного комитета присвоения Бичерахову звания генерал-майора королевских вооруженных сил, однако известие о производстве пришло уже после отбытия Денстервилля.

В дальнейшем английские войска в Северной Персии и на Кавказе были пополнены и переименованы в «Норперфорс» (North Persian Forces).

ЗАВОЕВАТЕЛЬ ДАГЕСТАНА

Политическая ситуация в Дагестане ко времени вступления в него отряда Бичерахова была исключительно сложной.

В первой половине 1918 г. твердой власти в области не имел никто. В аварских землях строил шариатское государство Нажмутдин Гоцинский, крупный землевладелец и скотопромышленник, избранный осенью 1917 г. имамом — духовным лидером области со светской властью. В административном центре области Темир-Хан-Шуре (нынешний Буйнакск) заседали Исполнительный комитет (Милликомитет) Съезда народов Дагестана, являвшийся составной частью Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Последний, в свою очередь, в конце 1917 г. объединился в Терско-Дагестанский союз, попытавшийся примирить непримиримые противоречия между казаками и горцами. После распада в начале 1918 г. Терско-Дагестанского правительства горская его составляющая — Союз объединенных горцев Кавказа — образовала Горское правительство.

В состав шуринского Исполнительного комитета входила весьма влиятельная Социалистическая группа, представлявшая собой самостоятельную политическую силу. Она возглавлялась профессиональными революционерами инженером М.-А. Дахадаевым и юристом Д. Коркмасовым. Во второй половине 1917 г. Социалистическая группа являлась самым влиятельным политическим объединением, а Д. Коркмасов даже был

избран главой Исполнительного комитета — дагестанского протоправительства. Социалисты, ведомые Д. Коркмасовым, М. Дахадаевым, М. Хизроевым, С. Габиевым, А. Тахо-Годи, У. Буйнакским, имевшими блестящее образование и опыт общественно-политической работы (например, Коркмасов около 20 лет провел в социалистических кругах в эмиграции, с 1903 г. был знаком с В.И. Лениным, окончил Сорбонну; А. Тахо-Годи окончил Московский университет и т. д.³⁴²), значительно адаптировали марксистское учение под местные условия, считая для себя возможным тесное сотрудничество и с мусульманскими авторитетами, и с Горским правительством, и даже с османским правительством турок-единоверцев. Социальное происхождение большинства дагестанских социалистов было далеко не пролетарским. Многие происходили из знатных, иногда зажиточных семей, а Махач Дахадаев даже владел в Темир-Хан-Шуре кинжальным заводом; вопреки марксистской теории, первичную революционную ячейку рабочих завода возглавлял сам заводчик³⁴³.

Единственный крупный промышленный, промысловый и портовый город в области Порт-Петровск в апреле 1918 г. был занят большевистскими отрядами, большая часть которых формировалась в Астрахани. Петровск горцами не воспринимался дагестанским городом; он жил обособленной, «русской» жизнью. В основном русские по национальности петровские большевики из тактических соображений охотно блокировались с Социалистической группой М. Дахадаева, что позволяло им хоть в какой-то мере использовать в вооруженной борьбе местные ресурсы.

В январе 1918 г. власть в Дагестане попытался захватить Гоцинский. Собрав несколько тысяч своих последователей, он вступил в Темир-Хан-Шуру, где организовал вторичное избрание себя имамом и объявил Дагестан шариатским государством. Однако под воздействием агитации представителей Социалистической группы Гоцинский быстро растерял сторонников и вынужден был вернуться в горы. В апреле Гоцинский вновь появился уже в Петровске.

В январе же 1918 г. в Дагестан с фронта вернулись 1-й и 2-й Дагестанские конные полки, расположившиеся гарнизонами в Темир-Хан-Шуре и Петровске. Полки растеряли уже личный состав, но переманить их на свою сторону желали все участники гражданского противостояния. Неделя за неделей шли переговоры дагестанских политиков с офицерами полка, расположения которых они добивались.

Социалистическая группа и большевики могли рассчитывать на помощь из Астрахани и Баку. В середине апреля они без труда выбили отряд Гоцинского из Петровска при помощи бакинских большевиков, приславших по железной дороге экспедиционный отряд. Бакинские и петровские большевики были тесно связаны друг с другом, поддерживали товарообмен. Петровск являлся перевалочным пунктом между большевистскими центрами Баку и Астрахань.

Весной 1918 г. на территории равнинного Дагестана в основном установилась советская власть. 18 апреля 1918 г. в Темир-Хан-Шуре был создан дагестанский областной Военно-революционный комитет, председательствовал в котором Д. Коркмасов. Его заместителем и военным комиссаром 3 мая был назначен М. Дахадаев. 21 июля здесь же был созван первый съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, избравший дагестанский Областной исполком во главе с Д. Коркмасовым, ставшим и председателем Темир-Хан-Шурина совета.

11 мая 1918 г. члены ЦК Союза объединенных горцев приняли Декларацию независимости Республики горцев Северного Кавказа и создали новое Горское правительство. В состав Республики горцев (Горской республики) были включены «области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей русской империи»³⁴⁴. В состав правительства вошли бывшие члены правительства Горской республики, в том числе премьер-министр А.О. (Тапа) Чермоев и военный министр князь, полковник Российской армии Нухбек Шамхал Тарковский, обратившийся за поддержкой к Турции и Германии, организовавшим военную интервенцию в

Закавказье. Турки не заставили просить себя дважды, поскольку и сами планировали поход на Северный Кавказ. Они объявили о признании Горской республики и пообещали ей «братскую помощь», «уважение» и «полную свободу» Горскому правительству.

Летом 1918 г. между противоборствующими сторонами установилось негласное перемирие. Ни Н. Гоцинский, ни Горское правительство к моменту появления на южной окраине Дагестанской области отряда Бичерахова серьезными военными силами не обладали. Первый опирался на аварское ополчение, само по себе ненадежное, второе ожидало помощи турок. Создать вооруженные силы к лету 1918 г. удалось только большевикам. Частью они состояли из местных ополченцев («отряды революционных аулов»), а частью — из русских красноармейцев, присылаемых из Астрахани (всего 5—6 тыс. человек)³⁴⁵. И для тех и для других установившееся летом затишье было губительно: ополченцы расходились по своим аулам, а красноармейцы, которым идти было некуда, становились тяжелой обузой для местного населения и разлагались морально. «Спим, едим и ничего не делаем, обираем народ и ничего ему не даем. Красноармейцы разлагаются или в лучшем случае лентяйничают», — доносил в Астрахань, в штаб Северо-Кавказского военного округа Красной армии военный комиссар Н.И. Тутышкин. А командир 1-го Дагестанского советского полка настоятельно просил военного комиссара Северного Кавказа Анисимова разрешения вывести полк из Дербента, «ибо полк слишком устал и благодаря обилию вина в Дербенте может совершенно деморализоваться»³⁴⁶. Красные войска были плохо дисциплинированными и легко поддавались панике³⁴⁷. Они были чрезвычайно ослаблены, плохо обмундированы. В июле 1918 г. командир одного из отрядов раздраженно сообщал в Астрахань: «Люди босые и раздетые, вести войну в горах — не в Астрахани гулять. Дошли до того, что рвем с себя рубашки и перевязываем раны... Отряд, который имею, устал и ультимативно требует смену»³⁴⁸.

Вошедший в Дагестан отряд Бичерахова первоначально не собирався ни с кем воевать. Однако столкновение было неизбежным. Дербент был занят большевистскими отрядами, а Бичерахов уже был объявлен предателем.

Непосредственным поводом к началу войны между Бичераховым и большевиками послужил арест представителями Совета обороны Дагестана офицеров штаба Бичерахова (всего восемь офицеров)³⁴⁹ во главе с полковником Г.А. Бертреном. Рекогносцировочная группа отряда Бичерахова случайно столкнулась с красноармейцами. Передовая сотня бичераховского отряда расположилась в Дербенте, когда на железнодорожный вокзал прибыл красноармейский эшелон 1-го Дагестанского советского полка под командованием А. Ляхова. Затем еще два. Красных войск оказалось около тысячи человек. Бичераховцам предложили разоружиться и уйти. После того как они отказались, красные пленили офицеров, а остальным казакам удалось скрыться под огнем блиндированного поезда большевиков³⁵⁰. Кроме того, несколько позднее большевики реквизировали прибывшие в Порт-Петровск два бичераховских парохода с грузами отряда, а находившихся на борту 18 офицеров и 82 солдат арестовали³⁵¹.

В ответ Бичерахов захватил заложников из числа членов Дербентского исполкома. 15 августа чрезвычайный комиссар Дагестана В.И. Нанейшвили отправил телеграмму Бичерахову, в которой утверждал, что «при всем желании» не может исполнить его требования освободить арестованных, поскольку якобы часть арестованных разбежалась, а другая часть «во главе с начальником бронированного поезда № 1 Мусаиловым скрылась, захватив пароход». Нанейшвили требовал освобождения своих соратников³⁵². Известно, что полковник Бертрень выжил — в октябре 1918 г. он упоминался в одном из писем Тапы Чермоева к Бичерахову. Судьба его товарищей, арестованных большевиками, как и членов Дербентского исполкома, взятых в заложники Бичераховым, неизвестна.

Через восемь дней в Дербент вступил основной отряд Бичерахова и открыл войну против большевиков. «Я не пред-

принимал ничего против большевистской власти до тех пор, пока на меня большевистские комиссары не направили русские народные военные силы, — объявил он в приказе войскам. — Дербентские и петровские большевики первые открыли против меня военные действия»³⁵³.

Несмотря на то что большевики располагали на этом фронте немалыми по численности силами (до 1700 штыков, до 320 сабель, 14—16 орудий и до 30 пулеметов)³⁵⁴, серьезного сопротивления они не оказывали, отступая вдоль линии железной дороги. А. Ляхов после инцидента с офицерами полковника Бертрена самовольно увел свой полк в Темир-Хан-Шуру. 15 августа бичераховский отряд захватил Дербент. В дальнейшем большевистским отрядам удалось в течение 20—28 августа задерживать бичераховцев в районе Мамедкалы.

На позициях против бичераховцев были сосредоточены 6-й Царицынский полк, Дагестанский советский конный полк, Петровский и Дербентский рабочие батальоны, ряд партизанских отрядов из местных народностей Дагестана, а также присланный из Астрахани отряд из бывших австро-венгерских военнопленных (венгров по национальности)³⁵⁵.

Перебежчики из числа красноармейцев показывали, что в рядах обороняющихся царила паника. В период боев в районе Мамедкалы 6-й Царицынский полк отказался от участия в сражении и снялся с фронта. То же самое сделали отдельные подразделения конного полка. Отряд петровских рабочих-красногвардейцев численностью 500 человек целиком сдался в плен. Известно, что пленные красноармейцы Царицынского полка были сагитированы бичераховцами и отпущены «с миром» к своим товарищам, после чего те тоже отказались от борьбы.

Большевики отступали от одной железнодорожной станции к другой: Каякент, Инчхе, Изберг, Манас. Под Манасом они рассчитывали дать бичераховцам решающий бой. Однако один из полков пришлось перебросить в Темир-Хан-Шуру, где со своими отрядами выступил Н. Гоцинский. Кро-

ме того, «местные мусульманские отряды потеряли связь с русской армией, — констатировалось на экстренном совещании Областного исполкома в Темир-Хан-Шуре в конце августа, — многие воины разбрелись по аулам»³⁵⁶.

Последней цитаделью большевиков стал Порт-Петровск — промышленный и портовый центр Дагестана. По указанию Ленина, в Порт-Петровск из Астрахани был отправлен Ленинский полк, отряд Джорова, под Петровском стягивались отряды с темир-хан-шуринского и чир-юртовского фронтов. В самом Петровске была объявлена мобилизация, которой подлежали все коммунисты и рабочие, способные носить оружие. Из них был сформирован стрелковый полк и артиллерийский дивизион. Жители укрепляли подступы к городу, окружили его проволочными заграждениями. Вокруг города под руководством инженера-большевика С.В. Лагоды была проложена окружная железная дорога, по которой пущен построенный в петровском депо блиндированный поезд.

27—28 августа начались бои за Петровск. Попытка взять город с ходу не удалась. Город был блокирован. Казаки заняли все командные высоты, а с моря его блокировали канонерские лодки «Карс» и «Ардаган». Несколько дней за город шел ожесточенный бой.

2 сентября, когда положение стало безнадежным, петровские большевики (в основном русские) отплыли в Астрахань, отказавшись от дальнейшей борьбы. В городе осталась группа дагестанцев-социалистов под руководством Дахадаева, которая немедленно вступила в переговоры с Бичераховым. «Мы начали вести переговоры с Бичераховым, чтобы он дальше не продвигался по побережью, чтобы не занимал Темир-Хан-Шуру, чтобы он заключил с нами договор: общими силами бороться против турок»³⁵⁷.

2 сентября к Бичерахову была отправлена делегация от областного Исполнительного комитета, после чего было решено город сдать без боя, поскольку сил для его обороны все равно не имелось. Соглашение с Бичераховым имело странное название «деловой контакт». Согласно его условиям, за

Бичераховым оставалась прибрежная полоса, а войска Дахадаева отступали в Темир-Хан-Шуру. Бичерахов обещал не принимать участия в гражданской войне в Дагестане, продолжать боевые действия только против турок. Тем не менее вскоре большевики внезапно исчезли из Темир-Хан-Шуры, а их место занял бичераховский гарнизон во главе с офицером Николаем Коблицким³⁵⁸. Как это произошло, никто не заметил. «Однажды мы обнаружили, что на фронте большевиков больше уже нет, а стоят бичераховские посты», — вспоминал свидетель событий командир 1-го Дагестанского полка полковник М. Джафаров³⁵⁹.

6 сентября Бичерахов получил очередное письмо («ноту») от Дахадаева, составленное уже в совсем ином, заносчивом тоне: «Вы должны немедленно освободить наши проходы, дабы мы могли беспрепятственно сношаться с Астраханью, Баку и другими местами — с нашими товарищами. Сосредоточив в Дагестане армян, казаков, беженцев с фронтов и всякий сброд, не думайте, что вам удастся обмануть и закабалить английскими деньгами свободолюбивых горцев. Предлагаю вам немедленно убрать ваши войска с территории Дагестана тем же путем, каким вы, проходимцы, пришли, или иным путем. В случае если вы откажетесь эвакуировать ваши войска, то свободолюбивые горные орлы дадут вам достойный ответ оружейным огнем»³⁶⁰.

Впрочем, к этому времени «горные орлы» давно разошлись по домам и эскапады Дахадаева были не более чем сотрясанием воздуха. Главной заботой дагестанских социалистов — М. Дахадаева, Д. Коркмасова, П. Ковалева — теперь стало сберечь имевшиеся немалые денежные средства, на которые они рассчитывали собрать новую армию.

Интересно, что слухи о казне дагестанских социалистов быстро распространились по всему краю и на нее нашлось немало охотников. По сведению бичераховских агентов, речь шла о сумме в 5 млн рублей³⁶¹, которые в целях подстраховки Дахадаев и Коркмасов разделили между собой и разошлись в разные стороны³⁶². В частности, «эти деньги не да-

вали Тарковскому покоя», и он даже снарядил военную экспедицию в Унцкуль, где, по слухам, осели беглецы³⁶³.

Фигура Нух-бека Тарковского нуждается в некотором пояснении, тем более что в современном Дагестане, благодаря ряду высоких, но сугубо формальных титулов, которые он имел в период Гражданской войны, в некоторых кругах (прежде всего в кумыкских) его считают едва ли не отцом дагестанской государственности. Представитель древнего аристократического кумыкского рода, крупный землевладелец, полковник князь Нух-бек Тарковский, офицер 2-го Дагестанского полка Дикой дивизии большую часть Первой мировой войны провел в Дагестане, являясь помощником командира полка, отвечающим за пополнения. В начале 1918 г. он был избран командиром 1-го Дагестанского полка, но славы на этом поприще не снискал. Летом всадники стали покидать полк, не в состоянии терпеть его мстительности: «Он сажает в тюрьму, бьет, штрафует крестьян за то, что они когда-то рубили его лес или косили сено». По словам современников, «поведение Тарковского... разложило и возбудило недовольство всего полка» и «озлобило все население»³⁶⁴. В конце концов Тарковский вынужден был передать полк полковнику М. Джафарову.

В это же время Тарковский начал политическую карьеру, получив портфель военного министра в Горском правительстве. В конце августа 1918 г., в этом же статусе, он ввел свой отряд (остатки полка) в Темир-Хан-Шуру в тот момент, когда стало очевидно, что большевики окончательно разбиты бичераховцами.

Здесь он неожиданно объявил себя диктатором Дагестана, не порывая, однако, и с Горским правительством, хотя, по свидетельству М. Джафарова, с правительством это решение не согласовывалось³⁶⁵. По своей инициативе он начал переговоры с Бичераховым. Последний требовал отказаться от турецкой помощи, обещая взамен «в корне ликвидировать» большевизм в Дагестане, но только если турки выведут свои войска из области, а также признать верховную власть Тарковского³⁶⁶. Полковник М. Джафаров находил в позиции Тар-

ковского исключительно личную мотивацию: «Вообще Нух [Тарковский] был больше на стороне Бичерахова, чем турок, но об этом, конечно, он нигде громко не говорил. Нух был уверен, что Бичерахов сохранит ему его титул, чины и главное — его земли. Сделают ли то же турки, он сомневался»³⁶⁷. Представителю богатейшего дагестанского рода было что терять. Тарковские сохраняли большие земельные владения в кумыкских плоскостных землях между Темир-Хан-Шурой и Петровском — как раз там, где теперь безраздельно господствовали бичераховцы.

25 сентября между Тарковским и Бичераховым в Петровске было подписано соглашение, разграничившее фактически существовавшие сферы влияния двух военачальников. Бичерахов сохранял за собой город Порт-Петровск, железную дорогу и выход в море. Остальная часть Дагестана переходила в управление Тарковского на правах диктатора, с тем чтобы признать законную верховную власть в России, когда она установится. Тарковский брал на себя обязательство оказать помощь отряду Бичерахова предметами снабжения и продовольствием, находящимися на складах Продовольственного комитета в Шуре³⁶⁸. Известно, в частности, что Тарковский передал бичераховцам сукно и бурки, оставшиеся после большевиков³⁶⁹. Бичерахов, в свою очередь, дал обещание Тарковскому передать ему вооружение и боеприпасы для вооружения отрядов, предназначенных для борьбы с большевиками. К тому же, по словам М. Джафарова, «от Бичерахова, конечно, он получил большую сумму денег»³⁷⁰.

Власть Тарковского оставалась номинальной даже в Шуре, поскольку Бичерахов разместил здесь отделение своего штаба, которое занималось заготовкой продовольствия, производило в случае необходимости аресты вне зависимости от воли диктатора. Вооруженных сил, кроме одного полка, в котором нести службу оставались одни офицеры, Тарковский не имел. «Энергичный протест», который он все-таки заявил Бичерахову со ссылкой на соглашение о невмешательстве во внутренние дела друг друга, имел следствием присылку к нему

представителя Бичерахова Петросяна «с вежливым разъяснением, что Бичерахов — представитель центральной власти, а Тарковский — лишь местный правитель»³⁷¹. Реальное положение было таково, что даже близкие помощники Тарковского были уверены в том, что «губернаторство Тарковскому дал Бичерахов»³⁷². Бичерахов позволил войскам Тарковского войти в город и делать «все, что угодно», но в оперативном отношении он подчинялся ему, Бичерахову³⁷³. Само вступление Тарковского в Шуру состоялось только после разрешения Бичерахова, переданного ему через полковника М. Джафарова³⁷⁴.

Обе стороны понимали цену взаимным договоренностям. Тарковский считал Бичерахова авантюристом³⁷⁵. У Бичерахова также не было особых оснований доверять Тарковскому, поскольку тот плохо скрывал свою протурецкую ориентацию. Не определена была и стратегическая цель союза: не было оговорено, что считать «законной российской властью», к которой союзники должны были стремиться.

Впрочем, на взгляд большевиков, союз Бичерахова с Тарковским вполне состоялся. Когда по приказу Тарковского 22 сентября был задержан и расстрелян один из революционных вождей Дагестана Махач Дахадаев (в области его знали просто по имени Махач), большевистские листовки обвиняли в этом «офицерские банды Бичерахова—Тарковского»³⁷⁶.

Обвинение в гибели Махача Дахадаева, брошенное Бичерахову большевиками (12 октября 1918 г. его в своей телеграмме Ленину о гибели «популярнейшего советского работника» сформулировал Г.К. Орджоникидзе)³⁷⁷, крепко приклеилось к нему, вошло во все исторические энциклопедии и тиражируется в современной литературе. Между тем решение об убийстве Махача принимал лично Тарковский, союз которого с Бичераховым был формальным.

Чем бы ни руководствовался Тарковский, отдавая приказ об убийстве Дахадаева, престижа ему этот поступок не добавил. Не желая того, Тарковский помог Бичерахову, поскольку, обезглавив социалистический лагерь, способствовал

развалу повстанческих отрядов, которые собирал в горах Дахадаев. Один из красных партизан вспоминал, как после вести о гибели Махача «стало наше сердце холодным, и потеряли мы всякую охоту сопротивляться». В первую же ночь партизаны разошлись по аулам³⁷⁸. Впрочем, Тарковского это положение, очевидно, устраивало. «Видимо, он приходил к сознанию, что никакой опасности... ждать не приходится, — вспоминал М. Джафаров. — Нух как будто с каждым днем распоясывался. Он входил в свою колею диктатора»³⁷⁹.

Тарковский, как «диктатор» Дагестана, в этот период представлял скорее самого себя, чем Горское правительство, в котором он состоял военным министром. Его диктаторские претензии подпитывались его небольшой военной силой, которая квартировала в Темир-Хан-Шуре. Перед главой Горского правительства Тапой Чермоевым он позднее оправдывался тем, что не мог поступить иначе и сделал это во имя поддержания порядка в области.

Деятельности Горского правительства в период оккупации Дагестана Бичераховым стоит уделить несколько строк ввиду огромного интереса к нему в современных республиках Северного Кавказа, где декларативная деятельность этого органа принимается многими за чистую монету. Сейчас Горское правительство понимается многими как реальный субъект кавказской и международной политики периода Гражданской войны, а не эфемерный орган власти, функционировавший, по замечанию современника, «в тифлиссских и бакинских отелях»*.

Прибыв в начале октября в Дербент, председатель Горского правительства Тапа Чермоев оказался единственным выразителем его воли в Дагестане. Это его не смутило — уже давно деятельность правительства выражалась в по-восточному многословной и велеречивой дипломатической переписке со всеми концами света. Как и в случае с М. Дахадаевым, Бичерахо-

* Длительное время Горское правительство размещалось в двух номерах тифлиссской гостиницы «Ориент» (Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Мачкала, 1993. С. 34).

ву и здесь пришлось выдержать эпистолярную атаку со стороны Чермоева, начатую весьма дружелюбно («Дорогой Лазарь, я прибыл в Дербент и не понимаю происходящего...»)³⁸⁰, продолженную угрожающе («Тем, кто находится в Петровске и окрестностях и переходит национальные границы Северо-Кавказской республики и нарушает священную независимость»; «Правительство Северо-Кавказской республики спрашивает у находящихся в Петровске и окрестностях командующего и групп войск, официального положения которых оно не знает: на каком международном праве они основываются, с какими признанными существующими державами правительством они сносятся?») и оконченную тоном великодушного победителя (добровольно сложившим перед единственным представителем Горского правительства оружие бичераховцам обещаны «хороший прием», «кормить всех безоружных» и «отправить их на родину»)³⁸¹. В противном случае Чермоев предлагал «сражаться с национальными силами» Горского правительства, в котором противнику пощады не обещалось: «расстрел всех пленных как изменников»³⁸².

В ответном письме, датированном 15 октября, Бичерахов не преминул съязвить относительно «языка константинопольских канцелярий» горского премьера, заметив ему также, что в его признаниях не нуждается, воюет на российской земле и никакой Северо-Кавказской республики не знает. Тем более что на посланиях Чермоева стояла печать другого государственного образования — «Союза горцев Кавказа». «Странно приглашать меня и мои войска уходить с границ того, что еще не имеет даже определенного названия». Бичерахов предложил Чермоеву партнерство на условии отзыва им турецких войск из Дагестана («которым я от всего сердца желаю счастливого пути»)³⁸³.

После некоторых раздумий Чермоев торжественно пообещал увести турок «с нашей земли» и присоединиться к Бичерахову и генералу Алексееву, однако от личной встречи уклонился. Так окончился самый бескровный конфликт Бичерахова — с Горским правительством.

**«ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
КАВКАЗСКОЙ АРМИЕЙ И ФЛОТОМ»**

В предыдущей главе приведены разъяснения бичераховского офицера князю Тарковскому о том, что «Бичерахов — представитель центральной власти, а Тарковский — лишь местный правитель»³⁸⁴. Это не случайные слова. На дагестанский период приходится время политического созревания Лазаря Бичерахова, складывания у него более или менее стройной политической стратегии. Опору его политическим амбициям в этот период составило его многократно выросшее по сравнению с персидским и бакинским периодами военное могущество. И в это же время британское командование практически не имело рычагов воздействия на Бичерахова. Он стал самостоятельным политическим деятелем регионального масштаба, добившимся к тому же легитимации со стороны общепризнанных центров антибольшевистского движения. В системе координат Гражданской войны в России этот период занял достаточно длительный срок — с начала сентября по 11 ноября 1918 г. — и огромную территорию: Бакинский район, Дагестанскую, Терскую и Закаспийскую области.

К моменту ухода бичераховцев из Баку отряд значительно вырос в численности за счет жителей города, в основном армян. На 1 августа в его составе имелось 9 сотен казаков, 10 рот пехоты и 2 роты спецчастей, 15 орудий, в том числе 3 дальнобойных и 2 гаубицы, бронепоезд и масса боеприпасов³⁸⁵. Кроме того, на складах отряд имел большой запас оружия и боеприпасов (28 орудий, 4 тыс. винтовок, 14,4 тыс. снарядов разного калибра, 1300 тыс. патронов)³⁸⁶, что позволяло развернуть еще не одну крупную часть.

После ухода из Баку к нему добровольно присоединилось множество армянских солдат, а по мере продвижения по территории Дагестана в его состав вливались многочисленные военнопленные. Кроме того, он рассчитывал на присоединение к себе еще терских войск³⁸⁷.

Финансовое положение отряда оставалось в этот период весьма устойчивым. По прибытии в Петровск Бичерахов добился у сменившего генерала Денстервиля генерал-майора В.М. Томсона, командира 14-й британской пехотной дивизии, подтверждения о продолжении финансирования отряда британской казной. Положение англичан в это время было незавидным: с большими потерями — людскими, материальными и моральными — они оставили Баку, вернулись в Энзели и вынуждены начинать интервенцию на Кавказ сначала. Отказываться от единственного союзника в регионе, имевшего боеспособный отряд, им было невыгодно.

Осенью во все хлебородные районы Терской области — от станции Прохладной до станции Наурской — были командированы бичераховские заготовители под руководством начальника заготовок Бульбы, которые скупали урожай, свозя его в Моздок. Были закуплены десятки тысяч пудов пшеницы, ячменя и сена³⁸⁸. Имея наличные деньги, бичераховцы избегали реквизиций и закупок по заниженным ценам, чем снискали славу хороших покупателей. Напротив, они расплачивались наличными и вели закупки преимущественно в казачьих отделах. Бульбе было поручено заготовить 25 тыс. пудов пшеницы, 30 тыс. пудов овса (ячменя), 1000 пудов сухарей, непортящихся овощей из расчета на 6 тыс. человек на 2 месяца, 2 тыс. пудов пшенной крупы, масла «на первое время пудов 300», 50 тыс. пудов сена, 500 голов крупного рогатого скота. На это заготовителю отряда была выдана крупная сумма денег — 2 млн рублей. «Если доставка будет обходиться дешевле при собственном транспорте — закупайте транспорт, он нам пригодится», — напутствовал его Бичерахов³⁸⁹.

Еще больший объем закупок планировался в другом плодородном крае — в Мугани: пшеницы и ячменя — до 150 тыс. пудов, риса — до 200 тыс. пудов и строительного материала самана — 40 тыс. пудов³⁹⁰.

Обосновавшись в Петровске, Бичерахов озаботился восстановлением и развитием инфраструктуры, необходимой для функционирования крупного военного объединения.

Принимались меры по восстановлению радио, телефонной и телеграфной связи, ремонту железнодорожного пути и сбору подвижного состава, организовывались склады и мастерские. В Петровск свозилось закупленное продовольствие и фураж. Для его транспортировки началось строительство железнодорожной ветки Старотеречная—Кизляр, а также готовился проект строительства грузовой пристани в Старотеречной. Кроме того, рассматривался вопрос организации судоходства по Тереку и пуска по нему грузовых и вооруженных пароходов³⁹¹. С этой целью Бичерахов требовал высылки из Энзели и Красноводска землесосов для углубления дна Терека. (Правда, машины так и не были отправлены.)

Разумеется, вся эта мощная военная организация по своим масштабам уже вышла далеко за рамки автономного партизанского отряда, каковым он являлся в персидский или бакинский периоды своей истории. Само собой выросло решение о придании отряду новой, адекватной его составу организации и статуса. Примерно с середины сентября отряд начинает именоваться Кавказской армией. К ней присоединяется солидная Бакинская флотилия, состоящая из нескольких военных судов и вооруженных коммерческих пароходов (гордо именуемая в источниках «Флотом»), ловко управляемая ротмистром Воскресенским. Лазарь Бичерахов становится главнокомандующим Кавказской армией и флотом.

Преображение отряда в армию было не только формальным. Началась активная работа по развертыванию новых частей, на что прежде, в походных условиях, не было времени. Активно формируются пехотные части. Организационно выделена конница, артиллерия, транспорт. Созданы броневтомобильные и бронепоездные части. Сухопутные войска дополнились другими видами войск — авиацией и военной флотилией («Флотом»)³⁹².

Согласно документу «Боевой состав Кавказской армии и Флота, командуемых Л.Ф. Бичераховым», подписанному начальником штаба Кавказской армии А.В. Мартыновым, в составе бичераховских Кавказской армии и Кавказского «фло-

А. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

та» насчитывалось ни много ни мало 97 отдельных частей, подразделений, учреждений и кораблей, в составе которых числилось почти 30 тыс. человек³⁹³.

№	Наименование частей	Офицеров	Солдат	Лошадей	Пулеметов	Оружий	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Штаб отряда, обоз и команда связи	20	120	52			
2	Прочие штабы	56	108	43			

ПЕХОТА

3	Образцовая бригада:						
	1-й батальон 1-го полка	27	606	8	4		
	2-й батальон 1-го полка	24	598	11	4		
	3-й батальон 1-го полка	22	570	11	4		
	1-й батальон 2-го полка	32	602	1	4		
	2-й батальон 2-го полка	31	598	11	4		
	3-й батальон 2-го полка	31	574	11	4		
4	Особый батальон	нет данных					
5	Осетинская сотня	4	176	15	2		
6	Особая сотня	4	340		2		
7	1-я Пограничная сотня	5	197		2		

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7	8
8	1-я Кавказская стрелковая бригада	119	2317	20	32		
9	2-я Кавказская стрелковая бригада	119	2317	20	32		
10	Лезгинская сотня		78				
11	Астраханско-Уральская сотня	5	130				
12	1-й стрелковый батальон	48	1200	27			
13	Особый партизанский отряд Амазаспа		800				

КОННИЦА

14	Горско-Моздокская сотня	3	134	153			
15	Запорожская сотня	4	163	180			
16	Линейно-Хоперская сотня	3	110	120			
17	Уманская сотня	4	116	145			
18	Кубанская сотня	2	166	188			

АРТИЛЛЕРИЯ

19	1-я полевая батарея	3	132	91	4		
20	2-я полевая батарея	2	108	61	4		
21	3-я полевая батарея	3	134	60	4		

А. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

1	2	3	4	5	6	7	8
22	4-я полевая батарея	7	110	68	4		
23	5-я полевая батарея	5	111	60	4		
24	Конно-горная батарея	5	101	88	6		
25	1-я тяжелая 42-линейная батарея	4	112	69	4		
26	2-я тяжелая 6-дюймовая батарея	4	112	76	3		
27	3-я тяжелая 48-линейная батарея	4	110	78	4		
28	Поезд-батарея	9	23				
29	Блиндированный поезд	4	80				
30	Бронированный поезд	6	114				
31	Броневой дивизион						6 машин
32	Пулеметная сотня	23	366	64		40	
33	Артиллерийский парк	5	114	100			
34	Артиллерийское снабжение	6	41				
35	Автоколонна	8	205				34 легк., 39 груз., 1 мотоц.
36	Авиадивизион	16	56				
37	1-я выучная радиостанция	1	15	17			

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7	8
38	2-я конная радиостанция	1	12	8			
39	14-я полевая радиостанция	1	12	8			
40	2-я полевая радиостанция	1	14	17			
41	Радио Энзели	1	12	8			
42	Радио Красноводск	1	14	10			
43	Радио Амур-Аге	1	12	8			
44	Радио Форт-Александровск	1	12	8			
45	Инженерная рота	10	350	40			
46	Команда связи	10	268	20			
47	Транспорт	3	163	187			
48	Мастерские	15	175				
49	Подвижные склады	16	134				
50	Лазарет	7/7	50	17			
51	Петровский военный лазарет	7/8	42	20			
52	Вспомогательный поезд	3	124				
53	Железнодорожная рота	3	180				
54	Железнодорожные служащие	3	172				
55	Рабочая рота	1	300				

1	2	3	4	5	6	7	8
56	Темирханшуринская пешая сотня Начальники гарнизонов:	16	60	10			
57	Города Энзели	3	276	8			
58	Города Петровска	3	160	24			
59	Хлебопекарня		11				
60	Мукомольни		15				
61	Заведующий заготовками Муганский фронт:	5	40	60			
62	1-я Муганская стрелковая бригада	120	2500	67	24		
63	2-я Муганская стрелковая бригада	124	2450	76	24		
64— 67	Четыре полевые батареи	19	432	248		16	
68	Одна горная батарея	3	104	72		6	
69	Муганский 6-сотенный конный полк Кизлярский фронт:	35	957	1126			
70— 74	Пять конных сотен	46	527	645			
75	Особый пехотный батальон	58	1456	56	8		
76	Пеший казачий дивизион	15	600	25			

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7	8
77	Полевая батарея	3	132	91		4	
78	Гаубичная батарея	4	102	78		3	
79	1-й взвод броневиков Закаспийский фронт:	4	12				2 машины
80	Кизил-Арватский батальон	10	420	40	6		
81	Асхабадский батальон	40	410	20	10		
82	Туркменская пешая сотня	4	150				
83	Русская конная сотня	7	110	120			
84	Туркменский конный полк	30	700	1000			
85	Другие туркменские части		1560				
86	Полевая Закаспийская батарея	7	110	78		4	
87	Один взвод поршневых орудий	3	55	40		2	
88 — 97	Каспийская военная флотилия	70	800		25	35	9 судов
	И Т О Г О	1373	28 179	6193	221	107	9 военных судов, 8 броневиков, 73 автомобиля

Итак, Кавказская армия и Кавказская флотилия осенью 1918 г. насчитывали в своем составе 29 952 человека, 6193 лошади, 22 пулемета, 107 орудий, 8 броневедомостей, два бронированных поезда, один поезд-батарею и один вспомогательный поезд, 34 легковых и 39 грузовых автомобилей, авиадивизион, 9 вооруженных судов, 4 стационарные и 4 подвижные радиостанции.

Не исключено, что в ряде случаев желаемое выдавалось начальником штаба Мартыновым за действительное, за списочный состав выдавалась штатная численность формируемых частей (сомнения вызывают некоторые ровные числа, полное совпадение численности личного состава и вооружения двух Кавказских стрелковых бригад и некоторые другие данные), однако общая тенденция к организационному усложнению и быстрому росту численности Кавказской армии и флотилии несомненна и подтверждается многими документами.

Оценок численности бичераховских войск в период их наибольшего подъема достаточно много, они различны, но каждый раз это достаточно внушительная цифра. По данным председателя Русского национального комитета, в Баку к середине осени 1918 г. она достигала 10 тыс. человек, из которых до 8 тыс. составляли армяне³⁹⁴. По данным начальника полевых войск Кавказской армии полковника Б.В. Никитина, осенью отряд был развернут до 9 батальонов пехоты, 6 сотен казаков и 8 батарей³⁹⁵. Оценка численности армии самим Бичераховым разнится. В октябре 1918 г. он давал цифру в 25 тыс. солдат и матросов. А в марте 1919 г. в одном из писем отмечал, что в период своего расцвета численность Кавказской армии составляла 16 тыс. человек в строю и 4 тыс. человек в лазаретах. Кроме того, армия понесла потери до 3 тыс. человек³⁹⁶.

Много это или мало? На что могло рассчитывать такое войско? Как уже говорилось, в условиях хаоса Гражданской войны любое организованное воинское формирование могло добиться очень большого успеха. Конечно, для этого необходимо было

определенное стечение обстоятельств. Напрашивается пример Экспедиционного корпуса 11-й армии РККА под командованием Ю.П. Бутягина, который зимой и ранней весной 1920 г., будучи в авангарде Красной армии, фактически в одиночку освободил от белых частей огромные пространства Калмыкии, Дагестана, Чечни и Ингушетии. Корпус состоял из одной стрелковой, двух кавалерийских бригад и двух отдельных отрядов (3531 штык, 788 сабель, всего — 9542 человека при 25 орудиях, 137 пулеметах)³⁹⁷. Корпус был тщательно подготовлен к переходу через пустыню и автономным боевым действиям: снабжен радио- и телефонной связью, тяжелой артиллерией, автомобилями, большим конно-верблюжим обозом, укомплектован санитарными, ветеринарными и противозидемиологическими службами, инженерным батальоном. Позднее корпусу было придано авиазвено³⁹⁸. И без того немногочисленный корпус Бутягина наступал двумя изолированными группами в расходящихся направлениях и добился грандиозного успеха. Но тогда противник был уже дезорганизован, а на сторону красных частей стали горцы. А ровно год назад этим же маршрутом отступала громадная стотысячная Красная 11-я армия, полностью погибшая в солончаковой степи. Ее даже никто не преследовал. Она сама умерла от голода, холода, безводья и особенно тифа.

Армию Бичерахова тоже могла постичь любая судьба.

Возвращаясь к организации Кавказской армии, следует сказать, что Бичерахов сам стимулировал приток добровольцев в отряд. Вскоре после ухода из Баку, 4 августа были объявлены оклады для всех «вновь поступивших»*: офицерам 1100 рублей, их помощникам — 900 рублей, солдатам — 510 рублей³⁹⁹. Кроме того, Бичерахов брал на себя продовольственное обеспечение новобранцев (например, продовольственный паек солдата в денежном исчислении составлял 410 рублей в месяц). Для сравнения: денежный оклад крас-

* Здесь и ниже все денежные оклады номинированы в «николаевских» деньгах.

ноармейца бакинской Кавказской Красной армии составлял 150 рублей, а командира — 550 рублей⁴⁰⁰. Оклад рядового Терской Красной армии осенью 1918 г. составлял 300 рублей. Оклады же военнослужащих Добровольческой армии в начальный период ее существования были и вовсе мизерными. Согласно утвержденным 8 мая 1918 г. генералом М.В. Алексеевым штатам, вновь поступившие на солдатские должности ставились на все виды довольствия и получали 30 рублей плюс по одному рублю суточных на период боевых действий. Офицеры на должностях рядовых получали 250 рублей в месяц, командир роты — 325 рублей, командир батальона — 400 рублей, командир полка — 500 рублей. Командующему армией был определен оклад в 1000 рублей в месяц⁴⁰¹. Лишь 30 ноября 1918 г. «в связи с дороговизной» содержание нижним чинам (и пропорционально всем прочим) Добровольческой армии было увеличено до 250 рублей⁴⁰².

В Кавказской армии Бичерахова по истечении двух месяцев службы все вновь прибывшие переводились на оклады «старых партизан», каковыми считались те, кто служил еще в Персии⁴⁰³. Для казака он составлял 651 рубль, для взводного — 693 рубля, командира сотни — 2400 рублей⁴⁰⁴. (Для сравнения: в Добровольческой армии рядовым только после 4 месяцев службы оклад поднимали до 100 рублей, после восьми — до 200, после 12 месяцев — до 500 рублей⁴⁰⁵.) В условиях свирепствовавшего голода это было предложение, отказываться от которого было бы неразумно, что обусловило большой поток добровольцев в Кавказскую армию. К сказанному следует добавить, что в отряде были установлены щедрые пособия для казаков и солдат, получивших боевые ранения. В зависимости от степени тяжести ранения выплачивалось от 750 до 1500 рублей⁴⁰⁶. Семьям погибших на родину отсылались пособия⁴⁰⁷.

Правда, указанные оклады относились только к войскам «оперативного назначения». Чины гарнизонных, милиционных и прочих частей, не предназначенных для непосредственного участия в бою, получали значительно меньше — от 200 до 300 рублей⁴⁰⁸.

Благодаря высоким окладам Бичерахову удалось набрать многотысячное войско, избежав мобилизаций — истинного бича всех армий всех воевавших в Гражданской войне сторон. Насильно мобилизованные лица становились главным деморализующим фактором, разлагали даже здоровые части с богатой боевой историей. Интересно, что в отряд просились даже... женщины. Во всяком случае, их набор пришлось запретить специальным приказом⁴⁰⁹.

Первое время Бичерахов весьма придирчиво относился к подбору личного состава в свой отряд, обращая особое внимание на соотношение национального состава в нем. Никаких национальных и конфессиональных предрассудков при наборе в бичераховские войска не было. Понимая, что в условиях Кавказа придется довольствоваться многонациональными контингентами, приемлемым сочетанием национальностей он признавал следующее: русские — 40 процентов, осетины — 20, армяне — 20, остальные национальности — 20 процентов⁴¹⁰. Такую «памятку о порядке формирования пехоты» Бичерахов весной 1918 г. давал поручику Альхави, подбиравшему людей для энзелийского гарнизона. Однако в дальнейшем требования соблюдения баланса национальностей в войсках были в значительной степени смягчены и жестко соблюдались лишь в некоторых видах войск. Чисто русскими по составу должны были быть охранные и гарнизонные роты. Во флоте, который контролировался с трудом, Бичерахов пошел навстречу требованиям экипажей, «чтобы не было армян», которых моряки считали паникерами⁴¹¹. В целом же в «петровский» период истории отряда удельный вес армян в нем был велик. Некоторые армяне стали близкими помощниками Бичерахова. Даже в коннице — «жемчужине» бичераховского войска — с октября 1918 г. на укомплектование вспомогательных должностей стали поступать солдаты-армяне, численность которых в сотнях достигала 30—40 процентов. Например, в Запорожской сотне числилось 25 солдат, в основном армян, в Уманской — 49, в Горско-Моздокской — 77 человек. Советские источники со-

общали, что у Бичерахова в Дагестане имелось «двадцать тысяч армянских солдат»⁴¹².

Значительно возрос приток в войска представителей горских народов, которых набирали прежде всего в местную милицию. Всего планировалось сформировать 14 сотен (4 сотни осетин, 2 — чеченцев, 2 — кабардинцев, 2 — ингушей и 4 — даргинцев)⁴¹³. В Дербенте, по заявлению еврейского комитета города, формировалась даже еврейская рота из «русских фронтовиков-евреев»⁴¹⁴.

Еще одним источником пополнения Кавказской армии стали бывшие военнопленные Российской армии, которых Бичерахов на разных условиях обменивал турецкому командованию. Например, только 5 октября из Баку был отправлен пароход с 72 офицерами и 400 солдатами, возвращавшимися из плена⁴¹⁵.

Большое количество пленных красноармейцев перешло на службу к Бичерахову в Дагестане. Ему сдавались целыми частями, а нередко и открыто переходили на его сторону. Особенно это касалось так называемых военспецов — офицеров, осевших в дагестанских городах и призванных в Красную армию по мобилизации (в распоряжение Бичерахова перелетело даже два гидроплана, ведомых офицерами)⁴¹⁶.

В случае освобождения от большевиков Терской области мобилизационная база для пополнения Кавказской армии должна была значительно расшириться. Здесь Бичерахов рассчитывал набрать до 5 тыс. пеших войск, 24 сотни казаков, горцев при 32 орудиях, а также вспомогательные подразделения. Всего на эти цели Бичерахов готов был истратить 20 млн рублей⁴¹⁷.

В Кавказскую армию вливались и уже готовые воинские подразделения. Так, в полном составе в нее по собственной инициативе вошли муганские войска. Большая часть муганских войск продолжала оставаться на месте. В то же время муганский десант участвовал в совместных с англичанами и бичераховцами операциях в Баку и в районе Дербента. Однако здесь, как им представлялось, к ним относились как к

«безродным пасынкам» и «безжалостно затыкали на фронте боевые прорывы чужих участков», что «невольнo создавало враждебное отношение между нашими муганцами и бичераховским командованием»⁴¹⁸. «Сильно пострадавший и озлобленный» муганский отряд под командованием поручика Фектистова вернулся на родину только после оставления Баку турками в ноябре 1918 г.⁴¹⁹

В то же время со стороны Бичерахова муганцам оказывалась большая помощь офицерскими кадрами, вооружением и транспортом. Кроме того, в Мугань был отправлен необходимый офицерский состав, оказана организационная помощь. Поскольку Мугань была полностью отрезана занявшими Баку турками от остальных бичераховских войск, она готовилась к автономной обороне против турецкого наступления. Считалось, что при полном напряжении Мугань могла выставить до 10 тыс. бойцов, из которых до 1 тыс. конных, 20 орудий, 50 пулеметов, несколько броневтомобилей, а также эскадрилью гидропланов и несколько вооруженных катеров⁴²⁰.

Во главе столь значительной силы Бичерахов посчитал необходимым поставить своего человека: в Мугань был отправлен полковник Аветисов, недавний командующий армянскими частями в Баку. Он имел академическое образование и считался хорошим организатором. По воспоминаниям В.А. Добрынина, «он сразу же энергично принялся приводить в порядок хаотическое положение муганских войск... Сразу же приступил к полному реформированию муганских частей, согласно требованиям воинской организации, количественного состава их сил и вооружения. От командиров частей потребовал немедленного представления денежной отчетности и точных списков личного состава... количества вооружения, конского состава и всего казенного имущества»⁴²¹. Невзирая на прежние заслуги, Аветисов менял командный состав.

Ядром бичераховской армии продолжала оставаться казачья конница, с которой он прошел не одну тысячу верст по

персидским пустыням. В октябре 1918 г. конница была выделена организационно. В ее состав были включены пять сотен: Запорожская (командир есаул Шапошников), Уманская (командир хорунжий Пономаренко), Кубанская (командир хорунжий Г. Крамаров), Горско-Моздокская (командир поручик Петров), Линейно-Хоперская (командир хорунжий Невольников). В состав конницы был включен также 3-й Муганский эскадрон, укомплектованный защитниками Мугани. Численный состав сотен был неодинаковым. Например, в Кубанской сотне имелось лишь 80 человек, в Уманской — 134 человека, а в Горско-Моздокской — 165 человек. Как уже отмечалось, значительная численность в большинстве сотен, как и в прочих частях, достигалась за счет приема армян. В четырех сотнях (кроме Линейно-Хоперской, сведения о которой обнаружить не удалось) на рубеже сентября и октября числилось 502 человека, из которых 350 человек были казаками⁴²². Остальные являлись в основном солдатами армянской национальности, выполнявшими функции obsługi. Начальником конницы был есаул Гузунаев.

Политические настроения личного состава новых частей были значительно более левыми, чем у казаков, которых революционные ветры затронули лишь поверхностно. В одном из донесений из бакинской Образцовой бригады говорилось, что «многие инструкторы носят кокарды офицерские и *не георгиевские* (выделено мной. — А. Б.) ордена. Солдат это немного волнует»⁴²³. Широкое привлечение в войска бывших красноармейцев временами оборачивалось катастрофой. Например, действовавший в октябре—ноябре на Кизлярском фронте крупный отряд есаула Слесарева, укомплектованный сдавшимися в плен в Дагестане красноармейцами, проявил себя как низко дисциплинированное подразделение; большое количество его бойцов перешло на сторону большевиков⁴²⁴. «Солдаты ходили в огонь, но требовали непрерывного, неусыпного надзора» — так оценивал боевые качества пехотных частей командующий полевыми войсками Кавказской армии полковник Б.В. Никитин⁴²⁵. Во время боев с турками, кото-

рые развернулись в октябре—ноябре 1918 г., по свидетельству Никитина, «приходилось посылать для поддержки пехоты по восемь казаков на батальон, иногда по четыре на роту. Они скакали на смерть: редко кто из них возвращался»⁴²⁶. Вообще по сравнению с пехотой «казаки сражались выше всяких похвал», и «артиллерия была прекрасная»⁴²⁷.

Характерна судьба «строгого законника и педанта» полковника Аветисова, задумавшего реорганизовать муганские войска, привыкшие за месяцы революции к «самостийной атаманщине». В.А. Добрынин сообщает, что Аветисов был расстрелян пьяной толпой кавалеристов из только что переформированного им эскадрона. Ведомые своим разжалованным командиром сотником Исаевым, вооруженные люди прибыли к штабу командующего муганскими войсками и потребовали Аветисова на расправу. Полковник Ильяшевич, пытавшийся заступиться за Аветисова, был отодвинут в сторону, а Аветисов, «смело вышедший навстречу озверелым скотам», был изрешечен из револьверов и винтовок⁴²⁸. Преступление было совершено при большом стечении людей, на глазах полковника Ильяшевича и всего его штаба. Преступление было скрыто от Бичерахова, ему было доложено, что Аветисов отправился на службу к англичанам в Персию.

Решение скрыть преступление могло быть принято муганскими диктаторами с целью скрыть собственное бессилие: «Все ужасались, содрогались, но никаких мер против убийц так и не приняли, да и принять не могли, т. к. командование фактически не имело никакой принудительной силы, на которую могло бы опереться...»⁴²⁹

В октябре лично Бичераховым были разработаны знаки различия для чинов Кавказской армии. Все виды и рода войск получили пришивные погоны юнкерского типа с металлическими значками, обозначающими род оружия. Цвет галунов и просветов на погонах в основном повторял цвета, принятые в Русской императорской армии. Специфически «бичераховскими» были нарукавные нашивки с набранными «наподобие английских вязаных букв П-О-Б, то есть «Парти-

занский отряд Бичерахова». Кроме нашивок аббревиатуру отряда содержали красные значки для пехоты (заказано было 20 штук), малые флаги для фургонов со снаряжением (50 штук) и малые флаги для санитарных повозок (20 штук)⁴³⁰. Таким образом, отрядная символика была распространена на всю Кавказскую армию. Последняя в то же время имела свой флаг: на желтом фоне черный круг⁴³¹. Очевидно, эта символика должна была занять место примитивного черепа со скрещенными костями — эмблемы отряда периода персидских походов.

«ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ»

3 октября в письме Георгию (в его лице он обращался ко всему терскому казачеству) Лазарь Бичерахов впервые развернуто изложил свои политические взгляды. Сформулированные еще довольно сумбурно, они основывались на нескольких твердых постулатах: союз со странами Антанты, антибольшевизм, «собрание» южных окраин бывшей империи, непредрешенчество до созыва Всероссийского Учредительного собрания. В последующем программа оттачивалась и переформулировалась, но основные ее идеи оставались неизменными.

Собственное положение казалось Бичерахову весьма надежным. Английское командование после замены генерала Денстервиля подтвердило свои обязательства в отношении Бичерахова, что давало надежду на продолжение щедрого финансирования. «Из Багдада прибыл мой старший адъютант с заверением от месопотамского командования... в полной поддержке и помощи мне, — писал он Георгию. — Сейчас начальник штаба месопотамского командования в Казвине прислал ко мне штаб-офицера для переговоров, узнать мои планы и взгляды на дальнейшее, чтобы сообразно им выработать план общих действий. Все это говорит за успех дальнейшей работы...»⁴³²

Бичерахов не находил серьезной конкуренции своему отряду в регионе, поэтому рассчитывал, что ему достаточно легко удастся объединить под своей властью большие территории Закавказья, Дагестана, Терека и Закаспия. «Положение Петровска считаю сравнительно прочным и уже имею планы на обратное движение в Баку и Закавказье. Занятие Баку будет сигналом восстания против турок и немцев и полного оздоровления края на почве русской ориентации и русской государственности»⁴³³.

Он считал, что народные массы азербайджанских тюрок, армян и грузин вполне созрели к восстанию, поскольку в полной мере вкусили «прелести» германо-турецкого господства. Разочарованы в «освободителях» даже самые «яркие туркофилы» из числа дагестанских народов. Начавшееся крупномасштабное восстание армян под руководством Андраника в Шушинском уезде — в глубоком тылу кавказской группировки турок — как будто подтверждало мысли Бичерахова. В такой обстановке он считал возможным в октябре говорить о переходе в наступление уже «в ближайшее время». Несколько раз он высказывался и о походе на столицу Кавказа — Тифлис, но эта возможность становилась реальной только после освобождения Баку⁴³⁴. А в одной из дневниковых записей он предусматривал даже «возможность операций» на Ростов и Тихорецк.

Кстати, советская сторона в этот период относилась к угрозе, исходившей со стороны Бичерахова, весьма серьезно, высоко оценивая опасность превращения первых его успехов в стратегическое поражение Красной армии и советской власти на всем Юге России. Побывавший летом на Северном Кавказе нарком труда и чрезвычайный комиссар по делам продовольствия, член Реввоенсовета Южного фронта А.Г. Шляпников 20 сентября докладывал В.И. Ленину, что «Бичерахов... взял Петровский-Порт и теперь совместно с англичанами организует поход на Грозный, где наши товарищи, замкнутые в кольцо, находятся без снаряжения. Спасти положение может лишь скорая помощь центра в виде нескольких полков и технических средств как для действий на суше, так и для морских

операций». Против «хорошо организованных казаков» действуют местные силы — разрозненные, неорганизованные, недисциплинированные, сообщил Шляпников⁴³⁵.

В свою очередь, нарком по делам национальностей, член Реввоенсовета Южного фронта и фактический руководитель обороны Царицына И.В. Сталин доносил в СНК о том, что «Бичерахов не дремлет, спешно выгружает богатую артиллерию на каспийском побережье, вооружает терских казаков и, видимо, намерен двинуть их по двум направлениям: к Грозному и к Астрахани. *Все это делает положение Южного фронта угрожающим* (выделено мной. — А. Б.)». Сталин сравнивал Бичерахова с Деникиным и прямо ставил вопрос перед правительством об угрозе потери юга страны⁴³⁶.

Комиссар Северо-Кавказского военного округа Н.А. Анисимов 18 сентября в телеграмме В.И. Ленину и Я.М. Свердлову предупреждал: «Англичане теперь вместе с Бичераховым все свое внимание обратят на взятие Каспийского побережья и Астрахани... *Через два месяца будет поздно... за это время необходимо во что бы то ни стало покончить с ними* (выделено мной. — А. Б.)»⁴³⁷.

Огромное значение в планах Бичерахова приобретал поиск союзников в борьбе с турками и большевиками. Имевшихся средств, как казалось тогда, было достаточно, чтобы поддерживать готовность к этой борьбе у всех желающих, в том числе и за пределами Кавказского региона. Его политическое мышление всегда отличалось наивным гигантизмом, происходившим от весьма слабого знания политических вопросов.

С сентября начались активные контакты Бичерахова с близлежащими областями — горскими и казачьими районами Терской области, Муганью, Закаспийской областью, наконец, с государственными антибольшевистскими органами власти, формировавшимися в Сибири. В каждом случае обстановка диктовала различные цели и формы этих контактов.

В случае с Муганью и Закаспийской областью, испытывавшими большие сложности в снабжении, их отношения но-

силы покровительственный со стороны Бичерахова характер. У всех без исключения союзников Бичерахова не было буквально никаких средств для ведения борьбы с большевизмом. Руководители антибольшевистского сопротивления в Мугани и Закаспии не стеснялись в красках, чтобы описать свою нищету. Особенно в этом отношении отличалась Закаспийская область. Командующий войсками Гурьевского района генерал-лейтенант С.Е. Толстов в знак своего расположения посылает Бичерахову 40 шрапнелей, 10 гранат и 84 ручные гранаты⁴³⁸. Больше у него ничего нет. Богатство отряда казалось здесь несметным. Закаспий интересовал Бичерахова прежде всего как территория, через которую можно было установить контакты с сибирскими белыми правительствами, а также использовать в борьбе с большевиками незамерзающий порт Красноводск. Не мог не играть своей роли и престижный фактор: на карте обширные закаспийские земли выглядели внушительно, а их хозяин вызывал уважение.

В сентябре Бичерахов посетил войсковое правительство Уральского казачьего войска, где договорился начать совместное наступление против оплота большевизма на Нижней Волге и Северном Кавказе — Астрахани⁴³⁹.

Мугань, где в октябре 1918 г. организовалась диктатура (полковник Ф.М. Ильяшевич, Т.П. Сухоруков, Д.П. Кропотов, И.Б. Саратиков)⁴⁴⁰, добровольно присоединившаяся к Бичерахову, представляла для Бичерахова интерес другого свойства. Богатый хлебородный регион вполне мог обеспечить продовольствием растущую Кавказскую армию. Большая русская община старообрядцев и молокан нуждалась в защите.

Бичерахов становился донором для всех. Оружие и боеприпасы, деньги и готовые части направляются за Каспий, на Урал, в Чечню, Кабарду.

Но больше всех получило, разумеется, его родное терское казачество, ведомое к тому же его родным братом Георгием, о чем речь пойдет ниже.

С приходом Бичерахова в Дагестан начались активные контакты с влиятельными горскими деятелями, в частности

с чеченским шейхом Али Митаевым. Велись переговоры с представителями кабардинских, осетинских, ингушских, дагестанских обществ. Смысл соглашений, которые Бичерахов предлагал горским народам, сводился к следующему: Бичерахов обещал не вмешиваться во внутреннее управление («и распри») этих народов, гарантировал им выборное самоуправление в обмен на «строго русскую ориентацию и борьбу с большевиками»⁴⁴¹. В начале октября он был «полностью уверен за Кабарду», «на три четверти» за Чечню и Дагестан; завязывал отношения с Осетией и Ингушетией («на успех в Осетии рассчитываю. Ингуши если не пойдут на соглашение, то им можно будет задать трепку»)⁴⁴². Конечно, не обошлось без больших денег, которыми располагал Бичерахов. В Дагестане, например, писал Лазарь брату Георгию: «Я разрушил в значительной степени турецкую ориентацию тем, что гарантировал финансирование дагестанского правительства (скорее всего, имелось в виду Горское правительство. — А. Б.) в случае его отказа от содействия туркам»⁴⁴³. В Кабарду также было отправлено несколько миллионов рублей. Набиравшее там силу контрреволюционное движение Заурбека Даутокова-Серебрякова, вскоре охватившее всю Кабарду, своими первыми шагами обязано именно Бичерахову: на присланные им деньги удалось сформировать два полка добровольцев⁴⁴⁴. Нечто подобное происходило и в других регионах.

Нельзя не напомнить первые шаги добровольцев в горских регионах в начале 1919 г.: желая потрогать терскому казачеству, они отвечали огнем, насилием, грабежами, реквизициями и изъятием заложников на любые признаки неповиновения горцев. «...Не исполнившие этого требования селения будут беспощадно истреблены без всяких предварительных предупреждений и условий» — характернейший образчик стиля общения представителей Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) с горцами⁴⁴⁵. Итог: полыхающий восстаниями Северный Кавказ; расстроенный тыл ВСЮР; отвлечение от борьбы с Красной армией огромных сил и средств.

Между тем молва о Бичерахове к осени 1918 г. стала распространяться по всему Северокавказскому региону. Из Нальчика в середине октября ему писали: «Слухами земля полна. Один из них — слух о вас... Какую вы взяли на себя великую задачу об объединении нашей несчастной, разорванной на клочки России»⁴⁴⁶. Прослышав о его широкой благотворительной деятельности, антибольшевистские силы на Тереке сами искали контакта с ним. Так, например, поступил З. Даутоков-Серебряков, по просьбе которого в Петровск на встречу с Бичераховым ездил бывший командир Кабардинского полка Туземной конной дивизии И.И. Воронцов-Дашков⁴⁴⁷. Еще раньше, в сентябре 1918 г., к Бичерахову за деньгами обращался А.Г. Шкуро, партизанивший в районе Баталпашинска (ныне — Черкесск) и Кисловодска: «Для связи с отрядом генерала Лазаря Бичерахова, овладевшего уже, по слухам, Кизляром, я выслал разъезд с поручением просить у генерала денег на вооружение. У меня не было ни денег, ни какого-либо снабжения», — признавался А.Г. Шкуро⁴⁴⁸.

Наименее разработанной частью политического проекта Бичерахова оставался самый важный его раздел — организация власти. Представления Бичерахова о структуре и правилах функционирования гражданской власти оставались противоречивыми. Бичерахову очевидным образом не хватало политического кругозора и элементарной образованности, чтобы разобраться в хитросплетениях бурной политической жизни революционной России. Этим обуславливались его шатания от союза с большевиками до войны с ними же, то есть, по существу, из крайне левого лагеря в крайне правый. Такие колебания для человека, обладающего даже самыми общими политическими представлениями, были невыносимы. У Бичерахова таких долгое время попросту не было.

Первые шаги во внутренней политике предпринимались немедленно по мере занятия территории Дагестана. Прежде всего они касались нормализации обстановки, прекращения межнациональных конфликтов, социально-бытовых вопро-

сов. Так, после захвата Дербента Бичерахов записал в своем дневнике:

«1) Дербент. Успокоить население.

2) Вызвать представителей мусульман. Войти в соглашение.

3) Через дербентских мусульман войти в соглашение с мусульманами Баку, Кубинского уезда [Бакинской губернии] и Дагестана.

4) Постараться связаться с петровскими представителями и войти в соглашение.

5) Организовать охрану железнодорожного пути и связи.

6) Назначение районных и участковых начальников.

7) Установление местного суда и суда окружного в преступлениях государственных и между разными национальностями в Баку, Дербенте, Петровске, Кубе, Шемахе и Темир-Хан-Шуре.

8) Школьный вопрос.

9) Вопрос санитарный.

10) Вопросы почты и телеграфа»⁴⁴⁹.

Особенно сложной была проблема беженцев из Баку. В Петровске большое количество беженцев-армян располагалось в городском саду и в районе вокзала. Положение их было плачевным: много людей умерло от разных болезней; им не хватало воды⁴⁵⁰.

Бичерахов, безусловно, разделял власть военную и власть гражданскую. Если первой он намеревался владеть безусловно и единолично, то с последней явно не знал, что делать. Наблюдавшиеся им бесчисленные примеры зачаточных местных государственных образований (большевистский Баксовет, Муганская диктатура, бакинская Диктатура Центрокаспия, диктатура Тарковского, Горское правительство, Терский Казачье-Крестьянский совет и др.) не вызывали никакой реакции, кроме горькой иронии. Он наотрез отказывался от диктаторства, которое ему неоднократно предлагалось услужливыми помощниками. «Еще в Баку мне хотели навязать диктатуру (единоличную), но я уклонился. Здесь (то есть в Петровске. —

А. Б.) опять все шло к тому, но я отказался. Я смотрю так, что, кто бы ни был диктатор, через две недели он будет спровоцирован и падет»⁴⁵¹. Что конкретно вкладывалось Бичераховым в понятие «диктатура», разобрать сложно. Имевшиеся перед его глазами свежие примеры «диктатур» — Муганская, Центрокаспия и Тарковского — таковыми ввиду реального отсутствия у них сил и средств на деле не являлись. Это были слабые режимы, власть которых подчас (в случае с Тарковским) не распространялась дальше «правительственного» кабинета.

Вместо этого Бичерахов «подал мысль» о создании «Кавказо-Прикаспийской краевой власти», сформулировав ее суть весьма туманно: «Власть эта на местах никакого значения иметь не будет, но будет иметь на этой окраине русское лицо и будет олицетворять русскую государственность. И будет иметь огромное значение в сношениях с иностранцами (соглашения, займы)»⁴⁵². Сбереженное «русское лицо» Кавказа эта власть передаст в руки Учредительного собрания, которое и решит участь страны. В этом — основная функция формируемой власти. Непредрешенчество, свойственное большинству белых режимов, взяло верх и здесь. В то же время Бичерахов не настаивал на реставрации царских порядков и был совсем не против предоставления широких автономий кавказским народам, вплоть до избрания национальных правительств.

Свое темное «народничество» Лазарь Бичерахов не без помощи своего брата, опытного революционера-меньшевика, направил в социалистическое русло. Лазарь не раз запрашивал Георгия о содержании тех или иных политических терминов, социализме и проч., искренне пытаясь разобраться в российском политическом хаосе. Перечни вопросов к брату составляют десятки пунктов. Разумеется, в столь короткий срок нельзя было освоить тонкости политических и экономических платформ многочисленных социалистических партий. Делая выбор, он руководствовался накопленной за минувшие месяцы эмпирией: большевики ассоциировались у него с террором, эксплуатацией межнациональной вражды,

соглашательством с внешним врагом. Эсеры и меньшевики, ведшие борьбу с большевиками в Баку и на Тереке, понимались им как продолжатели «русского» дела, отстаивавшими единство страны, верность союзникам. Лазарь Бичерахов становился правым социалистом, но не через знания, а через практику.

Думается, что политические метания Бичерахова в немалой степени были обусловлены тем, что рядом с ним не оказалось политиков общероссийского масштаба. В Баку и Петровске, в отличие от Ростова, Екатеринодара, Омска или Уфы, не оседали бежавшие из Петрограда члены Временного правительства, депутаты Государственной думы и Учредительного собрания. В Ростове, например, появление добровольческого движения в начале 1918 г. сопровождалось и даже опережалось складыванием антибольшевистского политического течения, возглавляемого видными политиками и чиновниками. В Закавказье центром политической жизни стал Тифлис. Баку, Дагестан и Терек являлись ареной острой и многовекторной межэтнической борьбы, лишь самым поверхностным образом оформленной политическими институтами. Победоносно шествовавший со своим отрядом Бичерахов наблюдал лишь бежавший, по его словам, «быстрее синематографа»* невероятный калейдоскоп событий, лиц, интересов⁴⁵³.

К началу октября проект построения власти на Кавказе по инициативе Бичерахова обсуждался в Дагестане, Закаспии. Он был направлен на Терек, Казачье-Крестьянскому совету. Бичерахов ожидал к себе делегатов из Дагестана, Терека, Закаспия и Мугани.

12 октября по призыву Бичерахова в Петровске было созвано совещание из представителей «не занятых неприятелем»

* Любопытно, что образ «кинематографической ленты», которая «быстро и почти безболезненно меняла свои картины», применительно к «прикаспийской жизни в 1918 году» приходил в голову и генералу А.И. Деникину (*Деникин А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 г. — январь 1919 г. М., 2002. С. 178.*).

лем и сохранивших верность России» областей. В этот день из Петровска в Энзели поручику С.Г. Альхави сообщалось: «Организуется краевая власть. Правительство накануне формирования»⁴⁵⁴. Заседания проводились семь дней, и 19 октября съездом окончательно было утверждено Положение о Кавказско-Каспийском союзе областей (в дальнейшем чаще всего он именовался просто Каспийско-Кавказским союзом), в состав которого вошли девять представителей (двое от Терского Казачье-Крестьянского правительства, двое от Закаспийского исполнительного комитета, двое от Мугани и Ленкорани и по одному от городов Петровск, Дербент и Армянского национального совета).

По Положению Совет обладал широкими полномочиями: назначал главнокомандующего, вел переговоры с союзниками, формировал местную казну и местное законодательство⁴⁵⁵.

Здесь же было объявлено об избрании Временного Союзного правительства — исполнительного органа Совета Союза — немногочисленного по составу: главнокомандующего и заведующего военно-морским отделом, заведующих финансами Союза, внешними сношениями, внутренними делами (с о д л а м и: путей сообщения, торговли, земледелия, почт и телеграфа) и судной частью. В первоначальном преемстве Временного Союзного правительства не было должности заведующего отделом народного хозяйства. В позднейших документах она упоминается.

Общими политическими целями нового государственного образования были объявлены: восстановление российской государственности и воссоединение разрозненных областей «Российской демократической республики»; продолжение борьбы с германо-турецкой агрессией в согласии с союзниками; наведение порядка и водворение законности на основах, существовавших до 25 октября 1917 г.⁴⁵⁶

Нельзя не обратить внимания на зачаточный характер властных институтов Каспийско-Кавказского союза: и Совет, и правительство малочисленны, их функции прописаны общо,

а деятельность Совета объединяла и законодательную и исполнительную работу. Правительство не имело формального главы, и таковым, очевидно, нужно было считать главнокомандующего Бичерахова. Во всяком случае, в одном из документов Союзного правительства он назван «единственным, имеющим авторитет, [чтобы] созвать Временное правительство», в другом назван «председателем»; а в мемуарах бывшего начальника полевых войск Кавказской армии Б.В. Никитина Бичерахов именуется «председателем Временного правительства Союза Прикаспийских областей»⁴⁵⁷. Бичерахов же фактически принимал решения по кадровому составу правительства, хотя установленный на съезде делегатов Кавказско-Каспийского союза порядок предусматривал иное. Сохранилась черновая запись, сделанная его рукой, в которой напротив каждой должности стояло две-три фамилии и одна из них была выделена. В другой «памятной записке» Бичерахов отмечал: «Уничтожить всякие выборные начала, все лица по назначению»⁴⁵⁸.

Контингентом, из которого Бичерахову пришлось черпать кадры краевой администрации, стали прежде всего остатки чиновничьего аппарата областного уровня, пережившие большевиков в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре и Дербенте или возвращавшиеся вслед за Бичераховым из Баку. Правда, им он не доверял. «Все власти (бывшие) здесь, но все это дискредитировано и беспочвенно», — сообщал он брату⁴⁵⁹. По убеждению Бичерахова, «никто из офицеров и гражданских лиц, принимавших участие в управлении краем, не может быть принят в дело»⁴⁶⁰. Исходя из этой установки круг лиц, могущих быть назначенными на административные должности, был узок. Например, на должность члена военно-окружного суда был приглашен престарелый генерал Н.К. Галицинский — участник Польской кампании 1863 г. и Русско-турецкой войны (1877—1878), уволенный в отставку 20 лет назад⁴⁶¹. Для сравнения можно напомнить, что у руля гражданского управления на территории, контролируемой Добровольческой армией, оказались виднейшие российские чиновники и политики, такие

как бывший царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, бывший министр финансов Временного правительства профессор М.В. Бернацкий, целая плеяда ведущих депутатов Государственной думы и Учредительного собрания и др.

В составе Каспийско-Кавказского правительства не только не было знаменитостей, но даже имена министров удалось восстановить лишь с трудом, а именно: заведующего отделом народного хозяйства (Мерхалев), внешних отношений (Зимин, которого вскоре сменил В.Ф. Минорский), судной частью (Т. Наджаров). Заведующим военным и морским отделом и по совместительству главнокомандующим стал сам А.Ф. Бичерахов. Управляющим делами правительства был назначен К. Атаманов. Кроме того, С.Г. Альхави был назначен официальным представителем правительства в Энзели — должность очень ответственная, учитывая, что через порт Энзели осуществлялась связь с союзниками⁴⁶².

Пожалуй, наиболее квалифицированным членом правительства стал Владимир Федорович Минорский — первый секретарь российской миссии в Тегеране (на дипломатической работе с 1903 г.), профессор, ученый-этнограф, на тот момент — один из ведущих специалистов по истории, этнографии, лингвистике народов Персии и Азербайджана, переводчик, публикатор и комментатор многих редких средневековых рукописей на арабском и персидском языках⁴⁶³. Минорский имел давний деловой контакт с Бичераховым и с началом Гражданской войны не раз высказывал пожелание своими усилиями «поддержать русское дело». В начале сентября он прибыл в Баку, где совместно с Воскресенским «подбадривал публику»⁴⁶⁴. К ротмистру Воскресенскому, с изумлением взиравшему на свои успехи в политике и флотоводстве, Минорский относился с большой ревностью и «очень-очень» просил Бичерахова склонить этого самодеятельного политика «способствовать» ему.

Если Воскресенский подтолкнул Бичерахова к политической карьере, то Минорский постарался придать ей более или менее правильные формы. Именно его перу принадле-

жат основные учредительные документы нового правительственного органа.

Трудно сказать, в какие организационные формы вылилось бы бичераховское понимание политики и государственности с «русской ориентацией», если бы в пределах досягаемости не обнаружались политически более зрелые антибольшевистские режимы.

С начала октября он с большим трудом стал собирать сведения о том, что происходит вокруг подконтрольных ему территорий. Интересно, что о текущем состоянии дел в Добровольческой армии он в тот момент почти ничего не знал (2 октября в дневнике сделана запись: «Об Алексееве сведений нет»). В то же время о значительно более далеких Поволжье и Сибири, благодаря уральским казакам, до Петровска доносились отрывочные сведения, весьма искаженные. Например, он знал, что «Самарское и Сибирское правительства» «состоят из членов Учредительного собрания и находятся в контакте» между собой, что «Казань очищена от большевиков» и что «железная дорога работает до Владивостока»⁴⁶⁵.

Наконец, 20 октября до Петровска дошла «радостная весть» о появлении Временного Всероссийского правительства (известного также как Уфимская директория), заседавшего в сентябре—октябре вначале в Уфе, а затем — в Омске. Временное Всероссийское правительство (председатель Н.Д. Авксентьев, члены Н.И. Астров, генерал В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский, Н.В. Чайковский), объединившее по решению Уфимского государственного совещания 23 сентября 1918 г. сразу несколько поволжских и сибирских правительств, в том числе Временное Сибирское правительство, Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), вполне обоснованно претендовало на роль всероссийского правительственного органа до созыва «хозяина земли русской» — Всероссийского Учредительного собрания.

5 октября новый орган государственной власти издал постановление «Об учреждении министерств, о главноуполно-

моченных и о взаимоотношениях органов центральных и автономных областных управлений», в котором, в частности, провозглашалось, что «все функции верховной власти, временно отправляемые ввиду создавшихся условий областными правительствами, должны быть переданы Временному Всероссийскому правительству, как только оно того потребует, причем установление пределов компетенции областных правительств предоставляется мудрости Временного Всероссийского правительства»⁴⁶⁶.

Трудно сказать, когда эта декларация дошла до Петровска и дошла ли вообще, но в любом случае, ища источник легитимации, новое Каспийско-Кавказское правительство готово было немедленно «заявить о своем подчинении его воле»⁴⁶⁷. Стремясь «немедленно осведомить» Временное Всероссийское правительство о своем существовании и политической позиции, в Уфу был направлен В.Ф. Минорский⁴⁶⁸. Посланцу был выделен автомобиль «форд», два шофера и 25 тыс. рублей на дорожные и представительские расходы. Пароходом он был направлен в Гурьев⁴⁶⁹. Командировочное удостоверение Минорского было отпечатано на типографском бланке «Главнокомандующего всеми вооруженными морскими и сухопутными силами Кавказа».

Однако путешествие оказалось медленным и многотрудным. Из Порт-Петровска Минорский отплыл только 28 октября. На рейде порта Гурьев его пароход сел на мель. Долгое время не удавалось выгрузить автомобиль. В Гурьеве стало известно, что населенный пункт Тузулук, лежавший на пути делегата, занят красными. Еще хуже было то, что Временное Всероссийское правительство за это время переехало из Уфы в Омск, что удлинит путь к нему на 800 километров — на неделю путешествия. Ожидая выгрузки автомашины, Минорский отправил в Омск с оказией письмо, а также послал туда же три телеграммы, «подробно рисующие наше положение»⁴⁷⁰. Сам он планировал в дальнейшем двигаться по маршруту Уральск—Илек—Оренбург—Стерлитамак—Уфа, а оттуда по прямому проводу связаться с Омском и на этом, по возмож-

ности, закончить поездку. Обратная дорога из Уфы в лучшем случае заняла бы две недели, при условии, если бы в Гурьеве Минорского ждал гидроплан. Понятно, почему дальнейшее путешествие казалось Минорскому малоперспективным. 2 ноября он доносил Бичерахову: «Боюсь, что Временное правительство ничем нам полезным быть не сможет, слишком поздно и слишком далеко оно закатилось...»⁴⁷¹ В другом послании Бичерахову он писал, что «Временное правительство может лишь поддержать и узаконить наше объединение»⁴⁷². Злоключения Минорского этим не кончились. Автомобиль пришлось оставить в гараже предприятия братьев Нобель в Гурьеве и дальше отправиться на перекладных. Ему удалось добраться только до Оренбурга, и обратно он вернулся лишь 15 декабря, к закату бичераховской «эпохи»⁴⁷³.

Но телеграммы Минорского в Омск достигли цели; а возможно, с Временным правительством удалось связаться иным путем. Так или иначе, уже 1 ноября Л.Ф. Бичерахов в статусе «командующего русскими силами в Прикаспийском крае» и в чине генерал-майора получал указания от Верховного главнокомандующего при Временном Всероссийском правительстве генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева. Правда, официальный приказ о производстве Бичерахова в генеральский чин и назначении его «командующим русскими силами в Прикаспийском крае и в освобожденных им от большевиков районах» за подписью Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева⁴⁷⁴ был издан только 16 ноября, за два дня до военного переворота в Омске, в результате которого Директория пала и к власти пришел адмирал А.В. Колчак.

Неожиданно возникший Кавказско-Каспийский союз пришелся очень кстати Временному Всероссийскому правительству. Политическая обстановка на Востоке характеризовалась острой борьбой между областными правительствами, политическими партиями и течениями внутри этих правительств, так что объединение их на Уфимском государственном совещании, как и скорый (9 октября) переезд этого

правительства из Уфы в Омск были результатом сложного компромисса. На момент обращения Л.Ф. Бичерахова к Временному Всероссийскому правительству последнее не имело «ни аппарата, ни финансов, ни официального органа»⁴⁷⁵. Переехав в Омск, оно существовало параллельно с заседавшим здесь же вполне жизнеспособным Сибирским временным правительством, объединению с которым мешали политические разногласия. Финансовое состояние нового правительства было плачевным. В конце октября управляющий ведомством финансов Д.Ф. Раков докладывал Директории, что в связи с развертыванием фронтов гражданской войны финансы находятся «в катастрофическом состоянии». Наличности имелось лишь 10 млн рублей при только сметной потребности в 40 млн рублей⁴⁷⁶.

Внешняя обстановка была не менее острой. «Дела на фронте ухудшались. Уфа, сравнительно недалеко отстоявшая от района военных действий, болезненно переживала падение Казани, Симбирска, нажим на Самару, — вспоминал бывший управляющий делами Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс. — Чехи за кулисами угрожали оставить фронт... Казаки стали колебаться. Земли уральских и оренбургских казаков опять попадали под удар большевиков...»⁴⁷⁷ Связи с союзниками тоже были эпизодичны и осложнялись огромными расстояниями.

Поэтому неудивительно, что Каспийско-Кавказское правительство было немедленно признано Директорией. Оно было включено в стратегический план организации противобольшевистского фронта. Контролируемая Бичераховым территория должна была стать мостом к Югу России и к антибольшевистским силам, действовавшим в Средней Азии.

В начале ноября Бичерахов получил от Болдырева и его начальника штаба генерал-майора С.Н. Розанова три директивы (за номерами 1—3). Главной целью предусмотренных директивами мероприятий провозглашалось налаживание прочных и всесторонних связей на линии Новороссийск—Армавир—Петровск—Красноводск—Ташкент—Оренбург.

Ташкент еще предстояло освободить от большевиков, для чего на 15 ноября намечалась Ташкентская операция, после которой считалось возможным «установить связь Сибири с Черным морем при посредстве железной дороги порт Новороссийск—Армавир—Петровск—Баку, водного транспорта Баку—Красноводск, временно Петровск—Красноводск, железной дороги Красноводск—Ташкент—Оренбург»⁴⁷⁸.

Со своей стороны Бичерахов должен был развивать наступление на Баку, с тем чтобы получить доступ к нефтепромыслам и освободить железнодорожную ветку Петровск—Баку. Но главное, Бичерахову предписывалось «войти в тактическую связь с армией генерала Деникина и объединиться с отрядами, действующими в районе железной дороги Новороссийск—Армавир—Петровск, для обеспечения непрерывного железнодорожного движения по этой линии». Кроме того, он должен был продолжать поддерживать связь с англичанами и «распространять русское влияние как можно шире на Восточном Кавказе»⁴⁷⁹.

Начались контакты и по менее важным вопросам, которые должны были демонстрировать реальное вливание бичераховских вооруженных сил в состав вооруженных сил Временного Всероссийского правительства. Так, например, второй генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего полковник Леонов попросил передать в Омск наградные списки на офицеров Бичерахова⁴⁸⁰.

После переворота в Омске 18 ноября 1918 г. и установления диктаторской власти Верховного правителя адмирала А.В. Колчака легитимность Кавказско-Каспийского правительства и полномочия главнокомандующего Кавказско-Каспийской армией и флотом были подтверждены⁴⁸¹.

Передача власти от Директории в руки диктатора Колчака прошла бескровно. Верховный главнокомандующий генерал-лейтенант Болдырев был отпущен восвояси и вскоре, уже на Дальнем Востоке, в газетных интервью подводил итоги собственной деятельности по возрождению русской государственности и армии. Один из главных итогов — собрание русских

земель — иллюзия, ставшая возможной благодаря Лазарю Бичерахову. «В тот момент, — сообщал Болдырев корреспонденту газеты «Далекая окраина», — Северный Кавказ и ряд других крупных областей изъявили согласие подчиниться Директории и все более и более ощущалось, что сключение русских сил начинает принимать реальные формы»⁴⁸².

Тем не менее теперь Лазарь Бичерахов стал «представителем центральной власти» и, что важно, ощущал себя таковым. Подводя итог дагестанскому периоду его деятельности, его сподвижник Б.В. Никитин отмечал: «Бичерахов получил весь флот Каспийского моря и почти весь Каспийский бассейн, отбитый им у большевиков. Стратегическое положение освобожденных областей, богатства территорий и войска, связанные флотами коммерческим и военным, делали их большим русским центром всей окраины в течение половины 1918 года и начала 1919 года»⁴⁸³.

Возможно, что Бичерахов смог бы вырасти в крупномасштабного вождя антибольшевистского движения. Дипломатичность, ответственность, твердость — качества, необходимые хорошему политику, — отмечали в нем очень многие люди из самых разных политических лагерей. В свое время представитель Энзелийского комитета ВКП(б) С. Буданцев констатировал его «несомненные дарования в области стратегии и политики». Он назвал его «кавказским Наполеоном»⁴⁸⁴. Большевик А.П. Челяпин незадолго до этого сообщал Бакинскому совнаркому: «Бичерахов — очень умный, тонкий дипломат и ведет политику очень умело»⁴⁸⁵. В то же время многие отмечали его скрытность: «Его намерения неизвестны»; «Что-либо заподозрить в его словах нет возможности» и т. д.⁴⁸⁶

Отвлекаясь от основного повествования, отметим, что если кто и извлек выгоду из высокого положения Л.Ф. Бичерахова, так это его жена. Надежда Георгиевна Бичерахова, в отличие от своего лично скромного и непритязательного в быту мужа, имела задатки светской дамы, не была чужда роскоши. Лазарь Федорович потакал ее женским слабостям по части мод-

ных нарядов и обуви. Надежда Георгиевна в полной мере использовала положение мужа, которого он добился во второй половине 1918 г. Например, когда судьба занесла бичераховский отряд в «захолустный» с точки зрения светской жизни Порт-Петровск, Н.Г. Бичерахова, используя служебные возможности мужа, отправляла в Баку своему сапожнику заказы на новую обувь. Не могла она себе отказать и в последнем пике моды того времени, весьма недешевом, — она владела личным легковым автомобилем, который приобрела в Баку. Благодаря распоряжениям Л.Ф. Бичерахова он также путешествовал вслед за своей хозяйкой, куда бы ни забрасывала ее судьба.

ТЕРЕК В ОГНЕ: ГЕОРГИЙ БИЧЕРАХОВ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ И ГОРЦЕВ

В отличие от Лазаря Бичерахова его старший брат Георгий давно окунулся в политику, был профессиональным революционером. Политической работой начал заниматься в 1902 г. в Москве как социал-демократ. В 1905 г., с началом первой русской революции, он принял самое активное участие в событиях, развернувшихся в Терской области. Под его влиянием 2-й Горско-Моздокский полк отказался от подавления революционных выступлений во Владикавказе и в 1906 г. крестьянского восстания в Ставропольской губернии. Г.Ф. Бичерахову пришлось всячески лавировать, чтобы не попасть в руки жандармов и агентов охранки, которые наблюдали за ним и пытались его арестовать. Сначала он выехал в Петроград, а затем, когда и там его стали беспокоить, он вынужден был уехать в Забайкальскую область, где в 1908 г. все же был арестован и водворен во Владикавказскую тюрьму.

С началом Первой мировой войны, будучи инженером по специальности, он попал на Юго-Западный фронт, дослужился до заведующего авиационно-автомобильными мастерскими Юго-Западного фронта. В конце 1916 г. штабом авиации

фронта он был командирован через Швецию в Норвегию, Англию и Францию для ознакомления с постановкой авиационного дела на фронтах и проведения специальных заказов за границей. Там его застал Февраль 1917 г. Еще находясь в Великобритании, он заклеил знаменитый Приказ Петроградского совета номер 1, указывал, что этот документ спровоцирует полное разложение фронта, что и случилось. Не закончив служебных дел, он поспешил в Россию, чтобы окунуться в привычную для себя стихию политической борьбы. При отъезде из Лондона русскими политическими кругами Г.Ф. Бичерахову было поручено сопровождать в Россию знаменитого ученого и революционера П.А. Кропоткина⁴⁸⁷.

Вернувшись в Россию и попав в июне на Юго-Западный фронт, он, уже убежденный меньшевик, повел энергичную борьбу с большевистскими агитаторами по вопросам о продолжении войны, государственном устройстве, распределении земли. В ноябре 1917 г. он снова вернулся в Терскую область. В момент разгара национальной войны и вражды между казачеством и горскими народами Георгий Бичерахов принял провозглашение советской власти в Терской области, был избран комиссаром Моздокского отдела Терской области, а затем — председателем Моздокского отдельного Совета.

Главная ось раздора в регионе пролегла между казачьим и горским населением — чеченцами и ингушами с одной стороны и казаками с другой. Глубокий антагонизм между ними был заложен дискриминационной по отношению к горцам земельной политикой царизма. Со времен Кавказской войны плодородные земли речных долин на плоскости занимали казачьи станицы. К 1913 г. на одну душу мужского пола в казачьих отделах приходилось по 13,6 десятины удобной земли, а в горских округах — по 6,1 десятины⁴⁸⁸ (по другим данным, на мужскую душу горца и иногороднего приходилось лишь по 2,5 десятины земли)⁴⁸⁹. Казачье население имело большой излишек земель, которые сдавало в аренду тем же горцам (до 25 процентов)⁴⁹⁰. Качество при-

годной для хозяйственного использования земли в долинах и горах тоже существенно различалось. Скудные почвы на каменистых плато смывались частыми ливнями, уничтожая плоды тяжелых трудов горцев. Значительное количество земель в лесистой горной местности находилось в ведении Управления государственными имуществами. Казне принадлежало около 40 процентов всех лесов на склонах Северного Кавказа⁴⁹¹. Наконец, само землевладение горцев до революции не было юридически урегулировано. В ходе войны многие аулы и семьи неоднократно переселялись, оседали на новых местах, что неизбежно порождало поземельные споры между самими горскими обществами.

На рубеже XIX—XX вв. шла быстрая пауперизация горского населения, возрождался своеобразный институт горского социального протеста — абречество. Земли дорожали. По образному выражению депутата Государственной думы от Терской области А.П. Маслова (1906 г.), у чеченца земли столько, «сколько помещается под его буркой». «Такое положение, — замечал Маслов, — заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют»⁴⁹². Трудно не согласиться со свидетелем событий абхазским революционером Е.А. Эшбой: «Корень всех народных движений, постоянного «беспокойства» чеченцев надо искать именно в недостатке земли и леса (какими бы «одеждами» религиозного характера эти движения ни облекались)»⁴⁹³. Земельное неравенство стало причиной межнациональной борьбы. По замечанию одного из терских большевиков, С.И. Кавтарадзе, «Терская область представляет собой оригинальнейшее явление. Здесь *национальная борьба почти совпадает с классовой* (курсив мой. — А. Б.). Ингуш борется с казакom не потому, что он казак, а потому, что ингуш безземелен, обездолен, а казак владеет землею. И правильна политика советской власти, если она опирается... на ингушей и чеченцев. В этом не виноват ни ингуш, ни казак. Это — следствие проклятой царской политики, которая из казаков устраивала здесь свои баррикады»⁴⁹⁴.

Правда, как показали материалы Всероссийской хозяйственной переписи, проводившейся летом 1916 г., во многих горских регионах Терской области недостаток земли компенсировался высоким относительно казачьих отделов поголовьем скота в горских хозяйствах⁴⁹⁵ (подробнее с хозяйственным состоянием горских и казачьих хозяйств можно ознакомиться по материалам Всероссийской хозяйственной переписи 1916 г. См. Приложение 1).

Что касается терского казачества, то в социально-экономическом и политическом отношении к революционным событиям оно подошло довольно монолитным; классовое расслоение еще не затронуло казачью среду глубоко. «Никакого революционного духа в первые годы войны заметно не было, если не считать некоторого брожения в огромных по составу запасных дружинах, разбросанных по гарнизону укреплений в Чечне и Дагестане. Но здесь оно было вызвано страхом и неизвестностью перед горцами», — вспоминал член Терского войскового правительства Д.С. Писаренко⁴⁹⁶. Кроме этого «своего в крае революционного материала и даже пищи для него не имелось. У нас не было яркого расслоения общества на классы, не видно было и границы между эксплуатируемым слоем и эксплуататорами, совершенно отсутствовал и фабричный пролетариат». Смутными были и политические представления среднего казака, давно лишенного институтов казачьей автономии и утратившего правосубъектность. В марте 1918 г. представитель руководства Терского войска Г.Ф. Фальчиков так формулировал отношение казачества к власти: «Для казака не важно, какая это будет власть. Он говорит: поставьте хоть черта, но лишь бы он умел разумно управлять, чтобы власть его дала бы гарантии для мирной трудовой жизни»⁴⁹⁷.

Среду для распространения революционных идей давали скорее иногородние — пришлое крестьянское население, арендовавшее землю у казаков. Накануне революции на 255 тыс. казаков приходилось 110 тыс. иногородних. Хотя земли в собственности они не имели и в войсковых делах

участия не принимали, но ни к каким повинностям, кроме военной (по жребию), не привлекались. Многие из них казаками становиться и не желали. С этой удобной позиции, позволявшей многим иногородним существовать безбедно, они в то же время готовы были начать атаку на казачество — инертное и политически индифферентное в своей массе.

При царизме терское казачество фактически утратило свою автономию, управлялось государственным чиновником — начальником области, поэтому весть о свержении царского режима приняла с воодушевлением. Это позволило впервые за сто лет собрать Войсковой круг. На первом круге, созванном 13 марта 1917 г., выборным атаманом выбран М.А. Караулов (он же являлся комиссаром Временного правительства в Терской области). Председателем войскового правительства и заместителем войск атамана был избран Л.Е. Медяник. Круг заявил о полной поддержке курса Временного правительства⁴⁹⁸.

Однако над Терекком сгустились тучи. Февральская революция выпустила из бутылки джинна межнационального насилия. Летом и осенью 1917 г. разразилась настоящая война. Так, в конце июля чеченцы напали на хутор Сорохтиновский и сожгли его. У разъезда Джалки был обстрелян пассажирский поезд. Казаки станиц Карабулакской, Троицкой и Слепцовской в начале сентября напали на ингушей. 6 сентября казаки станицы Сунженской убили делегатов горских обществ, ехавших со съезда во Владикавказе. В ответ жители ингушских селений Галашки и Мужии напали на станицу Фельдмаршальскую и сожгли ее и т. д.⁴⁹⁹

Многие столкновения между казаками и горцами были спонтанными, вызывались хулиганскими выходками той или иной стороны. Начальник прибывшего в сентябре 1917 г. на Северный Кавказ Туземного конного корпуса П.А. Половцев по этому поводу отмечал: «Картина борьбы между ними получается такая. Обыкновенно в воскресенье казаки, подвыпив... выкатывают пушку и начинают угощать шрапнелью ингушские аулы, а затем мирно заваливаются спать. В поне-

дельник ингуши проводят мобилизацию, переходят в энергичную контратаку на казаков, вторник идет война, а в среду заключается перемирие... В четверг происходят дипломатические переговоры, в пятницу заключается мир, в субботу разъезжаются после торжественных клятв... а в воскресенье вся история начинается снова»⁵⁰⁰. По свидетельству казаков, «утром, часов в 6—7, чеченцы открывают орудийный огонь, а потом открывают огонь и наши батареи. Открывают огонь первыми чеченцы, и так происходит каждый день»⁵⁰¹. В 1925 г. М. Кац со слов участников событий описал набег ингушей на станицу Фельдмаршальскую. Поводом к расправе послужило убийство казаками почетного старика ингуша, сопровождавшееся глумлением, а также увод баранты одного из жителей аула Галашки. На призыв аульцев немедленно съехались всадники из соседних аулов, выбрали из своей среды старшего и с кличем «Бабий платок на том, кто будет отступать!» ринулись в бой и сожгли казачью станицу⁵⁰².

Грабежи и уголовный бандитизм стали повсеместным явлением. Далекое не всегда они имели политическую окраску. Революционный антураж подобных разбойничьих набегов — часто дело рук историографов Гражданской войны.

Какое-то время казалось, что межнациональной гражданской войны удастся избежать. 1 декабря 1917 г. совместным решением ЦК Союза объединенных горцев Кавказа и войскового правительства Терского казачества было организовано Терско-Дагестанское правительство во главе с М.А. Карауловым. Это государственное образование было создано совместным решением ЦК Союза объединенных горцев Кавказа и войскового правительства Терского казачества и было попыткой разрешить казачье-горский конфликт мирным путем. Советская литература всегда называла это объединение «попыткой договора» между верхушками казачества и горцев, намекая на обреченность такого союза. Это утверждение не лишено смысла, учитывая, что авторитет органов власти, особенно Временного правительства, которое длительное время олицетворял в Терской области М.А. Караулов, к кон-

цу 1917 г. быстро падал. Сама идея объединения с горцами в то время, когда рядовые казаки вели с ними каждодневную вооруженную борьбу, оказалась скомпрометированной. По словам казачьего офицера Б. Нартова, «масса казачья была уверена в измене и атамана, и [войскового] правительства своему войску»⁵⁰³. Невзирая на миротворческие усилия М.А. Караулова, казаки уже летом 1917 г. образовали в Моздоке свой военный совет и усиленно готовились к войне с горцами. Аналогичным образом развивались события и в стане горцев.

Сложно сказать, сколько времени просуществовал бы этот «противоестественный», на взгляд многих, союз и принес бы он какие-то плоды, если бы не трагический случай, открывший новую, кровавую страницу истории революции в Терской области.

13 декабря для приветствия по войсковому обычаю 1-го Волгского казачьего полка, прибывавшего с Западного фронта, М.А. Караулов в сопровождении родного брата Владимира, хорунжего Алексея Белоусова, депутата Войскового круга Султанова и шестерых конвойных прибыл в Пятигорск⁵⁰⁴. На обратном пути, во время следования во Владикавказ, вагон, в котором находился М.А. Караулов с сопровождающими лицами, остановился на станции Прохладная. Группа вооруженных солдат 106-го Уфимского пехотного полка во главе с неким Зотовым, которые возвращались с Кавказского фронта и находились в тот момент на станции, узнала, что в вагоне номер 4 пассажирского поезда находится атаман терского казачества, потребовала всем выйти из вагона. Одного рядового, призывавшего прекратить безобразие, солдаты убили на месте. Вышедшего из вагона атамана солдаты стали обвинять в том, что он вооружает против них чеченцев. Ответа Караулова никто не слушал: поднялся крик, защелкали затворы. По свидетельствам очевидцев, Караулов невозмутимо покуривал трубку, чем только раззадорил толпу⁵⁰⁵.

Караулов вернулся в вагон, чтобы уже никогда из него не выйти. Железнодорожники попытались увести поезд, но ва-

гон Караулова немедленно был отцеплен, а затем и загнан в тупик. Раздался одиночный выстрел, после чего толпа в панике подалась назад. Атаман мог беспрепятственно покинуть вагон, что сделала часть его конвоя, с опущенными головами проследовавшая на станцию. Очевидно, не веря в возможность расправы, М.А. Караулов, его брат, еще несколько офицеров и казаков конвоя остались в вагоне. Однако вскоре толпа вновь собралась на перроне и на этот раз открыла шквальный огонь по вагону. Беспорядочный обстрел вагона, по свидетельству Б. Нартова, длился около полутора часов. После этого солдаты выволокли из вагона трупы Караулова и сопровождавших его лиц, раздели их догола, надругались над ними и затем долго митинговали, решая, как еще «казнить» убитых — сжечь или повесить⁵⁰⁶.

Несколько зачинщиков расправы в конце концов понесли заслуженную кару. Но дело было сделано: терское казачество осталось один на один со своими проблемами и должно было теперь самостоятельно выбирать дальнейший путь.

Депутаты Войскового круга, члены войскового правительства и все карауловское окружение были потрясены тем, с каким равнодушием, а кое-где даже с одобрением отнеслись казачьи станицы к смерти своего первого выборного атамана. Попытки вернуть казачество в рамки работы официальных структур не увенчались успехом. Дважды в январе 1918 г. созывался Войсковой круг, однако оба раза мероприятие срывалось из-за неявки делегатов. Следует сказать, что в начале 1918 г. мучительной смерти в плену у ингушей подвергся и заместитель атамана Л.Е. Медяник. Он был пленен по пути в Тифлис. С момента пленения летели день за днем, и, как полагали тогда, лишь демонстрации двух казачьих полков хватило бы для того, чтобы похитители вернули узника. Но этого не случилось⁵⁰⁷.

Терско-Дагестанское правительство после гибели Караулова продолжало пребывать во Владикавказе, ничем не управляя и никем не замечаемое. 5 марта 1918 г. оно сложило свои полномочия.

Инициативу в свои руки взяли казаки-фронтовики, решившие создать вместе с иногородним населением, осетинским, кабардинским и балкарским народами, новое объединенное областное правительство под лозунгом войны против чеченского и ингушского народов.

На первый план выдвинулся Моздокский военно-революционный совет, выступавший против примирительной политики войскового правительства и за начало немедленных военных действий против чеченцев и ингушей. Моздокский совет выражал интересы наиболее страдавших от горских набегов Моздокского, Сунженского и Кизлярского отделов.

В конце января по инициативе Моздокского военно-революционного комитета в Моздоке был созван 1-й съезд трудовых народов Терека. «Кровавый вихрь пронесся по Сунже, он уничтожил на своем пути целые станицы, села, хутора... Грозный разгромлен, промыслы, имеющие государственное значение, сожжены. Владикавказ горит, многие частью сожжены, частью разрушены. Ужас, кровь и огонь царят во всем крае...» — так живописали преступления горцев в своем воззвании руководители Моздокского военно-революционного совета полковник Рымарь и есаул Пятирублев⁵⁰⁸.

На съезде казачья фракция потребовала немедленного открытия военных действий против чеченцев и ингушей, «побить их, выгнать их в горы», а также разоружить горцев, не останавливаясь ни перед чем⁵⁰⁹. У терских казаков имелось несколько казачьих полков, вернувшихся с фронта и еще сохранявших военную организацию. Чеченские и ингушские депутаты в работе съезда участия не принимали, поскольку им требовалось добираться к Моздоку через казачьи земли.

Однако благодаря агитации представителей социалистических партий (большевиков среди них тогда было не более 20 человек) 1-й съезд небольшим перевесом голосов отклонил призыв казачьей фракции Моздокского отдела о немедленном начале войны с горцами⁵¹⁰. В то же время съезд потребовал от чеченцев и ингушей немедленно прекратить

грабежи и набеги, выдать для предания суду всех разбойников, вернуть оружие разгромленных ими arsenалов Владикавказа, Ведено, Хасав-Юрта⁵¹¹. Разумеется, это требование осталось неудовлетворенным.

На 2-м съезде трудовых народов Терека, состоявшемся в феврале, наконец, была избрана легитимная власть — Терский народный совет (высший законодательный и исполнительный орган, избираемый из расчета 1 депутат на 25 тыс. представителей каждого народа) и Терский народный комиссариат (исполнительный орган, избираемый членами Терского народного совета). Президиум Терского народного совета следил за законностью действий Народного комиссариата и выполнял функции государственного контроля. По такой же схеме строилась власть в национальных округах и казачьих отделах. Национальные (окружные) или отдельские народные съезды избирали советы, а последние — и исполнительные комитеты для текущей работы. 27 февраля в торжественной обстановке всеми фракциями была признана конституция Терской области (накаленную атмосферу съезда несложно ощутить, ознакомившись с его стенограммой. См. Приложение 2).

В партийном отношении в Терском совнаркоме изначально доминировали левые социалисты — большевики, меньшевики-интернационалисты, левые эсеры. Председателем был избран большевик С.Г. (Ной) Буачидзе. Социалисты, избравшиеся от фракции иногородних, считались «нейтральными» (так же как и осетины). Горцы и казаки получили только по одному портфелю.

При обсуждении формулы власти на 2-м съезде трудовых народов Терека открытым остался вопрос об организации власти в городах. В ближайшем будущем он стал одной из причин и непосредственным поводом к началу крупномасштабной гражданской войны на Тереке.

Первые съезды трудовых народов Терека проходили почти непрерывной чередой (поэтому современниками они считались сессиями одного съезда) — 1-й с 25 по 31 января,

2-й с 16 февраля по 5 марта. Большевики и поддерживавшие их представители лево-социалистических партий единственным источником социальной напряженности называли казачье землевладение и казачьи привилегии, провоцируя тем самым горцев. В день открытия 2-го съезда в Пятигорске 16 февраля в районе станиц Романовской и Ермоловской разыгрался бой между казаками и развернувшими на них атаку чеченцами. Только за один день казаки потеряли 12 человек убитыми и 20 человек ранеными. Обе стороны применяли артиллерию и пулеметы⁵¹². Подобные столкновения, так же как и нападения из засад, происходили практически ежедневно.

Воспользовавшись недовольством казачества политикой Терского совнаркома, ставшего на сторону горцев, Терское войсковое правительтельство смогло 11 февраля созвать Войсковой круг 6-го созыва, объявивший о созыве Советов казачьих и крестьянских депутатов и о добровольном сложении полномочий Войскового правительтельства. Место Войскового правительтельства должен был занять Исполнительный комитет Совета, который был избран здесь же, на круге, переименованном в Совет казачьих и крестьянских депутатов. Исполнительный комитет состоял из 12 человек, восемь из которых заведовали хозяйственными делами, четыре — политическими. Командующим всеми казачьими вооруженными силами был избран полковник Скляр, начальником его штаба — полковник Белогорцев. Командующими войсками в Пятигорском отделе был назначен полковник К.К. Агоев, в Кизлярском — полковник Бочаров, в Сунженском — войсковой старшина Н.Ф. Рошупкин, в Моздокском — полковник Т.М. Рымарь. Особое положение сложилось в столице области Владикавказе. Город, находившийся в полуокружении ингушских аулов, стал со второй половины 1917 г. объектом еженощных грабительских атак ингушей. В начале 1918 г. начальник гарнизона Владикавказа полковник И.Н. Беликов организовал находящихся в городе офицеров — юнкеров местного военного училища, студентов в роты, которые смогли контролировать центральные районы города.

Встреча союзников в Персии. Русские казаки идут домой, а англичане спешат занять их место.

Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce. London, 1920*

Те самые сорок «фордов», на которых Денстервилль предпринял отчаянный бросок к Каспийскому морю. Дорога Казвин—Решт. 16 февраля 1918 г.

Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce. London, 1920*

Полковник Данкан и генерал Л. Денстервилль (справа) в сопровождении проводника ранним утром на одном из перевалов. 7 февраля 1918 г.
Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce.* London, 1920

Английская колонна грузовиков и бронеавтомобилей.
Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce.* London, 1920

Генерал от кавалерии Н.Н. Баратов.

Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce. London, 1920*

Генерал-майор
Л.С. Денстервилль
в парадном мундире

Генерал Денстервилль и полковник Российской армии Арутюнов.
Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce. London, 1920*

The Geographical Journal

Vol. LVII No. 3

March 1921

FROM BAGHDAD TO THE CASPIAN IN 1918

Major-General L. C. Dunsterville, C.B.

Read at the Meeting of the Society, 6 December 1920.

THE circumstances that led me to Persia in 1918 are probably now well known, though at the time it was necessary to observe strict secrecy in the matter for obvious reasons. It may be as well, however, to briefly recapitulate here the events that led to the despatch of my mission through Persia with a view of reaching Tiflis, the capital of Georgia, in the South Caucasus.

Up to the outbreak of the Russian revolution in February 1917 the Russian troops in North-West Persia linked up with the right flank of our Mesopotamian army in the neighbourhood of Khanaqin, which lies on the frontier between Western Persia and Mesopotamia. The allied line was therefore unbroken from Baghdad through Persia and the Caucasus to the Russian front in Europe.

The revolutionary authorities, in the simple belief that war could be stopped by one side declining to fight, ordered all Russian troops in the field to withdraw and leave the front open to the enemy. This action left our right flank in the air, and opened a direct route for Turkish troops and German agents and spies into Central Asia, where they hoped by creating an atmosphere of revolt and disturbance to threaten our position in India.

Obviously something had to be done. It was impossible at that critical period of the war to spare troops from any of the fronts, so it was decided to send a mission composed of selected officers and N.C.O.'s to Tiflis. At Tiflis they were to reorganize the local troops and reform the line against the Turks. In Persia the line might be held by volunteers from the Russian revolutionary troops who had not yet evacuated the country. It was thought that when the local troops in the southern Caucasus saw their own homes threatened with invasion they would gladly take up arms again at the call of any of the Allies who would undertake the task of restoring order and reorganizing the various units. The venture might have met with success, but it was never put to the test, as the mission failed to reach Tiflis and was obliged instead to confine

М

Генерал Денстервилль спешит поделиться с британской публикой подробностями своих экзотических приключений

Вождь курдских повстанцев Мирза Кучук-хан

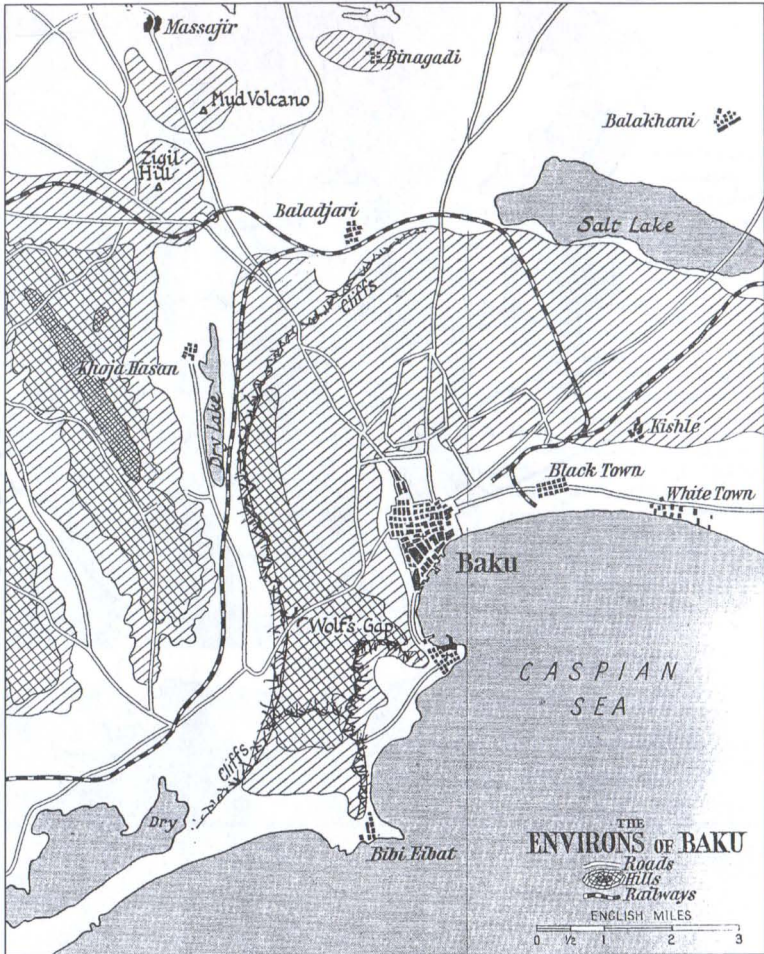
Типичные дженгелійцы

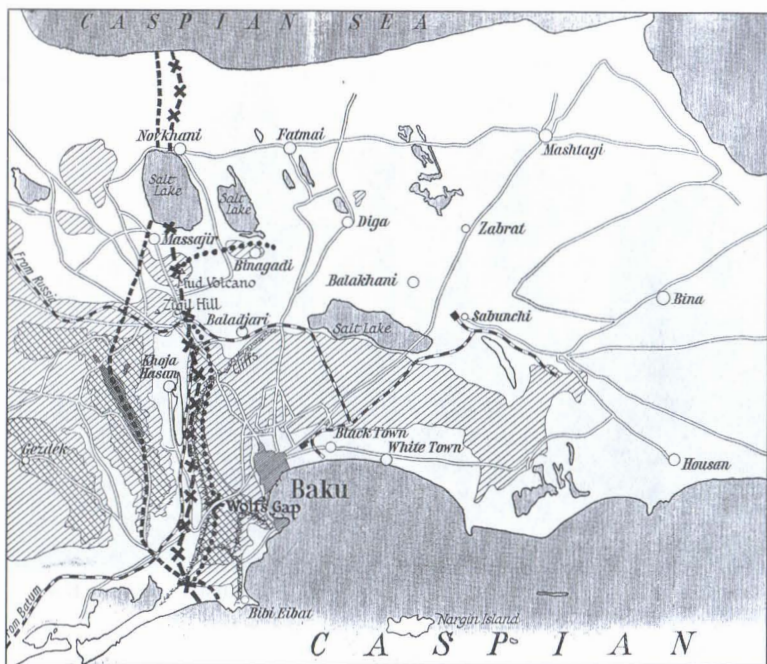

Решт. Закрытое в связи с нападениями дженгеллийцев британское консульство. Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce.* London, 1920

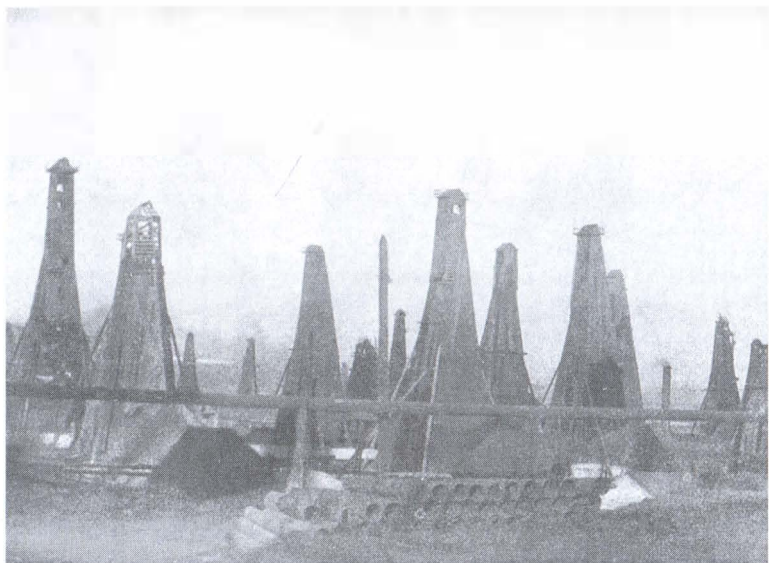

Характерный персидский городской пейзаж: горный поток разрезает улицу надвое. Фото из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce.* London, 1920

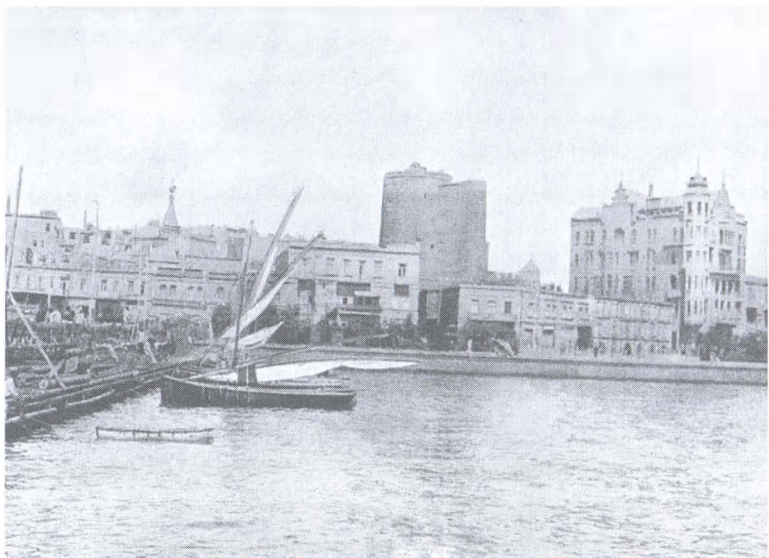

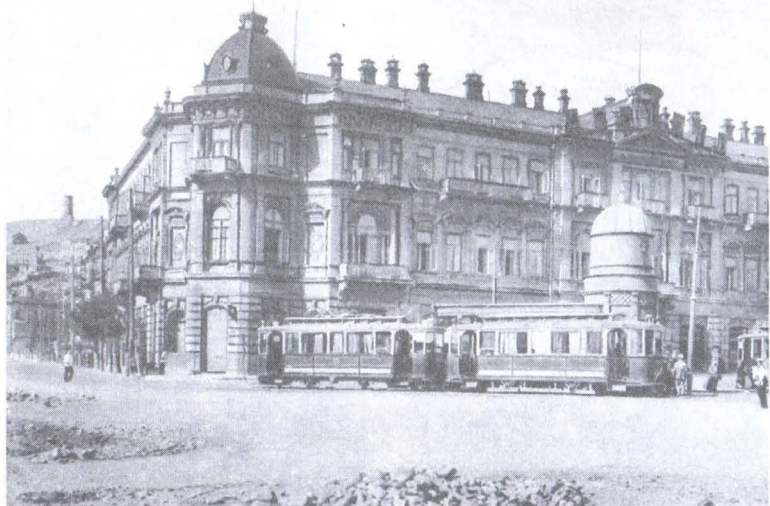
Схемы обороны Баку летом 1918 г. из книги: *Dunsterville L.C. The Adventures of Dunsterforce*. London, 1920

Заветная цель турок, англичан и немцев: нефтяные вышки промыслов Биби-Эйбат. Баку. 1918 г.

Баку. Набережная Александра II и вид на Девичью башню. Начало XX в.

Баку. Великокняжеский проспект. Начало XX в.

Шаумян Степан Георгиевич, чрезвычайный комиссар СНК РСФСР по делам Кавказа, председатель Бакинского СНК и комиссар по внешним делам

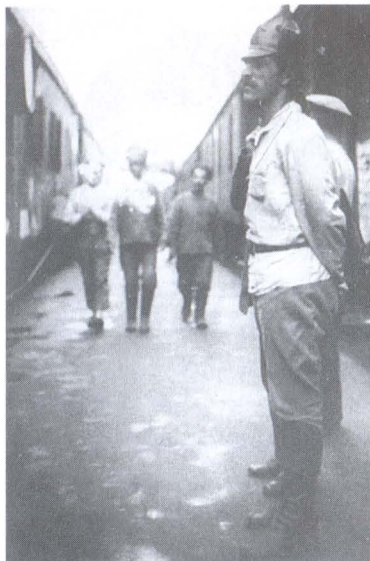
Джанаридзе Прокофий Апраксионович (Алеша), комиссар внутренних дел и комиссар продовольствия Бакинского СНК

Корганов Григорий Николаевич, нарком по военно-морским делам Бакинского СНК

Петров Григорий Константинович, военный комиссар СНК РСФСР в Бакинском районе

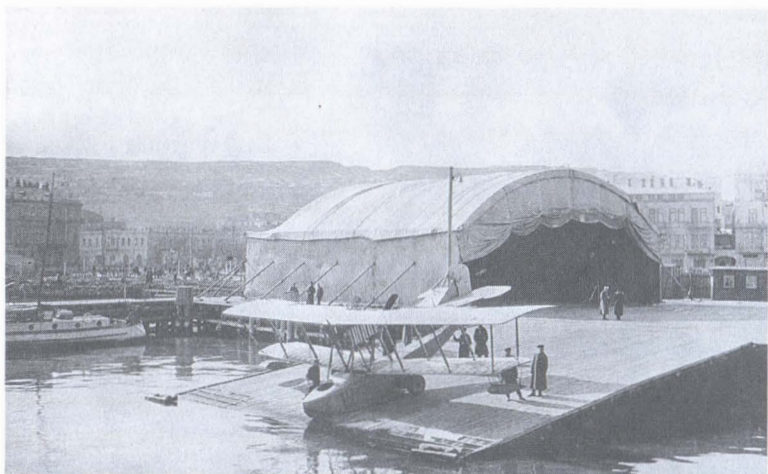
Орджоникидзе Григорий
Константинович (Серго), временный
чрезвычайный комиссар Юга России

Участник обороны Баку 1918 г., комиссар одной из бригад Кавказской Красной армии 19-летний Анастас Микоян

16-летний сын
С.Г. Шаумяна Сурен —
один из первых
исследователей
истории Бакинской
коммуны

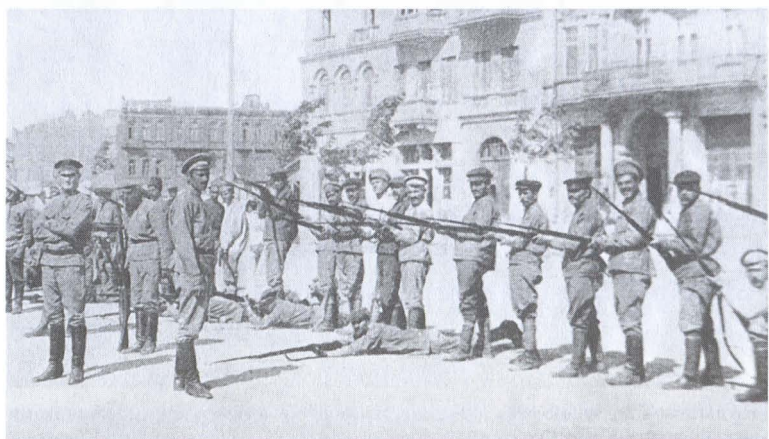
Гидропланы Бакинской школы морских летчиков – участников всех боев Гражданской войны и интервенции в восточной части Кавказа в 1918–1919 гг.

Результаты воздушной разведки Дагестанской области, сделанные летчиками авиадивизиона Кавказской армии военного летчика подполковника Бочарова. Фотоснимок центра и железнодорожного вокзала г. Темир-Хан-Шура, сделанный с высоты 1900 м морским летчиком прапорщиком Ломачем и наблюдателем прапорщиком Шапошниковым 20 октября 1918 г. РГВА. Ф. 39779. Оп. 3 Д. 77. Л. 18

Армянские бойцы на бакинских позициях. 1918 г.

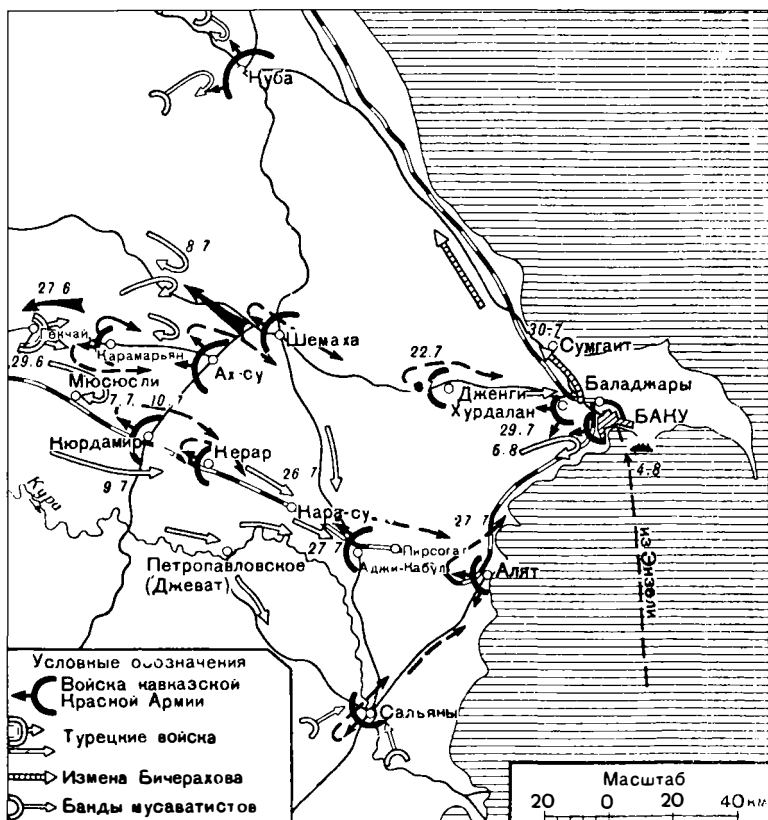
Занятия армянских солдат. Баку. 1918 г.

Защитники Баку на привале. 1918 г.

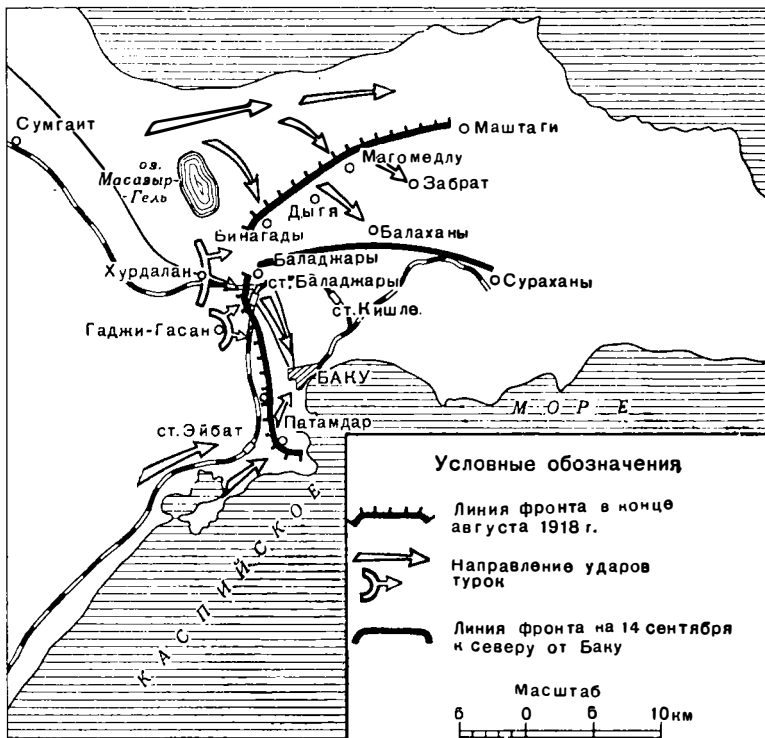

Английские войска в окрестностях Баку. 1918 г.

Наступление, отход Кавказской Красной армии в Азербайджане в июне—июле 1918 г. и «измена Бичерахова».

Схема из кн.: *Кадисhev A.B.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960

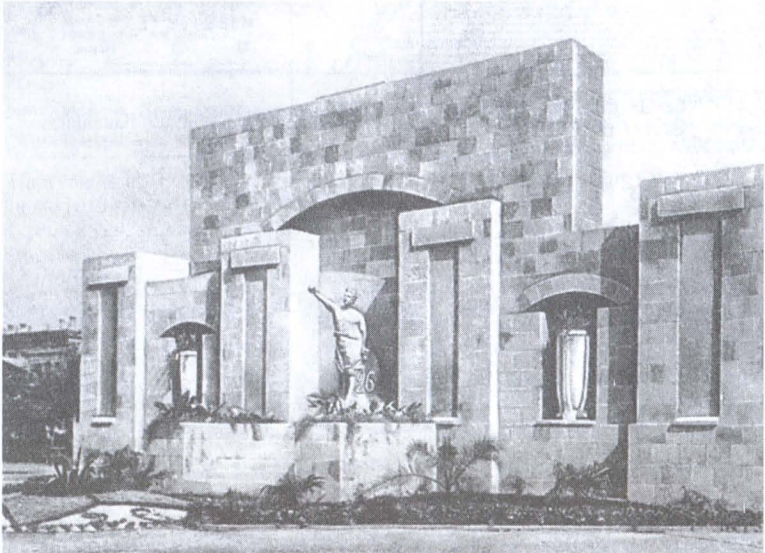

Оборона Баку в августе—сентябре 1918 г.

Схема из кн.: *Кадиев А.В. Интервенция и Гражданская война в Закавказье.* М., 1960

Церемония перезахоронения праха 26 бакинских комиссаров в Баку в сентябре 1920 г.

Обелиск на месте захоронения 26 бакинских комиссаров в Баку. Спесен по решению городских властей Баку в январе 2009 г. Останки погибших перезахоронены на бакинском городском кладбище

Азербайджанские солдаты Армии ислама, возглавляемые турецкими офицерами. 1918 г.

Военный оркестр армии Азербайджанской демократической республики. Гянджа (Елизаветполь). Октябрь 1918 г.

Делегаты Второго съезда Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Сентябрь 1917 г. *Стоят в первом ряду: Рашидхан Капланов (третий справа), генерал-майор Мигаэль Халилов (второй слева), Нажмутдин Гоцинский (третий слева), Узун-Хаджи (четвертый слева), Нух-бек Тарковский (в третьем ряду четвертый слева), Махач Дахадаев (в четвертом ряду седьмой слева)*

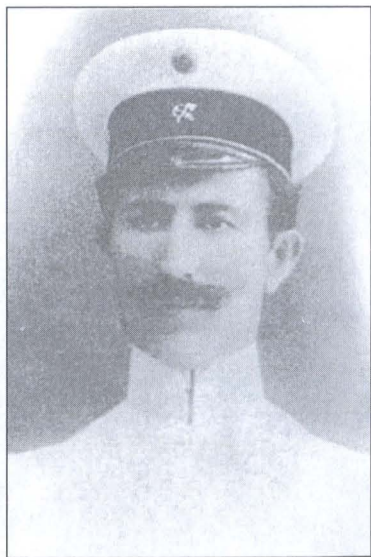
Тарковский Нух-бек

Джафаров Магомед

Коркмасов Джелалэддин

Дахадаев Махач

Темир-Хан-Шура, административный центр Дагестанской области.
Фото начала XX в.

Железнодорожный вокзал Порт-Петровска. Фото начала XX в.

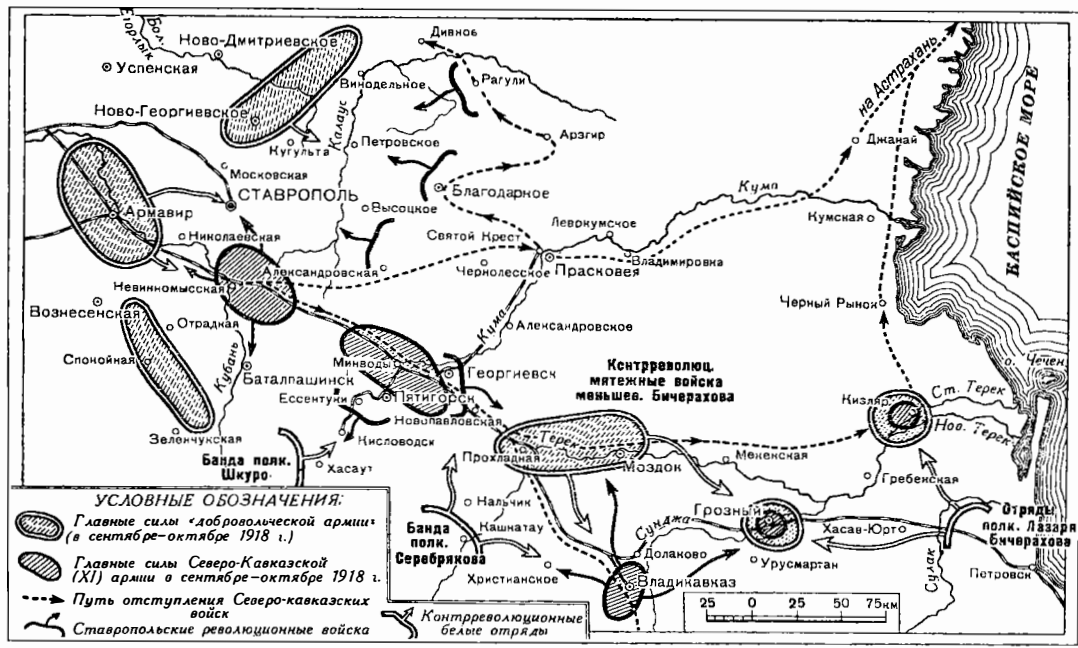
Владикавказь.
Городская Дума и Управа.

Владикавказ. Здание городской думы и управы. Фото начала XX в.

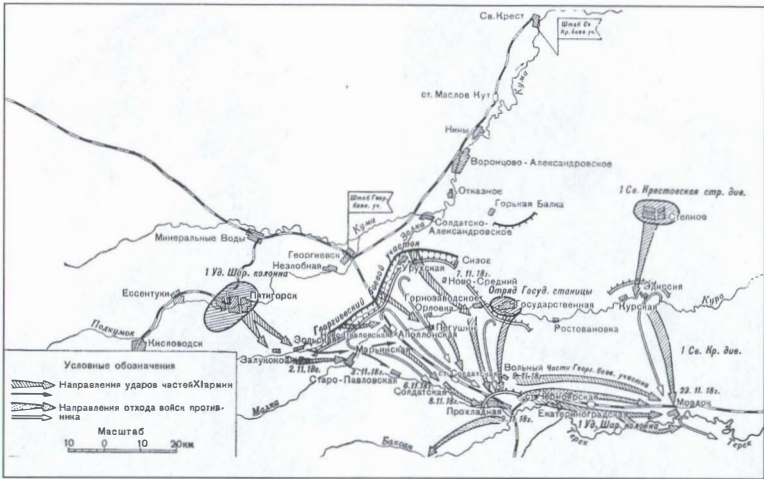
Владикавказ - Московская улица

Владикавказ. Московская улица. Фото начала XX в.

Восстание терского казачества в июле—ноябре 1918 г. Схема из книги: Разгон И. Орджоникидзе и Киров в борьбе за власть Советов на Северном Кавказе. 1917—1920. М., 1940 — демонстрирует читателю объединенный фронт контрреволюции на Северном Кавказе: миф, ставший общим местом в советской историографии

Разгром восстания терских казаков в ноябре 1918 г. Схема из книги: Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге. 1918—1920. М., 1961

Победители «бичераховщины»: Падерни — член Всероссийской комиссии Комиссариата труда РСФСР, Гамза, М.К. Левандовский — военный комиссар Терской республики, Г.К. Орджоникидзе — чрезвычайный комиссар Юга России, Ф.Х. Булле — председатель Совпаркома Терской республики (первый ряд слева направо)

Деникин Антон Иванович

Колчак Александр Васильевич

Болдырев Василий Георгиевич

Пржевальский Михаил Алексеевич

Вдовенко Герасим Андреевич

Левшин Дмитрий Федорович

Ласточкин Владимир Гурьевич

Шкуро Андрей Григорьевич

Бичрахов Георгий Федорович

Федюшкин Николай Кузьмич

Мистулов Эльмурза Аслапбекович

Караулов Михаил Александрович

Избранный фактически Войсковым кругом («кучкой карауловцев») Исполнительный комитет являлся «реинкарнацией» Войскового правительства. Наряду с ним продолжала существовать ведомая социалистами казачья фракция Терского народного совета. Раскол в казачьей среде не только не был преодолен, но и углубился. В борьбе за власть в Терском войске быстро выдвигались партии социалистического толка, между которыми тоже было острое противостояние. К весне 1918 г. наиболее влиятельным социалистическим казачьим лидером зарекомендовал себя Георгий Федорович Бичерахов. В то время, когда во Владикавказе проходила 7-я сессия Войскового круга, в Моздоке был созван отдельский съезд, избравший Г.Ф. Бичерахова его председателем. С этого момента и до окончательного разгрома терского казачества Георгий Бичерахов являлся лидером политических структур, представлявших антибольшевистское движение казачества.

Д.С. Писаренко так охарактеризовал эволюцию политических взглядов Г. Бичерахова: «По убеждениям социалист и в первое время тянул в сторону крайне левых и большевиков, как и многие другие интеллигенты нашего края... Затем, видимо задетый в личном самолюбии, не поладил с комиссарами и отошел от Социалистического блока, став яростным врагом Совета Народных Комиссаров. Ушел он в родную станицу и там, в районе Моздокского отдела, повел против них работу, соприкоснулся с гущей населения и обратил на себя внимание...»⁵¹³

Георгий Бичерахов обладал необходимыми качествами политического лидера. Неоднократно наблюдавший его на заседаниях и митингах Д.С. Писаренко отмечал, что «человек этот обладал большой способностью вести казаков за собою, умел отлично улавливать их подлинные думы и чаяния, незаурядно энергичный и сильный волей. Не чужд был и демагогии, когда это требовалось для отражения нападения политических противников»⁵¹⁴.

Весенние месяцы прошли относительно бескровно благодаря достигнутому паритету сил между казаками, с одной сто-

роны, и горцами, иногородними и большевиками — с другой, готовых к войне в любую минуту. На некоторое время кажется, что мир возможен. Стало казаться, что самое страшное позади, а приехавшие из других регионов Северного Кавказа даже говорили, что увидели на Тереке «маленький рай»⁵¹⁵.

Однако мир был возможен только до тех пор, пока не поднимался вопрос о земле. На 3-м съезде трудовых народов Терека, открывшемся 22 мая, этот вопрос стал ключевым. Впервые широко представленные фракции ингушей и чеченцев заявили о срочной необходимости перераспределения казачьих земель — «альфы и омеги всех кровавых столкновений, какие были в области и какие могут быть»⁵¹⁶. Понимая, что это означает, Терский совнарком предостерег горцев от «захватнических прав», выражая надежду, что у них терпения «хватит и на этот раз»⁵¹⁷. Развернулась острая дискуссия, в которой никто не желал уступать. Казаки были в меньшинстве, и в итоге съезд принял «историческое решение»: в целях устранения чересполосицы с ингушскими и чеченскими землями переселить станицы Сунженскую, Аки-Юртовскую, Тарскую и Фельдмаршальскую⁵¹⁸. Эти станицы уже находились на переднем крае борьбы с горцами, неоднократно подвергались их нападениям, и, по существу, их участь была решена. Поскольку речь не шла о немедленном выселении, а определение условий и сроков этого возлагалось на местные органы власти, это решение можно было считать не худшим исходом для казаков.

Решение о переселении казачьих станиц причудливым образом оказало роковое влияние на судьбу председателя Терского совнаркома Ноя Буачидзе. Ингуши не стали дожидаться организованного выселения станицы Тарской, напав на нее. 20 июня возмущенные казаки прибыли за подкреплением во Владикавказ, в казармы 2-го Терского батальона. Начался митинг. Узнав о происшедшем, сюда приехал Буачидзе. Он выступил на митинге, пообещав защитить сунженские станицы. Однако три винтовочных выстрела оборвали его жизнь...

Помимо земельного вопроса, интересы казаков и находившегося под влиянием большевиков Терского совнаркома расходились и в вопросе организации государственной власти в области. Совнарком стал насаждать на местах, прежде всего в городах, новые большевистские органы власти — совдепы, что противоречило воле Съезда трудовых народов Терека, учредившего на местах национальные, отдельские и окружные советы. По признанию самих большевиков (наркомзема Ю.Г. Пашковского), за отсутствием в терских городах пролетариата, в совдепы проникали «негодная грязь» и «авантюристы», проводившие политику произвола и репрессий⁵¹⁹. Возникновение совдепа в Моздоке и его претензии на единоличную власть стали причиной разрыва между Терским совнаркомом и терским казачеством, ведомым Г.Ф. Бичераховым. Такая политика оттолкнула от большевиков не только казаков, но и правых социалистов, выступавших прежде единым фронтом с большевиками.

В конце июня казачья фракция Терского народного совета потребовала от Терского совнаркома соблюдать соподчинение органов власти, установленное конституцией Терской области. Иначе говоря, чтобы городские Советы рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов подчинялись соответствующим отдельским (окружным) народным советам, так же как подчинялись им станичные и сельские советы. Во главе движения казаков стал глава Моздокского отдельского совета Георгий Бичерахов.

На открывшемся 20 июня в Моздоке Казачье-Крестьянском съезде были сформулированы другие принципиальные требования: признавая власть центрального совнаркома, казаки требовали автономии от Терского Совнаркома. Они не согласны были с навешиваемым им ярлыком «контрреволюционеров»⁵²⁰. Но сохранять статус-кво в такой постановке вопроса означало оставить за собой земли и привилегии.

21 июня Казачье-Крестьянский съезд в Моздоке избрал исполнительный орган новой казачьей автономии — Казачье-Крестьянский совет в составе 15 человек во главе с Г.Ф. Би-

чераховым. Съезд потребовал прекратить вмешательство Терского Совнаркома в казачьи дела, сам совнарком переизбрать и увеличить представительство в нем казачьей фракции. При этом казачьи верхи не требовали ни пересмотра принятой конституции Терской области, ни ликвидации Терского Совета Народных Комиссаров. Казачье-Крестьянский совет объявлял своей «единственной задачей очистку народной власти от тех болезненных наростов, которые мешают ей исполнять истинную волю трудового народа...»⁵²¹. Под «болезненными наростами» понимались большевики. После этого казаки были готовы делегировать своих представителей в Областной совет.

Общее настроение в казачьих станицах в эти дни передал грозненский комиссар здравоохранения Липко, проехавший через всю область: «Начиная от Прохладной, Моздока и до самой Червленной настроение такое: большевиков вешать, советы разгонять! Во всех станицах — самооборона во главе с офицерами, опять нацепившими погоны. На всех станциях коменданты проверяют документы, подозрительных снимают с поездов, расстреливают...»⁵²²

Казачье-Крестьянский совет был настроен на ведение переговоров до последней возможности, однако ситуация вышла из-под контроля. Повсеместно в станицах Пятигорского, Моздокского, Сунженского отделов начались восстания. Непосредственным поводом к ним послужили, помимо упомянутого выше нападения ингушей на станицу Тарскую, внезапный налет на Кисловодск отряда полковника А.Г. Шкуро. Хотя Шкуро появился лишь на окраине Терской области и вскоре был отброшен к Баталпашинску, казачество восприняло это как сигнал к восстанию. За Шкуро уже тогда шел шлейф легенд, хотя никакой опасности большевикам его маленький отряд тогда еще не представлял. «А имя это как-то претворилось в молве в магическое, густо окутанное таинственностью — для одних полной надежд и радости, для других — безотчетным страхом и ужасом, перед которым покорно пасовали и разум, и факты действительности», — вспоминал Д.С. Писаренко⁵²³.

Переговоры с командующим советскими войсками П.В. Егоровым велись до 23 июня, после чего казаки официально объявили Терскому Совнаркому войну. 30 июня Георгий Бичерахов предъявил Совдепу ультиматум: разоружить хозяйничавшие в Моздоке красноармейские части и сдать оружие. После того как ультиматум был отвергнут, казаки начали штурм города. Одновременно артиллерия открыла огонь по казармам красноармейцев. Захватив район, прилегающий к осетинскому кладбищу, казаки завязали упорные бои у железнодорожной станции. К вечеру Моздок был в их руках. В ходе ожесточенных боев погибло более 300 красноармейцев.

Гражданская война на Тереке началась.

«Терская область делается на днях ареной крупных событий», — пророчески сообщал в эти дни Георгий брату Лазарю. Георгий Бичерахов в это время был подлинным вождем казаков. По свидетельству очевидцев, казаки «встречают его восторженно, как встречали Керенского на фронте»⁵²⁴. Сравнение с главой Временного правительства, получившего на фронте прозвище «главноуговаривающий», тоже зловеще предсказало скорую судьбу и самого Бичерахова.

В течение лета терцы развили значительный успех. Они целиком овладели Моздокским отделом, частью Кизлярского и сильно углубились в территорию Пятигорского отдела, дойдя до реки Золка. Линия противостояния протянулась от Малки у станицы Зольской через Государственную и Курскую до Кизяра⁵²⁵. Помимо Моздокского развернулось еще восемь самостоятельных участков (фронтов): Прохладненский, Котляревский, Владикавказский, Грозненский, Самашкинский, Курской, Кизлярский, Марьинский и Государственный⁵²⁶. Особенно тяжелые бои развернулись под Грозным, Кизяром, Моздоком и Прохладной. Фронты не имели соприкосновения друг с другом, и на каждом из них казачьи отряды действовали автономно.

В советской литературе и в современных работах, издаваемых в Чечне, Ингушетии, Дагестане, терское казачество

показано монолитной силой, единой политически, организованной в военном отношении, хорошо укомплектованной, обученной — в общем, готовой к гражданской войне. Повсеместно в литературе встречаются фантастические сведения о численности казачьих «банд». Например, только на грозненском фронте, где три месяца, с августа по ноябрь, шли так называемые стодневные бои, их силы насчитывали до 15 тыс. штыков и шашек⁵²⁷. Подчеркивается, что казачьи полки возвращались с фронта в порядке и якобы были готовы к дальнейшим боям.

Ничем подобным Казачье-Крестьянский совет не располагал. Если бы располагал, то у большевиков не было бы ни одного шанса удержаться у власти. Полки действительно возвращались на родину по большей части организованно, что было в значительной мере обусловлено заботой казаков о сохранности лошадей и прочего личного имущества, составлявшего их экипировку. Но расчет на казачьи полки не оправдался: полки прибывали в порядке, но, по воспоминаниям члена Терского войскового правительства Д.С. Писаренко, «в полной апатии». Войсковой атаман давал казакам кратковременный отпуск, после которого собрать их обратно было почти невозможно. «Казачество заболело каким-то параличом воли», — констатировал Д.С. Писаренко⁵²⁸. А по воспоминаниям Б. Нартова, «все стремились домой на отдых, где, вкусив сладкий мир в своей семье, казак уже с неохотой возвращался на поле войны»⁵²⁹.

Лишь в первые недели восстания у казаков ощущался моральный подъем, вызванный ожесточением против притеснений большевистской власти и горских разбоев. Но вскоре казачество вернулось в прежнее сонное состояние, безответственность, усталость от войны. Восстание, разгоревшееся в страдную пору, грозило гибелью урожаю и неминуемым последующим голодом. Поэтому, несмотря на все усилия, Казачье-Крестьянскому совету не удалось настоять на формировании постоянных частей и свободной их переброске с одного участка фронта на другой. Казаки желали воевать не-

пременно возле своего дома и посменно, чтобы успевать заниматься и домашним хозяйством. По свидетельству Д.С. Писаренко, «истекали две недели, приходили новые [казаки], а отбывшие свой срок с песнями расходились по домам. Ни тревога, ни бой, даже часто ни неприбытие вовремя смены не могли и на час удлинить пребывание отбывших срок на фронте. Они часто во время боя снимались и уходили по домам, оставляя командование в безвыходном положении»⁵³⁰.

Под влиянием массированной большевистской пропаганды в казачьей среде наметился раскол: часть станиц уклонялась от участия в гражданской войне, другая часть открыто выступила на стороне большевиков. Позднее, придя на Терек, командование Добровольческой армии было сильно разочаровано местным казачеством, в котором оно рассчитывало найти себе надежную опору (хотя «в боевом и политическом отношении» их ценили выше, чем кубанцев). «Никакой сплоченности между станицами, да и в самих станицах нет, — отмечалось в сводке разведотделения штаба Главнокомандования ВСЮР в 1919 г. — Никого не слушают, никого не уважают, самолюбивы, сильно заражены большевизмом»⁵³¹. Отмечалось отсутствие у казаков политического самосознания, благодаря чему они легко склонялись на сторону большевиков и борьбу, начатую в середине 1918 г., вели не против советской власти и большевизма в целом, а против отдельных большевистских лидеров.

Драматическая история терского казачества в Гражданской войне еще ждет своего вдумчивого исследователя, готового выявить и осмыслить огромный архивный и мемуарный материал по теме. Сейчас же можно с полной уверенностью сказать, что казачество не было готово к восстанию против большевиков и к войне с горцами, что обрекло восстание на неудачу и провал.

Большевистских сил первоначально также было немного. Согласно сообщению военного руководителя вновь образованного Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева, «войск имеется: во Владикавказе три батальона (около 1500 че-

ловек) с 8 пулеметами, один эскадрон, две полевые батареи, 4 — 48-[лин.] гаубицы; в Георгиевске два батальона (около 1000 человек) с четырьмя пулеметами и одна полевая батарея; в Моздоке полроты пехоты и гаубичная батарея (4 гаубицы); в Пятигорске два батальона пехоты и 6 орудий; в Грозном два батальона (1000 человек) и 6 орудий; летучий железнодорожный отряд — одна рота; один бронированный поезд и еще один оборудуется. Всего войск около 5000 человек»⁵³².

По словам А.Г. Шляпникова, «Красная армия создавалась из иногородних, бывших солдат, частично и казаков, но не по-казацки»⁵³³. Налет партизанщины в красных частях был еще очень силен. По словам прибывших летом 1918 г. комиссаров из центра, «здесь о декретах о всеобщем обучении воинскому искусству и создании Красной армии слышали и знают очень мало»⁵³⁴. Дисциплина в частях была еще слабой — «до 50% в бою разбегаются»⁵³⁵.

Общая апатия, усталость от войны, раздражение властью, господствовавшие в среде рядового казачества, дополнялись острой политической борьбой в его верхушке. Начало восстания только усилило его.

Упомянутый выше Казачье-Крестьянский съезд, созванный в Моздоке 20 июня 1918 г., утвердил командующим войсками Терской области Генерального штаба полковника Белогорцева, однако практически сразу же, по настоянию Г.Ф. Бичерахова, который «как добрый социалист» опасался усиления военных, на эту должность был избран генерал-майор Э.А. Мистулов⁵³⁶. Считалось, что Мистулов чужд политики и будет податлив воле социалистического руководства Совета*. Вообще, по наблюдению Д.С. Писаренко, Казачье-Крестьянский совет «постоянно боялся усиления авторитета командующего войсками. Ему мерещился во всем заговор военных и возможность военной

* Представитель противоположного политического лагеря А.И. Деникин охарактеризовал его так: «Человек высокодобрый и честный, но еще менее самостоятельный» (чем его помощник полковник Федюшкин. — А. Б.) (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919 г. М., 2002. С. 189).

диктатуры. В совете открыто говорили, что лучше большевики, чем диктатура генерала»⁵³⁷. Уже через пять дней после начала восстания генерал Мистулов был тяжело ранен и его место занял его помощник полковник Н.К. Федюшкин, а начальником штаба стал полковник Белогорцев. С этого момента отношения между Бичераховым и военным командованием значительно ухудшились. С начала восстания ставка командующего находилась в Прохладной, откуда Федюшкин категорически отказывался ее переместить в Моздок, «под крыло» Казачье-Крестьянского совета.

Казаков поддержал Осетинский народный совет, также приступивший к формированию армии и объявивший призыв нескольких возрастов. Близость осетин с казаками объяснялась профессиональной общностью, застарелыми земельными спорами с ингушами, давней традицией осетин служить в казачьих войсках. Командующим осетинской армией (которая, впрочем, так и не была сформирована) был назначен генерал-лейтенант А.П. Фидаров, недавно прибывший из Персии, где он командовал 1-й Туркестанской казачьей дивизией, а начальником его штаба — полковник Т. Гуцунаев. Созванный правым крылом Осетинского народного совета 8-й съезд осетинского народа в первых числах августа 1918 г. официально объявил войну СНК и совдепам Терской республики⁵³⁸.

За Г.Ф. Бичераховым последовали многие влиятельные в казачье-осетинских кругах боевые генералы и офицеры. Кроме Э.А. Мистулова, А.П. Фидарова, Т. Гуцунаева следует упомянуть полковников К.К. Агоева, Г.С. Хутиева, Д. Кибирова, Г. Кибирова.

Анализ взаимных требований и хода событий ясно показывает, что борьба носила межнациональный характер. Г.Ф. Бичерахов соглашался прекратить огонь под гарантию его неприкосновенности со стороны чеченцев и ингушей. Он также требовал, чтобы с орудий броневых поездов Красной армии были сняты замки, которые должны были быть переданы на хранение кабардинской и осетинской делегациям.

Последнюю из них он называл «братской по духу». Одновременно оттачивалось и укреплялось горско-большевистское единство (именовавшееся оппонентами «блоком большевиков с «дикими»), в котором каждая из сторон преследовала собственные цели. Такой союз имел тактический характер и был жизнеспособен, пока велась борьба с казачеством.

На 4-м съезде трудовых народов Терека, открывшемся во Владикавказе 23 июля 1918 г., казачья фракция во главе с Г.Ф. Бичераховым и правые социалисты потребовали ликвидации большевистских совдепов. Прибывшие на съезд представители центральной власти чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе и народный комиссар труда А.Г. Шляпников вели себя подчеркнуто агрессивно, допускали грубые нападки на казаков. Если на 2-м съезде С.М. Киров призывал казаков «навсегда покончить с точкой зрения огульных обвинений целого народа»⁵³⁹, то теперь уже Орджоникидзе, призывая к войне, заявлял: «Мне все равно, все ли казачество принимает участие в контрреволюционном мятеже или только часть его...»⁵⁴⁰ 24 июля А.Г. Шляпников лично выезжал в станицу Котляревскую для ведения переговоров с Г.Ф. Бичераховым. Несмотря на то что переговоры шли весь день, по существу, они не сдвинулись с начальной точки: ни одна из сторон не желала признавать над собой верховной власти другой стороны. С иных позиций стороны вести переговоры отказывались. Бичерахов предложил Шляпникову ночлег, с тем чтобы утром продолжить переговоры, но тот предпочел ночью покинуть Котляревскую на собственном поезде, не испытывая судьбу⁵⁴¹.

6 августа продолжавший свою работу съезд был сорван нападением на город казачьих отрядов, к которым присоединились многие осетинские села и даже осетины из числа делегатов съезда. На момент нападения во Владикавказе находились лишь незначительные красные силы: 1-й полк Владикавказского совета, бойцы Китайского революционного отряда, отряды осетинской окружной организации РКП(б) и несколько рабочих отрядов⁵⁴². После двенадцатидневных упорных боев

Владикавказ был очищен от казачье-осетинских отрядов. В этот момент большевики заручились поддержкой ингушей, которые фактически спасли советскую власть во Владикавказе. Г.К. Орджоникидзе позже сказал в связи с этим, что, «когда мы висели на волоске... когда за нами не шли... маленький ингушский народ пошел за нами, не оглядываясь»⁵⁴³. 18 августа 4-й съезд возобновил свою работу и предоставил СНК Терской республики чрезвычайные полномочия в борьбе с контрреволюцией.

Вместе с казаками из Владикавказа в Моздок ушел Исполнительный комитет (бывшее войсковое правительство), где он был пополнен новыми членами, избранными Казачье-Крестьянским советом: Н.А. Букановским, В.А. Вертеповым, И.П. Звягиным. Тогда же комитет был переименован во Временное народное правительство Терской республики.

12 сентября в Моздоке был созван чрезвычайный Казачье-Крестьянский съезд, который призвал «поднять оружие против изменников», под которыми разумел узурпировавших власть большевиков. Против советской власти и социалистического государственного строя Казачье-Крестьянский совет не возражал. Любопытно, что съезд одновременно приветствовал «вступление на казачье-крестьянскую территорию Добровольческой армии генерала Алексеева и партизанского отряда войскового старшины Бичерахова, вливающих в Терский край новых бойцов для объединения с Казачье-Крестьянской народной армией в деле борьбы за истинную народную власть»⁵⁴⁴.

Съезд закончил свою работу 19 сентября избранием членов Казачье-Крестьянского совета: Н.А. Букановский, К.Н. Сапронов, Н.Ф. Рошупкин, О.П. Фролов, Н.В. Белоусов и др. (всего 17 членов) и членов Временного правительства. Председателем правительства был избран Г.Ф. Бичерахов. Также в его состав вошли И. Семенов (товарищу председателя), В.А. Вертепов, О. Полюхов, С. Темирханов, И. Яковенко и Л. Орлов.

После поражения во Владикавказе в стане казаков началось брожение. Многие станицы митинговали, решая, про-

должать войну с большевиками или искать мира. Ряд станиц заявили о нейтралитете или даже повернули оружие против своих же казаков. Иногда под воздействием большевистской пропаганды переход на сторону большевиков совершался прямо во время боя⁵⁴⁵. Офицерам приходилось упрашивать своих казаков продолжать боевые действия.

ЛАЗАРЬ И ГЕОРГИЙ

С лета 1918 г. начались активные контакты между двумя братьями. Тон переписки говорит о том, что отношения между ними в силу длительной разлуки, а может, и иных причин не были особенно теплыми. Особенно скуп на проявления родственных чувств оказался Лазарь. Его письма Георгию, как правило, выдержаны в сухом, деловом стиле, иногда в своих письмах он обращался не к брату, а сразу к Казачье-Крестьянскому совету. В то же время Лазарь, по крайней мере первое время, был ровен и искренен с братом. Напротив, тон писем Георгия часто заискивающий. Это легко объяснимо: он вынужден был выступать в роли просителя, поскольку терские казаки нуждались буквально во всем — оружию, боеприпасах, боевой технике, деньгах. Все это в бытке имел Лазарь Бичерахов. Уже в июне Георгий просил Лазаря побыстрее прибыть со своим отрядом и непременно произвести расквартирование отряда «у меня в Моздоке»⁵⁴⁶. Несмотря на занимаемую высокую должность, Георгий жил скромно, поэтому выступал перед Лазарем и с просьбами бытового характера. На Георгии оставалась забота о пожилых родителях, проживавших в Новоосетиновской станице. С Лазарем родители связи не имели.

Взаимопонимание между братьями налаживалось трудно: оба ждали друг от друга помощи, но первоначально мало чем могли или хотели друг другу помочь. В первых же письмах Георгий попросил у Лазаря отряд в 3 тыс. человек и 10 млн патронов. В свою очередь, 1 августа Лазарь просил у Георгия

те же 3 тыс. казаков для удержания Баку, после чего обещал все силы бросить на освобождение Терека. Нельзя не обратить внимания на то, что в этот период Лазарь Бичерахов сражался на стороне бакинских большевиков, а обещая помощь брату, должен был повернуть оружие уже против большевиков терских (отметим тут же, что терским большевикам не верилось в то, что Лазарь пойдет против них войной. Напротив, в начале восстания казаков на Тереке «красные, так же как и казаки, ожидали [Лазаря] Бичерахова, думая в нем найти союзника»)⁵⁴⁷. Любопытно, что в пору сотрудничества Л.Ф. Бичерахова с большевистским Бакинским советом в ответ на просьбу Георгия, как раз воевавшего с большевиками у себя на Тереке, прислать ему автомобили и двигатели тот рекомендовал ему обратиться в Баксовет, полагая, что там не откажут⁵⁴⁸. Политическая слепота Лазаря Бичерахова в тот период поразительна!

Между тем реальную помощь терцам Л. Бичерахов оказывал, и немалую. Самая острая проблема, которая стояла перед казаками, — проблема боеприпасов. Патроны собирались по станицам, но их запасы уже летом были на исходе. Доходило до того, что патроны закупались у чеченцев по 5 рублей за штуку (по той же цене их у чеченцев покупали и большевики). Исчерпание боеприпасов было одной из главных причин усилившегося в конце лета 1918 г. брожения и митинговщины среди казаков⁵⁴⁹.

В начале августа на Терек было направлено 1 млн ружейных патронов, 1500 снарядов для полевых орудий, 2000 снарядов для горных орудий, 20 пулеметов, 2 легковых и 2 грузовых автомобиля, а также 1 млн рублей⁵⁵⁰. По свидетельству активного участника боев Б. Нартова, отряд Л.Ф. Бичерахова являлся «единственным источником питания вооружением и снаряжением для восставших казаков»⁵⁵¹.

Под впечатлением реальной помощи от Л.Ф. Бичерахова в Терской области в этот период представления о его могуществе приобрели гиперболизированный характер. Считалось, например, что под Баку бичераховским казакам удалось

убить и ранить ни много ни мало 40 тыс. турок⁵⁵². Именно такого избавителя ждали на Тереке.

Между тем в конце лета положение Казачье-Крестьянского правительства стало ухудшаться. Мятеж казаков и осетин во Владикавказе, поднятый во время работы 3-го съезда народов Терека, был подавлен. Осада казаками Грозного и Кизляра затянулась. Красноармейские отряды совместно с горцами наносили казакам чувствительные удары. С октября 1918 г. письма Георгия к Лазарю с просьбами о помощи стали едва ли не ежедневными.

С образованием в середине сентября Временного народного правительства, которое возглавил Георгий Бичерахов, раскол между политическим и военным руководством терского казачества еще более углубился. Теперь, когда на горизонте замаячили два мощных военно-политических антибольшевистских центра — на западе Добровольческая армия, а на востоке — отряд Лазаря Бичерахова, становился на повестку дня актуальнейший вопрос того времени — об «ориентации».

Георгий Бичерахов, разумеется, настаивал на «восточной ориентации», тем более что Лазарь уже развернул конкретную материальную помощь терцам, предостерегая: «Неизвестно, что нам несет Добровольческая армия; быть может, нам придется и с ней сражаться»⁵⁵³. Но военное командование во главе с полковником Н.К. Федюшкиным, даже не зная точно о силах, намерениях, успехах Лазаря Бичерахова, видело в нем конкурента. Умножение сил братьев Бичераховых ничего хорошего ему не сулило. Еще когда Лазарь Бичерахов находился на бакинском фронте и ждал обещанный ему Георгием крупный отряд казаков, военное командование всячески задерживало выполнение этого обязательства, мотивируя это нехваткой сил на собственном фронте⁵⁵⁴. Напротив, «находясь всей душой на стороне Добровольческого движения», военное командование «радушно приняло представителя Добровольческой армии» и «допустило его начать формирование отряда из неказачьих офицеров»⁵⁵⁵ (в публичных

выступлениях казачья верхушка всячески скрывала раскол в своей среде, рисуя казакам картину полного окружения большевиков — и с запада, и с востока. См. Приложение 3).

Командование Добровольческой армии очень рассчитывало на терцев и при первой возможности постаралось установить с ними твердый контакт. В середине сентября на Казачье-Крестьянском съезде в Моздоке уже присутствовал высокопоставленный представитель Добровольческой армии генерал-майор Д.Ф. Левшин, прибывший «с приветствиями» от ее командования⁵⁵⁶. А во время работы съезда в Моздок на аэроплане прилетел генерал-майор И.Н. Колесников «с небольшой суммой денег для офицерских формирований»⁵⁵⁷. Это был первый контакт добровольцев с терскими казаками.

Правда, декларации и приветствия — это все, чем в то время добровольцы, сами нуждавшиеся в людях и снаряжении, могли поддержать терцев. Понимая это, военное командование шло навстречу некоторым требованиям Временного народного правительства Г.Ф. Бичерахова. В частности, оно согласилось сформировать для Лазаря Бичерахова отряд из казаков-беженцев выселенных ингушами станиц. «Этим удалось выторговать у Бичерахова еще 4 миллиона рублей», — отмечает Д.С. Писаренко⁵⁵⁸.

Ключевой стала проблема железнодорожной станции и узла дорог Кизляр, удержание которого в руках красных делало всякие разговоры об объединении усилий братьев Бичераховых, как и о налаживании нормального товарообмена между ними, бессмысленными. «Кизляр — основа основ, только оттуда можно вести операции на Петровск, Грозный, Пятигорск и даже на Астрахань», — писал Г.Ф. Бичерахов. Войска Казачье-Крестьянского совета безуспешно осаждали город с лета, но взять его не могли⁵⁵⁹. «Дальнейшие неудачи здесь усилят панику и сорвут всякие операции», — писали Лазарю 22 сентября Георгий Бичерахов и Эльмурза Мистулов⁵⁶⁰ (полный текст письма с подробным изложением обстановки на Тереке см. Приложение 6). Точно так же значение Кизляра для собственной обороны оценивали и в стане

большевиков: сухопутные маршруты на порт Астрахань и пристань Старотеречная начинались именно здесь. В условиях, когда железнодорожная линия на Петровск не могла эксплуатироваться из-за разрушений и опасности грабежей со стороны чеченцев, Кизляр становился единственным пунктом, через который можно было перебрасывать хлеб в голодающую Россию и в Баку. Ежедневно на подводах через это «единственное окно в социалистическую Россию» отправлялось по 2—3 тыс. пудов хлеба⁵⁶¹.

Обороной Кизляра грамотно руководил бывший подполковник Российской армии С.С. Шевелев, проявлявший «поразительное хладнокровие и распорядительность», имея первоначально отряд численностью всего лишь в 62 человека. Позднее по представлению Г.К. Орджоникидзе Шевелев за оборону Кизляра был награжден одним из первых орденов Красного Знамени⁵⁶². А Реввоенсовет советского Кавказско-Каспийского фронта присвоил Кизляру звание города-героя⁵⁶³. Упорная оборона Кизляра частями Красной армии не только не дала двум братьям объединить фронт, но и надолго отвлекла на периферийном участке значительные силы казаков.

Борьба за Кизляр длилась без малого шесть месяцев. Обе стороны постоянно наращивали силы. К оборонявшимся в середине сентября прорвались крупные силы из Астрахани, высадившиеся в районе Брянской пристани: отряд конницы, броневики и обозы с боеприпасами. 25 сентября в город вступил Латышский полк, через два дня — Железный, затем Ленинский полки и, наконец, части формируемой 12-й армии РККА⁵⁶⁴. В свою очередь, осаждавшие Кизляр казачьи части тоже непрерывно увеличивали свою мощь. В сентябре по просьбе Казачье-Крестьянского совета Л.Ф. Бичерахов высадил южнее Брянской пристани, в Старо-Теречной двухтысячный десант, затем отправил отряд есаула Слесарева. Общая численность войск только Лазаря Бичерахова на Кизлярском фронте составила 3 тыс. человек, 7 орудий, 8 пулеметов и 2 броневедомости⁵⁶⁵.

Казаки есаула Слесарева заняли станицу Копайскую (Александрийскую), что в 30 километрах от Кизляра, и, базируясь на нее, начали осаду города. Первоначально на терских офицеров войска К.М. Слесарева произвели благоприятное впечатление. Даже армяне, которыми были укомплектованы стрелковые батальоны и которых очень не жаловали в отряде Л.Ф. Бичерахова, характеризовались как «прекрасные солдаты»⁵⁶⁶.

Наиболее интенсивные бои между большевиками и бичераховцами произошли 13–14 октября, когда казаки попытались при поддержке броневиков и артиллерии штурмом овладеть городом. Однако эти попытки были отбиты; бичераховцы понесли существенные потери в живой силе и потеряли броневик, который достался защитникам Кизляра⁵⁶⁷.

Вооружение и снаряжение для терцев, поступавшее от Л.Ф. Бичерахова, выгружалось на пристани Старотеречная и далее под охраной следовало на подводах вдоль Терека. Сюда же свозились продовольствие и фураж, которые в больших количествах закупались в Моздокском отделе. Разумеется, путь этот был долгим и небезопасным. Не дожидаясь взятия Кизляра, чтобы наладить обмен с Терской областью, Лазарь Бичерахов начал строительство... железнодорожной ветки от Кизляра до пристани Старотеречная в устье реки Терек⁵⁶⁸. Ветка должна была пройти через станицу Копайскую. Сооружение 80-километровой железной дороги безо всяких подготовительных работ, опыта и технических средств его нисколько не смущало*.

Случайным свидетелем результатов этой работы стал деникинский морской офицер К.К. Шуберт, весной 1919 г. следовавший с группой офицеров через Кизляр в Старотеречную

* Любопытно, что та же «светлая» мысль о постройке дороги для усиления товарообмена несколько ранее пришла в голову и большевикам. По заданию В.И. Ленина чрезвычайный комиссар Юга России командировал на Северный Кавказ специальный поезд инженера Никольского. Строительные работы в Кизляре начались в конце июня 1918 г., однако блокада города казаками помешала дальнейшим работам (см.: *Кизляр* Орденосный. Махачкала, 1995. С. 27–28).

для организации белого флота на Каспии. Он был сильно удивлен, неожиданно обнаружив среди безлюдной солончаковой степи почти оконченное строительством большое станционное здание и железнодорожные пути в сторону Кизляра, которые шли вдоль телеграфной линии и внезапно обрывались. Внутри дома и снаружи были сложены строительные материалы, рельсы и шпалы. Еще больше, чем обрывавшаяся железная дорога в пустыне, путников поразило то, что станционное здание оказалось сильно поврежденным в результате артиллерийского обстрела. «Мы не имели понятия, какая драма и когда разыгралась здесь и кому могло прийти в голову бить снарядами по этому мирному и пустынному уголку Русской земли», — отмечал К.К. Шуберт. Лишь позднее он узнал, что это — дело рук «значительно шумевшего в Прикаспийском районе генерала Бичерахова»: «Постройка станции у Старотеречной и проведение оттуда ветки на Кизляр были, как говорят, затеяны им»⁵⁶⁹.

Оставленное в самом начале большое дело, никем не понятое и не оцененное, — кажется, эту железную дорогу можно считать квинтэссенцией всего бичераховского движения...

Как уже говорилось выше, общее командование терскими казачьими войсками еще летом 1918 г. Казачье-Крестьянским советом было поручено генерал-майору Эльмурзе Мистулову — земляку, соплеменнику, другу и сослуживцу Лазаря Бичерахова по баратовскому корпусу. После тяжелого ранения в самом начале восстания Мистулов остался фактически не у дел, хотя за ним сохранялась должность командующего. 20 сентября Мистулов написал «дорогому Лазарю», что «готов куда угодно скакать, если тебе моя помощь нужна. Пока, правда, один»⁵⁷⁰.

В начале октября Мистулов прибыл на Кизлярский фронт, однако в подчинение ему вошли только войска, осаждавшие город с востока. Есаул же Слесарев — прекрасный, по характеристике Б. Нартова, офицер — наотрез отказался подчиняться Мистулову и вообще согласовывать с ним свои действия: «При мне Мистулов уговаривал его временно координировать

действия, но тот не признавал над собой никакой власти и авторитета, кроме старого своего начальника и соратника генерала Бичерахова»⁵⁷¹.

Трудно сказать, какие получал распоряжения от Бичерахова Слесарев по поводу взаимодействия с генералом Мистуловым: документация его отряда не сохранилась после того, как он потерпел жестокое поражение, а все его имущество было захвачено красными. Одно «полуистрепанное письмо генерала Лазаря Бичерахова есаулу Слесареву» цитировал в своих мемуарах бывший политработник советской 11-й армии Х.-М. Мугуев: «По ликвидации кизлярской группы большевиков идите на Грозный, овладейте им, соединившись с моздокской армией моего брата Георгия Бичерахова, очистите Владикавказ...»⁵⁷² Фраза об «армии моего брата Георгия Бичерахова» вызывает сомнение в точности цитирования, поскольку Слесарев едва ли нуждался в разъяснении того, кто такой Георгий Бичерахов, однако важно отметить, что о каком-либо взаимодействии, а тем более подчинении командованию терскими войсками здесь речи не идет. Как утверждает Б. Нартов, впоследствии выяснилось, что «отряд Слесарева, согласно приказу Лазаря Бичерахова, должен был находиться в распоряжении командующего войсками»⁵⁷³. Если это так, то со стороны есаула Слесарева было допущено преступное неисполнение приказа и самоуправство, способствовавшее крушению Кизлярского фронта.

Осенью 1918 г. терское казачество неудержимо катилось к катастрофе. Ее предвестием и трагическим символом стало самоубийство командующего терскими войсками генерал-майора Э.А. Мистулова. После разгрома казаков в районе станции Прохладная в начале ноября и их позорного бегства Мистулов застрелился, оставив своему боевому товарищу полковнику Д. Кибирову записку: «Дзамболат и все мужественные духом Терцы! Надо бороться с нашими врагами. Бог даст, будет помощь со стороны Деникина. Мое тело отвезите прямо на кладбище и без всяких излишеств, по возможности, скорее предайте земле. Эльмурза Мистулов»⁵⁷⁴.

Отметим, что на Лазаря Бичерахова у Э.А. Мистулова надежды уже нет — последствия опыта «взаимодействия» с есаулом Слесаревым.

Отношения Казачье-Крестьянского совета и Лазаря Бичерахова стремительно портились. Отряд Слесарева не мог в одиночку сломить сопротивления красноармейцев, а от терцев помощи все не было. Напротив, они сами просили и умоляли Л. Бичерахова о новой помощи. Лазарь уже не стеснялся в выражениях, прямо обвиняя терцев в трусости: «Дрожите за свою шкуру». Он требовал прислать к себе не мобилизованных казаков, никак не мотивированных на продолжение борьбы, а непременно добровольцев. Пункт набора добровольцев специально в отряд Л. Бичерахова работал в Моздоке с 20 сентября. Желающим предлагались немалые оклады: 650 рублей казаку и 714 рублей вахмистру⁵⁷⁵. Лазарь просил у Георгия 3 тыс. человек (1 тыс. конных и 2 тыс. пеших), с помощью которых обещал в начале октября не только вернуть Баку, «но и продвинуться гораздо дальше»⁵⁷⁶. Но добровольцев в условиях надвигавшейся катастрофы отыскать было сложно. Удалось набрать 183 человека, из которых 107 были офицерами, остальные — студентами, чиновниками, топографами⁵⁷⁷.

10 октября правительство объявило мобилизацию станиц Сунженской, Аки-Юртовской, Тарской, Кохановки, Фельд-маршальской начиная с присяжного года и до 45-летнего возраста. Руководить мобилизацией было поручено полковнику Рошупкину, популярному на Тереке, что давало надежду на успех мобилизации⁵⁷⁸. Однако и это мероприятие окончилось провалом. Отправленные под Кизляр мобилизованные казаки всячески уклонялись от боя. В то время когда казаки и солдаты Слесарева штурмовали Кизляр с востока, с запада никакой помощи от своих собратьев — казаков-терцев — они не получали. «Как кизлярцы воевали? — с горечью вспоминал Б. Нартов, оказавшийся осенью 1918 г. сотенным командиром на Кизлярском фронте. — В окопах у них через каждые десять шагов были бочки, наполненные вином. Чи-

хирь у них не переводился, уничтожали его в невероятном количестве. Тут была полная возможность и свобода пить столько, сколько хотелось... Кизлярцы воевали плохо, а если и сидели в окопах, то ради веселой жизни, мало стреляя, когда нужно, и много — когда не нужно; они ничем не угрожали большевикам»⁵⁷⁹. Большевики же также старались не тревожить своих противников, сосредоточив все усилия на войсках Слесарева. Справедливости ради нельзя не сказать, что войска Слесарева, особенно вошедшие в его подчинение две копейские сотни, тоже отличались низкой дисциплиной, были поражены пьянством, однако в бой все же ходили⁵⁸⁰.

Бичерахов был очень раздражен бессилием Казачье-Крестьянского правительства. «Вы, может, шутки шутите, а мне здесь не до шуток. С вами, видно, нельзя дела иметь», — заключил Лазарь Бичерахов в одном из своих посланий в Моздок⁵⁸¹. Он пригрозил отозвать отряд есаула Слесарева, если терцы немедленно не откроют боевых действий, и получил в ответ униженную телеграмму, где его, «как сына Терской области», просили «спасти область и не выводить отряда Слесарева», ибо с его уходом «все будет потеряно»⁵⁸².

После того как в начале ноября стало известно, что Временное Всероссийское правительство подтвердило полномочия Лазаря Бичерахова как главнокомандующего «всеми вооруженными силами в крае», он потребовал полного подчинения себе всех вооруженных сил Терской области⁵⁸³. Такими силами, считал Л. Бичерахов, еще не познавший на фронтах Гражданской войны горечи поражений, разгром терских большевиков был неминуем и скор. После Кизляра должен был пасть Грозный.

Однако Народное правительство Терского края все еще опасалось лишиться своей независимости и поступило иначе. Был сформирован триумвират с диктаторскими полномочиями — так называемое Военное правительство Терского края (председатель Г.Ф. Бичерахов, члены Н.А. Букановский и генерал-майор И.Н. Колесников). Образование этого правительства не было оформлено никаким актом, и до конца ноября

оно существовало с молчаливого признания его как Казачье-Крестьянским советом, так и Временным народным правительством. Военное правительство было озабочено в первую очередь подготовкой эвакуации на правый берег Терека и организацией отпора чеченцам, через земли которых намечался путь отступления с Терека. Но образование подвижного органа управления не привело к желательному результату, и отход казаков с их позиций продолжался безостановочно.

11 ноября Моздок был оставлен. Всем красноармейцам зачитывался приказ Реввоенсовета Северного Кавказа о полном разгроме «кадетских отрядов» Бичерахова, Мистулова, Агоева и Серебрякова и о том, что казаки и солдаты терских контрреволюционеров убивают своих командиров и массово переходят на сторону красных войск. Только за два дня декабря, как утверждалось, на сторону Красной армии с оружием перешло 1400 человек. В то же время офицерство «разбегается, кто куда попало»⁵⁸⁴ (полный текст: см. Приложение 5).

Пожалуй что так оно и было. Советская власть, казалось, окончательно утвердилась на Тереке лишь затем, чтобы уже через пару месяцев потерпеть сокрушительное поражение от набиравшей силу Добровольческой армии.

Общую участь терцев разделил отряд К.М. Слесарева. Благодаря беспечности его казаков никаких караулов не выставлялось и однажды рано утром отряд китайцев и красноармейцев вошел прямо в Копайскую и открыл ураганный огонь из пулеметов прямо на улицах. Из 1500 стрелков из станицы к полудню вышли лишь 250 человек. Станица была разгромлена, население подвергнуто насилиям и расстрелам. Из вышедших 120 человек переправились через Терек, где были пленены чеченцами и турками, по приказу Нури-паши расстрелявшими в районе аула Костек 10 человек, в том числе есаула Слесарева⁵⁸⁵. Остальных позднее освободили англичане⁵⁸⁶.

Основной караван войск и правительственных учреждений терцев двинулся вдоль левого берега Терека, сначала до станции Наур, затем до станицы Ново-Щедринской. Толпы каза-

ков беспорядочно отступали вдоль железной дороги, проложенной по берегу Терека, непрерывно подвергаясь грабежам чеченцев. На короткое время им удалось оторваться от преследования, и вновь в «походном» правительстве закипела политическая жизнь. Было созвано объединенное заседание Временного народного правительства Терского края и Казачье-Крестьянского совета, где был окончательно решен вопрос о триумvirате (Военном правительстве) в составе Г.Ф. Бичерахова (председатель), Н.А. Букановского и И.П. Яковенко. На сей раз все было оформлено на бумаге. Срок полномочий Военного правительства — до окончания гражданской войны на территории Терского войска. Генерал Колесников на этот раз в состав правительства не вошел, что только способствовало дальнейшему развалу общего фронта обороны.

Одновременно шло переформирование остатков вооруженных сил. Трехсотенные полки были сведены в дивизию, которую возглавил полковник Н.К. Федюшкин, а начальником штаба стал Генерального штаба полковник Белогорцев. Оба они являлись сторонниками позиционной войны, что разлагающе действовало на казаков. Под станицей Николаевской был создан позиционный фронт обороны, вырыты окопы. Но через несколько дней казаки стали сниматься с позиций и ходить в станицу Червленную «сушить онучи». В окопах никого не было, и Червленная легко была взята красными войсками.

4—5 декабря казаки переправлялись на правый берег Терека, эвакуировали военное снаряжение и продовольствие. Далее проследовали через Аксай на Чир-Юрт. Военное правительство стало искать поддержки у Горского правительства. Генерал Колесников, недовольный тем, что оказался исключенным из переговорного процесса, вступил в отдельные переговоры с Тапой Чермоевым, объявив триумvirат авантюристами и заявив, что единственный представляет интересы терского казачества.

Деятельность Временного народного правительства, бесприютного и безнадежного, становилась все более сумбурной и непоследовательной. 8 декабря, «считая, что на чужой

территории оно явно излишне, сложило свои полномочия». Одновременно актом передало свои полномочия Казачье-Крестьянскому совету, который переименовывался в Терское Казачье-Крестьянское правительство. Это правительство, в свою очередь, наделило всеми военными и гражданскими правами генерала Колесникова, как своего представителя при Горском правительстве.

Почти одновременно правительство уступило напору Лазаря Бичерахова и наделило его правами главнокомандующего терскими войсками. 19 декабря он отправил Георгию Бичерахову телеграмму: «Принимая высшее командование над Терскими казачьими частями, я гарантирую сохранение за Терским казачьим войском исторического порядка формирования и внутреннего устройства. Я же назначаю командный состав. У Терского отряда, вышедшего из границ Терского войска, прав выбирать походного атамана нет». Терские войска принимались Л.Ф. Бичераховым на свое содержание⁵⁸⁷.

Взяв Временное народное правительство под свою опеку, Лазарь Бичерахов настойчиво предлагал ему подчиниться себе в военном и административном отношении, избрав его «походным атаманом казачье-крестьянских войск»⁵⁸⁸. Однако это избрание уже не состоялось.

Осознавал ли Л.Ф. Бичерахов всю ответственность, которую он взваливал на себя, принимая командование гибнущим Терским казачьим войском, не имевшим уже ни сил, ни средств, ни авторитета, ни территории? Наверное, вполне осознавал. Однако в его характере было браться за сложные дела, которые раньше нередко ему удавалось «вытащить» из самых безнадежных ситуаций. В конце декабря из Баку на север для Георгия Бичерахова было отправлено несколько эшелонов с войсками, оружием, госпитальным оборудованием⁵⁸⁹. Все это было уже напрасным.

Развал казачьей государственности и вооруженных сил был обусловлен не только ударами большевистских войск, но и не утихавшими даже в самое тяжелое время внутренними распрями.

БИЧЕРАХОВЩИНА: ТЕРРОР И ЕГО ПРИЧИНЫ

Нельзя не сказать о важной странице истории движения Л.Ф. Бичерахова, связанной прежде всего с его дагестанским периодом: вступив в гражданскую войну, его войска неизбежно оказались вовлеченными во взаимный террор. Это была страшная явь братоубийственной войны. Свидетельства о проведении представителями Бичерахова арестов и казней в Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре, вполне возможно преувеличенные, сохранились от представителей различных политических лагерей. Помощник князя Н. Тарковского сообщал, что бичераховцами в расход были отправлены дербентский городской голова с сыном⁵⁹⁰ и другие мусульманские деятели города⁵⁹¹. Свидетели оккупации Петровска из числа большевиков настаивали на фактах массовых репрессий бичераховцев в городе. В числе казненных оказался командир 6-го Царицынского полка А. Ляхов, отказавшийся сотрудничать с Бичераховым⁵⁹². Были расстреляны руководители обороны города коммунисты Я.В. Коробов, А.Ю. Эрлих, Г.В. Каделаки, В. Бешенцев, инженер С.В. Лагода, телеграфист В.В. Архипов и др. Попавший в облаву И.А. Котров покончил с собой. Трупы многих из них долго лежали у здания военного комиссариата⁵⁹³.

Если верить газете «Красный Дагестан» за 1927 г., «заняв город, бичераховцы распоясались вовсю. Охотились за большевиками, ловили их на улицах, в театре, на квартирах, вывозили за город или на море и там расстреливали»⁵⁹⁴. В другой статье говорится о «дикой расправе над коммунистами и комиссарами» и «зверском расстреле» 20 мадьярских солдат, воевавших на стороне красных⁵⁹⁵. Последним пришлось самим рыть себе могилу. Одному из них, по свидетельству жены заместителя председателя петровского революционного трибунала Д.П. Онанова М.А. Онановой, удалось выбраться из ямы, и в 1926 г. он приезжал на могилу своих товарищей⁵⁹⁶. Историю с расстрелом венгерских солдат в похожих интерпретациях рассказывают многие свидетели, и, очевидно, она в действительности имела место.

Документальные свидетельства о терроре со стороны бичераховцев совсем не случайно появляются именно в дагестанский период истории отряда. Бичераховское войско и ранее не блистало дисциплиной и, как отмечалось выше, еще в Персии производило на наблюдателей впечатление казачьей вольницы. Пьянство, беспричинная стрельба, порой грабежи населения — все это случалось и в Персии. Свидетелями отмечалось и то, как «русскими (вероятнее всего, бичераховцами, ибо более некому. — А. Б.) было повешено несколько известных революционеров в Реште...»⁵⁹⁷. Генерал Денстервиль рассказывал, как во время многодневного «стояния» отряда в Казвине близкий помощник Бичерахова Т. Совлаев занимался тем, что отлавливал персов, показавшихся ему «шпионами». Однако тогда отряд находился на территории иностранного государства и такое поведение казаков воспринималось и сторонними наблюдателями, и офицерами отряда как издержки оккупации.

Бакинский период стал временем интенсивных боев со старым противником — регулярной турецкой армией. Отряд Бичерахова вновь окунулся в атмосферу мировой войны. Боевая работа объективно способствовала укреплению дисциплины в отряде. Кроме того, бакинские коммунары благо разумно держали отряд вне пределов города.

С уходом отряда из-под Баку бичераховцы неожиданно для себя окунулись в жестокую и беспринципную атмосферу гражданской войны — войны без линии фронта, без правил, без начала и конца. Атмосфера ее уже вполне чувствовалась в Баку: по разладу и несогласованности действий гражданских и военных властей, по острой политической борьбе, по низкой дисциплине бакинских войск.

Следует особо подчеркнуть, что никакого официального приказа о развертывании классового или национального террора в связи со вступлением в Дагестан не было. Напротив, Бичерахов предпринимал отчаянные усилия поддержать дисциплину в своем отряде. Приказы, требовавшие сохранения воинского порядка и недопущения дискредитации отряда в

глазах населения, издавались один за другим (см. Приложение 4).

Уводя свой отряд из Баку, Бичерахов считал нужным издать приказ войскам, в котором провел водораздел между своим отрядом и охваченным апатией бакинским войском. Обращаясь к командирам сотен, батарей, рот, он почти поэтическими средствами разъяснял, что единственный путь сохранить отряд и собственные жизни — держаться вместе: «Строго следить, чтобы вверенные вам люди всегда были на учете, всегда были вместе, не только к котлу собирались. Разъяснить казакам и солдатам, что в этом наша сила и что в этом залог нашего благополучия и успех в борьбе с врагами России и врагами отряда. Разъяснить, что, куда бы ни двигались, путь труден и опасен, а посему нужна общая работа, общая жизнь, всем держаться за одного, одному за всех. Бояться нечего. Пусть помнят, что от судьбы не уйдешь и, если кому суждено быть повешенным, тот в море не утонет»⁵⁹⁸. Здесь же он обращал внимание на «необходимость полного доверия, вежливости, братской заботливости, поддержки, взаимного уважения и готовности костями рядом лечь за общее дело, не выдавая друг друга»⁵⁹⁹.

Центральной стала установка начальника отряда на поддержание железной дисциплины среди казаков и солдат, недопущение грабежей и насилия в отношении мирных жителей. «Надо сохранить свое честное имя, надо сохранить свою совесть. Жители должны быть рады нашему приходу, а не проклинать нас»⁶⁰⁰.

Любопытно, что суровым наказанием для провинившихся считалось исключение из отряда. Понятно, что выброшенного на произвол судьбы на пылающей чужой земле нарушителя не ожидало ничего хорошего. Первобытный, в сущности, обычай наказания путем исключения из общности вновь стал востребованным в смутное время.

Однако удержать войска от бесчинств по мере продвижения по Дагестану становилось все сложнее. Несмотря на увещевания начальника, казаки все более распоясываются. 17 ав-

густа, когда отряд занял Дербент, Бичерахов вынужден был констатировать: «В последние дни участились безобразия казаков и солдат отряда в городе... Офицеры не доносят мне о бесчинствах, а казаки и солдаты укрывают»⁶⁰¹ (см. Приложение 4). Действительно появляются сообщения об открытых грабежах обывателей казаками.

Значительную роль в развертывании террора отрядом Бичерахова сыграло пополнение отряда массой добровольцев из числа защитников Баку. Они внесли настроения самоуправства и мародерства в казачью среду. Нередки были случаи, когда примкнувшие к отряду совершали преступления от имени его командования. 30 октября, уже в Петровске, Бичерахов издал приказ, в котором вынужден был констатировать, что «лица, не уполномоченные и по большей части даже не входящие в состав отряда, самочинно устраивают ночные обыски и аресты»⁶⁰². Этим же приказом Бичерахов потребовал предавать виновных в самоуправстве, которое он считал «государственным преступлением», военно-полевому суду, разрешив впредь проводить обыски и аресты только в чрезвычайных случаях и по распоряжению начальника гарнизона⁶⁰³.

Сложившееся положение чрезвычайно удручало Бичерахова. В одном из приказов он предупреждал своих казаков: «Если так будет продолжаться, и казаки, и солдаты сами не примут меры к прекращению безобразия и не выгонят из своей среды позорящих отряд мерзавцев, я брошу отряд, т. к. я не хочу вести домой и заботиться о негодяях, которые прикрываются моим именем, скандалят, режут и грабят местное население»⁶⁰⁴.

«НЕКИЙ ДЖИГИТЯН»

Все же девиации большинства казаков не выходили за границы хулиганства и пьяных дебошей. Это явления хотя и неприятные, но не несшие непоправимых последствий. В фонде отряда Бичерахова не обнаружено прямых распоря-

жений о расстрелах, да и вообще свидетельств террора, хотя это не дает оснований утверждать, что такого не было вовсе. В сильно разросшемся численно отряде Бичерахова многие преступления совершались в, так сказать, «инициативном порядке», без ведома начальника отряда.

Напротив, есть противоположные примеры. Так, девяносто семь арестованных бичераховцами большевиков и красноармейцев были перевезены в Закаспийскую область, где красноармейцы были мобилизованы уже в белые войска, а большевики отпущены под подписку о невыезде и сразу бежали⁶⁰⁵.

Вдохновителем собственно террора в Дагестане, развернувшегося с приходом сюда отряда Бичерахова, следует считать дашнака Нерсеса Джигитяна — руководителя политической службы Бичерахова. Источники чаще всего относят незаконные аресты, облавы и расстрелы именно на его счет.

Сам Джигитян — фигура таинственная. Сведения о нем крайне фрагментарны; ни одному из исследователей не удалось разыскать его биографических данных. В литературе он нередко упоминается не иначе как «некий Джигитян», и ему приписывают едва ли не демонические черты⁶⁰⁶.

Знакомство с ним Бичерахова состоялось еще в Энзели весной 1918 г., где член партии дашнакцутюн Н. Джигитян состоял членом Энзелийского ревкома и одновременно был доверенным лицом Степана Шаумяна. По информации председателя бакинской ЧК периода коммуны С.М. Тер-Габриэляна, Джигитян «втерся в доверие к Советской власти и был вхож в Совнарком»⁶⁰⁷. Не исключено, что он был коллегой Тер-Габриэляна по ЧК. В начале мая от лица Совнаркома Джигитян вел конфиденциальную переписку. В то время, апреле—мае 1918 г., находясь в Энзели, Джигитян занимался важным делом — организацией снабжения отряда бензином. Ему же в начале мая было поручено формировать для отряда стрелковые роты⁶⁰⁸.

Очевидно, Джигитян имел влияние на Бичерахова и тот поручал ему самые щекотливые дела. В фонде отряда Биче-

рахова, весьма хорошо сохранившемся, обнаружить документов какой-то службы политического сыска не удалось. Не упоминается таковая служба и ее начальник ни в одной из многочисленных раздаточных ведомостей, смет расходов и в прочих финансовых документах, в которых имеется роспись расходов отряда по его структурным подразделениям.

Тем не менее секретная служба Джигитяна безусловно существовала и была весьма активна. Институализация ее пришла на сентябрь 1918 г. — время, когда бичераховцы прочно закрепились в Дагестане. К середине сентября относится представленный на утверждение Бичерахова проект организации осведомительного бюро при штабе отряда, в задачу которого входило бы «обнаружение и обследование явлений и лиц, деятельность которых направлена к способствованию или благоприятствованию неприятелю в его военных или враждебных действиях против России и, в частности, против отряда полковника Л.Ф. Бичерахова»⁶⁰⁹. Автор проекта (его имя установить не удалось) возлагал на бюро как агентурно-разведывательные, так и судебно-следственные функции. Планировалось насадить «самую широкую сеть секретных осведомителей» сначала в Дагестане, а затем и в остальных ключевых пунктах Прикаспия и Закавказья: Энзели, Астрахани, Красноводске, Баку, Тифлисе. Должностные лица осведомительного бюро должны были также войти в штат основных железнодорожных магистралей и телеграфа. Штат осведомительного бюро только по Дагестану составлял 41 человека, а ежемесячная смета расходов — почти 95 тыс. рублей⁶¹⁰.

Видимо, столь широкая осведомительно-карательная сеть Бичерахову была не по плечу. Однако идея о тайной службе воплотилась в более компактном «военно-политическом отделении при штабе» Кавказской армии. Оно упоминается в документах как реально действующая служба. Его начальник — прапорщик Н. Джигитян⁶¹¹. Военно-политическое отделение уже в сентябре располагало достаточно большой сетью агентов-агитаторов местных национальностей, подби-

равшихся из солидных, уважаемых своими обществами людей, прежде всего среди интеллигенции — учителей, редакторов газет и проч. Функции агента понимались не только в смысле политического доносительства, но и как агитационно-пропагандистская работа среди населения в пользу сохранения Дагестана в составе Российского государства. Благодаря деятельности агентуры штаб Бичерахова располагал достаточно полными сведениями не только о настроениях дагестанских обществ, но и о положении в стане турецких войск, оккупировавших горные районы Дагестанской области.

Прямых приказов о казнях большевиков, отданных А.Ф. Бичераховым, в документах не обнаружено.

Обнаружена лишь написанная его рукой записка, в которой он требует «изолировать всех бывших комиссаров». В составленной для себя памятной записке Бичерахов отмечал необходимость «в Кубе, Шемахе, Хачмасае, Дербенте, Петровске организовать чрезвычайные следственные комиссии по выяснению принесенных разорений и выяснения жертв национальной и большевистской вражды и карательных экспедиций»⁶¹². По его требованию был составлен список всех «состоявших у власти Петровского совдепа», каковых оказалось восемьдесят семь⁶¹³. Вполне возможно, что расстрелы организовал Джигитян, по-своему трактовавший распоряжения начальника отряда. Механизм репрессий в Дагестане описан в письме Бичерахову поручика Худесова. Этот офицер, по какой-то компрометирующей причине уволенный из отряда без выплаты довольствия, шантажирует начальника отряда тем, что расскажет в газетах «о всех безобразиях, которые творились в Петровске»: «Расстрел Гейдаровых (местные купцы. — А. Б.), например, произошел с вашего разрешения, т. к. в записке, написанной Джигитяном Тарарыкину (начальник конницы. — А. Б.), было сказано, что начальник отряда приказал пустить их в расход. Могу доказать это через свидетелей. Также и остальные незаконные расстрелы»⁶¹⁴. Роль Джигитяна в произведенной расправе ключевая: запиской он отдает приказ о расстреле, ссылаясь на устное ука-

зание начальника отряда. Однако было ли отдано Бичераховым такое приказание на самом деле, совсем не очевидно.

Ключом к пониманию поведения Джигитяна, вполне вероятно, является тот факт, что он оказался в числе офицеров полковника Г.А. Бертрена, плененных в Дербенте в начале августа⁶¹⁵. Что с ним происходило в плену — неизвестно. Разумеется, дагестанские большевики не отличались галантностью в отношении своих врагов. По свидетельству упомянутой выше М.А. Онановой, петровский ревтрибунал без промедления приговаривал к расстрелу лиц, заподозренных в сотрудничестве с Бичераховым⁶¹⁶. Распространителей слухов об успехах Бичерахова Чрезвычайный военный совет Дагестанской области разрешил расстреливать на месте⁶¹⁷. Не брезговал этот орган и захватом заложников (например, были арестованы «англо-бичераховские шпионы» — оказавшиеся в Дагестане британские подданные)⁶¹⁸. Наверняка бичераховским офицерам пришлось немало претерпеть в красном плену, прежде чем им удалось освободиться. Чувство мести могло быть одним из мотивов поведения Джигитяна.

С другой стороны, Джигитян был склонен к интриге и явно выходил за рамки своих полномочий. В этом отношении, по словам одного из корреспондентов Бичерахова, «Джигитян увлекался»⁶¹⁹. Используя свое влияние на вождя отряда, он сводил счеты с неугодными ему офицерами. Так, например, командир бичераховского бронепоезда номер 1 С.Г. Мусаилов, переболев тифом и выйдя в январе 1919 г. из госпиталя, обнаружил, что он отстранен от командования. Причин этого он не знал, предполагал лишь, что это следствие не совсем удачного использования поезда в боях под Петровском и Дербентом в ноябре 1918 г. В подробном докладе на имя Бичерахова Мусаилов объяснял этот факт недостаточным опытом полевых командиров, не готовых взаимодействовать с бронепоездом. Однако доклад, переданный через Джигитяна, до Бичерахова не дошел⁶²⁰.

Еще один пример «увлеченной» работы привел в своей жалобе на имя Бичерахова петровский обыватель В.П. Васи-

ленко, доверенный рыбопромысловой фирмы Тагиева. Его сын Евгений, лейб-гвардии капитан, боевой офицер, служивший ранее с Бичераховым в Персии, 13 октября прибыл в Петровск как обменный военнопленный и тотчас был схвачен без предъявления обвинения. Евгений только что вернулся из поездки по делам фирмы в Баку (оккупированный турками), и это, очевидно, стало поводом его ареста. В.П. Василенко полагал, что таким образом Джигитян сводил личные счеты с ним самим. При личной встрече с В.П. Василенко Джигитян оскорблял его; звучали слова «убирайтесь вон», «сволочь» и т. п.

Подозрения Василенко нельзя считать беспочвенными, если принять во внимание короткую записку, отправленную Бичераховым Джигитяну за месяц до этого, 12 сентября. Бичерахов требовал «принять меры к сохранению интересов промыслов Тагиева и компании...». И видимо, чтобы не допустить произвола при «сохранении интересов», Бичерахов приписал: «Один доверенный должен присутствовать»⁶²¹. Можно предположить, что Джигитян имел «свой интерес» в делах фирмы Тагиева и давление на семью Василенко — лишь один эпизод его атаки на петровского предпринимателя.

БИЧЕРАХОВ И ДЕНИКИН

Компаративистское исследование развития Белого движения на Юге России, возглавляемого сначала генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым, а затем А.И. Деникиным, с историей бичераховского отряда дает любопытные результаты.

Алексеевская военная организация возникает в Новочеркасске в ноябре 1917 г. В нее вступают генералы и офицеры, бежавшие от советской власти из центральной России. В это время Бичерахов уже имеет в своем распоряжении в Персии крепко спаянный и хорошо вооруженный отряд численностью до 1000 человек.

Период с февраля по апрель 1918 г. части созданной в январе 1918 г. Добровольческой армии провели в изнурительном Ледяном походе. Они не смогли привлечь на свою сторону ни донского, ни кубанского казачества, потеряли своего вождя генерала Корнилова. Генерал Алексеев безнадежно болен.

Лишь к лету 1918 г. добровольцы оправались от тяжелых потерь. В июне Добровольческая армия насчитывала в своем составе до 9 тыс. штыков и сабель, 24 орудия, 3 броневедомо-мобиля. К сентябрю численность армии возросла приблизительно до 30—35 тыс. человек при 80 орудиях⁶²². По состоянию на начало декабря 1918 г. генерал А.И. Деникин оценивал численность действующих войск (без учета тылов) в 32—34 тыс. штыков и сабель при 100 орудиях. Причем на главном, Кавказском театре военных действий против советских 11-й и 12-й армий действовало не более 25 тыс. штыков и сабель при 75 орудиях⁶²³.

Бичераховский отряд, как уже говорилось выше, в октябре—ноябре достиг численности 30 тыс. человек и тоже именовался армией. Как уже отмечалось, бичераховская армия располагала артиллерийскими батареями (всего 107 орудий), 221 пулеметом, броневедомобильными частями (8 броневиков), тремя бронированными и блиндированными поездами, военной флотилией (9 военных судов) и авиацией, а также автопарком численностью в 34 легковых и 39 грузовых автомобилей. На момент расформирования бичераховской Кавказской армии, к середине января 1919 г.*, численность Добровольческой армии, по данным ее штаба, составляла 43 556 штыков и сабель, 647 пулеметов, 186 орудий, 11 броневедомобилей, 73 легковых и 75 грузовых автомобилей, 102 самолета и 7 бронепоездов⁶²⁴.

Цифры вполне сопоставимые. Есть и другие сходства. Боевые качества большинства бичераховских частей были не-

* Эти цифры почти совпадают с данными генерала А.И. Деникина по состоянию на начало 1919 г.: до 40 тыс. штыков и сабель при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 броневедомобильях, 7 бронепоездах и 29 самолетах (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919 г. С. 145).

высоки. Но они были крайне низки и у деникинцев, как, впрочем, и у их противников — многочисленных региональных красных армий. Обе армии были обременены беженскими обозами. Обе армии были рассредоточены на огромной территории и единого ударного кулака не имели.

Принципиально различной была степень политической зрелости бичераховского и корниловско-деникинского движений. Бичерахов начал идентифицировать себя в политическом пространстве воюющей России лишь осенью 1918 г. Политическая модель бичераховцев до самого конца осталась на низком идейном и организационном уровне. Печать самого «провинциального», невероятно далекого от революционной страны персидского фронта в полной мере легла и на политическое развитие бичераховского движения, если таковым вообще можно назвать набор сентенций о «русской ориентации». Помноженные на харизму начальника отряда, простейшие идеологемы стали основой патриотически ориентированного вождизма.

Напротив, политическая платформа Белого движения на Юге России имела глубокие корни, если такой термин применим к тому стремительному времени. Вполне созревшая к августу 1917 г. генеральская фронда окончилась корниловским выступлением. Затем, в Быховской тюрьме, политические размышления были продолжены. С приходом быховских узников на Дон и воссоединением их здесь с многочисленной колонией беглых политиков центристского и правого толка, уже к началу 1918 г. вызрела вполне стройная политическая концепция, основанная на антибольшевизме, незыблемости прав собственности, непредрежденчестве, выполнении союзных обязательств России в мировой войне, восстановлении России в ее прежних границах с возможностью выделения национальных автономий. Правда, добровольцам и их политическим сторонникам пришлось натолкнуться на противодействие казачьей верхушки Дона и Кубани, не собиравшейся сражаться за всю Россию, а отстаивавшей только собственные интересы.

Очень различными были добровольческое и бичераховское движение по социальному составу. Бичераховская Кавказская армия до конца сохранила свое отрядное ядро; офицеры отряда продвигались по служебной лестнице и заняли ключевые посты в Кавказской армии. Приток офицеров со стороны шел, но не стал массовым явлением из-за географической изоляции региона от остальной страны. Уж тем более в бичераховских вооруженных силах не существовало офицерских частей. На укомплектование штатных должностей партизанского отряда офицеров хватало, но при развертывании отряда в армию осенью 1918 г. дефицит командного состава проявился очень остро. Ротами в Кавказской армии командовали в основном прапорщики и подпрапорщики ⁶²⁵. В период наиболее ответственных боев с турками в Дагестане в октябре—ноябре 1918 г. на роту приходилось не более одного офицера. Бывший начальник полевых войск Кавказской армии Б.В. Никитин именно на нехватку офицеров относил большие потери в людях ⁶²⁶.

Длительное время самым старшим по чину офицером в отряде был сам полковник Бичерахов; подразделениями же и отдельными службами отряда руководили есаулы, ротмистры и поручики. Генералы появились уже в период Кавказской армии, осенью 1918 г., и их число было невелико: четыре генерал-майора производства периода Гражданской войны — сам Л.Ф. Бичерахов, его начальник штаба А.Е. Мартынов, главнокомандующий муганскими войсками Ф.М. Ильяшевич и начальник снабжений Кавказской армии Н.А. Караулов (Мартынов, Караулов и Ильяшевич были произведены в генеральские чины самим Бичераховым 14 декабря 1918 г.); и четыре генерала царского производства и производства Временного правительства — генерал-майор Г.А. Докучаев, генерал-лейтенант А.И. Чаплыгин, генерал-майор И.Н. Колесников и генерал-майор Я.Г. Багратуни.

Не выпало бичераховскому генералитету и какой-то особой исторической роли: генерал Докучаев был формальным руководителем обороны Баку в августе 1918 г., в то время как ре-

альная сила была сосредоточена в руках Воскресенского и Диктатуры Центрокаспия; генералы Чаплыгин и Багратуни формировали (первый в Баку, второй в Энзели) пехотные части при Кавказской армии. Наконец, генерал Колесников, командовавший терскими войсками, присоединенными поздней осенью 1918 г. к Кавказской армии, фактически ничьей власти не признавал (об этом — ниже).

Ошибкой было бы понимать отношения соподчинения между главнокомандующим и его генералитетом слишком буквально (если оставить за скобками генералов бичераховского производства). Все перечисленные генералы царского производства имели двойное и тройное подчинение, соответственно политическому хаосу того времени, были очень удалены от штаба главнокомандующего и часто действовали по своему усмотрению и в своих интересах. Сколько-нибудь тесных деловых связей, таких, какие легко прослеживаются между Бичераховым и Воскресенским или Бичераховым и Альхави, в данном случае нет. Не обнаружены и прямые личные распоряжения Бичерахова тому или иному генералу, как и отчеты последних ему (хотя это, конечно, не говорит о том, что таковых не существовало вовсе). Не случайно весь «старый» бичераховский генералитет (за исключением Я.Г. Багратуни) в начале 1919 г. быстро нашел себе место в Добровольческой армии и даже принял активное участие в ликвидации последствий бичераховщины, активно участвуя в процессе расформирования частей и аннулируя бичераховское чинопроизводство и награждения (в частности, этим на Мугани занимался генерал Чаплыгин)⁶²⁷.

Столь подробный обзор бичераховского генералитета призван «оттенить» социальный портрет Добровольческой армии, костяк которой изначально состоял из представителей высшего генералитета. Ядро будущей Добровольческой армии — Алексеевская военная организация объединяла главным образом офицеров и генералов. Только в 1-м Кубанском (Ледяном) походе участвовало 12 генералов, 54 полковника и подполковника. 24 участника похода имели академическое

образовани⁶²⁸. В дальнейшем число высших и старших офицеров в Добровольческой армии только росло. Должностей на всех офицеров и генералов, даже самых талантливых и храбрых, не хватало. В составе Добровольческой армии имелись части, полностью состоявшие из офицеров.

Добровольческая армия, по мере возможности, повторяла организационно-штатную структуру русской армии, использовала ее уставы и наставления. Новому времени были сделаны лишь частные уступки (например, обращение офицеров к солдатам на «вы», а солдат к офицерам — по чинам).

В бичераховском отряде сословные преграды были стерты еще в персидский период, когда партизаны едва не заразились революционными идеями от масс беспорядочно уходивших домой русских войск и казаков. Тем не менее командованию отряда удалось удержать ситуацию в некоем пограничном состоянии: офицеры сняли погоны, но не отказались от чинов; казачьи и солдатские комитеты, едва организовавшиеся в Персии, в дальнейшем прекратили свое существование; демобилизационным настроениям удавалось противостоять высокими окладами и хорошим питанием казаков. Все это позволяло сохранять отряд как крепкую боевую единицу, которая, впрочем, в небоевых условиях достаточно быстро и глубоко морально разлагалась: казаки начинали пьянствовать, дебоширить и грабить местное население. Таков был «революционный» отпечаток на бичераховском отряде. В октябре, вместе с организацией Кавказской армии и «флота», Бичерахов вернул своим подчиненным и погоны. Это хорошо видно на опубликованных в этой книге фотографиях бичераховцев, относящихся к началу 1919 г.*

Первоначально сведения, доходившие до Бичерахова о Добровольческой армии и ее вождях — генералах Алексееве,

* Интересно, что сам Бичерахов погоны вновь не надел. Заставший его в Баку в январе 1919 г. Г.Д. Ивицкий не заметил на нем «никаких внешних свидетельств, показывавших его чин». Без погон был и дежурный офицер штаба, который докладывал Бичерахову о прибытии Ивицкого (*Ивицкий Г.Д. На побережье Каспия в Гражданскую войну // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.*)

Корнилове, Деникине, — были крайне фрагментарны. Это неудивительно. Кубань и низовья Дона были бесконечно далеки от Петровска и Баку. Между ними и юго-восточным Кавказом, бывшим сферой деятельности Бичерахова, протянулось почти непреодолимое расстояние, занятое множеством враждующих между собой правительств и народов. Для 1918 г. весьма характерной была ситуация, когда в значительно более близких пунктах неделями ничего не знали друг о друге: во Владикавказе не знали о том, что происходит в Грозном, в Моздоке — что происходит в Пятигорске, в Темир-Хан-Шуре ничего не знали о Петровске, в Баку о Елизаветполе и т. д. И уж конечно, за 900 километров до Екатеринодара доносились лишь отголоски того, что происходило в Баку, Петровске и Дагестане.

Что знали о Бичерахове в стане Добровольческой армии? «Слухи о нем доходили до нас уже в Екатеринодаре, но определенного о его деятельности никто ничего не знал, и даже до сих пор не знаю, в какой степени он был генерал, — обобщал впечатления екатеринодарского обывателя морской офицер К.К. Шуберт. — Как бы то ни было, это был человек незаурядного размаха. В Баку он владычествовал довольно долго и сумел объединить вокруг себя все враждебные большевизму круги. Ему подчинились и Каспийская флотилия, и все военные чины, случайно застигнутые в Баку и его районе. Военные действия его по обороне города и прилегающего к нему нефтяного района были довольно удачны. Он располагал значительными средствами, добытыми, как говорят, в Персии. Это тоже привлекало к нему сторонников». «Социал-революционному Каспийскому правительству» приписывались огромные амбиции: оно, как считали в стане добровольцев, «мечтало подчинить своему влиянию весь Северный Кавказ, Черноморье, Кубань»⁶²⁹.

Неизменно очарованные своим начальником чины отряда (Кавказской армии) разносили везде, где оказывались, легенды о Лазаре Бичерахове. «В разное время я встречался с разными его сподвижниками и не могу сказать, чтобы отзывы

о нем были особенно неблагоприятны», — свидетельствует К.К. Шуберт. Г.Д. Ивицкий вспоминал, что «приверженцы Бичерахова с упоением рассказывали, как их командующий закуривал в ресторанах тысячерублевыми банкнотами»⁶³⁰. Принимая во внимание такие черты характера Бичерахова, как тщеславие, склонность к позе, широкому жесту, подобные поступки вполне могли иметь место.

Кроме слухов, уже в августе 1918 г. агенты военно-политического отделения Добровольческой армии в Закавказье подробно информировали руководство армии о деятельности Бичерахова в Баку. Сообщалось, в частности, что «в последних числах июля в Баку произошел кризис власти: большевистская власть была свергнута отрядом партизан численностью до 10 тысяч человек под общим командованием полковника Бичерахова, имевшего богатую артиллерию (гаубицы, мортиры и тяжелые орудия), частью из оставленных русскими в Персии, частью привезенных из Красноводска, попавших туда с русского фронта, и большого количества снарядов. Партизаны со взятием Баку получили огромное имущество, Каспийскую военную флотилию, гидроавиационную станцию с исправными аппаратами, много грузовых, легковых и несколько броневых автомобилей, большие запасы интендантского имущества и весь нефтяной район, большей частью годный к эксплуатации»⁶³¹. Данные эти, доложенные генералу А.И. Деникину, несмотря на некоторые неточности, достаточно объективно отражали картину.

Аккумулируя негативное мнение о Бичерахове в Екатеринодаре, К.К. Шуберт сообщал: «Он вел себя маленьким царьком и, *не стесняясь* (здесь и далее выделено мной. — А. Б.), раздавал чины и императорские боевые ордена... По-видимому, это был чистой воды авантюрист, каковых немало выкинуло на свою поверхность русское безвременье...» Любопытно, что другой свидетель бичераховских наградений, Г.Д. Ивицкий, описал наградную политику Бичерахова в тех же словах: он «*не стеснялся* производить в чины и щедро раздавал награды императорскими орденами»⁶³².

Этот недостаток скромности делал Бичерахова в глазах общественности авантюристом. Шуберт делал из этих наблюдений любопытный вывод, очевидно и в этом случае транслируя обыденное мнение о Бичерахове: «Мне кажется... он, подобно многим крупным русским людям этой эпохи, действовал исключительно «во имя свое», не во имя Христо-во, не во имя Царя и Родины. Деятельность его, как бы кипуча и разностороння она ни была, по существу своему была беспочвенна и лишена будущего»⁶³³.

Интересно, что Бичерахов, в свою очередь, был невысокого мнения о перспективах добровольческого движения. О последнем до Бичерахова доносились лишь слухи (в октябре 1918 г. он писал А.И. Деникину: «В целом у меня только слухи о вашей армии»). Первоначально он оценивал добровольческое движение как очередной сепаратистский проект, каковым, впрочем, он считал любую политическую силу, не отвечавшую его упрощенческой концепции «русской ориентации». Летом 1918 г. он писал брату: «Алексевы, Красновы, Семеновы, Дутовы, Деникины, Скоропадские, свободная Грузия — все это на ложном пути, все это не жизненно»⁶³⁴. К осени достоверных данных о добровольцах не прибавилось.

Первые контакты бичераховцев и добровольцев были скорее случайными: прощупывая политическую почву вокруг себя, обе стороны неизбежно наталкивались друг на друга. «Были у нас алексеевские представители, правда, не имевшие прямой целью нас...» — сообщал своему брату Л. Бичерахов 3 октября. Правда, продолжал он, «как мне казалось, [они] очень мало интересовались общими вопросами и задачами отряда»⁶³⁵. «Я даже не успел расспросить их по интересовавшим меня вопросам, как им понадобилось уехать на Теречную», — позднее, не без обиды, он писал уже А.И. Деникину⁶³⁶. С Бичераховым встречался и добивавшийся через Каспий в Екатеринодар после своей отставки из Временного Всероссийского правительства генерал А.Н. Гришин-Алмазов. В Петровске он был в начале октября 1918 г. — в период

наибольшего могущества Бичерахова⁶³⁷. Свои впечатления он донес генералу Деникину.

Обосновавшись в Петровске, Бичерахов стал настойчиво писать Деникину (всего за период с октября 1918 по февраль 1919 г. Бичерахов написал ему около десяти писем), подробно разъясняя собственную позицию, планы и знакомя с состоянием собственных войск. Чтобы сразу пресечь возможные разговоры о соперничестве и разделе сфер влияния на Юго-Восточном Кавказе, в первом же письме Бичерахов писал Деникину: «Политикой не занимаюсь и во внутренние дела и строительство России не вмешиваюсь и по окончании борьбы с внешним врагом заканчиваю свою военную службу Родине и России и без мундира и пенсии ухожу на хутор (слово «хутор» зачеркнуто. — А. Б.), в станицу зализывать свои старые раны»⁶³⁸. «Я человек не образованный, — заверял Деникина Бичерахов, — из простой казачьей семьи, ни о государственном праве, ни о социальных учреждениях не имею никакого понятия. Ни с каким гражданским правительственным аппаратом и его устройством не знаком. По своей специальности и то мало обучен. Я простой рядовой офицер армии»⁶³⁹.

Уже в первом письме он разъяснил главные задачи, которые ставит перед своей армией: продолжить борьбу с внешним врагом, вести борьбу с врагом внутренним, настолько, насколько это мешает борьбе внешней, а также вернуть Баку, а затем Азербайджан и Грузию «в лоно русской государственности». «Если судьба положена мне все это исполнить, то я считаю свой долг исполненным. С началом мирной конференции я прекращу свою работу»⁶⁴⁰. Под «мирной конференцией» понимался созыв в той или иной форме народного представительства, уполномоченного учредить новый государственный строй. Как уже отмечалось, в плане непредрешенчества у Бичерахова не было с Деникиным принципиальных разногласий.

Оставался открытым вопрос взаимодействия между Бичераховым и Деникиным до «начала мирной конференции», ведь «может случиться, что наши части будут действовать бок

о бок», писал он Деникину. В письме брату 3 октября, излагая план разгрома большевиков на Тереке, он считал необходимым после овладения Кизляром и Грозным снять свои войска и перебросить их на Баку. Остальное довершат добровольцы: «Я полагаю, что на севере ваши дела будут хороши, т. к. Добровольческая армия вошла в связь и действует активно и помощь моего Слесаревского отряда вам не понадобится»⁶⁴¹.

Объединение усилий предполагалось (и предлагалось) Бичераховым не только на сухопутном, но и на морском театре военных действий. В воспоминаниях деникинского морского офицера, изданных анонимно в эмигрантских «Морских записках» в 1954–1955 гг., сообщалось, как осенью 1918 г. Бичерахов «командировал в Черное море корабельного инженера, поручика И.А. Дремлюженко, с просьбой к морскому командованию прислать кадр офицеров и команды для ликвидации Центрокаспия и создания Добровольческой военной флотилии, при помощи которой можно было бы стать твердой ногой на Кавказе и, обеспечив, таким образом, тыл и правый фланг Добровольческой армии, продвигавшейся через Терскую область к побережью моря, предложить ей прекрасную базу в Баку»⁶⁴².

Однако командование Добровольческой армии не баловало Бичерахова своим вниманием. Целенаправленно представители Добровольческой армии вышли на контакт с Бичераховым в середине октября. 15 октября генерал-майор Д.Ф. Левшин, представлявший Добровольческую армию в Терской области, направил Бичерахову короткое письмо, в котором заверял в своем «совершенном уважении» и просил для координации действий с Добровольческой армией дать сведения о себе и наладить радиосвязь⁶⁴³. 20 октября уже от имени Левшина в Петровск прибыл полковник О'Рэм, бывший командир Чеченского полка Туземной конной дивизии⁶⁴⁴. Характерно, что О'Рэм привез Бичерахову не личное послание Деникина, чего тот очень ждал, а всего лишь информационное письмо об истории и состоянии Доброволь-

ческой армии, написанное не ему, а командующему войсками Терской области. Возможно, для первого знакомства с Бичераховым к нему намеренно был направлен именно полковник О'Рэм: и чином, и последней должностью на фронте мировой войны он был равен Бичерахову. Возможно, что отправлять для переговоров генерала, а тем более лично обращаться к нему от лица командующего Добровольческой армией показалось генералу Деникину не по чину. Вопрос о командировании в Петровск полковника О'Рэма решался военным командованием армии: в журналах заседаний Особого совещания такого решения не зафиксировано. Вообще надо отметить, что на уровне Особого совещания — гражданского правительства при генерале Деникине, начавшего свою работу с середины сентября 1918 г., вопрос о Бичерахове не обсуждался ни разу.

Осень и начало зимы 1918 г. выдались для Добровольческой армии очень тяжелыми. Медленно, ведя затяжные бои, она продвигалась по Ставрополю на юго-восток. С 10 октября по 7 ноября шли бои за овладение Ставрополем. Однако в начале декабря в сражении обозначился перелом. Добровольческие войска захватили узел дорог Святой Крест, после чего войска 11-й и 12-й красных армий оказались запертыми в Терской области. После занятия добровольцами в начале января 1919 г. железнодорожного узла Прохладная участь советских войск была предрешена. С захватом Моздока отступление красных войск потеряло всякую организованность. Только на этом этапе добровольческим войскам досталось 21 тыс. пленных, 200 орудий, 8 бронепоездов, огромное количество военных и продовольственных грузов⁶⁴⁵. 10 января войска, действовавшие в восточном направлении на широком фронте от Дивного до Нальчика, были выделены в отдельную Кавказскую Добровольческую армию, весьма скромную по численному составу, несмотря на столь протяженный фронт (25 тыс. штыков и сабель, 65 орудий)⁶⁴⁶.

Столь скромные силы гнали стотысячное советское войско на верную погибель — в безводную калмыцкую степь. Прав-

да, им очень помогли паника и тиф, особенно последний, косивший красноармейцев десятками тысяч*. Добившиеся такого небывалого успеха военачальники по праву гордились собой. Следует заметить, что даже во главе такой небольшой группировки войск стояло несколько генералов — частью дореволюционного производства, частью — уже добровольческого периода — П.Н. Врангель, Я.Д. Юзефович, В.П. Ляхов, А.А. Гейман, А.Г. Шкуро, С.Г. Улагай и др. Когда в январе 1919 г. Врангель заболел тифом, главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин оказался в «большом затруднении»: «в глазах доблестных, но своенравных начальников Кавказской армии» было неудобно назначить исполняющим должность командующего начальника штаба армии недавно прибывшего генерала Юзефовича и не успевшего еще приобрести авторитет в их среде. Идя на поводу своих амбициозных генералов, Деникин так и не издал официального приказа о вступлении

* В докладе сотрудников политотдела советского Каспийско-Кавказского фронта от 15 февраля 1919 г. констатировалось, что «XI армия разгромлена... не неприятелем, а сыпью. В одном только Моздоке сypняков осталось около 20 тысяч человек» (РГВА. Ф. 108. Оп. 2. Д. 46. Л. 23). Добровольцы наблюдали на захваченных ими железнодорожных станциях Минеральные Воды, Прохладная, Моздок и других страшные картины. Белый офицер К. Попов вспоминал типичную картину: «На станции Моздок нам представилось вновь редкое по своему ужасу зрелище. На путях стояло два громадных состава, один совершенно сгоревший, но сгоревший вместе с людьми, в нем находившимися. В вагонах стояли железные кровати, на которых лежало по одному или по два обуглившихся трупа. Черепа скалили зубы, как бы смеясь. В другом поезде я зашел только в один вагон III класса, на котором красовалась красная надпись: «Коммунист № 1». Этот вагон был битком набит сыпнотифозными, из которых больше половины были мертвы и валялись голыми по полу...» (*Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. М., 2007. С. 220*). «На одном из разездов нам показали поезд мертвецов, — вспоминал, в свою очередь, бывший командующий Кавказской Добровольческой армией П.Н. Врангель. — Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали несколько мертвых врачей и сестер... Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложными, подобно дровам, окоченевшими, в разнобразных позах, мертвцами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу» (*Врангель П.Н. Записки. М., 2001. Т. 1. С. 102*). Сейчас в Пятигорске, Владикавказе, Ингушетии находятся братские могилы, в которых лежат десятки тысяч умерших от тифа красноармейцев.

Юзефовича в должность, а приказал ему руководить армией от имени командующего.*

Военным успехам А.И. Деникина в конце 1918 г. сопутствовал и крупнейший политический успех. После длительных переговоров и согласований позиций с донским казачеством 26 декабря 1918 г. было объявлено об объединении всех антибольшевистских сил в рамках Вооруженных сил Юга России. Атаман Всевеликого войска Донского генерал П.Н. Краснов признал верховное командование А.И. Деникина. В приказе номер 1 было объявлено, что Деникин отныне «вступал в командование *всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России* (выделено мной. — А. Б.)»⁶⁴⁷. Несколько ранее, во второй половине ноября, на представительном совещании антибольшевистских сил, созванном командованием союзников в румынских Яссах, вопрос о едином командовании, как и о политическом объединении антибольшевистских сил, обсуждался одним из главных. Генерал А.И. Деникин на этом совещании рассматривался как главная кандидатура на роль Верховного главнокомандующего, даже в ущерб глубоко символической кандидатуре великого князя Николая Николаевича — бывшего Верховного главнокомандующего Российской армией в период Первой мировой войны при царе Николае II. Этим

* Деникин А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919 г. С. 198—199. При продвижении по службе в Добровольческой армии руководствовались преимущественно длительностью службы добровольцем. В первую очередь выдвигались «первопроходники» — участники Ледяного похода. Поэтому назначение в свое время самого Врангеля, прибывшего на Кубань только в конце августа 1918 г., на должность начальника 1-й конной дивизии «вызвало большое удивление» среди офицеров штаба главнокомандующего армией (Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 120). Неофициальное, но твердое и четкое деление офицеров всех звеньев на «старых» и «новых» сохранялось весь период существования Добровольческой армии и прямо сказывалось на их карьерных перспективах. Военный историк Русского зарубежья проф. Н.Н. Головин это глубоко укорененное свойство Добровольческой армии называл остатком «партизанской» психологии, несомненно вредным для развития регулярных начал строительства армии (Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. V. Добровольческая армия и освобождение Кубани. Кн. 11. Stanford, 1937. С. 43—46).

признавалось, что Деникин, в отличие от ведшего дачную жизнь великого князя, располагал реальной военной и политической силой⁶⁴⁸.

Ясно, что Добровольческая армия к концу осени 1918 г. становилась мощным политическим игроком на арене антибольшевистской борьбы — как внутренней, так и внешней.

Неудивительно, что в таких условиях предложение Бичерахова воевать на равных, плечом к плечу с добровольцами вызывало раздражение в штабе главнокомандующего ВСЮР. Особенно после того, как полномочия Бичерахова как «главнокомандующего Кавказской армии и Каспийского флота» подтвердили генерал В.Г. Болдырев, а после переворота в Омске — и Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Информацию об этом Бичерахов передал Деникину⁶⁴⁹.

Как известно, отношения между Верховным главнокомандующим Добровольческой армией (Вооруженными силами Юга России) и белым Востоком складывались непросто. Созванное, по словам А.И. Деникина, «где-то за долами, за лесами и помимо участия Добровольческой армии» Временное Всероссийское правительство (Уфимская директория) не признавалось белым Югом в качестве «всероссийского центра»⁶⁵⁰. После свержения Временного Всероссийского правительства отношения между Верховным правителем России А.В. Колчаком и А.И. Деникиным также были сложными. Виной тому были как неизбежные амбиции и соперничество, так и громадное расстояние, их разделявшее. Непрямой путь, пролежавший по морям и пустыням, чересполосно занятый друзьями и недругами, нисколько не способствовал налаживанию тесной связи, не говоря уже о серьезном совместном государственном строительстве и общем военном планировании. Хуже того, даже взаимное информирование друг друга о текущих делах было исключительно затруднено. Типичной была картина, нарисованная одним из ведущих чиновников Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией (ВСЮР): «Редкие курьеры, пробивавшиеся к нам через Уральскую область, обыкновенно находились так долго в пути,

что ко времени их появления у нас оставленная ими на месте обстановка успевала коренным образом измениться»⁶⁵¹. Есть основания полагать, что официальные документы, подтверждающие полномочия Бичерахова Верховным правителем России, сильно запоздали и пришли, когда тот уже потерял власть и отправился за границу. Г.Д. Ивицкий пишет, что «при отсутствии надлежащей связи назначение было получено, когда генерал Бичерахов уже взял курс на туманный Альбион»⁶⁵².

Все сказанное говорит о том, что легитимации власти Бичерахова белым Востоком в глазах белого Юга было совершенно недостаточно. Добровольческое командование, естественно, не распространялось о подтверждении Колчаком статуса Бичерахова, а также произведенных им награждений и чинопроизводства. До некоторых офицеров из отдаленных бичераховских земель, вроде Мугани, весть об этом дошла только через много лет, в эмиграции⁶⁵³.

У генерала Деникина имелся свой кандидат на пост командующего войсками на Тереке и в Дагестане. Как уже отмечалось выше, в октябре в Моздок из Ставрополя прибыл его представитель генерал-майор И.Н. Колесников, тоже, как и Бичерахов, терский казак. Он был назначен Деникиным начальником терских войск и Прикаспийского отряда, который ему еще предстояло собрать.

Вскоре после трагической гибели 9 ноября генерала Э.А. Мистулова Колесников был назначен Терским Временным народным правительством главнокомандующим казачьими силами. Бичерахову ничего не оставалось, как переназначить Колесникова на должность начальника Петровского отряда Кавармии. Сам Бичерахов к этому времени уже покинул Петровск и находился со своим штабом и основными силами армии в Баку.

Назначенный сразу тремя начальниками, Колесников мог чувствовать себя свободным от всяких обязательств. По своей «уважительной» причине (нехватке продовольствия) он не удалялся далеко от Петровска, а лишь рассылал по равнинному Дагестану казачьи разъезды. С одним из них в районе

Хасав-Юрта в конце января 1919 г. встретился 1-й конный корпус генерала В.Л. Покровского, совершившего за 14 дней 350-километровый марш по тылам противника.

Особо не задумываясь о моральной стороне дела, Колесников искал себе более близкого покровителя: «Поклонюсь в пояс тому, кто мне что-нибудь даст». Встретивший его в Темир-Хан-Шуре бичераховский агент прапорщик Соколов застал его как раз в процессе раздачи благодарностей Горскому правительству, которое, конечно, преследуя свой интерес, привечало этот большой (800 сабель при 25 орудиях, из которых десять — с обслугой)⁶⁵⁴ казачий отряд и не только не отказало ему в постое, но и предоставило фураж и огнeприпасы.

А вообще Колесников с надеждой поглядывал на англичан, дальновидно полагая, что эта-то сторона в проигрыше точно не окажется. Подчиняться Бичерахову он не спешил, в отсутствие регулярных связи и снабжения считал свои отношения с Кавказской армией, «если можно так выразиться, платоническими»⁶⁵⁵. Получив пакет от Соколова, он «удивился ему», поблагодарил за помощь от Кавказской армии, но заявил, что никому подчиняться не хочет. «Мне необходимо непосредственное сношение, а не это, ненужное для меня предписание, которое по счету третье», — заявил он Соколову⁶⁵⁶. К генералу Деникину в то время Колесников относился также весьма пренебрежительно: тот, мол, дает ему указания, будучи отделенным от Терской области стоверстной полосой, занятой большевиками. Успехи Добровольческой армии и последовавший вскоре разгром большевиков на Тереке помогли, в конце концов, генералу Колесникову определиться.

Самое любопытное в том, что в документах Добровольческой армии в декабре 1918 г. генерал Колесников значится как начальник Прикаспийского отряда (начальник его штаба — генерал-майор Б.П. Лазарев), в состав которого включен... отряд Бичерахова. Очевидно, сам Колесников об этой нелепице не знал. В противном случае он не преминул бы

передать через прапорщика Соколова не только свои хамские выпады, но и «покомандовать» им⁶⁵⁷.

Позиция и поведение генерала Колесникова были известны Бичерахову, однако эффективных мер воздействия на него, находясь в Баку, он не имел. В начале января 1919 г. он предпринял последнюю попытку объединить терское казачество под своим началом и одновременно сбересть собственные отряды, находившиеся в Дагестане. Он назначил начальником Терского отряда, а также всех сил, посланных им в Петровск и Темир-Хан-Шуру, полковника Г.А. Вдовенко, на тот момент бывшего начальником Моздокского отряда и Моздокской линии. Генерал Колесников и его помощник полковник Федюшкин, чьи «действия клонятся к вреду Терского отряда»⁶⁵⁸, должны были полностью сдать ему дела и суммы (как суммы, принадлежавшие Кавказской армии, так и суммы, ассигнованные ранее на содержание Терского отряда), а также отчитаться за истраченные деньги. Вдовенко поручалось сразу по вступлении в должность реорганизовать все отряды по штатам регулярной армии, насадить крепкую дисциплину, донести о всех нуждах войск. При этом предписывалось шуринский и петровский отряды свести в отдельный отряд, не включая их в состав терских частей⁶⁵⁹.

Бичерахов попытался заинтриговать Вдовенко широкими перспективами в самые скорые сроки. «Моя ближайшая задача на терском направлении — освободить Терскую область от захвата большевиков и анархии и установление в ней порядка», — сообщал он Вдовенко. Для этого требовалось восстановить войска и двигаться в Терскую область вдоль железной дороги. Вдовенко было отправлено 300 тыс. рублей⁶⁶⁰.

Трудно сказать, выполнил бы Вдовенко распоряжение Бичерахова или, как и Колесников, стал бы искать более близких и надежных патронов, особенно ввиду приближения к Терской области частей ВСЮР. Вопрос решился сам собой, когда в середине января 1919 г. Петровска достигла весть об отставке Бичерахова и Вдовенко без колебаний связал свою дальнейшую судьбу с добровольцами.

ДАГЕСТАН: ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По мере того как военное и политическое положение добровольцев к зиме 1918/19 г. становилось все более устойчивым, обстановка в Дагестане осложнялась. Несмотря на близкое окончание мировой войны, турецкие войска развили большую активность в области. Еще в сентябре из Елизаветполя через перевалы Главного Кавказского хребта в дагестанский Кумух проник отряд турецких инструкторов во главе с Исмаил Хакки-беем. Отряд был плохо экипирован и вооружен, пешком был отправлен из Батума и только из-за непогоды и болезней за 43 дня потерял в пути 130 человек (первоначально было 500, в том числе до 50 офицеров). Телефонной и радиосвязи в отряде не было, обоз был небольшой, количество лошадей — ограниченное⁶⁶¹. Турецкое командование, чьи войска были заняты на фронтах Первой мировой войны и в Закавказье, вынуждено было относиться к Северному Кавказу по остаточному принципу. Турки небольшими гарнизонами расположились в горном Дагестане и до поры ничем особо себя не проявляли. Небольшая группа во главе с Шукри-беем отправилась «поднимать» против казаков Чечню и Ингушетию.

Первоначально все было благопристойно. Первый прием турок в Кази-Кумухе прошел пышно. Исмаил Хакки-бей произнес перед офицерами Дикой дивизии и мусульманскими учеными перемежаемую длинными цитатами из Корана, горячую речь, отметив, что власть «гяуров» закончилась и начинается власть шариата; что турки идут лишь на помощь и в Дагестане не задержатся⁶⁶².

Население первоначально встречало их хлебом-солью, дарило изможденным единоверцам баранту и муку⁶⁶³. Многие принимали их за избавителей, носителей исламской культуры и благочестия. Все «привыкли думать, что турок — это образец мусульманина. В Дагестане все время говорили: «Вот придут турки и научат нас, как надо верить, как надо молиться, как надо исполнять закон»⁶⁶⁴.

Однако вскоре, по свидетельству М. Джафарова, «даже фанатики религии... с ужасом отшатнулись от турок». «Этим несчастным пришлось увидеть собственными глазами, что ни один из турок не молился Богу и не свершал намаза»⁶⁶⁵. Оказалось, туркам не было дела до внутренних проблем Дагестана, вели себя они как завоеватели.

Вскоре по настоянию Исмаил Хакки-бея прошел съезд представителей дагестанских обществ, где голос турецкого офицера, назначенного командующим войсками Северного Кавказа, звучал уже в приказном тоне. Исмаил Хакки-бей под страхом расстрела запретил продавать хлеб казакам. В октябре в Кази-Кумухском, Андийском, Аварском и Даргинском округах началась принудительная мобилизация молодых возрастов для укомплектования 12-й турецкой пехотной дивизии, предназначенной для действий на Северном Кавказе. Был объявлен учет и сдача оружия. За отказ от мобилизации предусматривались строгие наказания, вплоть до смертной казни (по данным бичераховской агентуры, было повешено 9 человек)⁶⁶⁶. Обучение мобилизованных шло медленно, поскольку инструкторы местных языков не знали. В формируемых частях насаждалась муштра. «Вообще турки с первых шагов повели себя очень резко, и в массах, имеющих с ними соприкосновение, уже чувствуется недовольство ими. Когда же в горы дошли слухи о взятии отрядом полковника Бичерахова Петровска, влияние турок сильно пошатнулось, — доносил прибывший из крепости Хунзах русский офицер И. Пионтек. — Никаких мероприятий по благоустройству края не ведется. Денег у них нет, своим офицерам по 6 месяцев не платили жалованье. Ничего из Турции не получают. Аскеры до крайности оборваны. Из крепости Хунзах имущество спешно вывозят в Цудахар»⁶⁶⁷.

В таком состоянии турецкие войска не представляли для Бичерахова опасности. Правда, к началу октября они смогли пополнить свой отряд до 800 человек за счет вливания в него бывших военнопленных аскеров⁶⁶⁸. Турки не спускались в долину, лишь один раз предприняв неудачную демонстрацию силы против Темир-Хан-Шуры.

Однако после взятия турецкими войсками Баку положение резко изменилось. Турецкое командование получило возможность бросить на Северный Кавказ крупные силы. Через Дербент в Дагестан началась переброска 15-й пехотной дивизии.

Дербент был занят бичераховскими войсками. В октябре между ними и турками начались упорные бои. Сухопутными войсками командовал начальник полевых войск Кавказской армии полковник Б.В. Никитин, флотом — ротмистр В.Г. Воскресенский. Умело маневрируя бронепоездами, которые поддерживали с моря канонерские лодки, бичераховцы неоднократно громили тылы наступавших вдоль береговой линии турецких войск. Оборонительные рубежи занимали пехотные батальоны, а контратаковали казаки.

Первоначально противник был отброшен к Дербенту. Командующий турецкими войсками Иззет-паша послал прямо в Петровск, к Бичерахову делегацию с письмом, в котором удивлялся: «Кто вы такие? России уже нет и никогда не будет. Отойдите на север, за Кубань»⁶⁶⁹.

Турки наращивали свои силы, перебрасывая их из Закавказья. К концу октября на петровском направлении действовала вся 15-я дивизия в полном составе и ряд отдельных частей. Кавказская армия, дисперсно распределенная по всему восточному побережью Каспийского моря, стала пятиться к Петровску.

30 октября между Турцией и странами Антанты было подписано Мудросское перемирие, фактически выведшее из войны турецкую сторону, признавшую собственное поражение. Помимо прочих условий, турецкие войска должны были немедленно покинуть оккупированные территории, в том числе Закавказье и Дагестан. Весть о перемирии мгновенно распространилась по всему Кавказу. 2 ноября командующему турецкими войсками Иззет-паше было предложено прекратить огонь и отодвинуть свои войска на 25 километров к югу. Он согласился лишь на двухдневное перемирие и затем, перегруппировав силы, вновь начал наступление. Иззет-паша позиционировал себя не турецким подданным, а инструкторо-

ром на службе у Горского правительства и потому отказался подчиниться требованиям по отводу войск из Дагестана⁶⁷⁰.

В конце октября турки заняли Темир-Хан-Шуру и повели энергичное наступление на Петровск как по прибрежной плоскости со стороны Дербента, так и с запада, из Темир-Хан-Шуры.

Фланговое наступление турок было направлено против Таркинских высот, господствовавших на подступах к Петровску и занятых артиллерией Бичерахова. Штаб полевых войск Б.В. Никитина располагался в развалинах маленькой исторической крепости, построенной Петром Великим в начале XVIII в. во время Персидского похода.

По свидетельству Б.В. Никитина, бои были чрезвычайно ожесточенными, с массой штыковых атак и канонадой, сливавшейся в непрерывный гул. В результате бомбежек в городе были большие разрушения. Оборонявшихся поддерживали своими 120-миллиметровыми орудиями канонерские лодки «Карс» и «Ардаган». Их огонь по радио через начальника штаба А.Е. Мартынова, находившегося в петровском порту, Никитин координировал лично.

Турецкая артиллерия, заняв высокую позицию в районе перевала, сосредоточенным огнем подготовила штурм Таркинских высот, с переходом которых в руки турок участь Петровска была решена⁶⁷¹. Держать оборону против целой турецкой дивизии и нескольких тысяч дагестанцев и чеченцев войска Бичерахова долго не могли. Несмотря на формальную многочисленность отряда, боеспособных частей в его составе было не много. Армянские части стали слабым звеном обороны Петровска. Вновь среди армян, охваченных паническим страхом перед турками, началось массовое дезертирство⁶⁷². Солдаты отправлялись прямо на корабли, ожидая отплытия куда угодно, лишь бы не оставаться в городе. Офицерам пришлось, «имея дубину в одной руке, с револьвером в другой» возвращать их на позиции⁶⁷³.

В ожесточенном двухдневном бою 4—5 ноября принимали участие почти исключительно казаки и присоединившиеся

к ним русские офицеры⁶⁷⁴. Бичерахов был удручен неожиданным крушением надежд. По его собственным словам, он чувствовал, что «это, может быть, его последние дни»⁶⁷⁵.

Он предложил Иззет-паше перемирие и начало переговоров, однако, чувствуя свое превосходство, тот не ответил. Бичерахов прорабатывал возможности эвакуации. Есть сведения, что он собирался переправиться через Каспийское море в Красноводск, где уже расположился гарнизоном английский пехотный батальон: ведь он был правителем всех прикаспийских областей! Возможно, и здесь он бы оставил свой след в истории. Однако руководитель местного правительства инженер Кун, знакомый с нравами казаков и амбициями их вождя, уговорил английское командование воспрепятствовать этому.

В этот момент, 6 ноября, на рейде Петровска появился английский отряд кораблей. Делегация союзников, в которую вошли английские, французские и американские офицеры, прибыла к Бичерахову на переговоры. Они велись в его вагоне-салоне. При Бичерахове присутствовал его начальник штаба полковник А.Е. Мартынов. Бичерахову было передано письмо генерала Томсона, приглашавшего его в партнеры в намеченной вторичной оккупации Баку в связи с уходом из города турецких войск.

Несмотря на тяжелое положение Кавказской армии, переговоры шли сложно, поскольку Бичерахов не хотел играть в оккупации Баку вторую роль и настаивал на том, чтобы союзные войска входили в порт под русскими флагами, а на кораблях были Андреевские флаги. Для англичан такая позиция была неприемлемой. Когда они стали настаивать на том, чтобы на английских кораблях развевался британский флаг, Бичерахов, по свидетельству генерала П. Сайкса, «с помощью своей палки... выпрямился, бледный и дрожащий. Он свой ответ не проговорил, а скорее прошипел. Он сказал, что Каспийское море всегда было русским морем и никогда над ним не развевался иностранный флаг...»⁶⁷⁶.

В итоге сошлись на том, что англичане будут входить в Баку под собственными флагами, но если придется сражать-

ся, то должны будут поднять Андреевский флаг. Накануне высадки бичераховцев в Баку был издан приказ Кавказской армии и флоту, в котором сообщалось, что «передовые части Кавказской армии, совместно с Английскими войсками и представителями союзников Франции и Америки, вступают в город Баку»⁶⁷⁷.

Английских представителей позиция Бичерахова откровенно удивляла и раздражала — ведь они оплачивали все расходы его армии и считали себя вправе «заказывать музыку». Ранее отношения Бичерахова с Л.Ч. Денстервиллем носили характер своего рода личной унии и строились не только на близости целей, но на сходстве характеров. В значительной степени они продолжали партнерские отношения между представителями русской и британской армий в Персии периода Первой мировой войны. Сменивший Денстервилля генерал В.М. Томсон не отличался теплым отношением к русским, и, кроме того, он был чрезвычайно раздражен авантюрной политикой Денстервилля. Отряд Бичерахова понимался им как инструмент этой авантюры, к тому же вышедший из-под контроля.

Каспийско-Кавказское правительство, созданное в Петровске, было проектом исключительно бичераховским. И ранее вполне независимый от британских союзников и не поддающийся управлению ими, теперь он становился еще и главой суверенного государственного образования. Не только Дагестан, но другие вошедшие в Каспийско-Кавказский союз территории выводились из-под влияния англичан. Например, богатая хлебом Мугань, где правила местная диктатура, вошедшая в Каспийско-Кавказский союз, отказывалась продавать англичанам зерно без санкции краевого правительства. По словам члена Муганской диктатуры Д.Н. Кропотова, «ссылка на вас, как мне показалось, сильно раздражала англичан, желавших договариваться с нами непосредственно...»⁶⁷⁸.

После поражения в Баку и эвакуации «Данстерфорса» в середине сентября 1918 г. англичане решили сосредоточить усилия на удержании пунктов, которые в дальнейшем могли

бы стать плацдармами для повторного вторжения на Восточный Кавказ, — Энзели и Красноводска. В обоих пунктах шло накопление сил и средств. Была создана королевская Каспийская флотилия, состоявшая из восьми вооруженных пароходов и нескольких мелких военных судов, переброшенных на Каспий по суше из Персидского залива. Флагманом флота стал вспомогательный крейсер (вооруженный пароход) «Президент Крюгер», служивший прежде и большевикам, и Диктатуре Центрокаспия, и Бичерахову.

Однако поздней осенью 1918 г. положение англичан в Прикаспийском регионе существенно облегчилось. Центральные державы признали свое поражение в Первой мировой войне и начали вывод своих войск с оккупированных территорий, в том числе и с Кавказа. Турция пошла на перемирие 30 октября. Турки готовились покинуть Азербайджан и Дагестан. Остававшиеся на их месте протурецкие правительства (правительство Азербайджанской демократической республики, диктатура князя Тарковского и Горское правительство) не располагали реальными силами.

На пути англичан оставался только Бичерахов со своей странной «русской идеей», уже оформлявшейся в более или менее стройную политическую концепцию. Теперь он мешал. К тому же англичан раздражало то, что «Бичерахов тратил с молниеносной быстротой суммы, выплачиваемые ему англичанами «царскими» банкнотами на содержание его отряда»⁶⁷⁹.

Положение бичераховцев в связи с наступлением турок и давлением со стороны англичан было в тот момент не легким (хотя, по мнению современников, и далеко не безнадежным)⁶⁸⁰, и предложение англичан покинуть Петровск оказалось весьма своевременным. Тем более что это решение совпало с чаяниями «массы революционно настроенных солдат» бичераховской армии, для которых эвакуация представлялась «единственно правильным решением»⁶⁸¹. Но думается, что главным мотивом Бичерахова оставить Петровск именно в тот момент стало неминуемое возвращение англи-

чан в Баку. Бичерахов понимал, что предложение Томсона составить ему компанию не будет повторено и богатейший промысловый и промышленный регион ускользнет от России, которую он представлял. Еще в первых числах ноября, когда стали известны условия Мудросского перемирия, Бичерахов направил командирующему войсками на Мугани (не охваченной на тот момент войной) телеграмму следующего содержания: «Турция сдалась союзникам безусловно. Турецкие войска отзываются из пределов России. Приказываю вам в самом спешном порядке выделить один из муганских батальонов, погрузить его на посылаемый пароход и срочно отправить в Баку, где он предназначается для несения гарнизонной службы. В Баку батальон этот временно подчиняю Главноуполномоченному по военно-морским делам В. Воскресенскому»⁶⁸².

Что касается англичан, то в новой обстановке они уже не столь остро нуждались в вооруженной помощи Бичерахова. Решение о его приглашении в Баку было принято «по политическим более, чем военным причинам». «Тот факт, что русские силы сотрудничают с англичанами, устранил всякое подозрение в том, что мы пришли на Кавказ, для того чтобы грабить», — объяснял это английский генерал-лейтенант Френч⁶⁸³. Продолжение союзных отношений между англичанами и А.Ф. Бичераховым было подтверждено генералом Томсоном⁶⁸⁴. Официально единственной целью возвращения англичан в Баку провозглашалось «водворение порядка» путем устранения в городе «германского и турецкого центров брожения»⁶⁸⁵.

Разумеется, у возвращения англичан в Баку были и более глубокие причины, чем «водворение порядка» в оставленном турками регионе. Теперь, когда с уходом оккупантов Кавказ вновь оставался «бесхозным», в Восточном комитете британского кабинета возобновилась интенсивная дискуссия по поводу дальнейшей судьбы Кавказа — уже в плоскости раздела его между союзниками. Англичане ни в коем случае и ни с кем не желали делиться Баку и нефтепроводом до Батума.

«Мы должны сидеть там сами, и никто другой», — заявил глава военной разведки генерал-майор Туэйтс⁶⁸⁶.

11 ноября Бичерахов навсегда покинул Петровск. На 57 судах было отправлено свыше 60 тыс. человек, в том числе 3 тыс. больных и раненых⁶⁸⁷.

Турки эвакуации не препятствовали. По иронии судьбы, сами они вскоре были отозваны с Северного Кавказа своим правительством. Последние жертвы Первой мировой войны оказались напрасными...

С уходом бичераховцев мгновенно воспряло находившееся в полном до этого бездействии Горское правительство. Приказы, циркуляры, распоряжения, инструкции рекой потекли во все уголки Дагестана. В числе первоочередных мер Горское правительство позаботилось о реквизиции имущества Кавказской армии, которое в спешке эвакуировать в Баку не удалось. Без малого 24 вагона, груженые свыше 3 тыс. снарядов, свыше 4 млн патронов, 3 тыс. винтовок, 13 орудиями, и 40 платформ с обозным имуществом немедленно были отогнаны в Темир-Хан-Шуру⁶⁸⁸.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАКУ

17 ноября на рейде Баку появился отряд вооруженных английских пароходов. Генерал Томсон находился на флагманском вспомогательном крейсере «Президент Крюгер». Бичераховский десант плыл на трех отдельных кораблях, которые были выделены особым флагом: черным кругом на желтом поле⁶⁸⁹.

Прибывших встречала огромная толпа, запрудившая всю Ольгинскую улицу, выходящую к набережной, балконы и крыши всех прибрежных домов⁶⁹⁰.

Согласно приказу Лазаря Бичерахова, войска должны были входить в город в следующем порядке. Начать разгрузку предписывалось с конницы, затем выгружалась пехота. До полной разгрузки никому из находившихся на судах не раз-

решался проезд в город, за исключением квартирьеров по два на сотню, снабженных специальными удостоверениями. Командный состав должен был безотлучно находиться при своих частях до завершения разгрузки. Затем частям было предписано «стройно и в полном порядке» следовать в Сальянские казармы. Броневой дивизион и автоколонна размещались на заводе Штоппера. Обозы следовали по проходе строевых частей⁶⁹¹. Все эти войска составили передовой отряд полевых войск Кавказской армии, который возглавил полковник В.Н. Никитин (см. Приложение 7).

Бичераховским войскам был зачитан приказ главнокомандующего Кавказской армией и флотом, не оставлявший сомнения, «кто здесь главный»:

«Славные мои боевые товарищи солдаты и доблестные каспийцы-моряки!

Мировая война окончилась.

Окончились тяжелые испытания для всего человечества...

Из всей русской армии лишь вы одни, мои славные боевые соратники, здесь, на далекой русской окраине не сложили оружия перед внешним врагом...

Вы одни, каспийцы-моряки, здесь, на бурных волнах Каспийского моря, сберегли свой маленький, но доблестный флот...

Сегодня, когда вы вновь вошли вместе со своими доблестными союзниками в российский город Баку, когда вы снова подняли здесь знамя Свободной России, я шлю вам, мои славные бойцы, свое сердечное спасибо за святое дело верности России, которая вас не забудет...

Да здравствует Российская демократическая республика!»⁶⁹²

Бичераховым было заготовлено и обращение от лица союзников, которые должны были заявить, что вступают в Баку «совместно с русскими войсками» и «с полного ведома и согласия Всероссийского Правительства», а «командующий Русскими войсками и флотом Л.Ф. Бичерахов вступит»

ет в город как представитель Всероссийского правительства»⁶⁹³.

Итак, Бичерахов вступил в Баку в статусе главы Кавказско-Каспийского правительства, которому подведомствен и Бакинский район. Он начинает назначать своих чиновников. Например, Бакинским уездным воинским начальником 3 декабря 1918 г. назначен полковник барон Остен-Сакен⁶⁹⁴. На правах представителя верховной русской власти Бичерахов занимает губернаторский дом...⁶⁹⁵

Так считал сам Бичерахов.

В то же время в Баку с 17 сентября, с момента вступления в город турецких войск, размещается правительство Азербайджанской демократической республики под председательством Ф.-Х. Хан-Хойского, объявившее Баку столицей страны. Наконец, в город вступают англичане. Теперь, в отличие от периода генерала Денстервилля, в качестве политического аргумента они располагают достаточной военной силой и флотом, базирующимся на Энзели. В городе сложилось фактическое троевластие — ситуация весьма тривиальная для Гражданской войны в России.

Нисколько не смущаясь присутствием Бичерахова, Томсон провозглашает самого себя военным губернатором Баку с чрезвычайными полномочиями. С 12 часов дня 17 ноября он объявляет город на военном положении. Комиссаром полиции назначен британский полковник Ф.П. Коккерель⁶⁹⁶.

В свою очередь, азербайджанцам, народу, совсем недавно не имевшему самоназвания, нужно самоутвердиться любой ценой. 10 ноября, едва стало известно о признании Турцией своего поражения в мировой войне, азербайджанское правительство обратилось с обращением к державам-победительницам, воззвав к их гуманности и рассчитывая на признание «Азербайджанской Республики Закавказья независимым государством». А по вступлении англичан в город азербайджанская делегация приветствовала генерала Томсона как представителя «старших братьев» — народов Европы, с надеждой принятия азербайджанцев в свою семью⁶⁹⁷. За день до этого

красный государственный флаг с исламской символикой, сильно походивший на турецкий, был заменен «демократическим», трехцветным.

Немедленно стал развиваться азербайджанский парламентаризм: уже 19 ноября, спустя два дня после высадки англичан и бичераховцев, Национальный совет Азербайджана принял решение о созыве парламента. А уже 7 декабря прошло первое его заседание. 26 декабря объявлен одобренный парламентом новый состав правительства (снова во главе с Ф.-Х. Хан-Хойским). В общем, Азербайджан всеми силами демонстрировал свою приверженность демократии.

28 декабря генерал Томсон заявил о полной поддержке правительства Хан-Хойского как «единственной местной законной власти в пределах Азербайджана»⁶⁹⁸. Позднее, 22 января 1919 г., он вновь подтвердил признание азербайджанского правительства, заверив, что с его стороны не будет никакого вмешательства во внутренние дела Закавказских государств⁶⁹⁹.

Всего два месяца назад британские солдаты генерала Денстервилля проливали кровь на высотах, окружающих Баку, сражаясь с турецко-азербайджанской Армией Ислама. Десятки из них сложили свои головы лишь для того, чтобы теперь солдаты генерала Томсона несли с азербайджанскими аскерами совместную караульную службу. Враг стал другом. Как часто случалось в период интервенции в России: англичане поддерживали баланс сил противников в Гражданской войне, становясь на сторону слабейшей стороны. Так было проще всего соблюсти собственные интересы, хотя в общем масштабе это привело к распылению союзной помощи и способствовало победе большевиков.

Но где же во всей этой идиллии русские интересы и их выразитель — генерал Бичерахов? Англичане не забывали делать необходимые жесты, вводившие в заблуждение русскую общественность в Баку. В одном из первых объявлений Томсона утверждается, что англичане вступают в Баку «с ведома и полного согласия нового русского правительства» и что

«союзники не имеют намерения оставить за собою ни одной пяди русской территории»⁷⁰⁰. Какое правительство имеется в виду и в чем суть соглашений англичан с ним — не раскрывалось. Один из руководителей Русского национального совета в Баку, В. Байков поясняет, что на встрече с представителями Совета генерал Томсон «произнес очень русофильскую речь» и «дал понять», что «нет уже никакого Азербайджанского правительства, а есть только Прикаспийское правительство во главе с Бичераховым и армией в 8—10 тыс. человек»⁷⁰¹. Но скоро ритуальные фразы о «русском правительстве» затихли.

В тактических целях Томсон говорил каждой политической силе то, что она хотела слышать. Вообще Томсон никому никаких твердых обещаний не давал, отделяясь общими фразами о необходимости наведения порядка и созыве в дальнейшем мирной конференции. Интересно, что в официальных обращениях Томсона к азербайджанскому правительству, опубликованных официальной прессой, не только не уточнялся статус прибывшего с англичанами отряда Бичерахова, но он даже не упоминался!

Более тесное знакомство Бичерахова с генералом Томсоном, состоявшееся в Баку, привело лишь к дальнейшему ухудшению их отношений. Не нужно было быть пророком, чтобы понять, что англичане преследуют в Баку только собственные цели. Между Бичераховым и Томсоном происходили очень горячие споры; Бичерахов бывал чрезвычайно резок. Один из русских офицеров присутствовал при их разговоре, когда вдруг «генерал Бичерахов, ударив рукой по столу, заявил генералу Томсону: «То, что вы думаете, никогда не сбудется, независимо от образа правления в России. Русский народ никогда не даст вам ни пяди нефтяных районов...»⁷⁰²

С начала декабря английское командование начало открытое давление на бичераховцев. Основным поводом к этому послужила низкая дисциплина в рядах Кавказской армии.

Несмотря на четкий приказ, бичераховцы эвакуировались из Петровска и подошли к Баку явно деморализованными.

По свидетельству Н.Н. Лишина, бичераховские корабли «поражали своим неправдоподобно грязным видом. Такой же вид был у их команд, многие из которых были на сильном алкогольном взводе. Больно и стыдно было смотреть на все это»⁷⁰³. В ближайшие после высадки дни был издан ряд приказов, предписывавших соблюдать порядок в городе и запрещавших открывать стрельбу.

Справедливости ради надо сказать, что и английские солдаты были подвержены пьянству и дебошу⁷⁰⁴. Генерал Томсон также издал приказ, в котором запретил всем военным появляться в городе с вооружением и группами менее 10 человек без офицера или унтер-офицера⁷⁰⁵.

Бесчинства в городе на некоторое время прекратились, однако долгое время поддерживать в войсках дисциплину не удалось. 3 декабря по распоряжению Бичерахова полковник Мартынов издал приказ, в котором передал раздражение главнокомандующего: «Вновь имевшие место за последнее время случаи стрельбы чинов армии, и зачастую в нетрезвом виде, лишают Главногокомандующего возможности ликвидировать их и впредь столь же благополучно, как и ранее, и Главногокомандующий не считает для себя возможным далее возбуждать какие бы то ни было ходатайства в подобных случаях»⁷⁰⁶. Отныне судьба провинившихся отдавалась на откуп коменданта города от союзников (полный текст приказа см. Приложение 8).

Определенную роль играло и азербайджанское правительство. Оно неустанно требовало у англичан вывести войска Бичерахова с территории Азербайджана. Правда, само правительство ДРА не имело серьезных ресурсов для изгнания бичераховцев с территории Азербайджана: после ухода турок в рядах вооруженных сил республики оставалось не более 1500 человек, в рядах милиции — не более 500 человек⁷⁰⁷.

Особенно раздражающим фактором было значительное количество армян в составе Кавказской армии. Уже при высадке с кораблей армянские солдаты отличились в худшую сторону. По свидетельству наблюдавшего высадку с борта

Бичерахов Лазарь Федорович (1882—1952).
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 45.

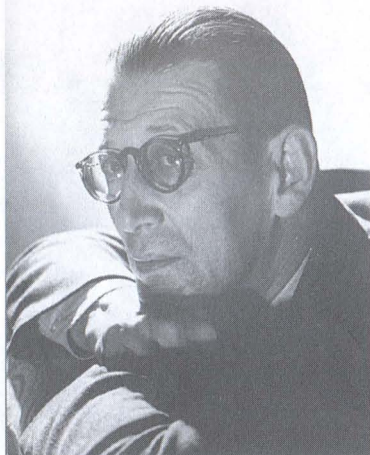
Группа офицеров штаба Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова. 1918 г. *Второй слева* – начальник штаба армии Генерального штаба штабс-капитан (генерал-майор бичераховского производства) А.Е. Мартынов. РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 2

Группа офицеров штаба Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова. 1918 г. *Второй справа* – А.Е. Мартынов. РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 6

Мартынов Алексей Евгеньевич. РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 4

Ротмистр (полковник бичераховского производства) Воскресенский Василий Григорьевич (де Базиль)

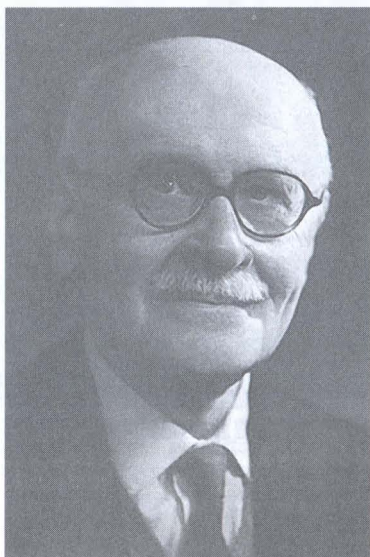
Главный начальник снабжений Кавказской армии Л.Ф. Бичерахов
полковник (генерал-майор бичераховского производства) Караулов
Николай Александрович

Начальник тыла Кавказской армии
хорунжий Темур Савлаев с сыном

Поручик (штабс-капитан бичераховского производства)
В.А. Добрынин

Минорский Владимир Федорович

Начальник конницы Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова есаул (позднее кубанским атаманом произведен в полковники) И.И. Тарарькин. Подпись на обороте фото: *«Вождю Кавказской армии обожжаемому Л.Ф. Бичерахову от преданного подчиненного, Тарарькин»*. 1 февраля 1919 г.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 4

Подпись под фото: *«На добрую память вождю и герою Кавказской армии
доблестному генералу Л.Ф. Бичерахову от прапорщика Хилько».*
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 38.

Командир Кубанской сотни конницы Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова хорунжий Г. Крамаров. Подпись под фото: «Дорогому и неутомимому вождю партизанского отряда Л.Ф. Бичерахову от преданного соратника Г. Крамарова. 18.2.1919 г. Батум». РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 35

Подпись на обороте: «Дорогому и неутомимому вождю Кавказской армии во главе со своим партизанским отрядом генералу Л.Ф. Бичерахову от партизана есаула Селиванова 11-го. 18.2.19. Батум». РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 39

Подпись на обороте: «На добрую память возждю и герою Кавказской армии
доблестному генералу Л.Ф. Бичерахову от хорунжего Хмара. 26 февраля
1919 г.». РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 48

Подпись на обороте: «Незабываемому начальнику партизан генералу Л. Ф. Бичерахову от преданного подчиненного есаула И. Бубняк. 18 февраля 1919 г.». РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 37

16

Е. Сабееву

Друзю ершине ^{дан. 1919 г.} ^{по ч. 309 ст.} ~~взайму~~ ~~денег~~ ~~на~~ ~~цели~~ ~~на~~ ~~делегации~~ ~~Уральского~~ ~~казачьего~~ ~~войска~~ ~~на~~ ~~военные~~ ~~нужды~~ ~~в~~ ~~виду~~ ~~необходимости~~. Вручить ~~сими~~ ~~интересующую~~ ~~росийскую~~ ~~подпись~~ ~~свое~~ ~~всех~~ ~~делегации~~.

19 Января 1919 г. Л. Ф. Бичерахов

Одно из многочисленных свидетельств широкой благотворительной деятельности Л.Ф. Бичерахова: сделанное его рукой предписание казначею отряда есаулу Сабееву выдать делегации Уральского казачьего войска под расписку на военные нужды 2 млн руб. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2 Д. 64. Л. 16

НАЧАЛЬНИК ШТАБА № 131258 Начальнику эшелона партизанов отправляющихся в Кубанскую область на расформирование. В оисковому Старшине ТАРАРЬКИНУ

Л. Ф. БИЧЕРАХОВА
№ 213

30 Января 1919 года

Г. Баку

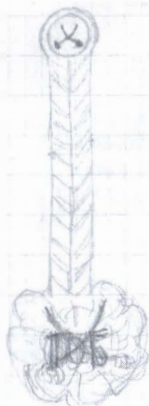
При семь препровождается Вам согласно расчета № 255 фуражные деньги на двадцать - двеи пути ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ДЕВЯТЬСОТЬ Сорок ВОСЕМЬ / 214 948 / рублей

Начальник Штаба А. Е. Мартынов

Старший Адьютантъ по Уоазяйственной части М. Садов

Предписание начальника штаба партизанского отряда Л.Ф. Бичерахова, подписанное рукой А.Е. Мартынова и скрепленное печатью партизанского отряда. Документ относится ко времени расформирования Кавказской армии и возвращения к партизанской атрибутике. 30 января 1919 г. РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 55. Л. 1

КА

Сделанные рукой Л.Ф. Бичерахова эскизы погон парадного мундира с символикой партизанского отряда и Кавказской армии.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 2 Д. 24. Л. 109

Сделанный рукой Л.Ф. Бичерахова эскиз медали участникам партизанского отряда. На реверсе явная ошибка: вместо даты «1918» написано «1980».
РГВА. Ф. 39779. Оп. 2 Д. 24. Л. 163

СОЮЗНОЕ
КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО.

25 октября 1918 г.

№ 7

г. П.-Петровскъ, Д о.

Гражданину С. Г. Альхави

Союзное Кавказско-Каспийское Правитель-
ство, вступившее в тѣсное сношеніе съ Все-
російскимъ Временнымъ Правительствомъ,
утверждаетъ Вас, Семюмъ Георгиевичемъ, пред-
ставителемъ по всемъ деламъ Союза Кавказ-
скаго Каспійскаго Правительства въ Эндзели.

Управляющій Военно-Морскимъ
отделомъ и Главнокомандующій
Кавказской арміи

Управляющій Отделомъ Народнаго
Земледѣлія и Правовѣдствія

Управляющій Отделомъ Вѣстий
Пр. Управляющій Отделомъ Финансовъ

Управляющій делами Провизорскаго

Официальное обращение к С.Г. Альхави от имени членов Союзного Каспийско-Кавказского правительства Л.Ф. Бичерахова, Д.И. Мирхалева, Т. Наджарова, К. Атаманского. (Имя временно управляющего отделом финансов не установлено). Петровск. 25 октября 1918 г.

РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 35. Л. 8

№ 1
Ведомств
правительства
РЕСПУБЛИКА СОЮЗА

Горских Народов

КАВКАЗА.

12 октября
1918.

Азатови Лазарь, я
примокъ въ Дарданелъ
и не поминую течею адвекта
прошедренуа. Десъ въ томъ
это союзъ тучетъ адвекта
стого независимостъ и какъ
независима государствъ (какъ
и Закавказскіи республики)
заключеніе договоръ дружбы
съ Турецкой Имперіей.
По пункту второму этого
договора (отъбывованъ въ
переди въ 20 чиселъ іюня)
они адвекта помелъ данъ
военскую помощь въ видъ
борьба съ анархіей. Никомъ
не имелъ видѣть, что
моу безудмента ели.

Письмо председателя Горского правительства Абдул-Межида (Тапы) Чермоева Лазарю Бичерахову на бланке Министерства внутренних дел Республики Союза горских народов Кавказа. Темир-Хан-Шура. 12 октября 1918 г. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 37. Л. 1

70

С П И С О К

казаков конницы Кавказского отряда Бичераховца умерших и убитых со времени поступления на Российскую территорию, с указанием кто где похоронен.

№ по порядку	Название полка, Звания, имена и фамилии.	Когда, где убит / умер / и где похоронен.
КУБАНСКАЯ СОТНЯ:		
1	Седоръ Тачковъ	Умеръ отъ ранъ 9-го июля въ гор. Баку, за лаваретъ и 12-го гда похороненъ неизвестно.
2	Иванъ Забельниковъ	Похороненъ въ гор. Дербентъ.
3	Иахашъ Матушкинъ	Похороненъ въ гор. Петровскъ
4	Романъ Колуба	Похороненъ въ горо Петровскъ
5	Константинъ Виликова	Убитъ тѣло взято Турками у гор. Петровскъ
6	Лаврентій Временко	Убитъ тѣло взято Турками у гор. Петровскъ
7	Андрей Тищенко	Похороненъ въ гор. Баку и. больница и.
8	Евремъ Венкуро	Похороненъ въ гор. Баку и. больница и.
УМАНСКАЯ СОТНЯ:		
9	вхлн. Семенъ Воликъ	Убитъ, похороненъ въ гор. Дербентъ
10	Мл.ур. Яковъ Багметъ	Убитъ похороненъ въ гор. Дербентъ
11	Мл.ур. Саворъ Бялоручий	Убитъ, похороненъ въ гор. Тарки-Тау подъ гор. Петровсконъ.
12	Прик. Алжовъ Згода	Умеръ, похороненъ на ст. Саладарн.
13	Ст.ур. Николай Прокопенко	Умеръ, похороненъ въ гор. Петровскъ
14	Мл.ур. Николай Цокуръ	Умеръ,
ЛИНКОПЕРСКАЯ СОТНЯ:		
15	вхл. Дмитрій Яковъ	Умеръ, похороненъ въ гор. Дербентъ Петровскъ, на солдатск. кладбище.
ГОРКО-МОСКОСКАЯ СОТ:		
16	Прик. Петръ Араловъ	Убитъ у ст. Кюрдамиръ, похороненъ въ 7-8 верстахъ у неизвестн. селенн.
17	Прик. Лаврентій Евсеевъ	т о ж е.
18	Сол. Сергей Кондаковъ	Убитъ и похороненъ у сел. Арадаглы.
19	Мл.ур. Петръ Прокоповъ	Убитъ, похороненъ въ гор. Петровскъ
20	Мл.ур. Яковъ Колотезинъ	Убитъ, похороненъ въ гор. Петровскъ
21	Прик. Иванъ Кайдалъ	Умеръ, похороненъ въ гор. Петровскъ
22	Ст.ур. Иахашъ Зоровъ	Умеръ, похороненъ въ гор. Петровскъ
23	Сол. Иванъ Грешинъ	Умеръ, похороненъ въ гор. Петровскъ.
24	вхл. Петръ Сацукъ	Умеръ, похороненъ въ гор. Баку.
ЗАПОРОЖСКАЯ СОТНИ:		
25	Ковшъ Пугачъ	Убитъ, у ст. Кюрдамиръ не похороненъ
26	Леонтій Ходакъ	Убитъ, похороненъ на ст. Кюрдамиръ
27	Петръ Пята	Умеръ, похороненъ на стан. Манашъ
28	Семенъ Равникъ	Убитъ, похороненъ на ст. Манашъ
29	Федоръ Дмитренко	Умеръ, похороненъ въ гор. Петровскъ
30	Федоръ Великонцкн	Умеръ, похороненъ въ гор. Г. М. ур.
31	Тимофей Явашенко	Убитъ, похороненъ въ гор. Петровскъ
32	Поруч. Аллибековъ	Убитъ, похороненъ въ гор. Петровскъ.

вхл. конница в саудъ

Александр Григорьевичъ

Поименный список безвозвратных потерь бичераховской конницы за период участия ее в обороне Баку и Дагестана от турок и в Гражданской войне на Кавказе. РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 6. Л. 70

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯДЪ

Л. Ф. Бичерахова

I I

Отъ командира № 57, отъ 24 сент. 1921.

1) На Муганскій край противником не
наблюдается со стороны еиловцев.
Никакого массового перемещения населе-
ния в сторону партизанцев замечено.
Часть населения восточной части не перемещается. И на-
шикомъ истреблений нетъ.

Вторжением восточной части. По поводу
восточной, денкинской оккупации и
будущей оккупации. В связи с военными
проблемами восточной команд. груп-
пировки. А именно.

В связи с Муганскими войсками
будутъ согласованы съ команд.
группами.

В связи с оккупацией Бичерахова и
восточной части отъ будующей группы
будутъ восточной группировки парти-
занцевъ.

Собственноручное письмо Л.Ф. Бичерахова с ответом на телеграмму командующего муганскими войсками полковника Ф.М. Ильяшевича на типографском бланке партизанского отряда Л.Ф. Бичерахова.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 52. Л. 1

48

Родности

Удержаний за стол в офицерском собрании штаба партизанского отряда генерала Бичерахова с 15 декабря 1918 г. по 15 января 1919 г. Полного списка офицеров отряда представлен в Приложениях.

№	Вашинская губерния	Школа	Фамилия	Классный номер	Регистр		Примечание
					Р.	Н.	
1	Мор. Острого	Тен-Майор	Бичерахов	310	332	13	
2	Н.-Ар. Уматла	Канунян	Магомедов	31	331	10	✓
3	Ом. аг. Дег. рас.	Дарушин	Сидесов	75	303	50	✓
4	Ом. аг. Ом. рас.	Кранер	Федосов	32	341	32	✓
5	Ом. Дег. рас. анд.	Кранер	Захаров	32	341	32	✓
6	Ом. Дег. Ом. рас.	Ум. Кан	Масанов	34	333	24	✓
7	Ом. Дег. Ум. рас.	Ум. Кан	Сидунин	34	333	24	✓
8	Казанск	Сидунин	Шоха. Казанск	62	662	20	✓
9	Дмитро. Дег. рас.	Сидунин	Сидунин	60	640	78	✓
10	Дмитро. Ом. рас.	Сидунин	Сидунин	31	331	10	✓
11	Дмитро. Ом. рас.	Сидунин	Магомедов	31	331	10	✓
12	Помош. Дл. Ом. рас.	Нарушин	Сидунин	15	161	70	
13	Помош. Дл. Ом. рас.	Нарушин	Шанов	34	333	24	✓
14	Помош. Дл. Ом. рас.	Канунян	Канунин	26	278	54	
15	Помош. Дл. Ом. рас.	Ум. Кан	Сидунин	38	407	10	✓
16	Помош. Дл. рас.	Канунян	Сидунин	16	171	42	
17	Сл.-Сор. Дл. рас.	Нарушин	Магомедов	16	171	42	
18	Помош. Дл. Дег. рас.	Сидунин	Сидунин	11	117	35	
19	Помош. Дл. Ом. рас.	Дарушин	Карабушев	32	341	32	✓
20	---	Дарушин	Сидунин	32	341	32	✓
21	---	Сидунин	Сидунин	34	333	24	✓
22	Н.-Ар. Сидунин	Кранер	Сидунин	26	278	54	
23	Сидунин. Сидунин	Нарушин	Сидунин	24	257	11	✓
24	---	Кранер	Сидунин	31	331	10	✓
25	---	Сидунин	Сидунин	31	331	10	✓

Первый лист ведомости удержаний за стол в офицерском собрании штаба партизанского отряда генерала Бичерахова с 15 декабря 1918 г. по 15 января 1919 г. Полный список офицеров отряда представлен в Приложениях. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 75

Главный Начальник
Снабжений
Кавказской А р м и и.
"17" Января 1919 г.
№ 396
Гор.Ваку.

Д О В Е Р Е Н Н О С Т Ь .

Доверяю получить Интенданту Муган-
ского фронта Полковнику Р о м и ш е в
скому от Остоядного Казначея три
миллиона рублей / 3.000.000 руб.!

Главна снабъ *Караулов*
Начальник Канцелярии *Караулов*

Доверенность, подписанная главным начальником снабжений Кавказской армии генерал-майором Н.А. Карауловым. Обращает внимание печать с принятым Временным правительством изображением орла, лишенным всякой государственной атрибутики. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 36. Л. 12

НАЧАЛЬНИК
штаба
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО
войсками и флотомъ
въ
ПРИКАСПИЙСКОМЪ КРАЕ
29 января 1919 года
X 1530
гор.Ваку.

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Предъявитель сего есть действительно
Генераль-майоръ ЛАЗАРЬ ФЕДОРОВИЧЪ Б И -
Ч Е Р А Х О В Ъ , что подписью и приложе-
нием печати удостоверяется.

Начальник штаба,
генеральн. штаба генераль-майоръ

Адъютантъ,
Полполковникъ

Печальное свидетельство краха. Удостоверение, подтверждающее личность Л.Ф. Бичерахова, для его проезда по территории Закавказья в Батум в феврале 1919 г. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 84. Л. 39

18

Приказ

Войскам и флоту в Приамурском крае
Баян

13 января 1922

Ввиду разгромных ударов и предостережения операций
недалеко от реки Амурово село доминировать ввиду
нашем Верховной Сессии Провисительном команд-
ному Главкоманду инициативы военными силами Колезу
Селерам итд. Инициативы Инициативы Александровичу Приам-
урскому.

Ввиду разгромных ударов и предостережения операций
недалеко от реки Амурово село доминировать ввиду
нашем Верховной Сессии Провисительном команд-
ному Главкоманду инициативы военными силами Колезу
Селерам итд. Инициативы Инициативы Александровичу Приам-
урскому.

Ввиду разгромных ударов и предостережения операций
недалеко от реки Амурово село доминировать ввиду
нашем Верховной Сессии Провисительном команд-
ному Главкоманду инициативы военными силами Колезу
Селерам итд. Инициативы Инициативы Александровичу Приам-
урскому.

Командующий войсками
Приамурского края
Тенер-Масар

Черновой вариант прощального приказа войскам и флоту, написанный Л.Ф. Бичераховым 13 января 1919 г. РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 42. Л. 17

ПРИКАЗЪ

ВОЙСКАМЪ И ФЛОТУ

въ Прикаспійскомъ Краѣ.

гор. Баку.

№ 1535

29 января 1919 г.

Славяне, безмерной славой покрывшіе себя, Кавказская Армия, Войска Прикаспійскихъ Облаетей и честные Россійскіе Граждане этой много-страдальной Россійской Окраины: Къ Вамъ я обращаюсь, покидая свой почетный постъ, Вами самими лиѣ довѣренный и предоставленный и Омскимъ Всерос-сійскимъ Правительствомъ подтвержденный.

Я ухожу, но считаю своимъ долгомъ прощаясь сказать свое слово, считаю своимъ долгомъ хотя бы въ краткихъ чертахъ освѣтить тотъ, не большой но многострада-льный путь, полный всякихъ превратностей, который мы всѣ вмѣстѣ честно прошли и какъ солдаты и какъ граждане Россійскіе.

Ни Я, ни мой основной отрядъ безъ Вашей помощи, безъ Вашей поддержки и реальной моральной, не могли бы создать ни Арміи, ни внѣшняго, ни внутренняго фронта, не могли бы создать и великаго по духу гражданскаго оплота Россійской Государственности на этой окраинѣ.

Партизаны послужили началомъ, они дали идею, но Вы, только Вы всѣ, воплотили ее, дали ей жизнь, сдѣлали ее могучей, незыскаемой и грозной.

Вы отдали десятки тысячъ своихъ лучшихъ сыновъ и на поляхъ сраженій и въ исполненіи гражданскаго долга!

Россійскіе войска на Кавказѣ и въ Прикаспійскихъ Облаетяхъ Каспійскій флотъ и граждане—единственная горсть отъ 180-ти миллионнаго населенія Россіи отъ начала и до конца, не поколебимо и честно, и передъ Россіей и передъ Союз-никами выполнившая свой военный и гражданскій долгъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ противникомъ—съ германо-турецкимъ ииществомъ, Вамъ пришлось бороться не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ мелочными образованиями созданными имъ во вредъ не только Россіи, но и во вредъ общечеловѣческой идеи, мысли, культурѣ.

Вамъ пришлось бороться и съ большевистской анархіей. Вамъ никто не помогъ, но Вы сами сказали всѣмъ Прикаспійскимъ облаетямъ помощь въ ихъ борьбѣ съ анархіей.

Вы въ неравной борьбѣ и съ внѣшнимъ и съ внутреннимъ врагомъ не уступили своихъ позиций, не изаѣнили Россіи, не продали и не предали общечеловѣческихъ культурныхъ заветовъ. Вы умирали. Вы жертвовали своимъ имуществомъ, своимъ покоемъ, Вы терпѣли невѣроятныя лишения, нужду, холодъ, голодь и издѣвательство, но оставались неизмѣнно вѣрными своему долгу.

Окончательный вариантъ прощального приказа войскамъ и флоту № 1535, опубликованный 29 января 1919 г. в Баку. РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 — 9 об.

Бичераховцы. В центре — Л. Ф. Бичерахов.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 42

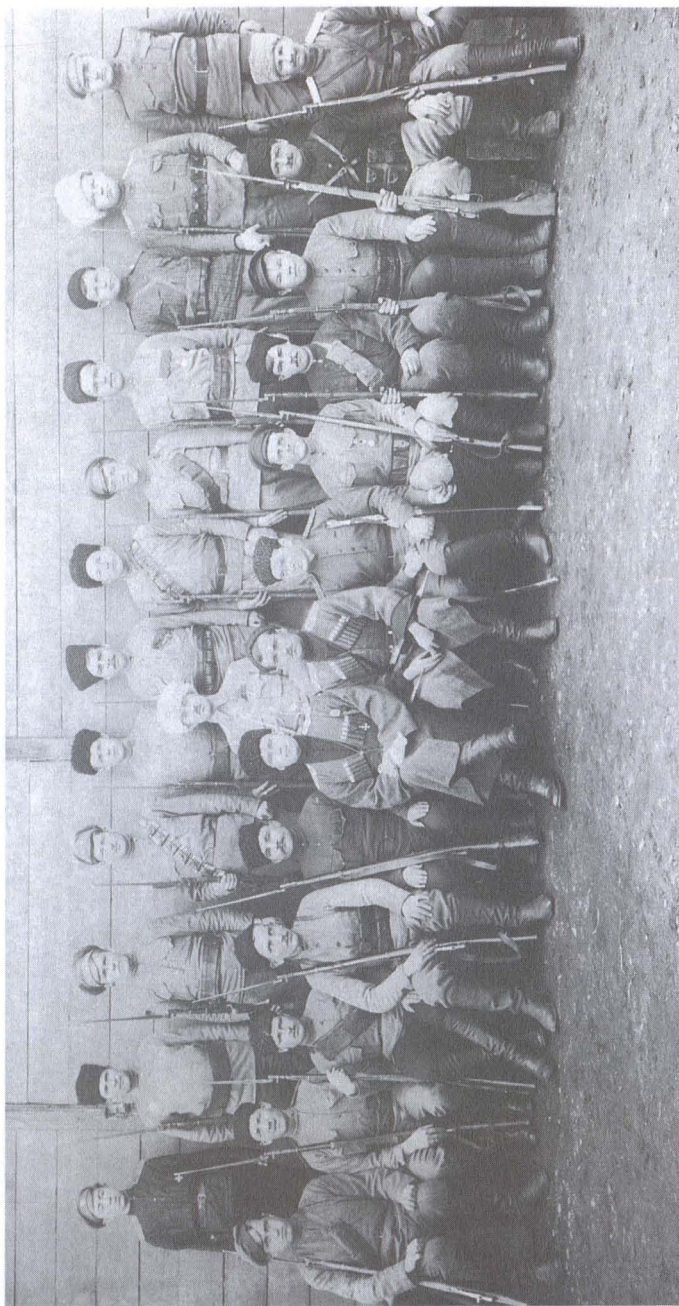
Бичераховцы. Во втором ряду в центре — И.И. Тарарыкин.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 43

Бичераховцы. В центре сидит И.И. Тарарыкин.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 44

Бичераховцы
РГВА, Ф. 39779, Оп. 3. Д. 77. Л. 46

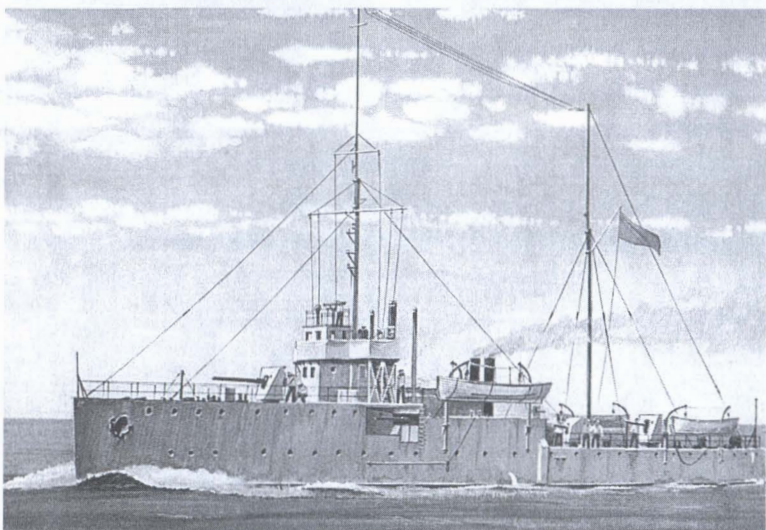
Бичераховцы.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 47

Бичераховцы
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 49

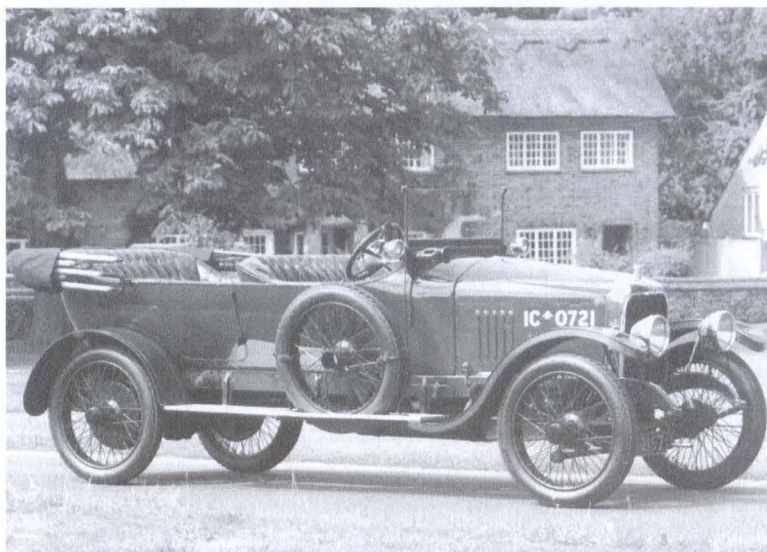
Бичераховцы.
РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 77. Л. 51

Главная ударная сила бичераховского «флота»: канонерские лодки «Ардаган» (*вверху*) и «Карс» (дано изображение 1920-х гг., когда корабль именовался «Ленин»). Спущены на воду в 1909 г. Вошли в состав военного флота России в 1912 г. Водоизмещение — 623 т, длина — 62 м, ширина — 8,5 м. Мощность силовой установки — до 1345 л.с. Скорость хода — до 15 узлов. Экипаж — 117 чел. Вооружение — 2 орудия 120-мм и 4 орудия 75-мм. В историю судостроения вошли как первые в мире надводные военные корабли с дизельными энергетическими установками

Л.Ф. Бичерахов в эмиграции

Vauxhall D-типе. Такой автомобиль удалось захватить с собой в эмиграцию супруге Л.Ф. Бичерахова Надежде Георгиевне

Могила Л.Ф. Бичерахова в городе Ульм (Германия)

Кажется, что все еще впереди... Л.Ф. Бичерахов со своей знаменитой тростью (в центре); сидит справа А.Е. Мартынов. Слева от Бичерахова его супруга Надежда Георгиевна. Осень 1918 г.

британского флагмана «Президент Крюгер» Н.Н. Лишина, в городе сразу же начались редкие выстрелы. Оказалось, начали грабеж армянские солдаты Бичерахова. Вечером опять началась ружейная и револьверная пальба, быстро прекратившаяся. На этот раз это были снова бичераховцы, «но без грабежа, а просто спьяна»⁷⁰⁸. Командиру отряда пришлось принять крутые меры: «Несколько бичераховцев было после этого расстреляно, и безобразия прекратились»⁷⁰⁹.

С учетом большого количества армян особо был оговорен запрет на посещение войсками мусульманской части города с точным перечнем улиц, образующих границу запретной зоны.

Азербайджанское правительство всячески муссировало армянский фактор. Разумеется, это было использовано против Бичерахова.

«Существование этих недисциплинированных и непослушных войск доставляло огромное беспокойство бакинским властям», — отмечал генерал Дж. Мильн⁷¹⁰.

Положение Бичерахова становилось все более шатким. Взваленный им на себя крест становился тяжелой ношей. В его бакинской переписке и в записях в дневнике чувствуется упадок сил и усталость.

СОЮЗНИКИ-ОККУПАНТЫ

В этой книге уже неоднократно затрагивались различные аспекты взаимоотношений Л.Ф. Бичерахова с представителями союзного командования. Этот пласт проблем настолько велик, что требует рассмотрения в отдельной главе. Особенно важно прояснить специфику отношений между Бичераховым и англичанами в сравнении с другими антибольшевистскими движениями, прежде всего добровольческим.

Развитие антибольшевистского движения на Юге России невозможно представить вне отношений участников этого движения с союзниками. Эволюция добровольческих струк-

тур, так же как и бичераховских, напрямую зависела от участия в их судьбе союзников. Их помощь была главным фактором, определяющим масштаб и возможности антибольшевистского движения. По справедливому замечанию генерала А.И. Деникина, «новые «варяги» — союзники — стали тем фундаментом, на котором строились политические комбинации и утопии, не раз совершенно противоречивые». «По всему Югу России шла спешная перемена «ориентаций», изменение программ и широкая дифференциация партий, групп, организаций...»⁷¹¹ Без преувеличения можно сказать, что позиция союзников определила судьбу Белого движения, его успехи и его конечный крах.

В судьбе героя этой книги отношения с союзными военными властями также сыграли роковую роль, хотя развивались совсем по иному сценарию, чем на белом Юге, Востоке или Севере. В начале этой книги была показана позиция союзных держав, оказавшихся перед фактом смены государственного строя в России, развала страны и началом гражданской войны в ней. По мере того как братоубийственная война в России разгоралась, определялись противоборствующие стороны, менялись и взгляды союзников на свое участие в русских делах.

Между тем и добровольцы, и Бичерахов понимали свои отношения с союзниками как продолжение военного сотрудничества в мировой войне. «Взаимные обязательства оставались непререкаемыми, война еще не окончена, и активная помощь армий несомненна», — писал генерал Деникин⁷¹². Но, пожалуй, только Бичерахов имел основания так считать — ведь в течение всего 1918 г. он оказывал британскому командованию реальную помощь, которую, согласно приведенному выше признанию генерала Денстервиля, получить англичанам больше было неоткуда.

Он пользовался английскими средствами еще до начала Гражданской войны и вполне справедливо понимал их не как вспомоществование на гражданское противостояние в счет довольно призрачных «союзнических обязательств» за вклад

России в победу в мировой войне. Английские деньги Бичерахов принимал как должное, как необходимую плату за большие услуги, оказываемые им в настоящем времени британской короне в Персии и на Кавказе. В тот период англичане денег не считали. При этом Бичерахов вовсе не полагал себя состоящим на службе британской короне, как бы это ни выглядело со стороны. Выполняя союзнический долг и получая за это определенные средства, Бичерахов служил прежде всего своей родине, понимая эту службу как «собрание» русских земель для дальнейшей их передачи воле Учредительного собрания. Может ли иностранный наймит ставить перед собой подобные цели?!

Осенью 1918 г. положение значительно изменилось. Мировая война подходила к своему победоносному для стран Антанты концу, а Гражданская война в России разгоралась кровавым заревом, открывая союзникам все более соблазнительные перспективы территориальных захватов. Острая нужда в вооруженном содействии русским войскам отпала. Теперь речь могла идти только о помощи антибольшевистским силам, и распределение этой помощи становилось важнейшим инструментом политики «разделяй и властвуй». На Кавказе англичане теперь меньше всего нуждались в строптивом Бичерахове. Все, что нужно, англичане с его помощью получили: в критический для себя момент не только удержали «свою» часть Персии, но и захватили бывшую «российскую» Северную Персию; распространили свое влияние на Дагестан и Восточный Прикаспий; наконец, обосновались в вожделенном Баку и хозяйничали и в портовом Батуме, где заканчивался нефтепровод из Баку*. О большем мечтать не

* Хотя самого главного — массовой перекачки нефти из Баку в Батум по «керосинопроводу» и перевозки ее по железной дороге — англичанам наладить так и не удалось. С ноября 1918 по июль 1919 г. в Батум было отправлено мизерное количество нефтепродуктов: чуть более 7 млн пудов (см.: *Сравнительные статистические данные о бакинской нефтяной промышленности*. За период 1911—1920 гг. Баку, 1921. С. 113). В энциклопедическом издании «Гражданская война в СССР» (М., 1983) масштабы английского «грабежа» нефти увеличены почти в 4 раза — до 30 млн пудов (с. 228).

приходилось. Бичерахов с его нелепыми претензиями на равенство и даже преимущество на «исконно русских землях» становился не нужен.

В это самое время, поздней осенью 1918 г., наконец, смогли обратить на себя внимание союзников добровольцы, «с болезненным нетерпением», по словам генерала А.С. Лукомского, искавшие с ними контакта⁷¹³.

Переговоры представителя генерала Деникина генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева с союзным командованием проходили 16—23 ноября в румынских Яссах. Здесь добровольческому командованию удалось добиться монополии в представлении интересов Юга России перед союзниками⁷¹⁴. Здесь же стало очевидным, что союзное командование желало видеть во главе всех российских армий генерала А.И. Деникина: «только с ним» оно намеревалось «сноситься по всем вопросам оперативного и хозяйственного характера»⁷¹⁵.

10 ноября военная эскадра союзников впервые вошла в порт Новороссийск. Но затем еще длительное время союзники присматривались к добровольцам, оценивая их способность противостоять большевикам. В последней декаде декабря генерал Деникин вывозил их на фронт под Ставрополь, прося командира 1-го конного корпуса «показать им», «как кубанцы бьют большевиков»⁷¹⁶.

Между самими союзниками не было единства относительно русской политики, возникло острое соперничество за раздел сфер влияния, а фактически — зон оккупации территории бывшей Российской империи. Еще 23 декабря 1917 г. на англо-французской конференции в Париже была заключена секретная конвенция, определившая «зоны действия» двух держав в России: за Великобританией закреплялись Северный Кавказ, Дон, Закавказье и Средняя Азия; у Франции — Украина, Крым, Бессарабия; Сибирь и Дальний Восток были отнесены к сферам влияния США и Японии.

Само по себе разделение на зоны ответственности не соответствовало замыслам руководителей Белого движения, рассчитывавших недостаток собственных войск, прежде всего для

несения гарнизонной службы, компенсировать оккупационными силами. Однако, когда добровольческое командование узнало о существовании линии разграничения между Англией и Францией (она шла от Босфора через Керченский пролив к устью Дона и далее по р. Дон на Царицын), оно было обескуражено. «Эта странная линия не имела никакого смысла в стратегическом отношении, не считалась с меридиональными оперативными направлениями к Москве и с идеей единства командования, — писал А.И. Деникин. — Разрезая пополам Область войска Донского, она не соответствовала также и возможности рационального снабжения южных армий, удовлетворяя скорее интересам *оккупации и эксплуатации* (выделено А.И. Деникиным. — А. Б.), чем стратегического прикрытия и помощи»⁷¹⁷.

Внутри английского кабинета, которому «достался» Кавказ, также не было единства, имел место дуализм мотивов, которыми обосновывалась интервенция. Это было противоречие между курсом на поддержку белогвардейцев и восстановлением в их лице старой России, лояльной и союзной Англии, и одновременными попытками ослабить Россию, отторгнуть от нее окраинные области и поддержание с этой целью сепаратистских устремлений местных национальных режимов, что шло вразрез с великодержавной программой Белого движения.

В условиях, когда ни между союзниками, ни даже в правительствах стран Антанты не было единства по поводу целей и форм интервенции в России, большое значение приобретали личные отношения руководителей Белого движения с конкретными представителями союзников. Например, первые эмиссары союзного командования в стане Добровольческой армии — британский генерал Пуль и французский лейтенант Эрлиш, прибывшие в Екатеринодар в ноябре 1918 г., весьма благоволили добровольцам и толковали сотрудничество именно как продолжение союзнических отношений. Вполне возможно, что, как писал впоследствии генерал Деникин, в лице перечисленных представителей союзного командования они

«имели действительных и деятельных друзей России. Но их влияние и вес были недостаточны, чтобы изменить русскую политику стран Согласия»⁷¹⁸. Теплые и почти дружеские отношения, несмотря на шероховатости, сложились у Бичерахова с генералом Денстервиллем, о чем говорилось выше.

Но личные симпатии были слишком непрочным фундаментом. Менялись представители союзного командования, и резко менялся курс в отношении антибольшевистских сил.

Лидеры Белого движения долго тешили себя надеждами на то, что путаница, противоречия, прямое предательство русских интересов в действиях союзников связаны с особенностями какого-то «приурочительного» периода, что все со временем наладится, что союзники помнят о своем неоплатном долге перед Россией. Налет этих настроений оставался сильным еще в 1920-х гг., когда писали свои мемуары вожди Белого движения, уже эмигранты (А.И. Деникин, А.С. Лукомский и др.). Возможно, они не хотели признавать своей жестокой ошибки: союзники преследовали только свои собственные цели. Помощь Белому движению оказывалась только тогда, когда это соответствовало их интересам.

На юго-востоке Кавказа планам англичан все более мешал А.Ф. Бичерахов. Экспансионистские аппетиты британского кабинета и политическое значение в регионе Бичерахова росли пропорционально, и однажды англичане заметили, что перед ними уже сильный соперник. «Петровск обороняли русско-армянские части под командованием генерала Бичерахова. В прошлом этот генерал помогал британским войскам в северо-западной Персии, а теперь он противодействовал осуществлению турецких планов завоевания Кавказа, — говорилось в опубликованном в приложении к «Лондон газетт» от 4 января 1921 г. обобщающем докладе генерала Дж.Ф. Мильна военному министру о положении в Закавказье и на Каспии. — Будучи главою так называемого правительства Центрокаспия в Петровске, генерал тем не менее считал себя подчиненным правительству в Омске. Политика правительства Центрокаспия была направлена на установление русской де-

мократической власти на Кавказе и российского преобладания в северной Персии. В распоряжении этого правительства находился русский флот на Каспийском море»⁷¹⁹. Бичерахов здесь вовсе не похож на английского наемника.

Не казался он таковым и советской стороне. В обзоре специалистов информационного отдела Народного комиссариата по делам национальностей о положении в Азербайджане, опубликованном в газете «Жизнь национальностей» 6 апреля 1919 г., даже несколько сочувственно к Бичерахову отмечается: «С укреплением англичан в Баку бичераховцы, не отказавшиеся от русской ориентации, стали не нужны англичанам, и они свели их власть до минимума. Англичане терпят бичераховцев — этих русских националистов, признающих необходимость возвращения Баку России — постольку, поскольку [те] служат им ширмой для использования богатств Баку для нужд английских капиталистов»⁷²⁰. Поразительно близкое по духу и даже по форме суждение нетрудно найти у представителей противоположного политического лагеря. Муганец В.А. Добрынин пишет: «Присутствие в Баку и на берегах Каспия русских войск и флота, державшихся независимо от союзников и признававших авторитет только генерала Бичерахова, создавало для англичан массу неудобств и осложнений и мешало их самостоятельному хозяйничанью и беспрепятственному грабежу Российского Закавказья»⁷²¹.

Интересы Бичерахова и англичан в конце 1918 г. пересекались практически всюду и почти нигде не совпадали.

«БИЧЕРАХОВ ПОДАЛ В ОТСТАВКУ В 12 ЧАСОВ...»

Англичане имели простой и эффективный способ воздействия на Бичерахова: финансирование отряда было сокращено, перевод денежных средств задерживался. Кавказская армия оказалась на грани развала. В это время на содержание армии требовалось 4,5 млн рублей в месяц⁷²². Численность ее

была еще велика. На 6 декабря 1918 г. только в составе конницы насчитывалось 20 офицеров и 522 казака и солдата⁷²³. Численность пехоты, артиллерии, обслуживающих частей насчитывала тысячи человек.

Командование армии тем не менее рассчитывало на сохранение ее ядра путем реорганизации армии снова в партизанский отряд. В декабре начальником штаба Кавказской армии полковником А.Е. Мартыновым и начальником полевых войск полковником Б.В. Никитиным был разработан подробный план переформирования армии, занявший несколько десятков страниц машинописного текста⁷²⁴.

Согласно замыслу планировалось сохранить партизанский костяк отряда и все технические войска и службы Кавказской армии в следующем составе:

вся конница (6 сотен);
 пехота (3 батальона);
 пулеметная сотня;
 инженерная рота, радиочасть;
 автоколонна;
 броневой автомобильный дивизион (5 броневиков);
 авиационное отделение (3 летательных аппарата);
 1 бронированный поезд;
 2 блиндированных поезда;
 3 легкие батареи (12 пушек);
 горная батарея (4 пушки);
 3 тяжелые батареи (6 пушек);
 1 полевая батарея (4 пушки);
 снабженческие части (артпарк, транспорт, провизионные склады, мастерские);
 лазарет.

В таком составе отряд быстро мог бы снова быть развернутым в крупное соединение.

План переформирования был утвержден Л.Ф. Бичераховым и начал воплощаться в жизнь. Для тысяч солдат

Кавказской армии, от которых приходилось избавляться, предусматривалось планомерное увольнение с обязательной выплатой выходного пособия, на которое выделялись значительные средства. Например, на увольнение и переформирование только муганских частей 17 января 1919 г. было выделено 3 млн рублей⁷²⁵.

Прежде всего отчислялись солдаты армянской национальности. Впрочем, последние и сами активно покидали войска, не спеша разделить печальную судьбу Кавказской армии. Поэтому для многих частей А.Е. Мартынов предусматривал «сокращение оставшихся войск до размеров оставшихся в них людей»⁷²⁶. Кроме того, увольнялись старшие возраста из числа муганских, астраханских и гурьевских казаков.

В отряде шли опросы офицеров, казаков и солдат на предмет их согласия на отправку на Северный Кавказ для дальнейшей борьбы с большевиками⁷²⁷. Бичерахов был готов щедро делиться излишками материальных запасов с русскими, особенно казачьими частями, продолжавшими вооруженную борьбу с большевиками, но намеревался истребовать от англичан все, что по той или иной причине задержалось у них. Десятки тысяч патронов и снарядов, тысячи винтовок, пушки, пулеметы, автомобили безвозмездно отправлялись в Гурьев и на Мугань.

Бичерахов щедро награждал личный состав, раздав оставшийся у него запас Георгиевских крестов и других наград. Так, 14 декабря был награжден одновременно 991 человек, причем некоторые — крестами сразу двух степеней⁷²⁸.

В разгар мероприятий по переформированию армии под совместным давлением союзников и командования ВСЮР давно мешавшему всем Бичерахову пришлось добровольно сложить свои полномочия главнокомандующего «Кавказской армией и Каспийским флотом». «Под давлением со всех сторон я вынужден покинуть свой пост», — констатировал Бичерахов в письме брату⁷²⁹.

Отставка состоялась на совместном заседании штаба Кавказской армии, представителей Добровольческой армии и

союзного командования, состоявшемся 14 января 1919 г. в Баку. Протокола совещания или иных отчетных документов обнаружить не удалось. Со слов начальника конницы Терского казачьего войска полковника Г.А. Вдовенко известно лишь, что «Бичерахов подал в отставку в 12 часов» и «генерал Томсон после совещания велел объявить всем войсковым частям об уходе в отставку генерала Бичерахова и что командование его войсками передается генералу Пржевальскому, а главное, командование ими будет исходить от него»⁷³⁰. О том, что именно англичане настояли на том, чтобы «Каспийское правительство... ликвидировало себя», сообщали в Москву и советские источники из Персии⁷³¹.

Фигура генерала от инфантерии М.А. Пржевальского, недавнего командующего Кавказской армией и Кавказским фронтом еще Российской армии, была компромиссной для англичан. Они старались не прогадать с назначением нового командующего. Очевидно, их устраивал человек достаточно квалифицированный, но не ангажированный, чтобы избежать новой бичераховщины. Пржевальский же уже был человеком в годах (57 лет; В.А. Добрынин называет его «престарелым»⁷³²). Непосредственно служивший в это время под его началом Г.Д. Ивицкий находил его человеком уставшим от жизни, мало активным⁷³³. По иронии судьбы Пржевальский вновь стал командующим Кавказской армией, правда совсем иной и в иных исторических условиях.

Известно, что первоначально командование остатками бичераховских войск «настойчиво предлагалось» генералом Томсоном и полковником Роулленсоном начальнику полевых войск бичераховской Кавказской армии полковнику Б.В. Никитину⁷³⁴. Однако тот отказался от должности, предпочтя на этом завершить для себя Гражданскую войну и уехать за границу.

Согласившись с авторитетной кандидатурой генерала Пржевальского, предложенной представителями ВСЮР, англичане приложили все усилия, чтобы фактически расформировать Кавказскую армию, оставив в руках генерала Пржевальского

лишь символические силы и аппарат, совсем безопасные для их дальнейшего хозяйничания на Кавказе. По словам генерала Дж. Мильна, бичераховские войска «были постепенно эвакуированы в Новороссийск, Петровск и Закаспий... Что касается флота, личный состав которого проявлял большую склонность к большевизму, то мы преуспели в овладении им, а экипажи судов были к 1 марта 1919 г. расформированы»⁷³⁵.

Точнее, к началу весны 1919 г. с собственными экипажами оставалось семь судов бичераховского флота. Экипаж только одного из них — вооруженного парохода «Орленок» — подчинился Добровольческой армии. Еще один экипаж согласился подчиниться добровольцам при условии оставления в должности главноуполномоченного по военно-морским делам В.Г. Воскресенского. Экипажи самых крупных судов «Карс» и «Ардаган» явно сочувствовали большевикам, а оставшиеся — колебались⁷³⁶. Такое наследство досталось добровольцам от еще недавно мощного бичераховского флота.

Избавившись от Бичерахова, англичане добились устранения и Пржевальского. По свидетельству Г.Д. Ивицкого, бывшего в эти дни в Баку и на неделю покинувшего город, по его возвращении от русских войск не осталось и помину; их место заняли военные «с полумесяцем на папах». В помещении канцелярии штаба Кавказской армии, куда Ивицкий явился из Тифлиса за назначением, обещанным ему неделю назад Пржевальским, был лишь один испуганный человек, который заявил, что «генерал Пржевальский вчера вечером спешно со всем отрядом перешел в Порт-Петровск по требованию генерала Томсона». «Как по требованию генерала Томсона?» — невольно вырвалось у Ивицкого⁷³⁷. Человек из канцелярии посоветовал Ивицкому быстрее избавиться от русской военной формы, поскольку «это может вызвать большие недоразумения»⁷³⁸. Более красноречиво ситуацию не опишешь... Остается вопрос: каков в этом позорном бегстве из богатейшего Баку профит Добровольческой армии?

Назначение генерала Пржевальского, по мнению свидетелей, наблюдавших бакинские события непосредственно

(представителя Добрармии Генерального штаба полковника Данилова), стало «финалом хорошо задуманного плана» англичан по ликвидации русского влияния в бакинском районе, поскольку «Бичерахов был связан прочно... с англичанами по прежней своей совместной деятельности, с ним нельзя было поступить так же резко и принудительно, как с его преемником генералом Пржевальским», с которым «английское командование не было связано прежней дружбой»⁷³⁹. Очевидно, что и среди представителей добровольцев было немало людей, сочувствовавших Бичерахову и понимавших, что он стал жертвой политической комбинации союзников.

Лично для Л.Ф. Бичерахова его вынужденная отставка стала большой драмой. В его служебных бумагах обнаружено сразу четыре варианта вступления к прощальной речи к своим войскам, каждый из которых содержал различные версии причин ухода вождя Кавказской армии. Все они были написаны Бичераховым собственноручно и датированы 13 января. В первой сообщалось, что «ввиду расстроенного здоровья и предстоящих операций, незалеченных ран, временно сдаю должность (здесь и далее курсив мой. — А. Б.), возложенную на меня Всероссийским правительством, последнему главнокомандующему военными силами Кавказа генералу от инфантерии Михаилу Алексеевичу Пржевальскому». Вторая звучала иначе: «Ввиду расстроенного здоровья, дальнейшую службу родине нести не могу и за благо почитаю передать все возложенные на меня обязанности Омским Всероссийским правительством последнему главнокомандующему Кавказской армией, герою Кавказского фронта генералу от инфантерии Михаилу Алексеевичу Пржевальскому». В третьем варианте Бичерахов утверждает, что Пржевальский назначен Омским правительством (документальных фактов, подтверждающих это, не обнаружено): «...Временно сдаю должность, возложенную на меня Омским Всероссийским правительством, генералу от инфантерии Пржевальскому (здесь вписано: «назначенного на эту должность». — А. Б.) Временным Всероссийским правительством». Наконец, в четвертом ва-

рианте после «*временно сдаю должность... Пржевальскому*» фраза «получившему этот пост от Всероссийского правительства», напротив, вычеркнута⁷⁴⁰.

Конечно, «незалеченные раны» и «расстроенное здоровье» — не те причины, по которым в разгар войны сдают командование. Бичерахова вынудили подать в отставку, и он должен был подыскивать нужные слова прощания со своими казаками, рассчитывая сохранить свое детище для дальнейших боев. То, что в трех из четырех вариантов говорится о временной сдаче должности, говорит о том, что Бичерахов все же берег отряд для себя, рассчитывая когда-то вернуться. На это же была нацелена и описанная выше реорганизация армии. Апелляции к Временному Всероссийскому правительству, свергнутому адмиралом Колчаком почти два месяца назад, могут показаться странными. Как представляется, Бичерахов, которому уже нечего было терять, указал именно на то правительство, которое считал легитимным, — основанное на коллегиальности и с участием социалистических сил.

С тем Белым движением, которое к началу 1919 г. уже вполне оформилось организационно и идейно, Бичерахову было совсем не по пути. За прошедшие месяцы Бичерахов удивительно быстро созрел политически. Еще недавно его политическая программа представляла собой смесь политиканских штампов, беспорядочно набранных по пути из Персии в Петровск. Еще недавно государственный порядок в его сознании ассоциировался только с монархическим строем, и он готов был защищать его ценой своей жизни («Если бы я был в Петрограде или в Москве в момент переворота, умер бы за царя»)⁷⁴¹. Теперь же он пишет А.И. Деникину: *«Цели у нас одинаковые, но абсолютно разные средства. Поэтому мой уход неизбежен. Вы и адмирал Колчак опираетесь на крайне правые круги, а все остальные, включая правые с[оциал]-р[еволюционеры] и с[оциал-]д[емократы] — враги. А это — 9/10 России... Я начинал отряд, опираясь на народ, а не на офицеров и не в районе буржуазного казачества, а в чисто пролетарской среде и при наличии 30-ты-*

сячной Красной армии... Моя программа сейчас не поддерживается союзниками, признается вами и адмиралом Колчаком нежизнеспособной. Я верю в свою правду»⁷⁴².

Надо сказать, Лазарь Бичерахов публично ничем не проявил своей обиды и не скатился до оскорблений. Много раз в различных выступлениях и частных письмах он желал удачи и выдержки генералам Деникину и Пржевальскому, выражал надежду, что им удастся объединить Россию и восстановить порядок в стране. Последнее письмо А.И. Деникину заканчивается словами: «Храни Вас Бог! Лазарь Бичерахов».

ОТЪЕЗД

Отъезд генерала Бичерахова из Баку состоялся в последних числах января 1919 г.⁷⁴³ Через Батум он направлялся в Лондон. Официальной формулировки целей его поездки обнаружить не удалось. По свидетельствам современников (В.А. Добрынин, Б.В. Никитин, Б.М. Кузнецов, Г.Д. Ивицкий и др.), Бичерахов должен был быть принят английским королем Георгом V, который, по некоторым данным, намеревался вручить ему орден Подвязки и пожаловать титул лорда Англии⁷⁴⁴. К тому же непосредственно перед отъездом Бичерахова пришло известие о производстве его в генеральский чин британской армии⁷⁴⁵.

В Батуме ему и его семье английским командованием были созданы более или менее сносные условия для существования: по требованию Бичерахова в выделенной ему небольшой усадьбе был произведен ремонт.

Навсегда покидая Родину, Бичерахов получил на руки командировочные удостоверения (на бланках начальника штаба главнокомандующего войсками и флотом Прикаспийского края) на свое имя, а также на имя жены Надежды Георгиевны, двух родственников (очевидно, родителей) Федора Михайловича и Анастасии Алексеевны Бичераховых, обер-офицера для поручений Аркадия Несторовича Аннибала, шофера Михаила

Родионовича Тернового, помощника шофера Андриана Федоровича Пожидаева и слуги семьи Бичераховых Ивана Андреевича Худина⁷⁴⁶.

Супруга А.Ф. Бичерахова Надежда Георгиевна осталась верна своим светским манерам, не пожелав расстаться с дорогим английским автомобилем, о котором в перевозочном документе было указано, что «принадлежащий ей лично легкой автомобиль «Воксхолл» является «шестиместным торпедо, шестицилиндровым, в 25 городских сил, с карданной передачей»⁷⁴⁷. Технические характеристики, внушительные для тех времен. Все ранние машины «Воксхолл» имели двигатели большого рабочего объема, выпускались в незначительных количествах, поэтому были дороги. Скорее всего, речь идет о модели Vauxhall D-type, поставлявшейся с 1914 г. королевским войскам (всего за четыре года войны армия получила свыше 2000 экз.) и, очевидно, по этой линии оказавшейся в личном распоряжении госпожи Бичераховой.

Уже в Батуме был издан приказ, составленный в свойственной Бичерахову патетической манере, в которой он подводил итог всей деятельности отряда, ставшего армией за несколько последних лет, и благодарил казаков за службу (см. Приложение 10). О причинах его отъезда в приказе не говорилось ничего, как и о том, собирается ли он вернуться, чтобы вновь принять командование отрядом. Приказ был распечатан в количестве 500 экземпляров и роздан в войска. 50 экземпляров взяла себе Н.Г. Бичерахова, очевидно чтобы иметь возможность познакомиться с мужем европейскую публику и эмигрантские круги. Приказ был также отправлен отдельными письмами генералам Деникину, Пржевальскому, походному атаману Кубанского казачьего войска и Кубанской раде, а также его старым боевым товарищам, пути с которыми уже разошлись, — В.Г. Воскресенскому и С.Г. Альхави⁷⁴⁸.

Если англичане пытались подсластить пилюлю и создавали комфортные условия, по крайней мере, для самого Бичерахова, то командование Добровольческой армии не считало

себя ничем ему обязанным и энергично взялось за ревизию его приказов, распоряжений, награждений и финансовой деятельности. Специально для этого была учреждена комиссия во главе с генерал-майором Б.П. Лазаревым — военным агентом ВСЮР при британском командовании в Баку. Комиссия работала в феврале и марте 1919 г. Отдельная комиссия во главе с генерал-лейтенантом А.И. Чаплыгиным была отправлена на Мугань. Представление о манере работы этих комиссий может дать свидетельство В.А. Добрынина: «Во-первых, генерал Чаплыгин сообщил нам приказ о полном разоружении и расформировании муганских частей, которые... по мнению добровольческого командования, конечно, не могут считаться нормальными воинскими организациями, не говоря уже о полном отсутствии у них элементарной дисциплины...»⁷⁴⁹ Одновременно приказывалось срочно приступить к формированию отрядов для Добровольческой армии.

Значительно более горьким и оскорбительным для многих стало объявление об аннулировании бичераховских награждений и чинов. В Добровольческой армии награждали очень скупно, поскольку считали безнравственным давать боевые ордена за участие в Гражданской войне. Однако муганцы (как и другие бичераховцы) не без оснований считали, что получили «звонкую пощечину» от добровольческого командования, поскольку весь 1918 г. продолжали противостоять внешнему врагу — Турции, борясь за русское влияние в регионе. О Добровольческой армии тогда в Закавказье не было и помину. Ядра бичераховских и муганских войск составили кадровые части Российской армии, которые сохранились от революционного разложения. Имелись и формальные поводы возражать против аннулирования наград. Так, по словам представителя муганцев полковника Газданова, многие представления были сделаны еще до роспуска армии большевиками. После того как муганские части влились в состав Кавказской армии Бичерахова, открытые при штабе главнокомандующего Георгиевская дума и наградной отдел дали ход представлениям⁷⁵⁰.

Нетрудно представить весь драматизм сцены, когда brave, закаленные в боях офицеры снимают с себя погоны, Георгиевские кресты и Георгиевское оружие. Например, Ф.М. Ильешевичу пришлось расстаться с только что полученными генеральскими погонями, герой многих боев с турками и шахсеванами ротмистр Хошев лишился и Георгиевского креста и чина ротмистра, а штабс-капитан В.А. Добрынин вновь стал поручиком. «Неизжитое чувство горькой обиды и незаслуженного унижения» он пронес через всю жизнь⁷⁵¹. Ошибочным считал аннулирование бичераховских наградений и генерал-майор Добровольческой армии Г.Д. Ивицкий. По его справедливому замечанию, столь грубая мера оттолкнула немало бичераховцев от добровольческого движения⁷⁵².

Уже официально отойдя от дел, первое время Бичерахов бомбардировал генералов Лазарева и Пржевальского письмами, в которых доказывал свою правоту и значимость в Гражданской войне. Он вовсе не собирался разрывать отношения с «доблестной армией, возглавляемой генералом Деникиным» и рассчитывал занять в ее рядах достойное место (он подписывался: «Готовый к услугам генерал Бичерахов»). Он не собирался оправдываться за свои поступки, а, напротив, заявил, что оказал помощь «гораздо больше, чем три четверти его (генерала Деникина. — А. Б.) действующих генералов вместе взятых»⁷⁵³. Именно он передал Деникину «твердую русскую позицию на Кавказе»⁷⁵⁴. Он прямо указывал на то, что, когда Добровольческая армия была только в зародыше, он уже сам в одиночку вершил судьбы Кавказа: «Сам организовался, сам изыскивал средства, сам объявлял войну, заключал мир, заключал договоры, заключал союзы»⁷⁵⁵. Поэтому он считал «бестактным» со стороны командования Добровольческой армии оценивать («не вам судить») его решения, поступки, награждения и проч. Бичерахов считал себя ответственным «только перед Россией» (см. Приложение 9).

Разумеется, такой тон мог вызвать только раздражение у генерала Деникина и его окружения. Места в Добровольческой армии для него не нашлось. Генерал Деникин совершил

множество роковых ошибок, которые, в конце концов, привели Белое движение к краху. Отказ от «готового к услугам» генерала Бичерахова и потворствование расформированию его армии англичанами были одной из них. Бичерахов остался в глазах генерала Деникина выскочкой и авантюристом, что отразилось и в его мемуарах.

Б.Н. Кузнецов утверждал, что, уезжая, Бичерахов благородно раздал остатки сумм отряда нуждавшимся бакинцам и уехал за границу почти без всяких средств⁷⁵⁶. Подтверждения этому обнаружались в архивных документах. Например, крупная сумма в 273 тыс. рублей была выплачена членам ликвидационной комиссии во главе с генерал-майором Яковлевым, которая по своему почину (в конце 1918 г. уже никому ее работа была не нужна) занималась обработкой документов Кавказского фронта, чтобы «передать их затем русской власти для будущих отчетов»⁷⁵⁷. Имеется расписка генерала Яковлева от 4 января 1919 г.: «Получил»⁷⁵⁸. 300 тыс. рублей было отправлено командиру отряда армянских партизан Андранику, ведшему неравные бои с турецкими войсками. 700 тыс. рублей было направлено армянским беженцам, бедствовавшим в Зангезуре⁷⁵⁹. Есть и другие подобные свидетельства благотворительности, относящиеся к периоду ликвидации отряда. Порой средства раздаются совершенно неразборчиво, случайным лицам. Например, некоему представителю «Юго-Восточного комитета членов Учредительного собрания», «командированному в Закавказье для организации общей работы» было выдано 100 тыс. рублей⁷⁶⁰. Отметим время: решение о роспуске отряда и отъезде за границу уже принято. Бичерахов избавляется от денег с такой энергией, с какой любой другой на его месте их бы стяжал.

Финансовая чистоплотность, очевидно, была свойственна всем бичераховцам. Например, А.Е. Мартынов («бывший начальник штаба») 13 февраля 1919 г. возвращает через капитана Федорова казначею отряда есаулу П. Сабееву 30 тыс. рублей из отрядных сумм, «которые в суматохе перед отъездом позабыл передать...», и просит обратить их на отряд-

ные нужды. Подобных примеров чрезмерной щепетильности встречается в документах немало.

Общий объем денежной помощи, розданной Бичераховым за весь период его кавказской эпопеи, по его собственным подсчетам, составил астрономическую сумму — около 70 млн рублей (терцам — 20, уральцам — 5, Закаспию — 5, кабардинскому народу — 1, дагестанцам — 2, армянскому партизану Андранику — 1, муганцам — 20, железнодорожникам, городским самоуправлениям, раненым, сиротам и беженцам — около 15 млн рублей)⁷⁶¹. Подтвердить или опровергнуть точность этих сумм едва ли когда-нибудь удастся, однако факт широкой и многосторонней благотворительной деятельности, исчисляемой миллионами рублей, инициатором которой был лично Лазарь Бичерахов, — неоспоримый, многократно подтверждаемый архивными документами, в том числе расписками лиц и организаций, принимавших от него деньги.

«СТАРЫЕ ПАРТИЗАНЫ» В БАТУМЕ

Сразу после отъезда Бичерахова в его отряд влились остатки терских казачьих войск под командованием генерала Колесникова. Они к этому времени добрались до Петровска. Колесников стал командиром объединенного отряда. Однако это нисколько не спасло ситуацию: лишенные денежного содержания, войска бедствовали.

Бакинский отряд по требованию англичан был разделен на две части, первая из которых была подчинена генералу от инфантерии М.А. Пржевальскому, вторая — генералу Колесникову в Петровске. Бакинская часть отряда должна была отправиться в Батум для последующей переброски на Кубань и расформирования.

«Старые партизаны» — сослуживцы Бичерахова еще по Персии во главе с бессменным начальником штаба отряда А.Е. Мартиновым, незадолго до этого получившим от Биче-

рахова чин Генерального штаба генерал-майора, несколько раз в январе 1919 г. обращались к начальнику отряда с отчаянными просьбами вернуться, собрать отряд и добиться возобновления его финансирования.

Известно, что уже на рубеже 1918 и 1919 гг., когда было принято решение о реорганизации Кавказской армии, представители Бичерахова вели переговоры с командованием грузинской армии о пропуске частей отряда через Тифлис на Поти для дальнейшей отправки на Северный Кавказ кубанских казаков. Грузинское меньшевистское правительство, в тот момент воевавшее с Добровольческой армией по поводу принадлежности Сочинского округа, не пришло в восторг от просьбы бичераховцев, считая их едва ли не союзниками Деникина. Бичераховцам предлагали разоружиться и сдать оружие грузинским властям. Представители отряда, в свою очередь, настояли на том, что оружие проследует по грузинской территории в опломбированных вагонах⁷⁶².

В конечном итоге грузинское правительство согласилось на переброску отряда Бичерахова в Батум. Власть грузинских меньшевиков на этот город не распространялась: первоначально он был оккупирован турками, а с их уходом в конце 1918 г. его заняли англичане. При английском генерал-губернаторе города бригадном генерале В.Дж.Н. Кук-Коллисе был образован Совет по управлению Батумской областью, укомплектованный в основном русскими чиновниками правосоциалистической ориентации. Совету было рекомендовано «не смущаться формой, т. к. по существу, в Батуме будет чисто русское управление»⁷⁶³. Еще на одном обломке Российской империи появился муляж «русской власти». Впрочем, и эта «вольница» продлилась недолго. Подобно тому как Бичерахов неожиданно испытал на себе резкий поворот британской политики, так и батумский Совет, по словам его председателя П.М. Маслова, уже в начале 1919 г. «из полунамеков, пожиманий плечами...» начал понимать, «что высшее английское командование стало получать из Лондона, от «чародея» Д. Ллойд Джорджа иные инструкции»⁷⁶⁴. В се-

редине апреля 1919 г. под предлогом допущения Советом забастовки рабочих против английской администрации «русская власть» в Батуме была распущена.

Все это время в городе пребывал русский казачий отряд, незаметно ставший именоваться «отрядом *имени* генерала Бичерахова», как будто казачий вождь покинул навсегда не только отряд, но и этот мир. Понятно, что британская администрация нуждалась в нем еще меньше, чем в лишенном всякой власти Совете.

Последними начальниками отряда были есаул Татаркин (бывший до этого командиром Линейно-Хоперской сотни), а затем есаул И.И. Таширов (прежде — помощник начальника штаба Кавказской армии). Вместе с ними в Батум прибыло 22 офицера отряда, в том числе командиры Уманской, Пограничной, Пулеметной сотен есаулы Невольников, Крайник, Пономаренко, капитан Пташинский, поручик И. Бубняк⁷⁶⁵.

Войско, вынужденно пребывающее в праздности, вновь подверглось моральному разложению. Офицерский состав, судя по портретам, опубликованным в этой книге, сделанным как раз в Батуме, сохранял очень бравый вид. Рядовые казаки, напротив, все более теряли воинское обличье. От обывателей и английских военных властей есаулу И. Таширову поступали десятки жалоб на «беспорядки и даже грабежи, творимые чинами отряда и днем и ночью», «дикие выходы потерявших честь и совесть идиотов», ставшие «невыносимыми для меня, для всего города»⁷⁶⁶. В то же время Таширов, как недавно Бичерахов, не намерен был отдавать провинившихся на расправу английским оккупационным властям, считая, «что это будет низким для партизан», но со своей стороны пообещал «жестоко наказывать виновных»⁷⁶⁷. Требуя несения службы в соответствии с уставами дисциплинарным и внутренней и гарнизонной службы, нерадивых казаков он обещал не только разжаловать в рядовые и предавать суду, но и «извещать станицу, из коей происходит провинившийся, дабы к приходу отряда было известно о нем в войске и станице»⁷⁶⁸.

Готовый казачий отряд полкового состава, вооруженный, обмундированный и сколоченный, конечно, был подарком для добровольческого командования. Узнав о таковом, Кубанское правительство стало предпринимать усилия по полной его эвакуации на Кубань, стараясь привлечь в посредники в переговорах с грузинами английское командование. Татаркину походный атаман Кубанского казачьего войска телеграфировал: «Отряда ни в коем случае не расформировывать. Вошел в сношение с английской миссией Добрармии о немедленном разрешении вопроса о перевозке отряда целиком в Екатеринодар. Дисциплина по старым законам»⁷⁶⁹. Когда стало известно, что об отряде знает и готово принять «родное войсковое правительство», Таширов приказал восстановить внутренний порядок в сотнях отряда «по примеру казачьих войск на Кубани... Партизан должен щеголять чистой лошадей с седлом и чистым, блестящим оружием»⁷⁷⁰.

Английское командование настаивало на разоружении отряда и передаче оружия грузинской стороне, «дабы, таким образом, возместить грузинам утраченное ими оружие при наступлении частей Добровольческой армии на Сочи». Казаками такие условия были восприняты как унижительные. По их мнению, «отряд не заслужил позора быть обезоруженным накануне прибытия в свои станицы, так как не знает за собой таких тяжких проступков, за что мог бы быть приговоренным к сдаче оружия»⁷⁷¹.

Обнаружить данные о том, сдавал ли на время пути отряд оружие или нет, не удалось. Последний приказ по отряду по строевой службе с расписанием суточного наряда на 15 апреля был издан 14 апреля 1919 г. В полном составе 19 апреля 1919 г. он прибыл в Екатеринодар, о чем и было объявлено в приказе по Кубанскому казачьему войску.

Пожалуй, последний документ, связанный с отрядом генерала Лазаря Бичерахова, относится к 1 мая 1919 г. Короткий и ясный, он ставил точку в этой необычной истории.

Приказ Кубанскому Казачьему войску
(по войсковому штабу)
№ 601

Гор. Екатеринодар 1 мая 1919 года

19 апреля этого года, двумя эшелонами прибыл в Екатеринодар партизанский отряд Генерала Бичерахова в составе 23 офицеров, 380 казаков, 330 лошадей, о чем объявляю для сведения.

СПРАВКА: рапорт начальника отряда от 19 апреля 1919 года № 520.

Подписали: *Войсковой Атаман,*
Генерал-Лейтенант ФИЛИМОНОВ
член правительства по военным делам
Генерал-Майор НАУМЕНКО

Заверенная копия⁷⁷²

Наверняка многие казаки продолжили свои приключения на фронтах Гражданской войны. Но это уже совсем другая история.

Подводя итоги боевой деятельности партизанского отряда Бичерахова и Кавказской армии и флота, нельзя не остановиться на вопросе о потерях, которые они понесли на фронтах Первой мировой и Гражданской войн.

В своем последнем письме Деникину, отправленном из Баку 8 февраля, Бичерахов называл следующие цифры: с июня 1918 по 9 ноября 1918 г. (день формального окончания Первой мировой войны) войска под его командованием потеряли 12 тыс. убитыми, 20 тыс. ранеными и еще 20 тыс. человек было потеряно (не поясняется — безвозвратно или нет) «от трудов, лишений и болезней». Кроме того, еще около 30 тыс. мирных жителей погибло в Баку в результате геноцида армян в сентябре 1918 г. и 30 тыс. человек — «от голода и эпидемий, следуя с войсками». Апокалипсическая картина,

нарисованная Бичераховым, — 112 тыс. погибших и раненых за полгода, — конечно, преувеличенная оценка потерь военных и мирного населения. Частично она подтверждается. Например, цифра в 30 тыс. армян, погибших в результате резни со стороны турок и азербайджанцев в Баку в середине 1918 г., называется многими источниками. Большая смертность среди беженцев, в основном из бакинского региона, тоже известна. Сложнее с боевыми потерями. Общая цифра потерь — 52 тыс. человек — явно многократно завышена и может подчеркивать только чрезмерное честолюбие Л.Ф. Бичерахова, чем отражать реальные факты.

Необходимо отметить, что, несмотря на интенсивные бои, в которых бичераховцам пришлось участвовать на протяжении года, — в Гиляне с отрядами Кучук-хана, в Баку с турками, в Дагестане и на Тереке — с красными, турками и горцами, — основной отряд, состоявший из «старых» казаков, не понес существенных потерь. Исчерпывающих данных о потерях в коннице нет, но некоторые документы позволяют представить порядок цифр.

**Потери конницы отряда Бичерахова
в течении 1918 г.
по состоянию на ноябрь 1918 г.
(без учета Запорожской и Осетинской сотен)⁷⁷³**

Название сотен	Списочный состав в ноябре 1918 г.	Убито в бою	Умерло от ран и болезней	Ранено в бою	Находятся на излечении в лазарете	Попали в плен	Без вести пропали	Остались в Персии с англ. войсками
Кубанская	61	3	7	2				
Уманская	110	4	7	4				
Линейно-Хоперская	55		7		4		1	
Пулеметная	99	2	7	1		27		

Пограничная	190	13	5	27				
Горско-Моздокская	82	8	2		8			1
1-я партизанская конно-горная батарея	88	3	3	1	7			
В С Е Г О	685	33	38	34	19	27	1	1

Сохранились также поименные списки потерь на Кубанскую, Линейно-Хоперскую, Горско-Моздокскую, Уманскую и Запорожскую сотни.

По этим данным, пять сотен конницы потеряли со времени вступления на территорию бывшей Российской империи до начала декабря 1918 г. 32 человек убитыми и 60 человек ранеными⁷⁷⁴.

Точной статистики потерь остальных частей бичераховского войска не имеется, и, очевидно, восстановить ее уже невозможно. Опираясь на воспоминания современников (Б.М. Кузнецов, Б.В. Никитин, английские авторы и др.), можно утверждать, что в период боев на бакинском направлении и в Дагестане в июле, августе и октябре—ноябре 1918 г. отряд (Кавказская армия) нес существенные потери, значительная часть которых приходилась, очевидно, на вновь образованные пехотные части.

ОДИНОЧЕСТВО

О жизни Бичерахова в эмиграции сохранилось очень мало сведений. Подробный рассказ о первых его неделях в Лондоне приводит Б.М. Кузнецов со слов общего знакомого Бичерахова, зашифрованного под инициалами В.П.К., находившийся там как представитель Добровольческого флота. За неимением иных свидетельств, приведем рассказ этого офицера полностью. Хотя и нет возможности его перепроверить, все предыдущие выводы о личности Лазаря Бичерахова вполне соответствуют нижеприведенному эпизоду.

«Проходя мимо ресторана отеля «Савой», — вспоминает В.П.К., — я обратил внимание на группу русских офицеров (в форме) и узнал среди них Бичерахова. Он жил в этом отеле со своим штабом, состоящим из трех человек. Все они числились «гостями» английского короля, и им был отведен этот отель. Оказалось потом, что это не было простое гостеприимство за заслуги Бичерахова перед англичанами, а простая ловушка. Бичерахова с его штабом хотели просто изолировать от Доброармии. В Лондон его пригласили для обсуждения плана будущей работы для борьбы против большевиков, но он никак не мог добиться свидания с военными властями.

Желая помочь Бичерахову, я устроил ему встречу с Набоковым, нашим поверенным в русских делах. Набоков, в свою очередь, устроил ему встречу с генералом Головиным, военным представителем адмирала Колчака и генерала Деникина. Встреча ничего не дала. Потом я устроил ему встречу с английским журналистом Уильямсом. Последний написал в английской газете блестящую характеристику Бичерахова.

Потом я устроил Бичерахову встречу с сэром Самуэлем Хором, членом парламента и другом Сазонова. Впоследствии Хор стал министром иностранных дел в кабинете Болдуина, но вышел в отставку и перешел в Палату лордов. Хор был в свое время начальником английской разведки в Петербурге и знал и армию, и двор. На Хора Бичерахов произвел благоприятное впечатление. Затем произошли встречи с директором Русского Департамента МИД и с двумя крупными английскими генералами. Наконец произошла самая интересная встреча Бичерахова с лордом Керзоном. Я присутствовал при этой встрече в качестве переводчика, т. к. Бичерахов не доверял официальным переводчикам. Лорд Керзон принял нас любезно. Хотя при нем был английский офицер-переводчик, но его роль выполнял я.

Керзон поблагодарил Бичерахова за оказанную помощь английским войскам в Месопотамии: «Я много слышал хорошего о Ваших действиях. Английское Правительство Вам очень благодарно, и я рад выразить Вам эту признательность,

но, к сожалению, мы не можем уплатить Вам ту сумму денег, о которой Вы просите. Сейчас это сделать трудно». Эти слова взбесили Бичерахова. Он раньше просил англичан выполнить их нравственный долг — вознаградить чинов его отряда за понесенные жертвы, много осталось вдов, сирот и калек. Такая помощь была обещана английским командованием еще в Месопотамии. Документов не было, но Бичерахов верил англичанам на слово, считая их джентльменами. Бичерахов побледнел, встал и сквозь зубы, не стесняясь присутствием переводчика, проговорил: «Больше я не хочу с ним говорить. Раз они нарушили слово, мне нечего больше делать здесь. Так и передай ему!» Я смягчил эти слова, но вся фигура Бичерахова выражала такое возмущение, что Керзон воскликнул: «Генерал недоволен, но я ничего не могу сделать. Англия переживает серьезный финансовый кризис. Но мы готовы что-нибудь сделать генералу! «Бичерахов сказал мне: «Не хочу заниматься пустяками, лучше пойдем!» Я посоветовал ему сказать несколько слов о своих планах — операциях против большевиков, чтобы помочь армии генерала Деникина. «Говори, толку не будет!»

Я все же сделал эту последнюю попытку и вкратце изложил план Бичерахова. Керзон внимательно слушал и сочувственно кивал головой, но затем произнес: «Вам надо обратиться с этим предложением в Министерство военных дел, и тогда этот вопрос может быть рассмотрен в Военном Комитете».

Я заметил Керзону, что до сих пор генерал Бичерахов не мог добиться аудиенции у военного министра, и Керзон приказал офицеру-переводчику сообщить военному министру о его желании принять и выслушать генерала Бичерахова. Никаких практических последствий от этого свидания не было, разве то, что английские власти известили Бичерахова, что он и его штаб перестали быть «гостями» английского короля и должны перейти на собственное иждивение».

Этим сотрудничество Л.Ф. Бичерахова с британской короной закончилось.

Последние свои средства он, по словам его жены, которые передает Б.М. Кузнецов, «истратил в Лондоне на розыски великого князя Михаила Александровича, давши для этой цели крупную сумму князю Вяземскому. В Париже, где генерал поселился, покинув Англию, он раздал остаток своих денег всем, кто у него их просил: и всевозможным партиям, якобы на борьбу против большевиков, и друзьям, и знакомым».

Вскоре он переехал в Париж, где закончились его деньги, привезенные им из России. В первое время этот дважды генерал освоил экзотическую специальность — разводил и экспортировал в Англию червей для рыбной ловли. Затем он работал поваром в маленьком шоферском ресторане у земляка-осетина. Узнавший этот факт Г.Д. Ивицкий немало удивился: «Более чем странно было узнать, что пенсионер наших союзников работает для хлеба насущного поваром»⁷⁷⁵.

Лазарь Бичерахов замкнулся в себе, и даже тесно его знавший еще по боям в Дагестане Б.М. Кузнецов не смог разговорить на воспоминания и осмысление прошлого. Мемуаров Бичерахов тоже не оставил, поэтому прояснить его мировоззрение и ход его мыслей в этой книге оказалось так сложно. «Бичерахов никакой роли в эмиграции не играл», — категорично отмечено в справке на него нацистского Восточного министерства, отслеживавшего и настроения русской эмиграции⁷⁷⁶.

Уже в конце Второй мировой войны, будучи пожилым человеком, Бичерахов перебрался в Германию. Здесь, в доме для престарелых города Ульма, почти слепой, он умер в 1952 г. Есть сведения, что он предпринимал попытки сотрудничества с нацистской Германией.

По словам Б.М. Кузнецова, «в недавнем прошлом, в конце войны, несмотря на большие годы, он покинул Францию и поехал в Германию, где формировались антибольшевистские части. Он предназначался на довольно крупную должность, но поражение Германии остановило все формирования...»

В этой последней страничке военной деятельности Л.Ф. Бичерахова много неясного. К.Г. Кромияди уточняет, что

Бичерахов примкнул ко власовскому движению после публикации Пражского манифеста Комитета освобождения народов России (КОНР), то есть в 1944 г.⁷⁷⁷ В упомянутой справке на Бичерахова Восточного министерства говорится, что «в 1942 г. около четырех недель находился в Берлине, где якобы формировал военные части из кавказских горцев»⁷⁷⁸. Так или иначе, все попытки Бичерахова вновь померяться силами с советской властью оканчивались в самом своем зародыше. Причиной тому, как представляется, было и его невысокое положение в иерархии русской военной эмиграции, и, что еще важнее, преклонный возраст и сильно пошатнувшееся здоровье. По некоторым данным, в период Второй мировой войны он уже был практически прикован к постели⁷⁷⁹.

Таков был жизненный путь этого яркого человека. Завершить рассказ об этой сложной и противоречивой фигуре в истории Гражданской войны на Юге России можно характеристикой хорошо знавшего его русского офицера Б.М. Кузнецова: *«Генерал Бичерахов не был ни «вождем», ни полководцем, а еще менее того «политическим авантюристом»... Генерал Бичерахов, прежде всего, был простым русским строевым офицером, выдвинутым обстоятельствами на большую роль, с которой он блестяще справлялся и которую не довел до конца, благодаря... англичанам и непониманию командования Добровольческой армии»*⁷⁸⁰.

Вместо эпилога

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

По-разному сложились судьбы персонажей этой книги — соратников Лазаря Бичерахова.

Некоторые не пережили Гражданской войны — погибли в бою или были расстреляны большевиками. Другим удалось покинуть пылающую страну и начать новую жизнь в эми-

грации, прожить долгую и плодотворную жизнь и даже оставить след в мировой культуре и науке. Их судьбы — лишнее подтверждение тому, что Лазарь Бичерахов окружал себя незаурядными людьми.

Трагическая судьба ожидала *Георгия Бичерахова*, который не уехал из Терского края, рассчитывая заниматься политикой и при добровольческой администрации. Однако отношения между ними не сложились. Как социалист, он не сотрудничал с новой властью, а, напротив, высказывался с радикальной для добровольцев идеей: предложил генералу А.И. Деникину немедленно раздать землю крестьянам, тем самым раз и навсегда обезопасив добровольческий тыл от большевистской опасности. После этого крестьянин с оружием в руках пойдет воевать за свою землю. «Он будет знать, за что воюет», — утверждал Бичерахов. Означало ли это, что его взгляды резко повели и он готов был отказаться и от казачьего землевладения (которое он с оружием в руках отстаивал в 1918 г.), — не ясно; для этого мало материала. Одновременно Г.Ф. Бичерахов предложил распустить громоздкое и бюрократившееся Особое совещание — «яд Белого движения»⁷⁸¹.

Деникин посчитал, что с такими идеями Бичерахова лучше держать подальше от Терской области, где он сохранял определенную популярность среди казаков. Вначале Георгий содержался под домашним арестом в Ростове, находился в бедственном положении. Навестивший его в Ростове офицер ВСЮР докладывал А.И. Деникину, что Г.Ф. Бичерахов «ничего при себе не имеет и существовать так дальше не может». После того как он дождался, «пока его родственники не привезут ему денег, белья и вещи», в ноябре 1919 г. был доставлен в Киев, где должен был отбывать в ссылке. В 1920 г., уже после падения добровольцев, Георгий оказался в Баку, где был опознан большевиками (по некоторым сведениям, его узнал на улице сам Серго Орджоникидзе) и был немедленно расстрелян⁷⁸².

Алексей Евгеньевич Мартынов эмигрировал в США, где прожил до глубокой старости, умер в 1963 г. в возрасте

76 лет. Много лет он возглавлял одну из организаций русских военных эмигрантов. Генеральский чин, пожалованный ему Бичераховым, он сохранил, и именно в генеральском мундире он помещен на фотографии, сопровождавшей его некролог в газете «Русская жизнь» от 6 апреля 1963 г.

Командующий полевыми войсками Кавказской армии Бичерахова подполковник Генерального штаба **Борис Владимирович Никитин** в спокойное время, несомненно, сделал бы блестящую военную карьеру. Сын полного генерала В.Н. Никитина, Георгиевского кавалера двух степеней, отличившегося в обороне Порт-Артура, он начинал службу в Петербурге, в гвардии, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Но война, а затем Февральская революция неожиданно вытолкнула его в самую гущу политической жизни. Весной и летом 1917 г. он занимал должность начальника контрразведки и генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа при командующем генерале А.Г. Корнилове. Именно на его долю выпала отчаянная борьба с лидерами большевистской партии, все больше набиравшей вес. После провала корниловского выступления Никитин отбыл вместе с Кавказским Туземным конным корпусом на Кавказ (его командиром был назначен бывший командующий Петроградским округом П.А. Половцев), где и присоединился к Бичерахову, которого знал по службе в Дикой дивизии.

В 1920 г. Б.В. Никитин осел в Париже, работал в электротехнической фирме (у него имелось и полученное до революции гражданское инженерное образование). В 1938 г. был удостоен диплома и серебряной медали Союза деятелей электротехники Франции. Был председателем Союза русских дипломированных инженеров. Умер Б.В. Никитин в 1943 г. в возрасте 60 лет⁷⁸³. Его мемуары «Роковые годы» легли в основу сценария известного многосерийного фильма «Гибель империи», а самого Никитина сыграл актер Владислав Галкин.

Ротмистр **Василий Григорьевич Воскресенский**, этот, по словам полковника Никитина, «достойный сподвижник Бичерахова», а по характеристике В.А. Добрынина, «толковый

и энергичный человек»⁷⁸⁴, не пропал и не затерялся на чужбине, а продолжил свои невероятные похождения в эмиграции, подвизавшись на... балетной ниве. Под именем Де Базиль (чаще во французской прессе его именовали «полковник Де Базиль» — Colonel de Basil*) он стал известнейшим импресарио, навсегда вписавшим свое имя в историю мирового балета. С 1925 г. он — один из организаторов Сезонов Русской оперы в Париже. Образовал (с Рене Блюмом) «Русский балет» Монте-Карло на основе «Русского балета» Оперного театра Монте-Карло и дягилевского «Русского балета» (1931—1936 гг.). На эту компанию работали Джордж Баланчин и Леонид Мясин, равно как и многие выдающиеся русские балетные звезды. Расцвет карьеры Воскресенского пришелся после смерти С.П. Дягилева в 1929 г., и де Базиля многие считали продолжателем его дела на ниве развития и пропаганды русского и мирового балета. Тем более что его балет выступал на дягилевской сцене в Монте-Карло и пользовался выкупленным им дягилевским реквизитом⁷⁸⁵. После раскола с Блюмом Воскресенский создал «Русский балет полковника Базиля», затем «Образовательный балет», «Оригинальный русский балет» и «Русский балет Ковент-Гардена» (1936—1939 гг.). Все его труппы гастролировали по Европе, Северной и Латинской Америке, с большим успехом выступали в Англии. Знакомство с балетом американской публики, где о нем еще почти не знали, — прямая заслуга В.Г. Воскресенского.

Необходимо сказать, что Воскресенский оказался не просто удачливым дельцом от балета (богачом он не стал), а, по мне-

* В эмиграции Воскресенский полностью «утратил» свою настоящую фамилию, и, например, великая балерина Матильда Кшесинская в своих записках 1936 г. именует его просто: Василий Григорьевич Базиль (*Кшесинская М. Воспоминания. М., 2003. С. 378*). Под этим именем (Базиль В.Г. де) Воскресенский включен и в новейший академический аннотированный указатель по литературе Русского зарубежья (*Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг.: В 4 т. М., 2005—2006. Т. 4. Кн. 2. С. 26*).

нию критики, являлся настоящим новатором балетного искусства, знавшим его до тонкостей и воплощавшим в жизнь самые необычные формы танца. Он много раз поражал публику «художественными неожиданностями». Например, последним его проектом в 1951 г. была огромная труппа, состоявшая из 250 испанских танцоров-любителей (невероятное новаторство по тому времени) и 42 маленьких оркестров, представлявших все провинции Испании. Труппа давала невероятные по колориту хореографические спектакли, о которых говорили: «Танец показывает то, что рассказывает музыка»⁷⁸⁶.

Умер В.Г. Воскресенский в Париже в 1951 г. в возрасте 64 лет, похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В некрологе о нем было сказано, что этим человеком главным образом руководили «вера в прекрасное и вера в славу»⁷⁸⁷.

Последний начальник Бичерахова генерал от кавалерии **Николай Николаевич Баратов** после долгих раздумий (еще в июле 1918 г. он заявлял: «Участвовать в гражданской войне не желаю») примкнул к Добровольческому движению, занявшись дипломатической деятельностью — он стал представителем Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России в Грузии. 13 сентября 1919 г. на одной из тифлисских улиц в его автомобиль террористом была брошена бомба. Баратов получил тяжелое ранение и потерял ногу. Тем не менее в марте—апреле 1920 г. он был управляющим Министерством иностранных дел в Южно-Русском правительстве Н.М. Мельникова (при Врангеле). В эмиграции с 1920 г. занимался по поручению генерала Врангеля помощью военным инвалидам. С 1930 г. и до кончины — председатель Зарубежного союза русских военных инвалидов и главный редактор ежемесячной военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид», выходявшей с февраля 1930 г. Скончался в Париже 22 марта 1932 г. Похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Управляющий внешними сношениями, идеолог и фактический организатор Кавказско-Каспийского правительства

Владимир Федорович Минорский и на тот момент — уже известный специалист по истории и лингвистике народов Ближнего Востока после неудачной дипломатической миссии в Уфу и Омск и краха Бичерахова больше не стал испытывать судьбу, уехав сначала в Иран, затем во Францию, а с 1932 г. осел в Великобритании, где стал профессором Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, а затем — Кембриджа. Здесь он и скончался в 1966 г. в возрасте 89 лет, будучи всемирно известным ученым-востоковедом⁷⁸⁸. Наверное, короткая «контрреволюционная» биография В.Ф. Минорского ускользнула от внимания советских «компетентных» органов, а может, просто игнорировать вклад Минорского в мировое востоковедение было невозможно, но удивительным образом ученый-эмигрант не попал под запрет в советской науке, обильно цитировался в специальной литературе (тем более что он внес большой вклад в изучение истории советского Азербайджана и Среднеазиатских республик) и удостоивался многих похвал за свою кропотливую деятельность по выявлению и введению в научный оборот редчайших рукописей⁷⁸⁹. Несомненно, его работы оказали огромное влияние и на развитие советского востоковедения. В 1960 г. Академия наук СССР пригласила В.Ф. Минорского на 33-й Международный конгресс востоковедов, проходивший в Москве, где он был встречен овацией. Но самое удивительное то, что прах ученого был привезен его супругой в Москву и захоронен здесь, на «правительственном» Новодевичьем кладбище — среди советских партийных и государственных деятелей, военачальников, писателей и артистов. На смерть ученого советский журнал «Народы Азии и Африки» посвятил В.Ф. Минорскому трогательный некролог, а в Большой Советской энциклопедии ему была посвящена словарная статья⁷⁹⁰.

Генералу *Денстервиллю* тоже посчастливилось прожить долгую жизнь. Он умер в 1946 г. в возрасте 81 года. Военная карьера его вскоре после бакинской эпопеи закончилась, и он немедленно сел за мемуары, оставив великолепное в ли-

тературном отношении, полное подлинного английского юмора произведение, чем еще раз доказал свою неординарность.

Но не всем довелось умереть в своей постели.

Поручик **Селим Георгиевич Альхави** погиб во время террористического нападения в Тифлисе на генерала Баратова 13 сентября 1919 г.

Начальник тыла Кавказской армии Бичерахова **Темур Савлаев (Совлаев)** был расстрелян Терской ЧК в марте 1921 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 39. Л. 8.

² Джелал-Эд-Дин Коркмасов. Выдающийся государственный и общественный деятель России и Дагестана. Материалы научно-практической конференции. Махачкала, 2007. С. 23

³ *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (Весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 471.

⁴ *Доного М.М.* Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 2008. С. 27—28.

⁵ *Генис В.А.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920—1921: Документальная хроника. М., 2000. С. 45.

⁶ *Хетагуров Г.А.* Правда о генерале Бичерахове // Дарьял. Владикавказ. 2008. № 1—3; *Доного Х.М.* Бичерахов // Ахульго. Махачкала, 2000. № 4 (http://www.gazavat.ru/jourmak2.php?mag_id=14). Указ. соч.; *Киреев Ф.С.* Братья Бичераховы // www.kazarla.ru/phpbb2_kaz/viewtopic.php?t=1804&sid=9e588033453b9ad3d37d65e2dd3557b7.

⁷ *Кручинин А.С.* «Бичераховские награждения» (К вопросу о наградной политике генерала А.И. Деникина) // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVII. Труды ГИМ. М., 20005. Вып. 151. С. 303.

⁸ *Кузнецов Б.М.* 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959. С. 74—75.

⁹ Там же. С. 63—75.

¹⁰ *Доного Х.М.* Указ. соч.

¹¹ *Хетагуров Г.А.* Указ. соч.

¹² РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 21—28.

¹³ Там же. Д. 24. Л. 222.

¹⁴ *История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний, материалов.* Пятигорск, 1924; *Труды 3-й сессии Терского областного съезда.* Грозный, 1918; *Съезды народов Терека.* 1918: Сб. документов

и материалов: В 2 т. Орджоникидзе, 1977—1978; *Джапаридзе П.А.* Избранные статьи, речи и письма. 1905—1918. М., 1958.

¹⁵ *Шаумян С.Г.* Статьи и речи. 1917—1918. Баку, 1929; *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. М., 1956; *Джапаридзе П.А.* Избранные статьи, речи и письма. 1905—1918. М., 1958; *Шаумян С.Г.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1958; *Шаумян С.* Письма. Ереван, 1959; *Шерипов А.* Статьи и речи. Грозный, 1977.

¹⁶ *Rawlinson A.* Adventures in the Near East 1918—1922. London, 1923; *Austin W.S.* The Official History of the New Zealand Rifle Brigade. Wellington, 1924; *Warden J.W.* The Diary of Lieutenant Colonel John Weightman Warden // Public Archives of Canada. MG-30 E192 LT Col. J.W. Warden File — Diary 1918—1919.

¹⁷ *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна. Баку, 1928.

¹⁸ *Тер-Габриэлян С.М.* Как саботировали и интриговали эсеры и дашнаки // В кн.: О Степане Шаумяне: Воспоминания. Очерки, статьи современников. М., 1988. С. 152.

¹⁹ *Микоян А.И.* Так было. М., 1999. С. 72.

²⁰ *Никитин Б.В.* Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007; *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана. М., 2004; *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001; *Кромиади К.Г.* Последний рейд // Новый журнал (Нью-Йорк). 1968. Т. 90. С. 177—193; Т. 91. С. 208—229; *Лишин Н.Н.* На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага, 1938.

²¹ *Каспийская военная флотилия 1918—1919 годов* // Флот в Белой борьбе. М., 2002; *Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера. М., 2007; *Бутбай М.* Воспоминания о Кавказе. Махачкала, 1993; *Верещак С.И.* О революции в Закавказье и о роли советов в ней // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998; *Шуберт К.К.* Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002; *Тахо-Годи А.А.* Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.

²² *Добрынин В.А.* Оборона Мугани. 1918—1919. Париж, 1974.

²³ *Полковник Магомед Джафаров:* Сб. мат. Махачкала, 2005.

²⁴ Там же. С. 151.

²⁵ *Ивицкий Г.Д.* На побережье Каспия в Гражданскую войну // Морские записки. 1945. Vol. III. № 2. С. 51—63; № 4. С. 184—193; Vol. IV. № 2. С. 70—80.

²⁶ *Киреев Ф.С.* Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. 2003. № 5.

²⁷ РГВА Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 21—28.

²⁸ Там же. Д. 24. Л. 222.

²⁹ *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. 1909—1918 гг. М., 2007. С. 6.

- ³⁰ Там же. С. 29–30.
- ³¹ *Елисеев Ф.И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 105.
- ³² Там же. С. 184.
- ³³ *Кузнецов Б.Н.* 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959. С. 69.
- ³⁴ *Киреев Ф.С.* Братья Бичераховы // Указ. соч.
- ³⁵ Цит. по: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ. соч. С. 180.
- ³⁶ *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году. М., 1940. С. 174.
- ³⁷ *Кромиади К.Г.* Указ. соч. Т. 90. С. 181.
- ³⁸ *Врангель П.Н.* Записки. Т. 1. М., 2002. С. 140.
- ³⁹ *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ. соч. С. 180.
- ⁴⁰ Цит. по: Там же.
- ⁴¹ *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ. соч. С. 184.
- ⁴² *Кромиади К.Г.* Указ. соч. Т. 90. С. 189 – 191.
- ⁴³ Там же. Т. 90. С. 191.
- ⁴⁴ Там же. Т. 90. С. 192 – 193.
- ⁴⁵ Там же. Т. 91. С. 208.
- ⁴⁶ *Шкуро А.Г.* Указ. соч. М., 2004. С. 78.
- ⁴⁷ Цит. по: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁸ *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С. 81.
- ⁴⁹ Там же. С. 84.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 177.
- ⁵¹ Цит. по: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Указ. соч. М., 2007. С. 73.
- ⁵² *Кромиади К.Г.* Указ. соч. Т. 91. С. 211.
- ⁵³ *Хетагуров Г.А.* Указ. соч. // Дарьял. 2008. № 1.
- ⁵⁴ *Лишин Н.Н.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵⁵ *Шаумян С.Г.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1958. С. 115–116.
- ⁵⁶ *Вацек И.П.* Отрывки воспоминаний // В кн.: *О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников.* М., 1988. С. 189–190.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ *Лишин Н.Н.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵⁹ Там же. С. 52.
- ⁶⁰ *Ивицкий Г.Д.* Указ. соч. Vol. III. № 2. С. 54.
- ⁶¹ Цит. по: *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна. Баку, 1928. С. 113.
- ⁶² *Ивицкий Г.Д.* Указ. соч. Vol. III. № 2. С. 54.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
- ⁶⁵ *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003. С. 135.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 33779. Оп. 2. Д. 39. Л. 7.

- ⁶⁷ *Денстервилль* А. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918: Воспоминания. Тифлис, 1925. С. 52.
- ⁶⁸ Там же. С. 46.
- ⁶⁹ *Россия* в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 41.
- ⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 43.
- ⁷¹ Там же. Д. 282. Л. 2.
- ⁷² Цит. по: *Цибульский* С.В. Англо-советские отношения 1917–1921 годов в освещении Р.Х. Ульмана // История СССР. 1974. № 6. С. 223.
- ⁷³ Цит. по: *Лавров* С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 82.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 282.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Цит. по: Там же. С. 82–83.
- ⁷⁷ *Лавров* С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 81.
- ⁷⁸ *Денстервилль* А. Указ. соч. С. 10.
- ⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 63.
- ⁸⁰ Там же. Д. 282. Л. 64.
- ⁸¹ Там же. Л. 3.
- ⁸² *Лишин* Н.Н. Указ. соч. С. 12.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 282. Л. 64.
- ⁸⁴ Там же. Л. 3.
- ⁸⁵ Там же. Д. 316. Л. 46.
- ⁸⁶ *Winegart* Timothy C. Dunsterforce: A case study of coalition warfare in the middle east, 1918–1919 // Canadian Army Journal. Vol. 8.3 (Fall 2005). P. 93.
- ⁸⁷ *Austin* W. S. The Official History of the New Zealand Rifle Brigade. Wellington, 1924. P. 536.
- ⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 66.
- ⁸⁹ Там же. Д. 282. Л. 5.
- ⁹⁰ *Денстервилль* А. Указ. соч. С. 50.
- ⁹¹ *Генис* В.Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921: Документальная хроника. М., 2000. С. 40–44.
- ⁹² *Денстервилль* А. Указ. соч. С. 105–107.
- ⁹³ Там же. С. 27–42.
- ⁹⁴ http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_1918.html.
- ⁹⁵ *Денстервилль* А. Указ. соч. С. 19.
- ⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 282. Л. 5.
- ⁹⁷ *Денстервилль* А. Указ. соч. С. 59.
- ⁹⁸ Там же. С. 7–8.
- ⁹⁹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 57.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Генис* В.Л. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁰¹ Там же.

- 102 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 7 об.
 103 Там же.
 104 *Лишин Н.Н.* Указ. соч. С. 52–53.
 105 *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
 106 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 24.
 107 Там же.
 108 *Денстервилль А.* Указ соч. С. 105.
 109 Там же.
 110 *Austin W.S.* Op. cit. P. 537.
 111 *Денстервилль А.* Указ. соч. С. 125.
 112 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 490.
 113 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 120.
 114 *Лишин Н.Н.* Указ. соч. С. 31–32.
 115 *Борьба за установление и упрочение советской власти в Дагестане. 1917–1921 гг.: Сб. документов и мат-лов.* М., 1958. С. 197.
 116 ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.
 117 *Владимирский М.В.* Финансовый фронт белого Юга // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 60–72.
 118 ГАРФ. Ф. Ф. 439. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.
 119 РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 20. Л. 149, 167 и др.
 120 *Денстервилль А.* Указ. соч. С. 126.
 121 *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
 122 *Денстервилль А.* Указ. соч. С. 136–137.
 123 *Абих Р.* Национальное и революционное движение в Персии в 1917–1919 гг. (Воспоминания Эсхан Уллы-Хана) // Новый Восток. 1929. № 26–27. С. 134.
 124 *Верещак С.И.* О революции в Закавказье и о роли советов в ней // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 420.
 125 Цит. по: *Каднишев А.Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 58.
 126 *Мустафа-заде Р.С.* Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006. С. 24, 26.
 127 *Шаумян С.Г.* Избранные произведения. Т. 2. С. 209.
 128 *Половцов П.А.* Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.). Paris, 1922. С. 199.
 129 *Шаумян С.Г.* Избранные произведения. Т. 2. С. 208.
 130 *Архив русской революции.* Т. 9. М., 1993. С. 121–122.
 131 Там же. С. 123.
 132 *Мустафа-заде Р.С.* Указ. соч. С. 27.
 133 *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004. С. 497.
 134 *Шаумян Сур.* Бакинская коммуна. Баку, 1928. С. 17–18.

- 135 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 209.
- 136 Микоян А.И. Указ. соч. С. 63.
- 137 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 213–214.
- 138 Там же. С. 231.
- 139 РГВА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 601. Л. 100.
- 140 Сравнительные статистические данные о бакинской нефтяной промышленности. За период 1911–1920 гг. Баку, 1921. С. 117.
- 141 Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.) М., 2003. С. 141.
- 142 Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 9.
- 143 Архив русской революции. Т. 9. С. 127.
- 144 Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. 1918. 9 апреля. № 62.
- 145 РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
- 146 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сборник документов. Т. 1. М., 1971. С. 287, 290; Каднишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 105; Микоян А.И. Указ. соч. С. 60.
- 147 РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 140. Л. 2.
- 148 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
- 149 Елисеев Ф.И. Указ. соч. С. 85–86.
- 150 Архив русской революции. Т. 9. С. 122.
- 151 Директивы командования фронтов... Т. 1. С. 288.
- 152 Там же. С. 288, 291.
- 153 Архив ИВИ МО. Ф. 217. Оп. 259. Д. 109. Л. 123.
- 154 Там же. Л. 170 об.
- 155 Шаумян С.Г. Статьи и речи. С. 229.
- 156 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 491 об.
- 157 Добрынин В.А. Указ. соч. С. 65.
- 158 Там же. С. 14.
- 159 Шаумян Сур. Указ. соч. С. 20–21.
- 160 Добрынин В.А. Указ. соч. С. 14, 49.
- 161 Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922. Т. 1. М., 1957. С. 554.
- 162 Шаумян Сур. Указ. соч. С. 72.
- 163 Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1984. С. 134.
- 164 ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- 165 Там же. Л. 3.
- 166 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 318. Л. 189.
- 167 Из истории Гражданской войны... Т. 1. М., 1957. С. 558.
- 168 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 267.
- 169 Там же.
- 170 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 491.

- 171 Там же. Л. 491.
- 172 Колесникова Н.Н. Из истории борьбы за советскую власть в Баку (Август 1917 — июль 1918 г.): Воспоминания. Баку, 1958. С. 101.
- 173 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 229.
- 174 Добрынин В.А. Указ. соч. С. 47.
- 175 Шаумян С. Письма. С. 97.
- 176 Большевики за победу социалистической революции в Азербайджане, 1917—1918 гг. Баку, 1957; Сб. документов. С. 518—519.
- 177 Шаумян С. Письма. С. 102—103.
- 178 Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 6—8.
- 179 Добрынин В.А. Указ. соч. С. 50.
- 180 Шаумян Сур. Указ. соч. С. 35.
- 181 Микоян А.И. Указ. соч. С. 66—72.
- 182 Архив Русской революции. Т. 9. С. 128.
- 183 Добрынин В.А. Указ. соч. С. 14.
- 184 Большевики в борьбе за победу... С. 523—526.
- 185 Директивы командования фронтов... Т. 1. С. 287.
- 186 Из истории Гражданской войны... Т. 1. С. 570.
- 187 Там же. Т. 1. С. 560—561.
- 188 РГВА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 604. Л. 24.
- 189 Там же. Л. 5, 21, 24 и др.
- 190 О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988. С. 171.
- 191 РГВА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 604. Л. 21.
- 192 Там же. Л. 24.
- 193 Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 2 августа. № 1.
- 194 Шаумян Сур. Указ. соч. С. 29; Большевики в борьбе... С. 566.
- 195 <http://26.design-site.ru/Equation3.doc>.
- 196 РГВА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 604. Л. 30.
- 197 Шаумян Сур. Указ. соч. С. 29.
- 198 Там же.
- 199 РГВА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 10. Л. 435.
- 200 Там же.
- 201 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 75.
- 202 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 435.
- 203 Известия Совета... 1918. 14 января. № 10.
- 204 Литвинова Н.В. Малоизвестные документы о деятельности Бакинской коммуны // Советские архивы. 1988. № 4. С. 76.
- 205 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 8. Л. 9 об.
- 206 Там же. Д. 20. Л. 47, 53, 63, 72.
- 207 Денстервилль Л. Указ. соч. С. 148—149.
- 208 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 4 об—5.
- 209 Известия Совета... 1918. 19 февраля. № 23.

- 210 Вацек И.П. Указ. Соч. С. 190.
- 211 Шаумян С. Письма. С. 82.
- 212 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 490—490 об.
- 213 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 440.
- 214 Там же. Д. 10. Л. 431.
- 215 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 425, 438.
- 216 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 29—29 об.
- 217 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 490 об.
- 218 Там же. Л. 50—50 об.
- 219 Там же. Л. 50 об.
- 220 Там же. Л. 495.
- 221 Там же. Л. 492.
- 222 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 864. Л. 11.
- 223 Шаумян С. Письма. С. 103.
- 224 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 498.
- 225 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 425.
- 226 Там же. Д. 90. Л. 8.
- 227 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 498.
- 228 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 8. Л. 6—6 об.
- 229 Там же. Д. 20. Л. 137.
- 230 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 429.
- 231 Там же. Л. 128.
- 232 Никитин Б.В. Указ. соч. С. 211.
- 233 РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 82. Л. 500.
- 234 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 121.
- 235 Там же. Д. 6. Л. 69.
- 236 Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 237 Там же. Оп. 2. Д. 73. Л. 115.
- 238 Там же. Д. 12. Л. 3—11.
- 239 Там же. Л. 31.
- 240 Там же. Л. 32—41.
- 241 Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
- 242 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 333.
- 243 Там же. С. 346—352.
- 244 Там же. С. 346.
- 245 Бакинский рабочий. 1928. 20 сентября.
- 246 Директивы командования фронтов... Т. 1. С. 287.
- 247 Никитин Б.В. Указ. соч. С. 214.
- 248 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 360.
- 249 Бюллетени Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного исполнительного комитета. 1918. 7 августа. № 6.
- 250 Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т. 2. С. 365.
- 251 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 12. Л. 3—11.

- 252 Там же. Оп. 2. Д. 34. Л. 24.
- 253 *Емельянов В.С.* На заре новой жизни. Баку, 1979. С. 71.
- 254 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 7 об.
- 255 Там же. Л. 10–11.
- 256 Вперед. 1918. 8 августа. № 10.
- 257 Там же.
- 258 *Директивы* командования фронтов... Т. 1. С. 287.
- 259 Вперед. 1918. 8 августа. № 10.
- 260 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 12.
- 261 Там же. Д. 45. Л. 4–5.
- 262 Бюллетени Диктатуры Ценрокаспия... 1918. 7 августа. № 7.
- 263 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 7 об.
- 264 *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 45.
- 265 Там же. С. 264.
- 266 РГВА. Ф. 39779. Д. 45. Л. 4.
- 267 Там же. Д. 19. Л. 9.
- 268 *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 54.
- 269 *Кадиишев А.Б.* Указ. соч. С. 127.
- 270 Там же. С. 164.
- 271 Там же.
- 272 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 12.
- 273 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 54–55.
- 274 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 257. Д. 19. Л. 9, 12; Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21.
- Л. 3.
- 275 Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
- 276 Там же. Л. 3.
- 277 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 237.
- 278 Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 7 августа. № 6.
- 279 *Денстервилль Л.* Указ. соч. С. 174–175.
- 280 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 34. Л. 12.
- 281 Цит. по: *Мустафа-Заде Р.С.* Указ. соч. С. 44.
- 282 Цит. по: *Пития Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 126.
- 283 *Борьба за установление...* С. 183.
- 284 Цит. по: *Пития Г.В.* Указ. соч. С. 126.
- 285 *Большевики в борьбе за победу...* С. 547.
- 286 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 10.
- 287 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 1991. С. 144.
- 288 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 5. Л. 37 об., 128 об.
- 289 *Денстервилль Л.* Указ. соч. С. 106.
- 290 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 16. Л. 170.
- 291 *Байков В.* Указ. соч. С. 167.
- 292 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 8. Л. 6 об.

- ²⁹³ *Габиев С.И.* Крупный революционер, чуткий и отзывчивый товарищ // *Борьба за власть Советов.* С. 93.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.
- ²⁹⁶ Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 50. Л. 120.
- ²⁹⁷ Там же. Д. 10. Л. 255.
- ²⁹⁸ Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 11 сентября. № 30.
- ²⁹⁹ Там же. 1918. 8 августа. № 7.
- ³⁰⁰ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 50. Л. 6.
- ³⁰¹ Красный Дагестан. 1927. 7 ноября.
- ³⁰² Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 16 августа. № 14.
- ³⁰³ Там же. 1918. 18 августа. № 16.
- ³⁰⁴ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 289.
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ Там же. Д. 20. Л. 19.
- ³⁰⁷ *Микоян А.И.* Указ. соч. С. 85–86.
- ³⁰⁸ *Дубинский-Мухадзе И.М. Шаумян (1878–1918).* М., 1965. С. 326.
- ³⁰⁹ *Каримов А.Б.* Указ. соч. С. 149–153.
- ³¹⁰ <http://filobiblon.narod.ru/ПРОЕКТ/MILN/GeneralMILN.html>.
- ³¹¹ *Лавров С.В.* Указ. соч. С. 85–86.
- ³¹² Цит. по: *Бурджалов Э.* Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1938. С. 102–103.
- ³¹³ *Борьба за Советскую власть...* С. 187.
- ³¹⁴ *Кузнецов Б.М.* Указ. соч. С. 75.
- ³¹⁵ Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 18 августа. № 16.
- ³¹⁶ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 10–11.
- ³¹⁷ Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 16 августа. № 14.
- ³¹⁸ *Кузнецов Б.М.* Указ. соч. С. 30.
- ³¹⁹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 12 об.
- ³²⁰ *Тарусский Е.* Славный путь: генерал Бичерахов о В.Г. де Базиле // *Часовой.* Париж, 1934. Октябрь. № 135–136. С. 29.
- ³²¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 15.
- ³²² Там же. Л. 12 об.
- ³²³ Там же. Л. 15.
- ³²⁴ Там же. Л. 11.
- ³²⁵ *Денстервилль Л.* Указ. соч. С. 251.
- ³²⁶ *Лавров С.В.* Указ. соч. С. 83.
- ³²⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 282. Л. 6.
- ³²⁸ Бюллетени Диктатуры Центрокаспия... 1918. 9 августа. № 8.
- ³²⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 864. Л. 24; *Денстервилль Л.* Указ. соч. С. 258.
- ³³⁰ *Денстервилль Л.* Указ. соч. С. 258, 263.
- ³³¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 237.
- ³³² Там же. Д. 38. Л. 6.

- ³³³ Денстервилль А. Указ. соч. С. 276.
- ³³⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 282. Л. 7.
- ³³⁵ Там же.
- ³³⁶ Там же. Д. 316. Л. 240.
- ³³⁷ *Сравнительные* статистические данные о бакинской нефтяной промышленности (За период 1911–1920 гг.). Баку, 1921. С. 111.
- ³³⁸ Цит. по: *Бегак Р.* Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г. Баку, 1927. С. 5.
- ³³⁹ Там же. С. 31.
- ³⁴⁰ Там же. С. 72.
- ³⁴¹ *Лишин Н.Н.* Указ. соч. С. 33–34.
- ³⁴² *Османов А.И.* Джелал-Эд-Дин Коркмасов — выдающийся государственный и общественный деятель // <http://www.gazavat.ru/history3.php?gub-31&art-284>.
- ³⁴³ *Полковник Магомед Джафаров...* С. 99.
- ³⁴⁴ Цит. по: *Исхаков С.М.* Указ. соч. С. 472.
- ³⁴⁵ *Мельчин А.* Боевые руководители народов Дагестана // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 45.
- ³⁴⁶ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 274.
- ³⁴⁷ Там же. Л. 300.
- ³⁴⁸ Там же. Ф. 25896. Оп. 10. Д. 12. Л. 7.
- ³⁴⁹ Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 274.
- ³⁵⁰ Там же. Д. 20. Л. 119–120.
- ³⁵¹ Там же. Д. 34. Л. 11.
- ³⁵² Там же. Д. 10. Л. 286.
- ³⁵³ Там же. Д. 34. Л. 10.
- ³⁵⁴ Там же. Д. 636. Л. 20.
- ³⁵⁵ *История Дагестана.* Т. 3. М., 1968. С. 69.
- ³⁵⁶ Цит. по: *История Дагестана.* Т. 3. С. 70.
- ³⁵⁷ *Борьба за власть Советов...* С. 91.
- ³⁵⁸ Там же. С. 153.
- ³⁵⁹ *Полковник Магомед Джафаров.* С. 152.
- ³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1062. Л. 9–11.
- ³⁶¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 84. Л. 60.
- ³⁶² *Полковник Магомед Джафаров.* С. 151.
- ³⁶³ Там же. С. 174.
- ³⁶⁴ Там же. С. 148.
- ³⁶⁵ Там же. С. 155.
- ³⁶⁶ *Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.): Документы и мат-лы.* Махачкала, 1994. С. 161.
- ³⁶⁷ Там же. С. 151–152.
- ³⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 129–130.

- 369 *Союз объединенных горцев...* С. 158.
- 370 *Полковник Магомед Джафаров...* С. 151.
- 371 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 130.
- 372 Там же. Д. 1062. Л. 11.
- 373 *Полковник Магомед Джафаров.* С. 154.
- 374 Там же. С. 155.
- 375 *Алиев К. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2006.* С. 233.
- 376 Цит. по: *Кашкаев Б. Красная Армия в Дагестане. Махачкала, 1964.* С. 89.
- 377 *Кашкаев Б.О. Указ. соч.* С. 88–89.
- 378 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 82.
- 379 *Полковник Магомед Джафаров.* С. 158.
- 380 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 37. Л. 4–4 об.
- 381 Там же. Л. 5 об.
- 382 Там же.
- 383 Там же. Л. 13.
- 384 Там же. Л. 130.
- 385 Там же. Д. 19. Л. 13.
- 386 Там же. Оп. 3. Д. 78. Л. 28.
- 387 Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 16 об.
- 388 Там же. Д. 75. Л. 20–25.
- 389 Там же. Д. 45. Л. 63.
- 390 Там же. Д. 24. Л. 58.
- 391 Там же. Л. 38.
- 392 ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 35. Л. 205.
- 393 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 33–34.
- 394 *Байков В. Указ. соч.* С. 170.
- 395 *Никитин Б.В. Указ. Соч.* 285.
- 396 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 90. Д. 4. Л. 1.
- 397 Там же. Ф. 911. Оп. 1. Д. 73. Л. 1; *Директивы командования фронтов Красной Армии. 1917–1922.* Т. 4. М., 1978. С. 123.
- 398 РГВА. Ф. 911. Оп. 1. Л. 9. Л. 1; Там же. Д. 13. Л. 304.
- 399 Там же. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
- 400 Там же.
- 401 ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 10.
- 402 Там же. Д. 33. Л. 5 об.
- 403 РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
- 404 Там же. Л. 42–43.
- 405 ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 110. Л. 10.
- 406 РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
- 407 Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 4
- 408 Там же. Л. 8.
- 409 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.
- 410 Там же. Оп. 2. Д. 20. Л. 443–444.

- 411 Там же. Л. 14.
 412 *Борьба за установление Советской власти...* С. 196.
 413 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 24. Л. 14.
 414 Там же. Л. 30.
 415 Там же. Д. 45. Л. 40.
 416 *Каикаев Б.О.* Указ. Соч. С. 88.
 417 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 24. Л. 14.
 418 Там же. С. 64.
 419 Там же. С. 65.
 420 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 65.
 421 Там же.
 422 РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–25.
 423 Там же. Оп. 2. Д. 45. Л. 8.
 424 *История Дагестана.* Т. 3. С. 73.
 425 *Никитин Б.В.* Указ. соч. С. 287.
 426 Там же.
 427 Там же. С. 286.
 428 Там же. С. 66–67.
 429 Там же. С. 67.
 430 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 24. Л. 63.
 431 Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
 432 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 14.
 433 Там же.
 434 Там же. Д. 34. Л. 11.
 435 *Директивы командования фронтов...* Т. 1. С. 333–334.
 436 Там же. С. 348.
 437 *Борьба за установление Советской власти...* С. 185–186.
 438 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 64. Л. 23.
 439 Там же. Л. 20.
 440 Там же. Д. 36. Л. 1.
 441 Там же. Л. 15.
 442 Там же. Л. 16.
 443 Там же. Л. 14.
 444 *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С. 202.
 445 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 889. Л. 48.
 446 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 64. Л. 23.
 447 *Шкуро А.Г.* Указ. соч. С. 202.
 448 Там же. С. 170.
 449 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 24. Л. 6.
 450 *Борьба за власть Советов...* С. 40.
 451 Там же. Д. 19. Л. 15.
 452 Там же. Л. 16.
 453 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 14.

- 454 Там же. Д. 10. Л. 338.
- 455 Там же. Д. 51. Л. 8 об.
- 456 Там же. Л. 8–8 об.
- 457 *Никитин Б.В.* Указ. соч. С. 289.
- 458 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 51. Л. 3
- 459 Там же. Д. 19. Л. 14.
- 460 Там же. Д. 24. Л. 3.
- 461 *Волков С.В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 374.
- 462 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 24. Л. 143–144.
- 463 Подробную библиографию публикаций В.Ф. Минорского см.: *Bibliography of the publications of professor V. Minorsky // BSOAS, vol. XIV, p. 3, 1952. С. 669–681; Кузнецова Н.А.* Владимир Федорович Минорский (Памяти ученого). Народы Азии и Африки. 1966. № 6.
- 464 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 51 Л. 9а.
- 465 Там же. Д. 24. Л. 40.
- 466 ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 32. Л. 2 об.
- 467 Там же.
- 468 Там же. Л. 7.
- 469 Там же. Л. 3.
- 470 Там же. Л. 12.
- 471 Там же. Л. 13.
- 472 Там же. Л. 17.
- 473 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 51. Л. 44–45.
- 474 ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 20. Л. 103.
- 475 *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2008. С. 172.
- 476 ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
- 477 *Гинс Г.К.* Указ. соч. С. 147.
- 478 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 51. Д. 24. Л. 28.
- 479 Там же.
- 480 Там же. Л. 29.
- 481 Там же. Д. 42. Л. 10.
- 482 *Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов.* Париж, 1919. С. 54.
- 483 *Никитин Б.В.* Указ. соч. С. 298.
- 484 Цит. по: *Шаумян Сур.* Указ. соч. С. 113.
- 485 Цит. по: Там же. С. 117.
- 486 Цит. по: Там же.
- 487 *Памяти годовщины Терского восстания.* Пятигорск. 1919. С. 14.
- 488 *Янчевский Н.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 57.
- 489 *Шляпников А.Г.* За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 128.

- ⁴⁹⁰ Янчевский Н.А. Указ. соч. Т. 1. С. 57.
- ⁴⁹¹ Там же.
- ⁴⁹² Цит. по: Там же. Т. 1. С. 61–62.
- ⁴⁹³ Эшба Е.А. Асланбек Шерипов (Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с народно-революционным движением в Чечне). Грозный, 1929. С. 72.
- ⁴⁹⁴ Цит. по: Там же. С. 108–109.
- ⁴⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 248. Л. 59–60.
- ⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 37.
- ⁴⁹⁷ Цит. по: Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 77.
- ⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 47–51.
- ⁴⁹⁹ Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов, 1933. С. 13.
- ⁵⁰⁰ Половцев П.А. Дни затмения. Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г. Paris, 1922. С. 195.
- ⁵⁰¹ Съезды народов Терека. 1918: Сб. документов и материалов. Т. 1. Орджоникидзе, 1977. С. 220.
- ⁵⁰² Кац М. Ингушетия в огне. Владикавказ, 1926. С. 41–43.
- ⁵⁰³ ГАРФ. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 7.
- ⁵⁰⁴ Там же. Д. 569. Л. 102–103.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л. 105–106.
- ⁵⁰⁶ Там же. Д. 524. Л. 12–25.
- ⁵⁰⁷ Там же. Д. 569. Л. 120.
- ⁵⁰⁸ Горская жизнь. 1918. 25 января. № 19.
- ⁵⁰⁹ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 82–83.
- ⁵¹⁰ Корнев Д.З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 100–105.
- ⁵¹¹ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 39.
- ⁵¹² Там же. Т. 1. С. 81.
- ⁵¹³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 169.
- ⁵¹⁴ Там же.
- ⁵¹⁵ Съезды народов Терека. Т. 1. С. 270.
- ⁵¹⁶ Там же. Т. 1. С. 267.
- ⁵¹⁷ Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918. С. 7.
- ⁵¹⁸ Там же. С. 87.
- ⁵¹⁹ Съезды народов Терека. Т. 2. С. 57.
- ⁵²⁰ Корнев Д.З. Указ соч. С. 254–255.
- ⁵²¹ Цит. по: Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 128–129.
- ⁵²² Народная власть. 1918. 5 июля. № 73.
- ⁵²³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 177.
- ⁵²⁴ Цит. по: История Северной Осетии: XX век. Владикавказ, 2003. С. 154.
- ⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 221.

- ⁵²⁶ Там же. Д. 524. Л. 83.
- ⁵²⁷ Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М., 1997. С. 66—68.
- ⁵²⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 98.
- ⁵²⁹ Там же. Д. 524. Л. 75.
- ⁵³⁰ Там же. Д. 569. Л. 195.
- ⁵³¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 51. Л. 30 об.
- ⁵³² *Директивы* командования фронтов... Т. 2. С. 265.
- ⁵³³ Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 123.
- ⁵³⁴ *Из истории* Гражданской войны... Т. 1. С. 563.
- ⁵³⁵ *Директивы* командования фронтов... Т. 1. С. 265.
- ⁵³⁶ ГАРФ. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 57.
- ⁵³⁷ Там же. Д. 569. Л. 194.
- ⁵³⁸ *История* Северной Осетии. С. 154.
- ⁵³⁹ *Съезды* народов Терека. Т. 1. С. 116.
- ⁵⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 73.
- ⁵⁴¹ Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 124—134.
- ⁵⁴² *Съезды* народов Терека. Т. 1. С. 20.
- ⁵⁴³ Цит. по: Янчевский Н.Л. Гражданская война на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов, 1927. С. 38.
- ⁵⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 100.
- ⁵⁴⁵ Там же. Д. 524. Л. 94.
- ⁵⁴⁶ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 1.
- ⁵⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 130.
- ⁵⁴⁸ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 636. Л. 17.
- ⁵⁴⁹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 220--221.
- ⁵⁵⁰ РГВА. Ф. 39799. Оп. 2. Д. 34. Л. 17.
- ⁵⁵¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 128.
- ⁵⁵² Там же.
- ⁵⁵³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919 г. М., 2002. С. 187.
- ⁵⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 569. Л. 219.
- ⁵⁵⁵ Там же.
- ⁵⁵⁶ Там же. Д. 524. Л. 94.
- ⁵⁵⁷ Там же. Д. 569. Л. 220; *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919 г. С. 187.
- ⁵⁵⁸ Там же.
- ⁵⁵⁹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 3. Д. 636. Л. 20.
- ⁵⁶⁰ Там же.
- ⁵⁶¹ *Кизляр* орденосный. Махачкала, 1995. С. 27.
- ⁵⁶² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 118. Л. 1—3.

- 563 *История Дагестана*. М., 1968. Т. 3. С. 73.
- 564 Там же. С. 73.
- 565 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 33–34; Д. 19. Л. 15.
- 566 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 130.
- 567 *Это было* в Кизляре: Воспоминания о героической обороне города в 1918 году. Махачкала, 1988. С. 8.
- 568 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 636. Л. 81.
- 569 *Шуберт К.К.* Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 321.
- 570 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 325.
- 571 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 137.
- 572 *Музугев Х.-М.* Весенний поток. М., 1960. С. 258.
- 573 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 138.
- 574 Там же. Л. 140–141.
- 575 Там же. Л. 29.
- 576 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 15.
- 577 Там же. Д. 636. Л. 47.
- 578 Там же. Л. 7.
- 579 Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 131.
- 580 Там же. Л. 133–135.
- 581 Там же.
- 582 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 636. Л. 17.
- 583 Там же. Л. 20.
- 584 Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- 585 *Музугев Х.-М.* Указ. соч. С. 259.
- 586 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 524. Л. 133.
- 587 Там же. Д. 34. Л. 27, 31.
- 588 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 15.
- 589 Там же. Д. 45. Л. 46.
- 590 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 137.
- 591 *Махмудов Х.М.* Южный Дагестан в годы революции 1917 года и гражданской войны: специфика и региональные особенности проявления: Автореф. дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 24–25.
- 592 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1145. Л. 15.
- 593 *Борьба за установление Советской власти...* С. 186.
- 594 Красный Дагестан. 1927. 4 ноября.
- 595 Красный Дагестан. 1923. 7 ноября.
- 596 *В боях за власть Советов: Воспоминания участников социалистической революции и гражданской войны в Дагестане*. Махачкала, 1957. С. 40.
- 597 *Генис В.А.* Указ. соч. С. 40.
- 598 РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 3
- 599 Там же.
- 600 Там же.

- ⁶⁰¹ Там же. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
- ⁶⁰² Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.
- ⁶⁰³ Там же.
- ⁶⁰⁴ Там же.
- ⁶⁰⁵ *Кашкаев* Б.О. Указ. соч. С. 49.
- ⁶⁰⁶ *Наджафов* Б. Лицо врага: История армянского национализма в Закавказье в конце XIX — начале XX в. Ч. 2. Баку, 1994. С. 47. *Кашкаев* Б.О. Указ. соч.; *Тер-Габриэлян* С.М. Как саботировали и интриговали эсеры и дашнаки // В кн.: *О Степане Шаумяне: Воспоминания. Очерки, статьи современников.* М., 1988. С. 151.
- ⁶⁰⁷ *Тер-Габриэлян* С.М. Указ. соч. С. 151.
- ⁶⁰⁸ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 10. Л. 444.
- ⁶⁰⁹ Там же. Д. 43. Л. 1.
- ⁶¹⁰ Там же. Л. 1—6.
- ⁶¹¹ Там же. Д. 84. Л. 35.
- ⁶¹² Там же. Д. 24. Л. 6.
- ⁶¹³ Там же. Д. 45. Л. 33.
- ⁶¹⁴ Там же. Д. 20. Л. 112—113.
- ⁶¹⁵ *Кашкаев* Б.О. Указ. соч. С. 80.
- ⁶¹⁶ *В боях за власть Советов...* С. 38.
- ⁶¹⁷ *Борьба за установление Советской власти...* С. 179.
- ⁶¹⁸ *Кашкаев* Б.О. Указ. соч. С. 87.
- ⁶¹⁹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 137.
- ⁶²⁰ Там же. Д. 34. Л. 61—62.
- ⁶²¹ Там же. Д. 24. Л. 107.
- ⁶²² *Врангель* П.Н. Записки. Т. 1. М., 2002.
- ⁶²³ *Деникин* А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 — январь 1919. М., 2002. С. 146.
- ⁶²⁴ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.
- ⁶²⁵ *Никитин* Б.В. Указ. соч. С. 286.
- ⁶²⁶ Там же. С. 289.
- ⁶²⁷ *Добрынин* В.А. Указ. соч. С. 72—73.
- ⁶²⁸ *Кавтарадзе* А.Г. Военные специалисты на службе Республике. М., 1988. С. 227—230.
- ⁶²⁹ *Деникин* А.И. Очерки русской смуты. Октябрь 1918 г. — январь 1919 г. С. 187—188.
- ⁶³⁰ *Ивицкий* Г.Д. На побережье Каспия в гражданскую войну // Морские записки. Нью-Йорк. 1946. Т. 4. № 2. С. 72.
- ⁶³¹ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.
- ⁶³² *Ивицкий* Г.Д. Указ. соч. Vol. 3. № 2. С. 54.
- ⁶³³ *Шуберт* К.К. Указ. соч. С. 322—323.
- ⁶³⁴ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 90. Л. 7 об.
- ⁶³⁵ Там же. Д. 19. Л. 16 об.

- ⁶³⁶ Там же. Д. 39. Л. 7.
- ⁶³⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 144; см. также: Ларьков Н.С. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 15–17.
- ⁶³⁸ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 39. Л. 4.
- ⁶³⁹ Там же. Л. 8.
- ⁶⁴⁰ Там же. Д. 19. Л. 14.
- ⁶⁴¹ Там же.
- ⁶⁴² Каспийская военная флотилия 1918–1919 годов // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 374.
- ⁶⁴³ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 39. Л. 17–17 об.
- ⁶⁴⁴ Там же. Л. 14–15.
- ⁶⁴⁵ Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 34.
- ⁶⁴⁶ Там же. Т. 1. С. 35.
- ⁶⁴⁷ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918: Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008. С. 233.
- ⁶⁴⁸ Там же. С. 461–475.
- ⁶⁴⁹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 39. Л. 20.
- ⁶⁵⁰ Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 449–451.
- ⁶⁵¹ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. М., 2007. С. 77.
- ⁶⁵² Ивицкий Г.Д. Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.
- ⁶⁵³ Добрынин В.А. Указ. соч. С. 74.
- ⁶⁵⁴ Там же. Д. 34. Л. 45.
- ⁶⁵⁵ Там же.
- ⁶⁵⁶ Там же.
- ⁶⁵⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 200.
- ⁶⁵⁸ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 42. Л. 4.
- ⁶⁵⁹ Там же. Д. 636. Л. 37.
- ⁶⁶⁰ Там же.
- ⁶⁶¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 45. Л. 16.
- ⁶⁶² Полковник Магомед Джафаров. С. 129–130.
- ⁶⁶³ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 45. Л. 18.
- ⁶⁶⁴ Полковник Магомед Джафаров. С. 170.
- ⁶⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶⁶ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 45. Л. 21.
- ⁶⁶⁷ Там же. Л. 24.
- ⁶⁶⁸ Там же. Л. 28.
- ⁶⁶⁹ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 289.
- ⁶⁷⁰ Полковник Магомед Джафаров. С. 173.
- ⁶⁷¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 136.

- 672 Байков В. Указ. соч. С. 180.
 673 Никитин Б.В. Указ. соч. С. 294.
 674 Там же.
 675 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 73.
 676 Там же. Л. 75.
 677 РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
 678 Там же.
 679 Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 60.
 680 Полковник Магомед Джафаров. С. 163.
 681 Никитин Б.В. Указ. соч. С. 295.
 682 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 36. Л. 14.
 683 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 316. Л. 72.
 684 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 19. Л. 14.
 685 Азербайджан. 1918. 19 ноября. № 39.
 686 Борьба за власть Советов... С. 222.
 687 Никитин Б.В. Указ. соч. С. 295.
 688 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 34. Л. 46.
 689 РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
 690 Азербайджан. 1918. 18 ноября. № 38.
 691 РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 6—8.
 692 Там же. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 34. Л. 1.
 693 Там же. Л. 3—7.
 694 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 60.
 695 Ивицкий Г.Д. Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.
 696 Из истории иностранной интервенции в Азербайджане. 1918—1920 гг.: Документы и материалы. Баку, 1988. С. 61.
 697 Векилов Р.А. История возникновения Азербайджанской Демократической Республики. Баку, 1998. С. 22.
 698 Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920): Документы и материалы. Баку, 1998. С. 115.
 699 Там же.
 700 Азербайджан. 1918. 19 ноября.
 701 Байков В. Указ. соч. С. 185.
 702 Кузнецов Б.Н. Указ. соч. С. 73.
 703 Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 52—53.
 704 Там же.
 705 РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 8.
 706 Там же.
 707 Насиров Т. Борьба за власть в Азербайджане (1917—1920). Баку, 1993. С. 57.
 708 Лишин Н.Н. Указ. соч. С. 56.
 709 Там же.

- ⁷¹⁰ http://filobiblion.narod.ru/PROEKT/BRITICH_DOOR.html.
- ⁷¹¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 59.
- ⁷¹² Там же. С. 61.
- ⁷¹³ Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991. С. 65.
- ⁷¹⁴ Гришанин П.И. Внешнеполитическая стратегия командования Добровольческой армии (1918 г.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 153–155.
- ⁷¹⁵ Цит. по: Там же. С. 157.
- ⁷¹⁶ Врангель П.Н. Указ. Соч. Т. 1. С. ?
- ⁷¹⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 67.
- ⁷¹⁸ Там же. С. 63.
- ⁷¹⁹ http://filobiblon.narod.ru/PROEKT/BRITICH_DOOR.html.
- ⁷²⁰ Жизнь национальностей. 1919. 6 апреля.
- ⁷²¹ Добрынин В.А. Указ. соч. С. 67.
- ⁷²² РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 50. Л. 149, 150, 155.
- ⁷²³ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 269–275.
- ⁷²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 6–26.
- ⁷²⁵ Там же. Д. 36. Л. 7.
- ⁷²⁶ Там же. Д. 84. Л. 1.
- ⁷²⁷ Там же. Д. 12. Л. 29.
- ⁷²⁸ Там же. Д. 12. Л. 32–41.
- ⁷²⁹ Там же. Д. 39. Л. 21.
- ⁷³⁰ Там же. Д. 12–84. Л. 59.
- ⁷³¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 184. Л. 10–16.
- ⁷³² Добрынин В.А. Указ. соч. С. 68.
- ⁷³³ Ивицкий Г.Д. Указ. соч. // Морские записки. Vol. IV. № 2. С. 71.
- ⁷³⁴ Никитин Б.В. Указ. соч. С. 287.
- ⁷³⁵ <http://filobiblon.narod.ru/PROEKT/MILN/GeneralMILN.html>.
- ⁷³⁶ Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918–1920 гг.: Сб. документов. Баку, 1971. С. 96.
- ⁷³⁷ Ивицкий Г.Д. Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 57.
- ⁷³⁸ Там же.
- ⁷³⁹ Из истории иностранной интервенции в Азербайджане. 1918–1920 гг.: Документы и мат-лы. Баку, 1988. С. 97.
- ⁷⁴⁰ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 42. Л. 17–20.
- ⁷⁴¹ Там же. Д. 39. Л. 28 об.
- ⁷⁴² Там же.
- ⁷⁴³ Там же. Д. 20. Л. 135.
- ⁷⁴⁴ Добрынин В.А. Указ. соч. С. 68; Ивицкий Г.Д. Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.
- ⁷⁴⁵ Там же.

- 746 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 84. Л. 40—49.
- 747 Там же. Л. 40.
- 748 Там же. Л. 54.
- 749 *Добрынин В.А.* Указ. соч. С. 72.
- 750 Там же. С. 73.
- 751 Там же. С. 73—74.
- 752 *Ивицкий Г.Д.* Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.
- 753 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 90. Л. 5.
- 754 Там же. Л. 1.
- 755 Там же.
- 756 *Кузнецов Б.Н.* Указ. соч. С. 71.
- 757 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 20. Л. 39.
- 758 Там же.
- 759 Там же Д. 34. Л. 40, 42.
- 760 Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 761 Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 32.
- 762 Там же. Д. 20 Л. 115—116.
- 763 ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 476. Л. 363.
- 764 Там же. Л. 404.
- 765 РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 32.
- 766 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 127.
- 767 Там же.
- 768 Там же.
- 769 Там же. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.
- 770 Там же. Л. 130.
- 771 Там же. Л. 25.
- 772 Там же. Л. 36.
- 773 Составлено по данным за ноябрь 1918 г.: РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 89—150.
- 774 РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.
- 775 *Ивицкий Г.Д.* Указ. соч. // Морские записки. Vol. III. 1945. № 2. С. 54.
- 776 РГВА. Ф. 1358К Оп. 1. Д. 641. Л. 59.
- 777 *Кромиади К.Г.* Указ. соч. Т. 91. С. 229.
- 778 РГВА. Ф. 1358К Оп. 1. Д. 641. Л. 59.
- 779 *Кромиади К.Г.* Указ. соч. Т. 91. С. 229.
- 780 *Кузнецов Б.М.* Указ. соч. С. 64.
- 781 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.
- 782 *Кузнецов Б.М.* Указ. соч. С. 64.
- 783 *Емельянов Ю.Н. Б.В. Никитин и его свидетельства о «роковом Семнадцатом»* // Предисловие к кн.: *Никитин Б.В. Роковые годы (Новые показания участника)*. М., 2007. С. 7—8.

⁷⁸⁴ Добрынин В.А. Указ. соч. С. 55.

⁷⁸⁵ Новое русское слово. 1951. 19 августа. № 14360.

⁷⁸⁶ Там же.

⁷⁸⁷ Там же.

⁷⁸⁸ *D.M. Lang Obituary: Vladimir Fedorovich Minorsky* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 29. No. 3 (1966). P. 694–699.

⁷⁸⁹ См.: например: *История Ширвана и Дербента X–XI веков*. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 5–7.

⁷⁹⁰ *Кузнецова Н.А. Владимир Федорович Минорский (Памяти ученого)* // Народы Азии и Африки. 1966. № 6; Большая Советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–1978. Т. 16. С. 295.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Хозяйственное состояние Терской области
по материалам Всесоюзной хозяйственной переписи 1916 г.

Отделы и округа Терской области	Число обследованных хозяйств (плоскость, нагорная часть, всего)	Мужчин (плоскость, нагорная часть, всего)	Работники (в том числе наемные) (плоскость, нагорная часть, всего)	Женщин (плоскость, нагорная часть, всего)
Назрановский	8 990	23 877	10 498	21 707
	1 566	4 473	2 127	4 174
	10 556	28 350	12 625 (465)	25 881
Сунженский (только плоскость)	12364	29 889	14 110 (487)	35 442
Грозненский	19 255	48 580	25 603	43 727
	7 667	19 553	10 169	17 486
	26 922	68 113	35 772 (61)	61 213
Веденский	14 395	32 844	19 659	29 054
	12 713	30 686	17 100	27 049
	27 108	63 530	36 759 (59)	56 103
Владикавказский	11 536	33 737	15 407	37 606
	4 945	19 136	8 218	19 340
	16 481	52 873	23 625 (94)	56 946
Нальчикский	23 873	75 694	41 985	74 238
	4 682	16 222	8 924	14 812
	28 555	91 916	50 909 (877)	89 050
Хасав-Юртовский	12 249	29 375	15 360	28 736
	5 053	11 757	6 825	10 706
	17 302	41 132	22 185 (695)	39 442
Кизлярский (только плоскость)	14 829	34 900	16 438 (573)	41 681
Моздокский (только плоскость)	13 818	33 464	17 775 (880)	37 776
Пятигорский	7 218	43 311	18 319	50 201
	8 810		(1534)	
	16 028			
Всего	138 526	363 896	186 306	374 640
	45 436	123 582	6 211	119 095
	183 962	487 478	24 517 (5725)	493 735

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

Всего (плоскость, горная часть, всего)	Посевы, десятин (плоскость, нагор- ная часть, всего)	Скота (плоскость, нагорная часть, всего)	Их них лошадей (плоскость, нагор- ная часть, всего)	Из них крупный (плоскость, нагорная часть, всего)
45 584	23 431	56 473	9 350	29 306
8 647	1 208	20 430	762	6 060
54 231	24 639	76 903	10 112	35 366
65 331	61 246	157 220	30 320	57 537
92 307	41 623	150 842	14 282	69 933
37 019	5 222	97 146	2 574	30 092
129 326	46 839	247 988	16 856	100 025
61 898	21 437	81 236	3 541	39 639
57 735	6 662	168 632	3 253	55 619
119 633	28 099	249 868	6 794	95 256
71 343	24 566	88 527	14 613	50 584
38 476	4 025	82 878	2 774	24 553
109 819	28 591	171 405	17 387	75 137
149 932	92 897	479 434	63 644	168 391
8 647	984	370 906	11 191	68 213
180 966	93 881	850 340	74 835	236 604
58 111	35 843	197 723	17 038	41 303
22 463	7 568	77 589	1 370	21 419
80 574	43 411	275 312	18 408	62 722
76 581	38 553	322 031	22 831	92 354
71 240	180 661	207 601	34 322	70 217
93 512	87 082	144 889	22 830	34 453
	44 789	98 613	18 029	44 104
	131 873	243 502	40 859	78 557
738 536	607 355	1 885 976	232 772	653 721
242 677	70 460	916 184	39 953	250 060
981 213	677 815	2 802 170	272 725	903 781

Извлечения из стенографического отчета 2-го съезда трудовых народов Терской области

(Пятигорск—Владикавказ, 16 февраля—5 марта 1918 г.)¹

Чеченский вопрос

18-го февраля заседание начинается заслушаньем внеочередного заявления казака Хитрова, делегата станицы Романовской. Перед нами рисуется картина кровавых столкновений с чеченцами, которые напали на Ермоловскую и Романовскую станицы. Всю речь Хитров подкрепляет ссылкой на телеграммы в Народный Совет с мест — из станиц и от Грозненского военного ревкома и выпиской из протокола заседания чеченского народного совещания от 3 февраля. Видимо, благоразумие среди сознательных представителей масс чеченского народа брало верх: соглашаясь сдать оружие, они требовали и разоружения и казаков. С одной стороны, Хитров вполне правильно рассуждает, что до этой гражданской войны довели «деспотические правители Николай и Караулов²», и, по его мнению, как будто необходим мир; а с другой стороны, по мнению пославших его казаков, остается только одно: «встать всем с оружием и побить Чечню, выгнать ее в горы. Хитров рекомендует поступать с чеченцами так, как поступал «герой Сунженской линии ген[ерал] Слепцов³», которого они боялись как огня. Призывая, таким образом, к войне, оратор заканчивает свою речь восклицанием: — Пусть они знают, что объединенная демократия сумеет наказать их.

Второй казачий делегат с Сунжи Елисеев говорит, что казаки не хотели войны. Казаки согласились в последний раз на Моздокском съезде⁴ послать мирную делегацию, но Чечня продолжала и что будто бы чеченцы подбросили письмо, в котором «требовали перейти в их веру или убраться». Казак Портаев оглашает протокол заседания казачьей фракции от 17 февраля, в котором говорится об организации из всех национальностей заслона по всей Сунженской линии и о ко-

мандировании мирной делегации для агитации среди ингушского и чеченского народа. После этих речей председателем народного совета т. Пашковским⁵ были оглашены телеграммы: из первой видно, что какая-то провокационная рука создает условия, при которых невозможна была поездка ингушской делегации; а из второй, из Грозного, видно, что чеченский народ горячо откликнулся на призыв народного совета о принятии участия в Пятигорском съезде и по аулам идут выборы. Прекрасную информацию, раз разъясняющую положение тяжелой атмосферы гражданской войны, дал т. Сомов⁶, заведующий военотделом народного совета, в которой он подчеркнул, что только темные силы повинны в грабежах и нападениях, а не весь народ; и указал на то, что и казаки не успокоятся, пока против вооруженных шаек, или, вернее, контрреволюционных сил, не будут поставлены заслоны из смешанного отряда.

Разъяснения эти не удовлетворяют казачью фракцию, которая просит решение передать заявление казаков в военную секцию, с предложением срочно разрешить этот вопрос.

Доклад преднарсовета т. Пашковского

Съезд переходит к заслушанию доклада председателя Народного Совета⁷ т. Пашковского. Пашковский начинает свою речь тем, что характеризует колоссальную разруху, охватившую весь край, словами: — В какую бы область жизни ни заглядывал Народный Совет, он всюду наталкивался на развал, на неорганизованность сил, на отсутствие плана. За кратковременную, 15-дневную, деятельность свою до созыва 2-й сессии съезда⁸, Народный Совет обратил внимание на те стороны жизни, которые требовали немедленного разрешения, как то: 1) в деле ликвидации военных столкновений он, получая телеграммы о боях, нападениях и грабежах, посылал ежедневно своих членов на места: на Сунжу, [в] Муртазово, в Нальчик и в др[угие] места для выяснения причин и обстоятельств недоразумений и ликвидации их путем ополчения сил рево-

люционной демократии; 2) в деле восстановления транспорта — идут работы по возобновлению ж[елезно]-д[орожного] движения между Бесланом и Грозным, так как на промыслах накопились колоссальные запасы нефти и керосина, а за отсутствием этого топлива на местах — стали фабрики и заводы и движение поездов сократилось до одной пары; 3) в деле охраны дороги не только от грабежа банд абреков, но и от самовольных реквизиций. (Здесь большой пропуск⁹.)

Съезд единогласно выражает свое доверие Народному Совету и поручает ему продолжить свою работу до выборов нового состава совета.

Прибытие делегатов от Чечни и Ингушетии

23 февраля на съезд прибыли делегаты от ингушского народа и чеченского национального Совета. В приветственной речи т. Такоев¹⁰ указал на то, что вступившие в общее лоно демократии горцы теперь становятся равноправными членами Республики и не будут угнетаемы, как ранее не будут голодать от безземелья, не будут опекаться администрацией (военно-народным управлением), а сами будут устраивать свою жизнь, не развращаться судами, чуждыми их обычаям и нравам, а будут иметь свои суды, согласно их воле, а потому призывал трудовых ингушей и чеченцев взять их судьбу в свои руки, в трудовых казаках видеть своих друзей, в казачьих и горских верхах общих врагов. Далее прибывшие приветствовались от Народного Совета Сомовым, [от] кабардинцев Травомовым, от казачьей фракции Поморцевым, от грузинского народа Геашвили, иногородних Ситниковым и от социалистического блока т. Кировым¹¹. В задуманной речи т. Киров сказал: соц[иалистический] блок верит, что ни бек, ни князь и не уздень не дадут нам избавление; мы его добьемся только сами, своими руками!

В ответной речи т. Ахриев¹², представитель ингушского народа, описав тяготы быта своих единоплеменников при царском режиме и указав на то, что после Моздокского съезда

ингуши узнали о социализации земли, сообщил, что темные силы все время мешали вхождению депутатов от ингушей в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всюду говорили, что ингуши разбойники и абреки, их никуда не пускали, всячески огораживались от них. Только демократия Терской области сказала, что не все ингуши абреки и разбойники и ингушская трудовая демократия бросилась сюда. Ахриев говорил о том, что цепкие руки темных сил держали и уговаривали делегатов не ехать на съезд, уверяя, что он распушен и т. д. В таком же духе говорил и представитель Чеченского нац[ионального] Совета т. Шерипов¹³. Во время самодержавия чеченцы были пасынками. Темные элементы, увидав, что после Моздокского съезда национальное движение переходит в социалистическое и в народе произошел переворот от войны к миру, постарались провокационно натравить малосознательную часть народа на казаков, и произошли нападения на отдельные казачьи станицы, обстрел чеченских аулов из Грозного и пр. Шерипов привел справку о том, что в Чечне не было крепостного права, сословий, бекков и князей.

Доклад по национальному вопросу

Докладчик т. Коренев¹⁴ указал на то, что национальный вопрос является страшно запутанным в ходе революции. Вопрос этот должен разрешиться в грандиозной борьбе труда с капиталом. Что национальный вопрос плелся в хвосте революционного движения и не давал покоя и удовлетворения нац[иональным] группам. Отдельные племена и народы стали подходить к осуществлению своих затаенных надежд путем накопления нац[иональных] полков, будто бы в остановке российской революции им угрожала опасность. Докладчик охарактеризовал роль в Германской войне, тогда же национального вопроса. Далее он метко указал на то, что формулой «самоопределения народов» наравне с пролетариатом пользуется и буржуазия. Последняя для того, чтобы натравить демо-

кратию соседних народов друг на друга и погубить этим дело революции. Т. Корнев разоблачил блестяще в своей речи темные реакционные силы Кавказа, которые, пользуясь богатым материалом из истории покорения Кавказа, когда горцы переживали угнетения под русским владычеством, сеяли на этой почве шовинистические семена, распалая религиозный фанатизм мусульман. Кровь на Сунже и Тереке, опустошения в Хасав-Юртовском округе — результат этой черной работы. Докладчик указал на то, что во все периоды человеческой истории в руках господствовавших классов развитие национального чувства было сильнейшим орудием для борьбы с солидарностью трудовых масс. Далее он указал на печальный пример народов Терской области, когда в момент решительной схватки труда с капиталом представители крупной земельной собственности пользовались формулой самоопределения народов для того, чтобы затушить стихию классовой борьбы и сохранить в рамках национального хозяйства имущественные права, которые были обеспечены за ними старым строем. Национальное движение должно подчиняться высшему критерию — классовой борьбе. Если Терская область будет самостоятельным государством, не связанным ни с Кавказом, ни с Россией, то национальный вопрос будет решен так, что Теробласть будет союзом государств — Ингушетии, Чечни, Осетии Кабарды и Тер[ского] казачества. Корнев выразил свое мнение о том, что большинство делегатов съезда мыслят одинаково с ним, что Теробласть должна входить в общую Российскую федерацию. В заключение докладчик предлагает, в поисках разрешения национального вопроса, принять за исходную точку следующее: 1) межнациональные отношения, как и вообще все важнейшие культурно-экономические вопросы Теробласти, могут найти справедливое согласованное с заветами российской революции разрешение только лишь при условии установления организованного единства всей России, и в частности Кавказа. Но, исходя из фактических обстоятельств текущего момента, необходимо признать, что Теробласть является временно составною единицею Рос[сийской]

федерации, и 2) как основная часть Российской Федерации — Теробласть является союзом народов и племен, политическое участие которых по управлению областью выражается пропорциональным представительством в состав единого объединенного органа обл[астной] власти.

Поэтому докладчик, в разрешении вопроса о территориально-национальном самоуправлении, предлагал создать территориальный или земельный союз народов, а не государства отдельных горских народов, и казачества. Тут возникал серьезный и сложный вопрос об определении территории и земель каждого народа, вопрос тесно связанный с земельным вопросом. В связи с разрешением земельного вопроса в России, по которому каждый крестьянин, без различия нации, желающий обрабатывать землю, должен ее иметь, произойдет переселение, передвижение народов, известный сдвиг при распределении. Еще сложнее вопрос с городами со смешанным составом населения. Но решается он просто — эти города будут экстерриториальными, т. е. внеземельными. Здесь докладчик дал подробное объяснение относительно организации национальных меньшинств. В заключение он к двум предложенным пунктам проекта предложил еще 13 пунктов: форма союза, права меньшинств, границы территорий, язык, школа, суд, армия и органы национального самоуправления.

В заседании 24 февраля доклад т. Коренева вызвал оживленные прения. Т. Малыгин¹⁵, считает, что проект докладчика не отвечает задачам социализма, [призванного] разбивать национальные перегородки; что Великая российская революция вручила власть трудовому народу и, проводя это в жизнь, надо руководиться строго принципами интернационализма, чтобы не мешать основной задаче — борьбе труда с капиталом.

Докладчик, во избежание дальнейших недоразумений, разъяснил, что доклад — плод коллективного творчества секции. Основная линия социалистического поведения в решении нац[ионального] вопроса — объединение трудящихся всех наций. Учреждение Совдепов с нац[иональными] отделами не разрешит нац[ионального] вопроса. Но практика по-

казала, что рядом с Совдепами существуют нац[иональные] советы. В заключение т. Киров сообщил, что не возражает о передаче вопроса о нац[иональных] вооруженных силах в военную секцию.

Большинством принимается предложение Анджиевского¹⁶ — считать решение съезда резолюциями, а декретирование их поручить исп[олнительному] органу — Тер[скому] Нар[одному] Совету.

Заседание 24 февраля закончилось выборами от групп членов делегации для поездки в Беслан — для встречи и оказания содействия чеченским делегатам.

На следующий день съезд открылся чтением ответа на телеграмму Нальчикского исполкома от Каб[ардино]-Балкарской фракции съезда: «Принимая во внимание, что окр[естный] исполком и окркомиссар давно потеряли доверие в глазах Кабардинского народа, считать членов исполкома врагами народа и злостными клеветниками, действия их провокационными».

Доклад о сунженских событиях

Заседание 3-го марта, заслушивание доклада чрезвычайной следственной комиссии, командированной в г[ород] Грозный для расследования обстоятельств столкновений у станиц Ермоловский и Романовский. Докладчик — предкомиссии известный Бичерахов¹⁷. Из доклада мы усматриваем, что в 5 час[ов] утра 16 февраля, по словам станичников Романовской, 5—6 чеченцев сделали вооруженное нападение на эту станицу. Чеченцы, к счастью, сделали ошибку — подходя к станице, подожгли сенники. Увидя зарево, станичники подняли тревогу и заняли окопы. Началась ружейная перестрелка. Чеченцы, освещенные заревом пожара, были прекрасно видны казакам. Казаки же незаметны в окнах. Если бы не оплошность чеченцев, то от станицы не осталось бы ничего. Потери со стороны казаков — 8 убитых и 16 раненых, чеченцы — 53 убитых и 25 раненых. Чеченцы, пораженные метким огнем казаков, были

отбиты. Убытки от набега комиссией определены: от пожара — 476 т[ысяч] р[ублей] и принесенные мельнице Руденко — 250 т[ысяч] р[ублей]. Что побудило чеченцев сделать нападение, об этом комиссия материала не имела: не дали ответа на этот вопрос и чеченцы. Наступление ведено было организовано, очевидно под руководством фронтовиков, 3 колоннами, ж[елезно]-д[орожный] путь был разобран, а телеграфное сообщение с Грозным было прервано. Не учли нападавшие одного обстоятельства — существования телеграфного сообщения с ст[аницей] Ермоловской и отсюда с Грозным. Ермоловцы выслали в подкрепление Романовцам одну сотню, а из Грозного к ст[анице] Романовской чеченцы сделали заслон. Бичерахов высказывает свою уверенность в том, что члены Чеч[енского] нац[ионального] сов[ета] не были осведомлены об этом наступлении. В распоряжении наступавших была и артиллерия — пробоина от снаряда в крыше столичного правления. По Грозному в момент нападения на станицу стрельбы не было. Романовцы просили разрешения у нач[альника] гарнизона идти в наступление на аул Алды, но последний ответил, что до получения приказа от рев[олюционного] штаба не может дать разрешения. Окопники пошли в наступление без разрешения, которое имело не серьезный характер, всего они потеряли 2 человека убиты и 6 было ранено. Все же следственной комиссии удалось устроить свидание с представителями [чеченцев] в исторической местности «Курган». Здесь члены следственной комиссии были встречены членами нац[ионального] совета, окруженные толпой в 200—300 чел. Члены нац[ионального] совета живо заинтересовались работой съезда. Среди них были б[ывший] член госуд[арственной] думы Альдерханов¹⁸ и студент Чуликов¹⁹. Я сказал, что перед съездом стоят два кардинальных вопроса: власть и земля, говорит Бичерахов. Это удовлетворило чеченцев, и они заявили, что съезд стоит на правильной платформе. Во время переговоров подъехал в сопровождении всадников известный чеченский социалист Али-Мигаев²⁰. В прочувственной речи Мигаев вспомнил, что отец его понес тяжелую кару при царизме за свои убеждения о том,

что теперь только чеченский трудовой народ начинает отмежеваться от своих верхов, но что необходимо, чтобы эта классовая борьба скорей выявилась и отмежевание закончилось. Собралась к концу беседы толпа чеченцев в 700 — 800 чел., причем фанатики схватывались за винтовки, чтобы покончить с делегацией, но Мигаев нагайкой бил нещадно таких фанатиков. Да и на обратном пути в Грозный комиссии не раз чеченцы выскакивали из кустов и брали винтовки на изготовку, но чеченцы, охранявшие делегацию, предотвращают выстрелы. В чеченских аулах нередко перестрелки между партиями войны и мира. Последняя имеет большой успех и должна была, по словам Бичерахова, победить. Следственной комиссии удалось войти в связь с дагестанцами, которые с почетной делегацией во главе с Шейх-Узун-Хаджи²¹ и регулярными войсками прибыли в Чечню для восстановления полного порядка, спокойствия и твердой власти в ней, в Ингушетии и по возможности на всей территории Терской области.

Замечательно, что окопники-казаки не хотели пропустить обратно из Грозного следственную комиссию. Комиссия ознакомилась с положением военнопленных чеченцев в Грозном. Найдя пленных в сырой и холодной тюрьме, при невозможном питании и среди них старики и беременные женщины, комиссия просила у съезда об облегчении их неволи и об освобождении старцев и женщин. К тому же в тюрьме начался сыпняк. Далее из доклада видно, что чеченцы обстреляли [город] Грозный из старых орудий крепости Ведено. Обстреливают чеченцы станицу Греденскую и Шемиловку. Хотя эти снаряды не разрываются, но станичники нервничают и стреляют из ружей. Эта перестрелка помешала комиссии выехать для переговоров с представителем Шейх-Узун-Хаджи на Кургане.

Докладчик делает вывод о том, что, видимо, как у чеченцев, так и у казаков нет власти. По мнению докладчика, будто бы нет нужды в посылке новых мирных делегаций на Сунжу, ибо эту делегацию там встретят с бранью, даже избьют. По заключению комиссии, надо послать на Сунжу дис-

циplinированные заслоны. Не достигли никаких результатов разосланные комиссией воззвания казакам и военно-революционным советам на Сунже. Великая вражда между чеченцами и казаками является плодом земельного неустройства. Обиженной стороной являются чеченцы. Только на этой почве объясняются постоянные грабежи со стороны чеченцев. Если Пятигорскому съезду удалось [бы] благополучно разрешить земельный вопрос, то будет вырвана с корнем почва хищнических набегов чеченцев.

Далее в воззвании говорилось, что при разрешении этого вопроса должно быть полное представительство на съезде чеченского народа — до 150 делегатов. Между тем на съезде всего один делегат²². Происходит это и от того, что чеченцам со всех сторон закрыта дорога. Поэтому комиссия обращается с горячим призывом ко всем казакам и гражданам Сунжи — не иметь препятствий к проезду чеченских делегатов.

Свой доклад Бичерахов заканчивает словами: «Полный развал. Власти нет. Командует улица». После ряда вопросов докладчику — выносятся резолюция о немедленном телеграфном распоряжении, об освобождении всех пленных, выдаче трупов, прекращении стрельбы с обеих сторон. За неисполнение распоряжения виноватые будут преданы военно-революционному суду.

Затем съезд переходит к продолжению обсуждения вопроса о власти. Андреев говорит, что проект после первого обсуждения был передан в специальную комиссию с представителями всех фракций. Проект, в общем, приемлем за исключением системы выборов в органы власти — «четыре хвостки».

Съезд проект принимает

Признание власти Совнаркома. Затем съезд снова возвращается к вопросу о признании власти Совнаркома. Т. Карпинский²³ от имени фракции иногородних вносит предложение ввиду неясности в положении о власти признания съездом

власти Совнаркома, внести поправку: Терский Народный комиссариат — высшая исполнительная в области власть, подчиняется Совнаркому. Представитель Кабарды т. Ахохов просит от имени всего народа голосовать этот вопрос. Тов. Данилов²⁴ обвиняет в этом пропуске соцу[иалистический] блок, который (очевидно меньшевики и с[оциал]-р[еволюционеры]) «все время хочет это замазать». Такое явление — разоблачение «соглашателей» вызывает отповедь т. Маршака, представителя меньшевиков. Он говорит, что фракция соцу[иал]-демократов выступает не для того, чтобы разжигать партийные страсти и удовлетворять свое партийное самолюбие, а для того, чтобы еще раз по долгу револ[юционн]ой совести предупредить опьяненных угаром мнимых побед, что близко горькое тяжелое похмелье. Нависла угроза наступления европейской реакции, готовой уничтожить наши завоевания. Слабнут надежды на скорое выступление западноевропейского пролетариата: безработица и обнищание ослабляют наши позиции. Тот факт, который вы собираетесь принять, внесет раскол, отметет от вас широкие массы народа. Вы лишаете широкие круги избирательных прав и тем подрываете доверие к народной власти. Вы будете вводить систему террора, смертную казнь, подавлять свободу слова, собраний и печати, и вы останетесь в одиночестве, опираясь не на народ, а на штыки. Вы будете пытаться повторить несвоевременные и неудачные социальные опыты, уже приведшие к краю гибели наше народное хозяйство и промышленность. Действительная власть будет принадлежать безответственным вооруженным организациям, которые давят на Советы и в случае неподчинения — распускают советы. Демократический строй идет к уничтожению, водворяется власть комиссаров и чиновников. Мы считаем, что необходимо сохранение единого революц[ионного] фронта, что необходима усиленная совместная практическая работа. Но все последствия признания т[ак] н[азываемой] Советской власти, которые мы предвидим, могут уничтожить все плоды нашей работы.

Съезд не дает ему закончить криками: долой, долой!

Но он продолжает, заявляя, что не боится шума, что он только год тому назад выпущен из тюрьмы, не потерял опыта нелегального работника, объявляет, что соц[иалистический] блок не берет на себя губительные последствия акта признания власти Совнаркома и будет потому при голосовании воздерживаться.

История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск, 1924. С. 196—209.

№ 3

Воззвание Моздокского Казачье-Крестьянского съезда²⁵ к Сунженцам

21 сентября 1918 г.

Станичники-Сунженцы!

Когда отряды кубанцев разбивают красноармейцев наголову под Невиномысской и занимают ее²⁶; когда отряды ставропольцев и Алексеева с Деникиным гонят красноармейские стада, сгоняя их в общее стойло — Пятигорск; когда красноармейцы мечутся из стороны в сторону, видят свою гибель и для поднятия духа в состоянии лишь расстрелять того или иного несчастного безоружного, случайно оказавшегося в руках этих зверей; когда красноармейцы, очертя голову, бегут, не зная сами куда, ибо в России уже немного мест, где еще царят банды; когда красноармейцы вкупе с ингушами разбивают татарский хутор²⁷, бомбардируют Сунженскую станицу и сгоняют, опять-таки в содружестве с ингушами, станицы Тарскую, Сунженскую, Акиюртовскую с насиженных мест; когда красноармейцы осажены повсюду и боевые запасы у них на исходе; когда у казачества и крестьянства Терской области силы растут и растут; когда на днях братская рука кубанца, изгнавшего уже от себя бандитов-красноармейцев, пожмет руку терского казака и крестьянина, борющегося с теми же бандитами, и дело грабительства бан-

дитов-красноармейцев погибло; когда снаряды и патроны, пулеметы и винтовки у терских казаков и крестьян есть и прибывают от Бичерахова; когда сам Бичерахов не за горами и громит красноармейцев, то спрашивается, станичники-сунженцы, о которых уже говорят, что вы пристали к красноармейцам, спрашивается: лучше ли иметь дело с умирающей Красной армией или с усиливающимся казаком и крестьянином, вашим братом.

Казаки-сунженцы! Вы хватаетесь за холодеющую от дыхания смерти грязную руку красноармейцев, которые сами хотят вашей помощи, а не помогать вам! Вы тормозите своими соглашениями с красноармейцами дело трудового казачества и крестьянства и тем идете к собственной гибели, ибо умирающая Красная армия вас потянет за собою. Станица Государственная так же как и вы изменила своим братьям и пошла за бандитами²⁸, а ныне ее душат их же союзники ингуши, раньше бившие вас вкупе с теми же красноармейцами и желающие на вашей же слабой шее выехать.

Станичники! Ваше спасение в усилении мощи трудового казачества, а не [в] Красной армии. Ваше спасение в том, чтобы всеми силами поддерживать казачье-крестьянский совет, организующий силы казаков и крестьян; ваше спасение в общем марше с кубанцами и отрядами, борющимися за учредительное собрание.

Казачье-крестьянский совет протягивает вам братскую руку и зовет на съезд, собирающийся 25 сентября нового стиля сего года в Моздоке.

Идите к нам и усильте ряды возрождающейся казачье-крестьянской силы и с отвращением оттолкните обагренную кровью казаков и крестьян, красноармейскую длань. Не у умирающего красноармейца в руках секрет вашего спасения, а у возрождающейся мощи трудового казачества и крестьянства.

Да здравствует единый казачье-крестьянский фронт!

История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний и материалов. Пятигорск, 1924. С. 210–211.

№ 4

Приказание Партизанскому отряду Бичерахова № 6

17-го августа 1918 г. г. Дербент

В последние дни участились безобразия казаков и солдат отряда в городе. Я пьяной безобразии без стыда и совести, сволочи в отряде терпеть не буду, кто бы он ни был. Офицеры не доносят мне о бесчинствах, а казаки и солдаты укрывают. Если так будет продолжаться, и казаки и солдаты сами не примут меры к прекращению безобразия и не выгонят из своей среды позорящих отряд мерзавцев, я брошу отряд, т. к. я не хочу вести домой и заботиться о негодах, которые прикрываются моим именем, скандалят, режут и грабят местное население.

Чтобы сегодня же были выданы три пулеметчика, три дня безобразничавшие в гостинице, ограбившие ее и бежавшие. Требую, чтобы казаки и солдаты сами приняли меры и прекратили безобразие и грабежи. О принятых мерах донести.

Подлинное подписал: Начальник отряда **БИЧЕРАХОВ**
Верно: Начальник Штаба (**МАРТЫНОВ**)

РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 7. Л. 1. *Заверенная копия*

№ 5

**Телеграмма Реввоенсовета 11-й Красной армии
№ 208**

командующим фронтами, округами, колоннами, боевыми участками, командирам полков, дивизий, бригад, отдельных отрядов, начальникам бронированных поездов, начальникам гарнизонов и всем военным командирам

К о п и и: Курсавка, Минеральные Воды, Георгиевск, Святой Крест, Ставрополь, Прохладная, Винодельная, Благодарная и Владикавказ.

19/XI—1918 года

Реввоенсовет Сев[ерного] Кавказа доводит до сведения командного состава, бойцов красноселистической армии, что после того, как войска Бичерахова, Менкулова*, Агоева, Серебрякова и других контрреволюционных руководителей Терека, потерпев поражение под Солдатской, Прохладной, Котляревской, Моздоком и Нальчиком, стали переходить на сторону советских войск целыми воинскими частями в полном боевом вооружении. За 16 и 17 ноября в районе станиц Прохладной, Солдатской и Зольской на нашу сторону перешло свыше тысячи четырехсот человек кавалерии и пехоты. Переходящие на нашу сторону казаки и солдаты в некоторых своих частях расстреляли свой командный состав. Реввоенсовет имеет сведения: остатки кадетских отрядов часто шлют своих делегатов с предложением о переходе на нашу сторону. Их офицерство разбегается, кто куда попало в горы Кабарды. Реввоенсовет приказывает командному составу Красной армии настоящие сообщения широко огласить по частям войск. Исходящий № 12651.

Председатель Реввоенсовета МАМСУРОВ

Члены ВАХНЕНКО

За начштаба ОДАРЮК

Секретарь РОДНО

РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. *Заверенная копия*

№ 6

Из письма Э. Мистулова, Г. Бичерахова Л. Бичерахову с обстановкой на Тереке к 22 сентября 1918 г.

Общая обстановка в области 22 сентября такова. Большевистские очаги: Пятигорск, Георгиевск, второй — Кизляр — Тиреталовка (?), третий — Владикавказ — Карабулак, где казаки

* Так в тексте. Очевидно, имеется в виду Э.А. Мистулов.

Карабулакской, Троицкой и часть Михайловской за большевистские деньги пошли против Слепцовской, четвертый — Грозный. Боевые столкновения в районе Кизляра, Грозного, Зольской и Слепцовской, напряженное положение у Архонки.

Ингуши ведут двойственную политику, имея организованные полки, артиллерию, наблюдается с их стороны движение в сторону Вознесенской с целью завладеть нефтяными промыслами, без которых наша дорога станет, горные осетины объявили вооруженный нейтралитет, признав советскую власть во Владикавказе, в Чечне борются два направления — русское и турецкое.

Воинские части чеченцев не организованы, кабардинцы частью поддерживают нас, Архонка нападает, Ардон, Николовская (?) колеблются, Вознесенская взволнована после прохода через нее панически настроенных выселенных Сунженской и Аккиюртовской станиц, в Пятигорске фронт держится твердо, но сил своих не хватает, движение кубанцев приостановилось на линии Бургустан—Курсавка, в районе Кизляра захват красноармейцами Николаевской переправы вызвал в отрядах паническое настроение, передавшееся в ближайшие станицы. Под Грозным без перемен, хотя часть чеченцев дала обещание помочь взять город. Потеря Баку и движение турок изменило и усложнило борьбу, ибо продолжать борьбу фронтом на юг, не имея прочной вполне обеспеченной базы на Тереке, очень рискованно.

Особое значение приобретает кизлярский район, разобщающий наши отряды и лишаящий Вас связи с продовольственной базой. Дальнейшие неудачи здесь усилят панику и сорвут всякие операции. Наша ближайшая задача — восстановить прочную связь с Вами ликвидацией Кизляра, войти в связь с кубанцами, покончив с пятигорским районом, и очистить свой тыл от большевиков, создать прочную базу на линии Прохладная—Кизляр, дабы вести борьбу на одном фронте, но не на четырех. Такое положение угрожает поражением по частям: последний неуспех под Кизляром слишком ярко подчеркнул опасность.

Обсудив обстановку на военном совете, мы пришли к выводу, что дать Вам срочно три тысячи до очищения Кизляра, но не будучи в состоянии своими силами справиться с Кизляром, вследствие притока противника с эсерами, не можем и для этого необходимо вступление в область свежих дисциплинированных частей, что сразу изменит общее настроение, поднимет дух...

РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 636. Л. 21–26. Подлинник

№ 7

Приказ Кавказской армии и флоту № 0785

16-го ноября 1918 года

1

17-го сего ноября передовые части Кавказской Армии, совместно с Английскими войсками и представителями союзников Франции и Америки, вступают в город Баку.

2

Судам, на которых войска погружены, прибыть к Острову Нарген 17-го сего ноября к восьми часам в сопровождении всех военных судов.

3

Порядок следования судов будет установлен распоряжением Главноуполномоченного по военно-морским делам, согласно данным ему указаниям.

4

На всех судах, кроме военных, иметь отличительный Кавказской армии флаг: на желтом поле черный круг.

5

Подходы судов к пристаням — согласно особого распоряжения находящегося у Главноуполномоченного по военно-морским делам.

6

По подходе к пристаням судам немедленно начать разгрузку, начав ее с конницы, затем пехоты. Начальнику автоколонны по подходе разгрузить три штабных автомобиля и подать к пристаням №№ 22, 23 и 24. До полной разгрузки никому из находящихся на судах войск не разрешаю проезд в город, за исключением квартирьеров по два на сотню, снабженных удостоверениями о том.

7

Командному составу безотлучно находиться при своих частях.

8

По разгрузке частям стройно и в полном порядке следовать: пехоте и коннице в Сальянские казармы; артиллерии первоначально оставаться на Зыхе, а по переформировании — также в Сальянские казармы. Броневому дивизиону и автоколонне — на завод Штоппера. Штаб армии и лазарет временно остаются на судах до устройства помещений в городе.

9

Обозам следовать по проходе строевых частей в те же казармы.

10

Генерального штаба полковника НИКИТИНА назначаю начальником полевых войск с подчинением ему всего передового отряда.

11

Расквартирование войск возлагаю на полковника Никитина и его штаб.

Подлинный подписал главнокомандующий кавказской армией и флотом ЛАЗ. БИЧЕРАХОВ

С подлинным ВЕРНО: Начальник штаба (подпись)

№ 8

Приказание Кавказской Армии и флоту № 0898

Гор. Баку 3 декабря 1918 г.

Главкомандующий приказал:

При **всех** увольнениях по частным делам и по служебным — за исключением команд не менее 10 человек, всем без исключения чинам армии и флота (офицерам, казакам, матросам и солдатам) быть без огнестрельного оружия.

Вновь имевшие место за последнее время случаи стрельбы чинов армии, и зачастую в нетрезвом виде, лишают Главкомандующего возможности ликвидировать их и впредь столь же благополучно, как и ранее, и Главкомандующий не считает для себя возможным далее возбуждать какие бы то ни было ходатайства в подобных случаях.

Впредь все виновные в том будут предаваться Союзниками полевому суду и нести за то соответственное, установленное ими наказание.

Ответственность за соблюдение настоящего приказа Главкомандующий возлагает на весь высший командный состав до командиров сотен, батарей, и судов включительно.

Подлинное подписал Начальник Штаба **МАРТЫНОВ**.

С подлинным верно: Старший Адьютант (*подпись*)

РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 21. Л. 8. *Заверенная копия*

№ 9

**Приказание № 156 по Штабу Полевых Войск
Кавказской Армии отряда полковника Бичерахова**

Декабря 10 дня 1918 г.

Главкомандующий приказал:

1) Те из казаков и солдат, которые изъявили желание идти в Петровск, должны в кратчайший срок организованы для

отправки. Для движения вместе с ними должны быть подготовлены все необходимые средства.

2) Из остальных солдат (не пожелавших идти в Петровск), те, кои не входят в состав основного Партизанского Отряда, должны быть немедленно уволены и удовлетворены по 15 декабря жалованием и кормовыми деньгами.

3) Находящиеся в лазаретах и не входящие в состав основного Партизанского Отряда с того же числа впредь до увольнения из лазарета и отряда сохраняют $\frac{1}{3}$ содержания.

4) Из основного отряда те лица, кои желают уволиться от службы в данный момент, могут быть уволены.

5) Из прибывающих с Терека казаков начать немедленно формировать сотни, причем для тех из них, кому не достанет лошадей, лошадей брать из конницы отряда, отбирая их у солдат, не пожелавших идти на Петровск, по мере надобности.

Солдат этих, по передаче лошадей их, немедленно увольнять.

Подписал Начальник Штаба ротмистр САВИЧ
Верно: Адьютант Штаба Шт.-капитан *подпись*

РГВА. Ф. 1. Д. 7. Л. 197. *Заверенная копия*

№ 10

Приказ войскам и флоту в Прикаспийском крае № 1535

г. Баку 29 января 1919 г.

Славяне, бессмертной славой покрывшие себя, Кавказская армия, войска прикаспийских областей и честные российские граждане этой многострадальной российской окраины: к Вам я обращаюсь, покидая свой почетный пост, Вами самими мне доверенный и предоставленный и Омским всероссийским правительством подтвержденный.

Я ухожу, но считаю своим долгом, прощаясь, сказать свое слово, считаю своим долгом хотя бы в кратких чертах освятить тот не большой, но многострадальный путь, полный всяких превратностей, который мы все вместе честно прошли и как солдаты и как граждане российские.

Ни я, ни мой основной отряд без Вашей помощи, без Вашей поддержки и реальной моральной, не могли бы создать ни Армии, ни внешнего, ни внутреннего фронта, не могли бы создать и великого по духу гражданского оплота российской государственности на этой окраине.

Партизаны послужили началом, они дали идею, но Вы, только Вы все, воплотили ее, дали ей жизнь, сделали ее могучей, неиссякаемой и грозной.

Вы отдали десятки тысяч своих лучших сынов и на полях сражений и в исполнении гражданского долга!

Российские войска на Кавказе и в прикаспийских областях, Каспийский флот и граждане — единственная горсть от 180-ти миллионного населения России от начала и до конца, непоколебимо и честно, и перед Россией и перед союзниками выполнившая свой военный и гражданский долг в борьбе с внешним противником — с германо-турецким нашествием. Вам пришлось бороться не только с внешним врагом, но и с мелочными образованиями, созданными им во вред не только России, но и во вред общечеловеческой идее, мысли, культуре.

Вам пришлось бороться и с большевистской анархией. Вам никто не помог, но Вы сами оказали всем прикаспийским областям помощь в их борьбе с анархией.

Вы в неравной борьбе и с внешним, и с внутренним врагом не уступили своих позиций, не изменили России, не продали и не предали общечеловеческих культурных завоеваний. Вы умирали. Вы жертвовали своим имуществом, своим покоем, Вы терпели невероятные лишения, нужду, холод, голод и издевательство, но оставались неизменно верными своему долгу.

Ваша совесть, несмотря на превратности судьбы, чиста и перед Богом и перед народами.

Вы не оценены по достоинству ни современниками, ни соотечественниками. Но близок час, когда история скажет свое правдивое слово.

История с благодарностью отметит и оценит проявленную Вами доблесть и военную и гражданскую, и государственную и общечеловеческую.

История всех времен и народов немного помнит таких подвигов, какие выполнены Вами при условиях самых невероятных.

Вы, брошенные и покинутые временами всеми, не имея за собой государства, не имея центра, подчас не имея территории, — имея ограниченную в числе горсть людей, сделали все возможное и даже невозможное.

Ваша энергия, воля и доблесть военная и гражданская будет служить украшением и примером подражания в новой истории России.

Вы, армия, флот и граждане, оросили своей кровью в борьбе за Россию, за культуру и просвещение, данное Россией Кавказу, и за разумные права народа, дарованные Русской революцией, — поля Кюрдамира, Карасакаль, Ахсу, равнину Керара, Сагиры, горы Гюрджаван, Мадрасы и Аджикабула, Шемахи-Маразы. Вы проливали ее в боях под Наваги, Аляты, Сальяны Баладжары, Хурдалан, Сумгаит, в полуторамесячной героической борьбе на Бакинских позициях Волчьих ворот, Волчья гора, Аташки, Бинагады покрыты Вашим героизмом. Вашими жизнями создавалась героическая защита Дербента — Петровска. Вашей кровью орошены Мугань и Терские берега!

Всего не перечесать!

Считаю долгом особо отметить боевую работу славного, единственного сохранившегося из всех российских военно-морских сил — Каспийского военного флота.

Здесь не было больших морских сражений, но здесь было больше чем где бы то ни было мелких боев, десантных операций. В Каспийском море и на его побережьях непрерывно флот оказывал боевое содействие армии и войскам.

В 1915 и 1916 году вполне определилась неблагонадежность в смысле лояльности к России со стороны инородческого населения Прикаспийских областей. Все это сдерживалось флотилией.

Форт Александровский, Красноводск, Ашур-Аде, Энзели, Астрабад, Ленкоран, Сальяны, Баку, Дербент, Петровск, Терские берега, Остров Чечен — помнят неоценимые заслуги военной флотилии, оказанные в тяжелые годы.

Военный флот сохранил весь торговый Каспийский флот и не дал возможность туркам и немцам воспользоваться им для десантных операций.

Военный флот при самых тяжелых условиях вел одновременную борьбу и против Астраханского большевистского флота под Астраханью и у Терских берегов и против вооруженных турко-немцами судов в устьях Куры; поддерживал своей артиллерией полуторамесячную оборону Баку; наряду с этим морская пехота принимала участие во всех больших операциях. При исключительной поддержке военного флота взяты Дербент, Порт-Петровск. Военным флотом оказано могучее содействие упорной обороне Баку и Порт-Петровска.

В течение шести месяцев славный Каспийский флот выполнял исключительную по своей трудности задачу. Шесть месяцев непрерывного боевого крейсерства с непрерывными боями, морскими и береговыми, не доедая, не досыпая, без доков и порта!

Честь и Слава Каспийскому военному флоту!

Вы сохранили незапятнанным Андреевский стяг, через Вас установится непрерывность Российского военного флота, Вы являетесь основой возрождающегося нового нашего флота.

История оценит Ваши государственные и боевые заслуги!

Нельзя не отметить, нельзя обойти молчанием миллионы русских людей, в течение столетия несших на Кавказ культуру и просвещение и в борьбе с хищниками положивших свои драгоценные жизни.

Вся культура, все просвещение, вся промышленность принадлежит исключительно России, Российской государственности, русской жизни и русской мысли.

Нельзя обойти молчанием высокое гражданское мужество, которое было проявлено Российскими гражданами без различия национальностей, религии и партийной принадлежности в эту войну.

В тяжелую годину русские граждане встали на защиту России и в неравной борьбе умирали за идею Единой Российской Государственности, но не меняли своих убеждений ради благополучия и не изменили ни России, ни союзникам.

Граждане рабочие в тяжелые минуты, с оружием в руках отбивали атаки врага. Рабочие все остальное время, не покладая рук, работали для фронта.

Все граждане российской государственности этой окраины вели тяжелую борьбу и с внешним врагом, и с большевистской анархией.

Невозможно учесть труды и подвиги Армии, флота и граждан.

В кратких чертах это выразилось в следующем:

Разбить на протяжении тысячи верст создаваемый турко-немцами новый персидский фронт.

Турецкая армия, пытавшаяся проникнуть в Закаспий, Туркменистан и Персию, не пропущена и остановлена.

Движение стотысячной турецко-германской армии остановлено на 4 месяца, к каковому времени Турция капитулировала и турецкое движение на Кавказе оказалось авантюрой, погубившей Палестинский фронт.

Трудами армии и флота поддерживались ближайшие Прикаспийские области в борьбе с большевизмом и анархией — и войсками, и вооружением, и снаряжением, и деньгами Терской области, Уральской, Закаспийской, Мугани, Энзели, Дагестана, Кабарды была оказана помощь всего на сумму около ста миллионов рублей.

Восстание против большевиков, поддержанное в Терской области на протяжении пяти месяцев, оттянуло большевист-

ские силы от Кубани и добровольческой армии и дало последней возможность за этот период организовать и укрепить и иметь теперь успехи и при поддержке союзников получить общегосударственное значение.

Самопожертвование Кавказской армии и флота задержало движение стотысячной Турецкой армии, направлявшейся на Северный Кавказ. Десятки тысяч жизней русских воинов героев остановили Турецкое движение на Северный Кавказ, на Терек и Кубань и, тем самым, дали возможность организоваться и укрепить той силе, которая сейчас получила значение общегосударственной.

Кавказская армия, флот и граждане российские этой окраины сделали все возможное, не только в краевом, областном масштабе, но и в общегосударственном.

Более чем на сто миллионов сохранено в Баку и Петровске русского военного имущества.

В государственный банк в Баку сдано ценностей более чем на полмиллиарда и государственных денежных знаков около тридцати миллионов рублей.

Российские армия, флот и граждане на этой окраине не сдали своих позиций ни внешнему, ни внутреннему врагу.

Россия и ее история оценит и отметит высокий гражданский и военный долг в государственном масштабе, выполненный на этой окраине горстью российских граждан, доведших борьбу с внешним и внутренним врагом до конца, несмотря на то что эта горсть верных сынов России была окружена со всех сторон тайными и явными врагами.

Союзники должны оценить патриотизм, проявленный русскими гражданами, армией и флотом на этой окраине России, и те огромной важности военные задачи в связи с общими союзническими фронтами, кои выполнены Вами при исключительно неблагоприятных условиях, как выполнены Вами до конца обязательства в отношении союзниками.

Честь и слава погибшим за Россию, мир праху героев!

Вам, моим честным боевым товарищам — армии, флоту и гражданам — низко кланяюсь и перед Вашей духовной рос-

сийской мощью преклоняюсь, как преклонится лучшая страница истории защиты России ее сынами в последнюю войну 1914—1918 годов.

Главнокомандующий войсками и флотом
в Прикаспийском крае
Генерал-майор, ЛАЗ. БИЧЕРАХОВ

РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 6. Л. 8—9 об. *Типографский экз.*

№ 11

Письмо А. Бичерахова генералу Лазареву

Батум 4 марта 1919 г.

Генералу Лазареву.

Я бы ничего не стал Вам писать, если бы не попытки контроля, которые Вы делаете или толкаете делать генерала Пржевальского. Среди многих бестактностей, общей линии поведения главных и ответственных лиц, коим я передал судьбу Российской государственности на этой окраине, коим я передал ту Российскую государственную позицию, которую с таким трудом занял и, несмотря на усилия всех внешних и внутренних властей, с достоинством удерживал и сохранял и которую Вы общими своими ошибками потеряли, есть одна бестактность, которая всецело принадлежит Вам, почему и пишу и предупреждаю Вас.

Бестактность Ваша, о которой я хочу Вам сказать, — это политика контролировать и оценивать производства, следовавшие за боевые отличия и подвиги в борьбе с внешним врагом — Германо-Турками.

Не Вам судить мою оценку боевой работы моей армии и флота и моих сотрудников. В России нет такого юридического лица или коллектива, которое имело хотя бы малейшее нравственное право контролировать и оценивать мои действия, мои распоряжения.

Я сам организовывался, сам изыскивал средства, сам объявлял войну, заключал войну, заключал договоры, заключал союзы.

За все свои действия до Февраля месяца я считаю себя ответственным перед народом Российской государственности; перед правительством России, кое будет поставлено Всероссийским Учредительным Собранием, избранным всенародно, перед Историей.

Я — единственный военачальник, который не заявлял о нейтральности своей армии и флота, как в свое время заявила добровольческая армия, дабы сохраниться и не подвергаться ударам внешнего врага.

Я не сравниваю свою армию с армией генерала Краснова, созданной немецкими трудами; я, армия и флот не переставали быть представителями, исполнителями Российской государственности и ее обязательств в отношении союзников.

Ни центр Екатеринодарский, ни центр Омский не могут узаконивать или аннулировать мои действия, действия моих вооруженных сил.

За все, что сделано в Кавказско-Каспийских областях мною до Февраля 19 года, я принимаю ответственность в государственном объеме на себя. И я отвечу перед законно избранной и установленной Всероссийской властью.

Я убежден, что ни Омский, ни Екатеринодарский центры не увенчают Россию, не возглавят ее, как не возглавят ее и Большевики, но если это и случится, я готов дать отчет в своей деятельности.

Вы комиссией по пересмотру приказов можете временно внести неприятности и обиду не мне — нет, а честным русским воинам, моим бывшим подчиненным, кои проливали свою кровь и в борьбе с внешним и с внутренним врагом.

Не Вам, Генерал, быть моим судьей, не Вам исправлять мои ошибки, не Вам выносить приговор мне и моим боевым товарищам.

Выше я Вам достаточно разъяснил, кто может потребовать у меня отчета и перед кем я считаю себя ответственным. Вам

же, как и Екатеринодарскому и Омскому центру, надлежит принять от меня, в сохраненном мною районе, все так, как есть, как факт свершившийся и за который государственную ответственность понесу я.

Я производил и награждал, пользуясь правом Главного Командования, ввиду особых условий отсутствия Государственного центра, принявшего в военном отношении на себя полноту военной власти на этой окраине. Я производил и награждал согласно полномочий, данных мне Кавказо-Каспийским союзным правительством, организовавшим борьбу с внешним и внутренним врагом в государственном Российском масштабе на этой окраине.

Помню, что полезнее для России и центра, которому Вы подчиняетесь [будет], если Вы свои таланты приложите к тому, что Вы сохраните часть того, что я собрал с таким великим трудом, что я завоевал и чтобы ту государственную позицию, которую я занял, отстоял.

Меня и Вас нелицеприятная история будет судить при равных условиях и по всему тому, что Вами, представитель генерала Деникина, уже сделано вследствие непонимания исторического положения для данного момента на этой окраине, вследствие непонимания исторического хода событий, история Вас не поблагодарит, как не скажет Вам спасибо в самое ближайшее время и генерал Деникин.

Вы в ...* присланы не критиковать, а делать дело, а вы все его провалили, что же Вы скажете пославшему Вас генералу Деникину, будете все взваливать на меня, обвинять меня, обвинять войска и флот, которые при самых неблагоприятных условиях, при меньшем жаловании, выполняли свой долг перед Родиной, перед союзниками в борьбе с ее внешним врагом и большевизмом. Тогда, как вы своими действиями развивали большевизм, дали ему почву для провокаций и силу, и народные массы, вчера еще свергшие большевиков, Вы толкаете на большевизм, Вы их поставите на оппозицию.

* Одно слово пропущено.

Еще в одном отношении новым командованием и штабом ...* контроля расходов государственных денег. Так я считаю своим долгом предупредить Вас и всех, кто имеет пополузнание в этом направлении, что за время с Ноября 1917 года по Февраль 1919 года в общегосударственное дело вложено эквивалента моей лично энергии и работоспособности около 80 000 000 рублей. Я эти деньги достал, в государственное дело вложил и в долг Российской государственности не вписал.

Эквивалент работы армии и флота за это время оценивается в сотню миллионов, и я полагаю, что, несмотря на Ваш провал, работа эта учтется несколькими сотнями миллиардов.

Государственных денег за время с сентября месяца по 1-е Февраля израсходовано в круглых цифрах около 1 000 000 000 рублей, из них около 30 000 000 рублей — на ликвидации [долга в содержании] рабочих и солдат, оплату содержания торговому флоту и многим из вышеуказанных жалования за прошлое время (июль и август) и на беженцев. Около 20 000 000 рублей на Муганскую армию и сохранение Российской государственности, около 10 000 000 рублей на подкрепление казначейств Бакинского, Дербентского, Петровского и Темирханшуринского.

Таким образом, на содержание армии и флота, вспомогательных войск и мастерских в общем израсходовано около 40 000 000 рублей за время с 15 сентября по 1-е Февраля 19 года...

Значит, за 4,5 месяца на внешние дела израсходовано около 40 000 000 рублей.

Из них на военный флот, на содержание портов и маяков, на ремонт доков, на содержание портовых мастерских израсходовано около 20 000 000 рублей. Значит, на армию, которую содержал целиком, исключая фронтов закаспийского, терского и уральского и других, которым я оказал помощь

* Одно слово пропущено.

в общей сумме 35 000 000 рублей, стоила 20 000 000 рублей. Армия состояла из 16 000 человек при 3000 лошадях и всевозможных мастерских, при 12 лазаретах, в которых было до 4000 больных.

Вы теперь можете себе представить, что армия, флот и вся оборона велась не исключительно на государственные деньги, а на средства, отчасти лично мной добытые и плюс армией и флотом кровно у врага добытые.

Меня вы все обвиняли в дорогой оплате солдата и матроса, а сами по моем уходе увеличили ставки чуть ли не вдвое. При Ваших ставках и расходах при наличии той армии, каковую содержал я, не хватило бы и на 1 месяц 20 000 000 рублей, а я выдержал 5 месяцев.

Причем соседям помог на сумму около 100 000 000 рублей.

Из всего вышеизложенного вам всем ясно, что не Вам меня судить и критиковать, не Вам указывать и аннулировать мои действия, распоряжения и расходы.

На этом я заканчиваю свое письмо. Мое разъяснение примите к сведению и займитесь тем, чем Вы должны заниматься для блага России.

Поймите, что я оказал помощь доблестной армии, возглавляемой генералом Деникиным, гораздо больше, чем три четверти его действующих генералов вместе взятых. Я, при наличии Фронта против Турок и Немцев, в течение шести месяцев поддерживал в Терской области борьбу против большевиков, этим самым я оттянул половину сил большевиков против терского фронта. В течение трех месяцев закрыл доступ астраханской армии в Терскую область с Каспийского побережья. Это лишило большевиков лучшей базы: морской и железнодорожной, и оставил им единственную степную — гужевую. Я разъяснил горские народы и не дал возможности их использовать большевикам в борьбе с добровольцами. Наконец, я остановил движение турецкой армии на Северный Кавказ и тем самым предотвратил ее удар по добровольцам. Конечная цель турецкого командования было занятие Екатеринодара и Черноморского побережья.

За это время, благодаря моим действиям, армия Деникина имела возможность провести две мобилизации, исправить свое положение в Ставропольской губернии и иметь последние успехи в Терской области.

Возможно, что в штабе генерала Деникина иначе оцениваются мои услуги фронту и армии добровольцев, но что же делать, у меня не было времени заниматься разъяснениями, да я и не имею претензии на признание моих заслуг.

В свое время история скажет свое слово о моей, армии и флота работе, готовый к услугам,

генерал Бичерахов

4 Марта 19 г. Батум

ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 371 об. Л. 1–6. Подлинник

№ 12

Список

казаков конницы Партизанского отряда Бичерахова, умерших и убитых со времени вступления на российскую территорию, с указанием, кто где похоронен

№ по порядку	Название сотен, звания, имена и фамилии	Когда, где убит/ умер/ и где похоронен
КУБАНСКАЯ СОТНЯ		
1	Федор Тачков	Умер от ран 9 июля в г. Баку в лазарете № 12. Где похоронен — неизвестно
2	Иван Сабельников	Похоронен в г. Дербент
3	Михаил Матушкин	Похоронен в г. Петровск
4	Роман Кошуба	Похоронен в г. Петровск
5	Константин Беликов	Убит — тело взято Турками у г. Петровск
6	Лаврентий Ефременко	Убит — тело взято Турками у г. Петровск

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

7	Андрей Тищенко	Похоронен в г. Баку
8	Евфим Венокуров	Похоронен в г. Баку

УМАНСКАЯ СОТНЯ

9	Вахм. Семен Волик	Убит, похоронен в г. Дербент
10	Мл. ур. Яков Багмет	Убит, похоронен в г. Дербент
11	Мл. ур. Флор Белоруцкий	Убит, похоронен на горе Тарки-Тау под г. Петровском
12	Прик. Алексей Згода	Умер, похоронен на ст. Баладжары
13	Ст. ур. Николай Прокопенко	Умер, похоронен в г. Петровск
14	Мл. ур. Николай Цокур	Умер

ЛИНЕЙНО-ХОПЕРСКАЯ СОТНЯ

15	Каз. Дмитрий Маков	Умер, похоронен в гор. Петровск, на солдатском кладбище
----	--------------------	---

ГОРСКО-МОЗДОКСКАЯ СОТНЯ

16	Прик. Петр Арапов	Убит у ст. Кюрдамир, похоронен в 7–8 верстах у неизвестного селения
17	Прик. Лаврентий Евсеев	Тоже
18	Сол. Сергей Кондаков	Убит и похоронен у сел. Карадоглы
19	Мл. ур. Петр Прокопов	Убит, похоронен в г. Петровск
20	Мл. ур. Яков Колодежный	Убит, похоронен в г. Петровск
21	Прик. Иван Кайдаш	Умер, похоронен в г. Петровск
22	Ст. ур. Михаил Зоров	Умер, похоронен в г. Петровск
23	Сол. Иван Гришин	Умер, похоронен в г. Петровск
24	Каз. Петр Сацук	Умер, похоронен в г. Баку

ЗАПОРОЖСКАЯ СОТНЯ

25	Козьма Пугач	Убит, у ст. Кюрдамир / не похоронен
26	Леонтий Ходак	Убит, похоронен на ст. Кюрдамир

27	Петр Плюта	Умер, похоронен на ст. Манас
28	Семен Резник	Убит, похоронен на ст. Манас
29	Федор Дмитренко	Умер, похоронен в г. Петровск
30	Федор Великоцкий	Умер, похоронен в г. Т.Х.Шур
31	Тимофей Иващенко	Убит, похоронен в г. Петровск
32	Поруч. Алибеков	Убит, похоронен в г. Петровск

Н-к конницы *Есаул*

РГВА. Ф. 39779. Оп. 1. Д. 6. Л. 8. *Подлинник*

№ 13

Ведомость

удержаний за стол в офицерском собрании штаба
Партизанского отряда ген. Бичерахова
с 15 декабря 1918 года по 15 января 1919 года

№	Занимаемая должность	Чин	Фамилия	Число дней	Сумма удержаний	
					Р.	К.
1	2	3	4	5	6	7
1	Нач. отряда	Ген.-майор	Бичерахов	310	3321	13
2	Нач. Штаба	Капитан	Мартынов	31	331	10
3	Ст. ад. хоз. час.	Хорунжий	Сабеев	75	809	50
4	Ст. ад. стр. час.	Прапорщик	Федоров	32	341	82
5	Ст. ад. Разв. отд.	Подпоручик	Разуваев	32	341	82
6	Ст. ад. Опер. час.	Штаб.-кап.	Табатеров	34	363	24
7	Ст. ад. Инсп. час.	Штаб.-кап.	Румянцев	34	363	24
8	Казначей	Чиновник	Шах-Назаров	62	662	20
9	Делопр. хоз. час.	Чиновник	Чилищев	60	640	78
10	Делопр. стр. час.	Чиновник	Савельев	31	331	10
11	Делопр. опер. час.	Чиновник	Шахитько	31	331	10
12	Помощ. ад. стр. час.	Поручик	Айрапетян	15	160	70
13	Помощ. ад. опер. час.	Поручик	Иванов	34	363	24

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7
14	Помощ. ад. инс. час.	Капитан	Кульчицкий	26	278	54
15	Помощ. ад. опер. час.	Штаб.-кап.	Осадчий	38	407	10
16	Помощ. ад. разв. час.	Юнкер	Бешенцев	16	171	42
17	Об.-оф. для поруч.	Поручик	Тараев	16	171	42
18	Помощ. дел. хоз. час.	Чиновник	Гуськов	11	117	85
19	Коменд. шт.	Хорунжий	Карабугаев	32	341	82
20	—	Хорунжий	Гагосов	32	341	82
21	—	Чиновник	Елоев	34	363	24
22	Нач. службы связи	Прапорщик	Минеев	26	278	54
23	Осетин. сот.	Поручик	Хоранов	24	257	11
24	—	Прапорщик	Бекоев	31	331	10
25	—	Подпор.	Доцоев	31	331	10
26	Осетин. сот.	Подъесаул	Сагутоков	14	150	10
27	Воен. след.	Прапорщик	Логинов	31	331	10
28	Контроль	Чиновник	Адамов	31	331	10
29	—	Чиновник	Слюсарев	44	471	39
30	Топогр. отд.	Шт.-кап.	Ишосанов	5	53	57
31	Хозяй. собр.	Чиновник	М.-Пашаев	32	341	82
32	Отр. ес. Слесарева	Сотник	Головко	16	171	42
33	—	Хорунжий	Клишин	12	128	56
34	—	Сотник	Прокопов	31	331	10
35	—	Подъесаул	Могуев	6	64	29
36	—	Подъесаул	Вазагов	25	267	82
37	—	Поручик	Шатыров	3	32	14
38	—	Есаул	Таширов	37	396	39
39	—	Сотник	Таширов	16	171	42
40	—	Поручик	Бульба	31	331	10
41	Разв. отд.	Подпор.	Осменов	19	203	56
42	Квар. дов.	Надв. сов.	Габеев	31	331	10
43	Пом. ад. хоз. час.	Есаул	Гакинаев	23	246	41
44	Завед. хлеб.	Хорунжий	Болдырев	28	299	98
45	[в] расп. Г.Ф. Бичер.	Прапорщик	Бегоев	31	331	10
46	—	—	Арцутанов	31	331	10

А. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

1	2	3	4	5	6	7
47	Хозяй. час.	Вольноопр.	Костенский	10	107	13
48	Разв. отдел	Подпор.	Крестин	30	320	79
49	Отр. ес. Слесарева	Хорунжий	Сазанов	12	128	56
50	Автокол.	Чиновник	Богомолов	2	21	43
51	Топогр. ота.	Поручик	Корнильев	29	310	69
52	—	Чиновник	Агоев	29	310	69
53	Упр. цыг. н-к	Есаул	Кривозубкин	29	310	69
54	—	Чиновник	Попов	10	107	13
55	—	Чиновник	Попов	10	107	13
56	Н-к шт. п-ва	Капитан	Мацыев	30	320	79
57	—	Полковник	Щербаков	27	289	25
58	Нач. конницы	Есаул	Гаунауев	3	32	14
59	Контроль	Сотник	Матуков	27	289	25
60		Хорунжий	Костувеко	13	139	27
61		Полковник	Урчукин	23	246	41
62		Корнет	Славин	24	257	11
63		Прапор.	Лапиев	24	257	11
64		Капитан	Ковалевский	19	203	55
65	Автокол.	Хорунжий	Вербицкий	4	42	86
66	Полев. интен.	Прапор.	Пецков	4	42	86
67		Есаул	Бирюлькин	14	150	#
68	2-й стр. бригады	Полковник	Каблицкий	12	128	56
69	—	Прапор.	Шамовский	22	235	69
70		Сотник	Сабеев	22	235	69
71	Комендан.	Полковник	Гапузов	9	96	42
72	—	Хорунжий	Урумов	27	289	25
73	—	Хорунжий	Лапиев	9	96	42
74	Кон.-горн. бат.	Поручик	Островский	15	160	70
75			Татонов	9	96	42
76		Полковник	Затаков	28	299	98
77			Хамилонов	22	235	69
78		Поручик	Хобаев	20	214	27
79		Сотник	Молкученко	20	214	27

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7
80		Воиск.	Чугумев	21	224	98
81	Арт. снабж.	Мичман	Попов	11	117	84
82		Есаул	Кривозубкин	21	224	98
83		Кадет	Чугумев	21	224	98
84	Кон. осет. сот.	Поручик	Бериев	20	214	98
85	—	Подпоруч.	Калагов	20	214	98
86	—	Корнет	Тлатов	20	214	98
87	—	Корнет	Капров	20	214	98
88	Экспед. отдел	Штаб.-кап.	Намченко	15	160	70
89		Поручик	Намченко	15	160	70
90	Экспедитор. отдел	Подпоручик	Погоняйлов	15	160	70
91	—	Прапорщик	Филатов	15	160	70
92	Кон. Осет. сотн.	Подпор.	Ногаев	10	107	13
93	1р. 2 стр. бр.	Подпор.	Крышталеv	15	160	70
94		Полковник	Кубатиеv	14	150	#
95		Над. сов.	Бердяев	14	150	#
96	Кон. радио-ст.	Писарь	Истомин	14	150	#
97	Кон. Осет. сотн.	Корнет	Мусаев	14	150	#
98		Шт.-кап.	Доцов	12	128	56
99		Поручик	Мамонтов	13	139	27
100		Хорунжий	Мягков	10	107	13
101	Служ. связи	Капитан	Шокол	3	32	14
102		Генерал	Чаплыгин	10	107	13
103		Урядник	Хабаев	10	107	13
104		Писарь	Гульдиеv	8	85	70
105	Автокол.	Шофер	Симонов	8	85	70
106	—	—	Терновой	8	85	70
107	—	—	Грачев	7	75	#
108	—	—	Петерсон	8	85	70
109	Кон. Осет. сот.	Воен. чин.	Омаров	9	96	42
110	Осетин. сот.	Поручик	Урусов	11	117	84
111	Коман. связи	Чиновник	Савичев	7	75	#

А. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

1	2	3	4	5	6	7
112	—	Чиновник	Редькин	7	75	#
113	Хозяйст. части.	Писарь	Колпиков	7	75	#
114		Хорунжий	Досиев	8	85	70
115		Хорунжий	Иванов	6	64	29
116		Хорунжий	Сатиев	5	53	57
117		Полковник	Кибиров	7	75	#
118	Кон. гор. бат.	Прапор.	Марков	6	64	29
119	Развед. отдел	Юнкер	Миклашевский	5	53	57
120	Квартир. отдел	Капитан	Жигалев	5	53	57
121	—	Подпор.	Бедин	5	53	57
122		Полполк.	Лебедев	2	21	43
123		Полков.	Овечников	2	21	43
124	2 стр. бригад.	Капитан	Каблицкий	2	21	43
125			Валаев	3	32	14
126			Гуржибеков	1	10	71
127	2 стр. бриг.	Писарь	Асириянц	5	53	57
128			Жидовленко	5	53	57
129	Осет. сот.	Прапор.	Кайдаров	3	32	14
130	Стр. б-на	Прапор.	Осланов	1	10	71
131	—	Корнет	Устинов	1	10	71
132	—	Капитан	Иванов	1	10	71
133	Хозяй. час.	Писарь	Паневкин	1	10	71
134	—	—	Сайко	1	10	71
135	Стр. б-на	Поручик	Журавлев	3	32	14
136	—	Хорунжий	Бакиевец	3	32	14
137	Разв. отд.	Прапор.	Рубасов	3	32	14
138	Кварт. отд.	Техник	Клещенко	3	32	14
139	—	Поручик	Сотников	3	32	14
140		Сотник	Михайличенко	4	42	86
141	Стр. б-на	Прапор.	Васильев	1	10	71

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7
142	Осет. сот.	Поручик	Госсе	4	42	86
143	[в] расп. ген. Бичер.	Подхор.	Савлаев	7	75	#
144	Контроль	Писарь	Крючков	21	224	98
145	Кон. Осет. сот.	Поручик	Бесалов	15	160	70
146	—	Есаул	Смовеников	15	160	70
147	К-да связи	Чиновник	Баранов	15	160	70
148	—	Чиновник	Стрелов	15	160	70
149	[в] расп. Г.Ф. Бичер.		Бичерахов	15	160	70
150	—		Дзодцаев	15	160	70
151	—		Хозиев	15	160	70
152	—		Цаллагов	15	160	70
153			Тухаев	4	42	85
154	Осет. кон. сот.	Прапор.	Саламов	16	171	42
155	Осет. сот.	Прапор.	Дудиев	18	192	86
156		Капитан	Чернышов	30	320	39
157		Корнет	Саламов	20	214	27
158		Штаб-рот.	Урумов	15	160	70
159		Корнет	Урумов	15	160	70
160	Поезд. бат.	Подпор.	Аракелов	19	203	56
161	Коменд. упр.	Чиновник	Кропотов	13	139	27
162	2 стр. бриг.	Капитан	Простов	19	203	56
163	Нач-к тыла	Хорунжий	Савлаев	19	203	56
164	—	Чиновник	Агоев	19	203	56
165		Прапор.	Тюрин	20	214	27
166	Стр. б-на	Капитан	Кот	18	192	86
167		Корнет	Хадов	18	192	86
168		Прапор.	Бироев	18	192	86
169	Стр. б-на	Подпол.	Ленерин	18	192	86
170	—	Капитан	Плешаков	18	192	86
171	—	Поручик	Бабаев	18	192	86
172			Тебиев	19	203	56
173		Корнет	Туаев	18	192	86

А. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

1	2	3	4	5	6	7
174		Хорунжий	Осимич	6	64	29
175	2 стр. бриг.	Подпол.	Михайлов	15	160	70
176	Хозяй. часть	Писарь	Тимченко	31	331	10
177	—	—	Лазарев	31	331	10
178	—	—	Вернов	31	331	10
179	—	—	Стариченко	31	331	10
180	—	—	Павлов	31	331	10
181	—	—	Маркарян	31	331	10
182	—	—	Капитанов	9	96	42
183	Строев. час.	—	Линец	31	331	10
184	—	—	Марчевский	31	331	10
185	—	—	Тарасенко	31	331	10
186	Строев. част.	Писарь	Николайчук	31	331	10
187	Развед. отд.	Ординар.	Бекетенко	31	331	10
188	—	—	Житкевич	29	310	69
189	—	—	Войников	1	10	72
190	—	—	Медик	16	171	42
191	—	—	Григорян	19	203	42
192	—	—	Тумаев	1	10	72
193	—	—	Никитин	2	21	43
194	—	—	Грищенко	1	10	72
195	Хозяй. часть	Пом. каз.	Олдов	31	331	10
196	Развед. отд.	Подхор.	Демидов	62	662	20
197	—	Ординар.	Захарян	16	171	42
198	Оператив. отд.	Писарь	Горбачевский	15	160	71
199	—	—	Голушко	31	331	10
200	Инспектир. отд.	—	Черкасов	31	331	10
201	—	—	Татаринцев	31	331	10
202	Топогр. отд.	Топогр.	Макаревич	3	32	14
203	Автокол.	Писарь	Тржепач	31	331	10
204	—	Шофер	Айрапетян	31	331	10

ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

1	2	3	4	5	6	7
205	Караул	Матрос	Караул став-	31	331	10
206	—	—	ки Генерал-	31	331	10
207	—	—	майора	31	331	10
208	—	—	Бичерахова	31	331	10
209	—	—		31	331	10
210	—	—		31	331	10
211	—	—		31	331	10
212	Хозяй. часть	Писарь	Игумнов	31	331	10
213	—	—	Гост	1	10	72
214	—	—	Ахов	5	53	72
215	—	—	Доневелко	29	310	69
216	—	—	Шинкаренко	29	310	69
217	Топогр. отд.	—	Бондарев	28	299	98
218	Хозяй. час.	Писарь	Веретенни-	28	299	98
219	—	—	ков			
220	—	—	Кривоносов	28	299	98
221	—	—	Оберемченко	7	75	#
222	Строев. час.	—	Алахвердов	17	182	14
223	Авток.	Шоффер	Савельев	26	278	53
224	—	—	Вербин	26	278	53
225	Развед. отд.	Ордин.	Туманов	26	278	53
			Тузов	24	257	11

РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 73. Л. 75—78 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ II съезд трудовых народов Терека начал свою работу в Пятигорске, а окончил во Владикавказе. Его стенограмма была опубликована в виде отдельной книги (II сессия Терского областного народного съезда в г. Пятигорске. 16 февраля — 15 марта 1918 г. Пятигорск, 1918) и переиздана осетинскими историками в 1977 г. (*Съезды народов Терека*. Орджоникидзе, 1977. Т. 1. С. 61—258). Представленный документ является кратким изложением основных вопросов, поднимавшихся на съезде (прежде всего национального), опубликованный в другом раритетном издании (*История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний и матлов*. Пятигорск, 1924). Сравнение двух документов показывает, что краткое изложение в ряде мест дополняет текст стенограммы, опубликованной в 1918 г.

² Караулов Михаил Александрович (1878—1917), депутат 4-й Государственной думы, атаман Терского казачьего войска (с марта 1917 г.), комиссар Временного правительства в Терской области (с марта до августа 1917 г.). Инициатор создания и глава Терско-Дагестанского правительства, объединявшего казачество, горцев и иногороднее население. Убит 13 декабря 1917 г. на станции Прохладная толпой солдат.

³ Слепцов Николай Павлович (1815—1851), генерал-майор, с 1845 г. командир 1-го Сунженского линейного казачьего полка. В 1850 г. совершил известный подвиг, взяв со своим полком Шалинский окоп — созданную Шамилем линию укреплений близ крепости Воздвиженской. Много занимался укреплением пограничной линии от Назрани до крепости Грозной. Погиб 22 декабря 1851 г. в бою с отрядом Шамиля. В его честь станица Сунженская была переименована в Слепцовскую.

⁴ Имеется в виду I-й съезд трудовых народов Терека, проходивший в феврале 1917 г.

⁵ Пашковский Ю.Г. — левый эсер, с 5 марта 1918 г. нарком земледелия в Народном совете (правительстве) Терской республики, с 20 июня 1918 г.

председатель совнаркома Терской республики, убит белогвардейцами в августе 1918 г.

⁶ Сомов А. — левый эсер, с 5 марта 1918 г. нарком по делам терского казначества в Народном совете Терской республики.

⁷ Имеется в виду Совет народных комиссаров трудовых народов Терека.

⁸ Под 1-й сессией съезда трудовых народов Терека подразумевается Моздокский съезд, окончивший работу в начале февраля 1918 г. Современники часто считали Пятигорский съезд продолжением Моздокского: съезд «переехал» с места на место (*Из истории революционного движения на Тереке*. Пятигорск, 1924. С. 170.). В дальнейшем, после признания 4 марта верховной власти СНК РСФСР, съезд переехал на этот раз во Владикавказ, где и окончил свою работу.

⁹ Примечание документа.

¹⁰ Такоев С.А. — председатель II и III съездов народов Терека.

¹¹ Киров (настоящая фамилия — Костриков) Сергей Миронович (1886—1934) в годы Первой мировой войны возглавлял большевистскую организацию Владикавказа. В 1917 г. член исполкома Владикавказского совета; участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Участвовал в создании Терской, Северо-Кавказской советских республик. В феврале 1919 г. председатель Временного военно-революционного комитета Астраханского края, в мае 1919 — марте 1920 г. член РВС 11-й армии. С октября 1920 г. член Кавбюро ЦК ВКП(б). С июля 1921 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. В 1926—1934 гг. первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г.

¹² Ахриев Гапур Саидович (1890—1920) — из крестьян. Окончил Московский коммерческий институт (1916 г.). Левый эсер, с 1919 г. член РКП(б). В 1917 г. член Владикавказского и Грозненского советов. С 5 марта 1918 г. нарком по делам национальностей в Народном совете Терской советской республики, затем нарком контроля. Командир повстанческих отрядов, действовавших против бичераховцев и белогвардейцев. Близко знал Кирова и Орджоникидзе. С марта 1920 г. председатель Ингушского ревкома. Умер 3 мая 1920 г. от тифа.

¹³ Шерипов Асланбек Джемалдинович (1897—1919) — из семьи служащего. Окончил в 1917 г. реальное училище. С апреля 1918 г. один из организаторов первого в Чечне совета (в селе Гойты). В 1918 г. делегат 2—5-го съездов народов Терека, член Терского народного совета; с августа 1918 г. нарком по делам национальностей, с декабря 1918 г. нарком (без портфеля) Терской советской республики. С июля 1918 г. один из организаторов Чеченской Красной армии, один из руководителей обороны Грозного во время Стодневных боев (август — ноябрь 1918 г.). С февраля 1919 г. командовал чеченскими партизанскими отрядами, действовавшими против Добровольческой армии генерала Деникина. Погиб в бою 11 сентября в слободе Воздвиженская (ныне часть города Грозный).

¹⁴ Коренев Д.З. — журналист, активный участник I и II съездов народов Терека. Опубликованные им в газете «Горская жизнь» отчеты о работе I съезда являются, по существу, единственной стенограммой событий, существенно дополняющей протокол съезда. Автор монографии «Революция на Тереке» (Орджоникидзе, 1967) и участник коллектива составителей двухтомного сборника документов «Съезды народов Терека» (Орджоникидзе, 1977—1978).

¹⁵ Малыгин Иван Васильевич (1887—1918) — член РСДРП(б) с 1905 г. Из семьи плотника. Участник Первой мировой войны, солдат. В 1917 г. руководитель организации РСДРП(б) в Пятигорске, член Грозненского, Бакинского комитетов РСДРП(б). С января 1918 г. секретарь ВРК Кавказской армии. С апреля 1918 г. член коллегии Наркомвоенмора Бакинского СНК. Расстрелян 20 сентября 1918 г. в районе Красноводска в числе 26 бакинских комиссаров.

¹⁶ Анджиевский (Анджиевский) Григорий Григорьевич (1897—1919) — член РСДРП(б) с 1917 г. Из семьи рыбака Таврической губернии. Типографский рабочий. В Первую мировую войну солдат. Вел революционную агитацию среди солдат. После ранения в 1916 г. отправлен в Пятигорск. В 1917 г. председатель Пятигорского совета. В марте 1918 г. первый заместитель Терского областного народного совета, член ЦИК Северо-Кавказской советской республики, один из руководителей ликвидации восстаний Г.Ф. Бичерахова и И.Л. Сорокина. С января 1919 г. начальник культпросветотдела РВС 11-й армии, затем в подполье в Закавказье. 17 августа 1919 г. арестован в Баку англичанами, выдан белогвардейцам и 31 августа повешен в Пятигорске на горе Казачка.

¹⁷ Имеется в виду Георгий Федорович Бичерахов.

¹⁸ В документе фамилия дана с искажением. Правильно — Эльдарханов Таштемир (1870—1934) — ученый и общественный деятель, депутат Первой и Второй Государственной думы от Терской области. Будучи председателем Гойтинского совета, считавшегося наиболее близким к позициям большевиков, занимал примиренческую в отношении большевистских радикалов, чеченского духовенства и зажиточных слоев позицию, за что подвергался резкой критике со стороны А. Шерипова. После разгрома Деникина и установления советской власти на Тереке избран председателем Чеченского областного исполнительного комитета. Характерной чертой в работе на этой должности было отстаивание национальных интересов и традиций чеченского народа, сотрудничество с духовенством, за что он был отстранен от руководящей работы в 1924 г.

¹⁹ Чуликов Ибрагим — помещик, в 1918 г. председатель Атагинского (антибольшевистского) совета, активно сотрудничал с братьями Бичераховыми и добровольческой администрацией. В 1919 г. возглавил Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи.

²⁰ Правильно — Митаев Али (Али Бамат Гирей Хаджи (Хаджиев), 1890—1925). Уроженец с. Автуры Шалинского района Чечни. Отец был одним

из сподвижников секты Кунта-Хаджи. В 1914 г., после смерти отца, стал его преемником. В годы Гражданской войны занимал выжидательную позицию. Отряды его мюридов участвовали в нескольких боях с карательными белогвардейскими частями. В конце 1920 г. участвовал в подавлении восстания Н. Гоцинского и Саид-бека. К 1923 г. стал влиятельным национальным и религиозным лидером Чечни. Его секта насчитывала до 10 тыс. мюридов. 12 апреля 1923 г. назначен членом областного ревкома Чеченской области. 18 апреля 1924 г. арестован, приговорен к 10 годам тюрьмы, после пересмотра дела 26 октября 1925 г. расстрелян.

²¹ Узун-Хаджи (Салгинский) (1847—1920) — шейх, один из организаторов национально-религиозного движения на Северном Кавказе, целью которого было создание Горского мусульманского государства под протекторатом Турции. Осенью 1919 г. в селении Ведено создал при помощи авантюриста Дышинского так называемую Шариатскую монархию, или Северо-Кавказское эмиратство, просуществовавшее до февраля 1920 г. Умер весной 1920 г. при невыясненных обстоятельствах.

²² Имеется в виду Асланбек Шерипов.

²³ Карпинский П.Ф. — эсер, некоторое время являлся председателем Терского областного народного совета.

²⁴ Данилов — представитель от казачьей фракции, делегат от станицы Наурской, сотник. Участник 1-го и 2-го съездов.

²⁵ Съезд работал в начале июля 1918 г. и представлял собой казачий войсковой круг с участием отдельных зажиточных иногородних. Съезд избрал верховный орган власти — Моздокский казачье-крестьянский совет, состоявший из 15 человек и возглавлявшийся Г.Ф. Бичераховым. Прекратил свое существование в ноябре 1918 г. после захвата красными войсками Моздока.

²⁶ Воззвание относится ко времени Второго Кубанского похода Добровольческой армии.

²⁷ Так в тексте. Правильно — Тарский хутор.

²⁸ Станица Государственная поддержала советскую власть и выставила один из самых крупных красноармейских казачьих отрядов — около 1500 штыков и сабель.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Архивные источники

1. Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 1. Управление делами (бывш. Канцелярия) Народного комиссариата по военным делам. 1917–1918.

Оп. 1. Д. 82.

Ф. 2. Всероссийская коллегия по организации и управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1917–1918.

Оп. 1. Д. 10.

Ф. 108. Управление армиями Каспийско-Кавказского фронта. 1918–1919.

Оп. 1. Д. 604.

Оп. 2. Д. 46.

Ф. 911.

Оп. 1. Д. 9, 13, 73.

Ф. 25896. Управление Северо-Кавказского военного округа. 1918–1921.

Оп. 10. Д. 12.

Ф. 39540. Штаб главнокомандующего Русской армией (бывший штаб главнокомандующего Добровольческой армией, штаб главнокомандующего Вооруженным силами на Юге России).

Оп. 1. Д. 5, 11, 12, 51, 152.

Ф. 39779. Партизанский отряд генерала Бичерахова. 1918–1919.

Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 21, 29, 38, 47, 50, 55.

Оп. 2. Д. 5, 6, 8, 10, 12, 15, 16, 19, 20, 24, 25, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 50, 51, 52, 53, 636, 64, 65, 73, 78, 84, 85, 86, 87, 90, 95.

Оп. 3. Д. 20, 63, 77, 78.

Ф. 40308. Коллекция белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Особая Vaгia».

Оп. 1. Д. 21.

Ф. 40435. Военный совет Северо-Кавказского военного округа. 1918.

Оп. 1. Д. 20, 140.

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 64. Кавказское бюро ЦК РКП(б) (Кавбюро) 1920—1922.

Оп. 1. Д. 248.

Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). 1931—1991.

Оп. 34. Д. 984, 985, 1034, 1036, 1042, 1053, 1062, 1280, 1994.

Оп. 35. Д. 142, 165, 168, 269, 282, 316, 317, 318, 584, 613, 677, 678, 680, 687, 689, 699, 738, 784, 817, 864, 929, 1081, 1145, 1177.

Ф. 85. Орджоникидзе Григорий Константинович (1886—1937).

Оп. 6. Д. 102.

Оп. 8. Д. 118.

3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа.

Оп. 1. Д. 157.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 180. Управление делами Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918.

Оп. 1. Д. 1, 6, 11, 18, 19, 20, 32.

Ф. 439. Особое совещание при Верховном главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. Екатеринодар. 1918—1919.

Оп. 1. Д. 32, 33, 35, 110.

Ф. 5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. 1859—1944.

Оп. 1. Д. 3716, 532, 533, 719.

Оп. 2. Д. 108, 248, 249, 256, 476, 524, 527, 569, 728, 860, 880, 889.

Ф. 10055. Василий Георгиевич и Константин Васильевич Бодыревы.

Оп. 2. Д. 2, 3, 5, 7, 8.

5. Архив Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации (Архив ИВИ МО РФ)

Архив ИВИ МО. Ф. 217.

Оп. 259. Д. 109.

II. Опубликованные документы, переписка, речи, стенограммы

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, 1917—1918 гг.: Сб. документов. Баку, 1957.

Большевистское руководство. Переписка: Сб. документов. М., 1997.

Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918—1920: Документы и мат-лы. Баку, 1967.

Борьба за установление и упрочнение советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг.: Сб. документов и мат-лов. М., 1958.

ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918—1920 гг.: Сб. документов. Баку, 1971.

Генерал А.Г. Корнилов перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства / Публикация Г.З. Иоффе // Кентавр. 1995. № 5.

Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов. Париж, 1919.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.): Сб. документов. Т. 1—4. М., 1971—1978.

Документы по истории борьбы за победу Советской власти в Азербайджане (1917—1918 гг.). Т. 1. Баку, 1949.

Из истории Гражданской войны в СССР. 1918—1922: Сб. документов. В 3 т. М., 1957—1961.

Из истории иностранной интервенции в Азербайджане. 1918—1920 гг.: Документы и мат-лы. Баку, 1988.

История революционного движения на Тереке: Сб. статей, воспоминаний, мат-лов. Пятигорск, 1924.

Корниловские дни: Бюллетени Временного Военного Комитета при ЦИК С.Р. и С.Д. с 28 августа по 4 сентября 1917 г. Петроград, 1917.

Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921.

Наш край: Документы и мат-лы (1917—1977 гг.). Ставрополь, 1977.

Полковник Магомед Джафаров: Сб. мат-лов. Махачкала, 2005.

Репрессированные народы: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии. М., 1994.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917—1918 гг.). Горская республика (1918—1920 гг.): Документы и мат-лы. Махачкала, 1994.

Сравнительные статистические данные о бакинской нефтяной промышленности (За период 1911—1920 гг.). Баку, 1921.

Съезды народов Терека. 1918: Сб. документов и мат-лов. В 2 т. Орджоникидзе, 1977—1978.

Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918.

III. Специальная справочная литература

Великая Октябрьская Социалистическая Революция: Энциклопедия. М., 1987.

Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II: В 2 т. М., 2009.

Военная энциклопедия: В 8 т. М., 1997–2004.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.

Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник / Под общей ред. А.Н. Яковлева. М., 1997.

Политические деятели России 1917 г.: Биографический словарь. М., 1993.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. М., 2005–2006.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2004.

Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куццов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

История «белой» Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996.

IV. Периодическая печать

Азербайджан. 1918.

Бакинский рабочий. 1918.

Бюлетени Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного исполнительного комитета. 1918.

Вперед. 1918.

Горская жизнь. 1919.

Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. 1918.

Новое русское слово (Нью-Йорк). 1951.

Новый журнал (Нью-Йорк). 1968.

Красный Дагестан. 1923, 1927.

**V. Воспоминания, мемуары, дневники,
письма, речи, интервью**

Абих Р. Национальное и революционное движение в Персии в 1917—1919 гг. (Воспоминания Эсхан Уллы-Хана) // Новый Восток. 1929. № 26—27.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920 гг.) // Архив Русской революции. Т. 9—10. М., 1991.

Безак Р. Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г. Баку, 1927.

Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия. М., 1991.

Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Махачкала, 1993.

Вацек И.П. Отрывки воспоминаний // В кн.: О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988.

Верещак С.И. О революции в Закавказье и о роли Советов в ней // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998.

Врангель П.Н. Записки. М., 2001.

Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия: Сб. статей. М., 1958.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991.

Денстервилль Л. Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918 (Воспоминания). Тифлис, 1925.

Джапаридзе П.А. Избранные статьи, речи и письма. 1905—1918. М., 1958.

Добрынин В.А. Оборона Мугани. 1918—1919. Париж, 1974.

Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914—1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001.

Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.

Емельянов В.С. На заре новой жизни. Баку, 1979.

История революционного движения на Терекке: Сб. статей, воспоминаний, материалов. Пятигорск, 1924.

Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Paris, 1928.

Каспийская военная флотилия 1918—1919 годов // Флот в Белой борьбе. М., 2002.

Кац М. Ингушетия в огне. Владикавказ, 1926.

Колесникова Н.Н. Из истории борьбы за советскую власть в Баку (Август 1917 — июль 1918 г.): Воспоминания. Баку, 1958.

Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. М., 1991.

Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане (Гражданская война). Нью-Йорк, 1959.

Кшесинская М. Воспоминания. М., 2003.

- Лишин Н.Н. На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага, 1938.
- Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922.
- Лукомский А.С. Деникин и Антанта // Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.
- Марков А.П. В ингушском конном полку. М., 1999.
- Микоян А.И. Так было. М., 1999.
- Мугуев Х.М. Весенний поток. М.: Воениздат, 1960.
- Наджафов Б. Лицо врага. История армянского национализма в Закавказье в конце XIX — начале XX в. Ч. 2. Баку, 1994.
- Начало Гражданской войны: Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев / Сост. С.А. Алексеев. М., 1926.
- Никитин Б.В. Роковые годы: Новые показания участника.
- Никулихин Я. На фронте Гражданской войны (1918—1921): Очерки и воспоминания. Петроград, 1923.
- Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. Т. 1. М., 1956.
- Памяти годовщины Терского восстания. Пятигорск, 1919.
- Половцев П.А. Дни затмения: Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г. Paris, 1922.
- Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. М., 2007.
- Соколов К.Н. Правление генерала Деникина: Из воспоминаний. М., 2007.
- Тангиев А.-Г.Д. Тяжелый век. Назрань, 2000.
- Тарусский Е. Славный путь: генерал Бичерахов о В.Г. де Базиле // Часовой. Париж, 1934. Октябрь. № 135—136.
- Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
- Тер-Габриэлян С.М. Как саботировали и интриговали эсеры и дашнаки // О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988.
- Фролов В.И. Из далекого прошлого // О Степане Шаумяне: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1988.
- Шаумян С.Г. Избранные произведения: В 2 т. М., 1958.
- Шаумян С.Г. Статьи и речи. 1917—1918. Баку, 1929.
- Шаумян С. Письма. Ереван: Государственное издательство Армении, 1959.
- Шаумян С. Бакинская коммуна. Баку, 1928.
- Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1977.
- Шихлинский А.А. Мои воспоминания. Баку, 1984.
- Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 2004.
- Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 7—12; 2003. № 1—6.
- Шуберт К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002.

Это было в Кизляре: Воспоминания о героической обороне города в 1918 году. Махачкала, 1988.

Bechhofer C.E. In *Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920*. London, 1921.

Dunsterville L.C. From Baghdad to the Caspian in 1918 // *The Geographical Journal*. Vol. 57. No. 3 (Mar., 1921). P. 153–164.

Rawlinson A. *Adventures in the Near East 1918–1922*. London, 1923.

Warden J.W. *The Diary of Lieutenant Colonel John Weightman Warden* // *Public Archives of Canada*. MG-30 E192 LT Col. J.W. Warden File – *Diary 1918–1919*.

VI. Исследования

10 лет Советской Чечни. Ростов, 1933.

Аветисян Г. Генерал Акоп Багратуни (1879–1943) // *Армянский вестник*. 1999. № 1–2.

Аглыан В. О формировании Армянского корпуса (1917–1918) // *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. VI. М., 2009. С. 144–162.

Азербайджан и Россия: общества и государства. М., 2001.

Али-Хаджи Акушинский шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Махачкала, 1998.

Алиев К. Шаухалы Тарковские. Кумыкская аристократия: Страницы родословной и жизнеописания властителей. Махачкала, 2006.

Амирханова-Кулиш А.С., Зильпукаров З. Г. Помощь Красной Армии в социалистическом строительстве в Азербайджане. М., 1981.

Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей Российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 г.). М., 2003.

Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов н/Д., 1930.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.

Бурджалов Э. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1938.

Буркин Н.Г. Октябрьская революция и Гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов, 1933.

Владимирский М.В. Финансовый фронт белого Юга // *Вопросы истории*. 2009. № 10. С. 60–72.

Восканян С.С. Очерк истории армяно-азербайджанских этнополитических отношений. Волгоград, 2002.

Гагкуев Р.Г. Антибольшевистское движение в Терском казачьем войске: Краткий исторический очерк // *Альманах «Белая гвардия»*, № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 102–106.

- Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (XX век). М., 1997.
- Генис В.Л. Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920—1921: Документальная хроника. М., 2000.
- Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Часть V. Добровольческая армия и освобождение Кубани. Кн. 11. Stanford, 1937.
- Гришанин П.И. Внешнеполитическая стратегия командования Добровольческой армии (1918 г.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2. С. 150—158.
- Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
- Доного М.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2008.
- Доного Х.М. Бичерахов // Ахульго. Махачкала, 2000. № 4.
- Дубинский-Мухадзе И.М. Шаумян (1878—1918). М., 1965.
- Зайцов А. 1918 год. Очерки истории русской гражданской войны. Б. м., 1934.
- История Востока: В 6 т. М., 1995. Т. 5. Восток в новейшее время: 1914—1945 гг. М., 2006. М., 275.
- История Дагестана. Т. 3. М., 1968.
- История Северной Осетии: XX век. М., 2003.
- История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963.
- Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.
- Кадишев А.Б. Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960.
- Калмыков Б.Э. — выдающийся общественный и государственный деятель Кабардино-Балкарии: Сборник статей и воспоминаний. Нальчик, 1960.
- Кашкаев Б. Красная Армия в Дагестане. Махачкала, 1964.
- Кизляр орденоносный. Махачкала, 1995.
- Киреев Ф.С. Братья Бичераховы // www.kazarla.ru/phpbb2_kaz/viewtopic.php?t=1804&sid=9e588033453b9ad3d37d65e2dd3557b7.
- Киреев Ф.С. Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. 2003. № 5.
- Корсун Н.Г. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 году. М., 1940.
- Краснознаменный Закавказский: Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси, 1981.
- Краснознаменный Северо-Кавказский: Очерки истории Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. М., 1990.
- Кручинин А.С. «Бичераховские награждения» (К вопросу о наградной политике генерала А.И. Деникина) // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVII. Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 151.

Кузнецова Н.А. Владимир Федорович Минорский (Памяти ученого) // Народы Азии и Африки. 1966. № 6.

Лавров С.В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5.

Левин М. Социальные аспекты Гражданской войны в России // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. С. 30–56.

Литвинова Н.В. Малоизвестные документы о деятельности Бакинской коммуны // Советские архивы. 1988. № 4. С. 74–77.

Лифшиц М. Кто виноват в убийстве 26-ти. С приложением дневника Фунтикова. Тифлис, 1926.

Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Новая и новейшая история. 1994. № 6.

Магомедов Ш.Б. Проблема социально-экономического и национально-государственного строительства в Дагестане (1920–1940 гг.) Автореф. дис. ... к. и. н. Махачкала, 1993.

Мальцев Д.А. Антант и боевые действия на Юге России в 1918–1920 гг. // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 годы). М., 2009. С. 91–116.

Меликян Г.С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.

Мельчин А. Боевые руководители народов Дагестана // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 45.

Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.–Л., 1948.

Мустафа-заде Р.С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006.

Насиров Т. Борьба за власть в Азербайджане (1917–1920). Баку, 1993.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Сб. статей. М., 1999.

Нечаев П.А. Алексеевское пехотное училище. 1864–1964. Париж, 1964.

Новейшая история Турции. М., 1968.

Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия, 1914–1917: Возвращение из забвения. Нальчик, 1999.

Пития Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.

Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927.

Самурский Н. Гражданская война в Дагестане. Махачкала, 1925.

Свечников М. Борьба Красной армии на Северном Кавказе. Сентябрь 1918 – апрель 1919. М.–Л., 1926.

Сейранян Ф.Г. «...Надежнейший военный работник»: Очерк о военно-организаторской деятельности Г.К. Орджоникидзе. М., 1989.

Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.

Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М, 2007.

Стрелянов П.Н. Корпус генерала Баратова. 1915–1918. М., 2002.

Суханова Н.И. Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект. Автореф. дис. ... д. и. н. Ставрополь, 2004.

Суханова Н.И. Ставрополье в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 40. Ставрополь, 2005. С. 44–53.

Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. М., 1960.

Текуева М.Г. Исламское движение в Кабарде и Балкарии во время Гражданской войны на Тереке // Южно-российское обозрение. 2001. № 1. С. 211.

Тодорский А. Красная Армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1925.

Хетагуров Г.А. Правда о генерале Бичерахове // Дарьял. Владикавказ. 2008. № 1–3.

Цветков В.Ж. Гражданская война на Северном Кавказе (национальная политика белого движения на юге России) // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия «Социально-исторические науки». М., 1998.

Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917–1918 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.

Цибульский С.В. Англо-советские отношения 1917–1921 годов в освещении Р.Х. Ульмана // История СССР. 1974. № 6.

Шаумян Сур. Бакинская коммуна. Баку, 1928.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1. М., 1958.

Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003.

Эшба Е.А. Асланбек Шерипов: Опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова в связи с народно-революционным движением в Чечне. Грозный, 1929.

Янчевский Н.Л. Гражданская война на Северном Кавказе: В 2 т. Ростов, 1927.

Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, 1988.

Austin W.S. The Official History of the New Zealand Rifle Brigade. Wellington, 1924.

Bibliography of the publications of professor V. Minorsky // BSOAS. Vol. XIV. P. 3. 1952.

D. M. Lang Obituary: Vladimir Fedorovich Minorsky // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 29, No. 3 (1966), pp. 694–699.

http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_1918.html

Swientochowski T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. New York, 1985.

Wineguart Timothy C. Dunsterforce: A case study of coalition warfare in the middle east, 1918–1919 // Canadian Army Journal. Vol. 8.3 (Fall 2005), p. 93–109.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев В.А. 8
Аветисов 58, 66, 70, 78, 129, 131
Авксентьев Н.Д. 144
Агоев К.К. 160, 169, 182
Айолло Г. 90
Алексеев М.В. 6, 24, 114, 126,
144, 171, 193, 194, 198, 201
Аликберов А.К. 8
Альхави С.Г. 44, 70, 71, 73–75,
77, 85, 127, 141, 143, 197,
239, 259
Амазасп (Срванцтян А.) 58, 66,
119
Амиров Т. 92, 94
Андраник (Озанян А.Т.) 133,
242, 243
Анисимов Н.А. 134
Аннибал А.Н. 238
Аракелян А. 90
Архипов В.В. 185
Астров Н.И. 144
Атаманов К. 143
- Багратуни Я.Г. 196, 197
Байков Б. 59, 66, 223
Баланчин Дж. 256
- Бальфур А. 35, 36
Баратов Н.Н. 26–28, 30, 31,
41–44, 71, 72, 75, 257, 259
Бегак Р. 101
Беликов И.Н. 160
Белогорцев 160, 168, 183
Белоусов А. 156
Белоусов Н.В. 143, 171
Бененцев В.А. 185
Бернацкий М.В. 143
Бертрен Г.А. 106, 192
Бешенцев В.А. 185
Бичерахов Г.Ф. 6, 9, 15, 17, 75,
81, 96, 132, 136, 150, 151,
161, 163, 165, 168–175,
181–184, 254
Бичерахов Л.Ф. 5–26, 28–35,
37, 38, 40, 42–50, 69–85,
87–102, 105–117, 124–129,
131–143, 146–150, 165,
171–181, 184–210,
213–255, 257, 258
Бичерахов Ф.М. 238
Бичерахова А.А. 238
Бичерахова Н.Г. 149, 150, 238,
239

- Блюм Р. 256
 Богаевский А.П. 13
 Болдуин С. 250
 Болдырев В.Г. 23, 144, 146–149, 207
 Бочаров 160
 Буачидзе С.Г. (Ной) 159, 162
 Бубняк И. 245
 Буданцев С. 32, 149
 Буденный С.М. 7
 Буйнакский У. 103
 Букановский Н.А. 171, 181, 183
 Бульба 85, 116
 Бутягин Ю.П. 125
 Бушев 90
- Василевский А.М.** 24
 Василенко В.П. 192, 193
 Василенко Е.В. 193
 Вдовенко Г.А. 210, 234
 Велунц А. 90
 Вертепов В.А. 171
 Вильсон Г. 36
 Вологодский П.В. 144
 Воронцов-Дашков И.И. 137
 Воскресенский В.Г. (де Базиль) 13, 91, 92, 97–99, 143, 197, 213, 218, 235, 239, 255–257
 В.П.К. 249, 250
 Врангель П.Н. 27, 205, 257
 Вяземский, князь 252
- Габиев С. 103
 Газданов 240
 Галицинский Н.Г. 142
 Галкин В.Б. 255
 Гейдаровы 191
 Гейман А.А. 205
 Генис В.А. 10
- Георг V, король
 Гинс Г.К. 147
 Головин Н.Н. 23, 250
 Гоцинский Н. 10, 20, 102–105, 107
 Григорий, священник 25
 Гришин-Алмазов А.Н. 7, 201
 Гуцунаев Т. 169
- Данилов** 236
 Даутоков-Серебряков З.А. 136, 137, 182
 Дахадаев М.-А. (Махач) 102–104, 109, 112, 113
 Деникин А.И. 6, 8, 11, 21, 88, 134, 148, 179, 193, 194, 199–209, 226, 228, 237, 238, 250, 251, 254
 Денстервилль Л.Ч. 18, 32, 34, 36–41, 43, 44, 46–50, 71, 74, 78, 84, 85, 88, 92, 99–102, 116, 132, 186, 216, 221, 222, 226, 228–230, 241, 242, 244, 247, 258
 Джапаридзе П.А. (Алеша) 17, 60, 61, 95
 Джафаров М. 20, 109–113, 212
 Джигитян Н. 71, 72, 188–193
 Джоров 108
 Дзержинский Ф.Э. 68
 Добрынин В.А. 19, 20, 60, 65–67, 84, 129, 131, 231, 234, 238, 240, 241, 255
 Докучаев Г.А. 90, 91, 196
 Доного М.М. 10
 Дремлюженко И.А. 203
 Думенко Б.М. 7
 Дутов А.И. 201
 Дягилев С.П. 256

- Егоров П.В. 165
 Елисеев Ф.И. 19, 26
 Емельянов В.С. 80
 Ермаков 90
- Жиромский** Л. 14
Жуковский Р. 43
Жуматий В.И. 8
- Звягин** И.П. 171
Зимин 143
Зотов 156
- Иванов** С.А. 8
Ивицкий Г.Д. 20, 21, 32, 33,
 198, 200, 208, 234, 235, 238,
 241, 252
Иззет-паша 213, 215
Изонов В.В. 8
Ильяшевич Ф.М. 60, 64, 131,
 135, 196, 241
Иоффе А.А. 86
Иппо Э. 87
Исаев 131
Исмаил Хакки-бей 211, 212
Исхаков С.М. 10
- Кавтарадзе** С.И. 152
Каделаки Г.В. 185
Казаров 58, 66
Караулов В.А. 156
Караулов М.А. 154—157
Караулов Н.А. 196
Кац М. 155
Керзон Дж. 36, 250, 251
Кибиров Г. 169
Кибиров Д. 169, 179
Киплинг Р. 38
Киров (Костриков) С.М. 170
Клатербек 29
- Клименко** Ю.Г. 8
Коблицкий Н. 109
Ковалев П.И. 109
Коккерель Ф.П. 221
Колесников И.Н. 175, 181,
 183, 184, 196, 197, 208—210,
 243
Коломийцев И.О. 70, 71
Колчак А.В. 23, 146, 148, 207,
 237, 250
Корганов Г.Н. 56, 58, 61, 76,
 81, 93
Коркмасов Д.А. 10, 102—104,
 109
Корнилов А.Г. 6, 193, 194, 199,
 255
Коробов Я.В. 185
Котров И.А. 185
Крайник 245
Крамаров Г. 130
Краснов П.Н. 201, 206
Кромиади К.Г. 19, 23, 29, 31,
 252
Кропоткин П.А. 151
Кропотов Д.Н. 135, 216
Кручинин А.С. 11
Крымов А.М. 27
Кузнецов Б.М. 13, 14, 26, 95,
 238, 242, 249, 252, 253
Кузнецов И. 58
Кук-Коллис В.Дж.Н. 244
Кун В. 94
Кучук-хан М. 39, 40, 43, 45, 46,
 49, 71, 248
Кшесинская М. 256
- Лагода** С.В. 108, 185
Лазарев Б.П. 209, 240, 241
Ласточкин В.Г. 34
Левшин Д.Ф. 175, 203

- Леммлейк 90
 Ленин (Ульянов) В.И. 19, 53,
 61, 68, 72, 78, 79, 86, 94, 103,
 112, 133, 134
 Леонов 148
 Липко 164
 Лишин Н.Н. 19, 31, 32, 38, 47,
 101, 224, 225
 Ллойд Джордж Д. 244
 Лукомский А.С. 228
 Ляхов А. 106, 107
 Ляхов В.П. 205

 Макдонэ Дж. 36
 Маллесон У. 37, 94
 Мария Федоровна,
 императрица 24
 Мартиросян Д.Г. 8
 Мартынов А.Е. 33, 34, 117, 124,
 196, 214, 215, 224, 232, 233,
 242, 243, 254
 Маршалл У. 16, 37, 39, 41–43,
 99, 100
 Маслов А.П. 152
 Маслов П.М. 244
 Медяник Л.Е. 154, 157
 Мелик-Еолчан 90
 Мельников Н.М. 257
 Мерхалев 143
 Микоян А.И. 19, 56, 66, 92
 Милнер А. 35, 36
 Мильн Дж.Ф. 93, 225, 230,
 235
 Минин С.К. 68
 Минорский В.Ф. 143, 145, 146,
 258
 Миронов Ф.К. 7
 Мистулов Э.А. 168, 169, 175,
 178–180, 182
 Митаев А. 136

 Михаил Александрович,
 великий князь 24, 26, 252
 Мугуев Х.-М. 179
 Мусаилов С.Г. 192
 Мясин Л. 256

 Набоков К.Д. 250
 Наджаров Т. 143
 Нанейшвили В.И. 106
 Нартов Б. 16, 156, 157, 166,
 173, 178–180
 Науменко В.Г. 247
 Невольников 130, 245
 Никитин Б.В. 5, 124, 130,
 131, 142, 148, 196, 213,
 214, 220, 232, 234, 238,
 249, 255
 Николай Николаевич,
 великий князь 206
 Нобель, братья 146
 Норрисс Д. 38
 Нури-паша 62, 79, 86, 99,
 182

 Ольга Александровна,
 великая княгиня 24
 Онанов Д.П. 185
 Онанова М.А. 185, 192
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) 17,
 112, 170, 171, 176, 254
 Орлов Л. 171
 О'Рэм Н.Ф. 203, 204
 Остен-Сакен, барон 221
 Остин В.С. 18

 Пахен, фон 49
 Пашковский Ю.Г. 163
 Петр I, имп. 214
 Петров, поручик 130
 Петров Г.К. 68, 69, 82, 92, 95

- Петров И.Е. 24
 Петросян 112
 Печенкин 90
 Пионтек И. 212
 Писаренко Д.С. 16, 153, 161,
 164, 166–168, 175
 Пожидаев А.Ф. 239
 Покровский В.А. 7, 209
 Половцев (Половцов) П.А. 54,
 154, 255
 Полухов О. 171
 Пономаренко 130, 245
 Попко 77
 Пржевальский М.А. 20,
 234–239, 241, 243
 Пташинский 245
 Пугачев С.А. 24
 Пуль Ф.К. 47, 229
 Пятирублев 158
- Раков Д.Ф. 147
 Розанов С.Н. 147
 Роуленсон 234
 Роцупкин Н.Ф. 160, 171
 Рымарь Т.М. 158, 160
- Сабеев П. 242
 Савлаев (Совлаев) Т.А. 91, 186,
 259
 Сазонов С.Д. 143
 Сайкс П. 16, 35, 38, 39, 101,
 215
 Сапронов К.Н. 171
 Саратиков И.Б. 135
 Свердлов Я.М. 134
 Секст, фон 62
 Семенов И. 171
 Сесиль Р. 36
 Скаков А.Ю. 8
 Складов 160
- Скоропадский П.П. 201
 Слесарев К.М. 77, 130,
 177–182
 Снесарев А.Е. 24, 167
 Соколов 209, 210
 Сталин (Джугашвили) И.В. 19,
 68, 80, 83, 87, 134
 Степанов 98
 Султанов 156
 Сухоруков Т.П. 135
- Тагиев 193
 Тарарыкин И.И. 191
 Тарковский Н. 20, 104,
 109–113, 115, 138, 139,
 185, 217
 Тарусский Е.В. 13
 Татаркин 245, 246
 Тахо-Годи А.А. 103
 Таширов И.И. 245, 246
 Темирханов С. 171
 Тер-Арутюнянц 58
 Тер-Габриэлян С.М. 55, 68,
 189
 Терновой М.Р. 239
 Толстов С.Е. 135
 Томсон В.М. 78, 116, 216, 218,
 219, 221–224, 234, 235
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 74
 Тутышкин Н.И. 105
 Тухачевский М.Н. 7
 Туэйтс 219
- Уильямс 250
 Улагай С.Г. 205
 Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 7
 Уорден Дж.В. 18
- Фальчиков Г.Ф. 153
 Федоров 242

- Федюшкин Н.К. 169, 174, 183, 210
 Фектистов 129
 Фидаров А.П. 169
 Филимонов А.П. 247
 Френч Ф.Дж.Ф. 16, 37, 218
 Фролов О.П. 171
 Фунтиков Ф.А. 93–95
- Халил-паша 62
 Хизроев М. 103
 Хойский Хан Ф.-Х. 221, 222
 Хор С. 250
 Хошев 241
 Худесов 191
 Худин И.А. 239
 Хутиев Г.С. 16, 169
- Чайковский Д.Л. 60
 Чайковский Н.В. 144
 Чаплыгин А.И. 196, 197, 240
 Челябин А.П. 71, 149
 Чермоев А.-М.О. (Тапа) 104, 106, 113, 114, 183
 Чуликов И. 47
- Шапошников А.А. 130
 Шапошников Б.М. 24
 Шатуновская О.Г. 69
 Шаумян Л.С. 93
- Шаумян С.Г. 17–19, 46, 53, 55, 56, 60, 61, 64, 65, 67–70, 72, 73, 78–80, 86, 87, 93–95, 189
 Шаумян С.С. 18, 69
 Шеболдаев Б.П. 59, 67
 Шевелев С.С. 176
 Шерипов А. 17
 Шкуро (Шкура) А.Г. 7, 19, 27, 30, 31, 137, 164, 205
 Шляпников А.Г. 133, 134, 168, 170
 Штоппер 220
 Шуберт К.К. 177, 178, 199–201
 Шукри-бей 211
 Щербачев Д.Г. 238
- Элиович 68
 Энвер-паша 62, 99
 Эрлих А.Ю. 185
 Эрлиш 229
 Эссад-паша 62
 Эсханулла-хан Дустар 49
 Эшба Е.А. 152
- Юзефович Я.Д. 205, 206
- Яковенко И.П. 171, 183
 Яковлев 242
 Якуб-Шевки-паша 62

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Предисловие	9
Осколок несуществующей армии	22
Ничья земля	34
Бичерахов и генерал Денстервилль: «сердечное согласие» в частном порядке	40
Бакинская коммуна и ее армия	50
Последняя надежда бакинских комиссаров	70
Преображение Бичерахова	89
Завоеватель Дагестана	102
«Главкомандующий Кавказской армией и флотом»	115
«Представитель центральной власти»	132
Терек в огне: Георгий Бичерахов против большевиков и горцев	150
Лазарь и Георгий	172
Бичераховщина: террор и его причины	185
«Некий Джигитян»	188
Бичерахов и Деникин	193
Дагестан: последний фронт Первой мировой войны	211
Возвращение в Баку	219
Союзники-оккупанты	225
«Бичерахов подал в отставку в 12 часов...»	231
Отъезд	238
«Старые партизаны» в Батуме	243
Одиночество	249
Вместо эпилога. Удивительные судьбы	253

Примечания	260
Приложения	283
Примечания	326
Использованные источники и литература	330
Указатель имен	341

ISBN 978-5-227-02536-4

Научное издание

Безугольный Алексей Юрьевич
ГЕНЕРАЛ БИЧЕРАХОВ
И ЕГО КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ
НА КАВКАЗЕ
1917—1919

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 24.11.2010.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.
Уч.-изд. л. 17,72 + вклейки = 21,94.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 1247

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5

Е.А. ГЛУЩЕНКО

РОССИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вниманию читателей предлагается книга известного историка Е.А. Глущенко, посвященная завоеванию и преобразованиям Средней Азии, на территории которой было образовано Туркестанское генерал-губернаторство Российской империи. Автором подробно описаны процессы присоединения к России регионов, сложившихся вокруг городов Средней Азии, и последующая их цивилизация. Представляемый читателям труд в определенной степени является ответом на труды историков независимых государств, «труды» которых зачастую фальсифицированы и отличаются неприятием очевидных фактов. Такие «откровения», отягощенные к тому же агрессивной русофобией, переходят в учебники истории для средних учебных заведений и отравляют сознание современных поколений населения этих стран. На основании результатов новых архивных изысканий, мемуаров, публикаций последних лет в книге рассмотрены проблемы личностных отношений коренных жителей и русских людей, вопросы взаимоотношений русской администрации с местным населением, исповедующим ислам. Книга снабжена именным указателем и большим количеством иллюстраций. Как и вся серия, книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся правдивой отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей и межгосударственных взаимоотношений между близкими когда-то народами России.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Приобретайте книги «Издательства Центрполиграф»
без торговой наценки, с помощью нашей
службы «Книга-почтой»!

Книги высылаются наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные издания, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством.

Обращаем ваше внимание, что цены указаны без учета стоимости доставки и услуг Почты РФ.

Заполните почтовую карточку по образцу четко и разборчиво и отправляйте по адресу: 111024, Москва, 1-я улица Энтузиастов, д. 15 («Издательство Центрполиграф»).

Также вы можете заказать книги через сайт «Издательства Центрполиграф» www.centropoligraf.ru.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ	
От кого	<u>Ивановой Г.П.</u>
Откуда	<u>г. Хабаровск, ул. Мира,</u> <u>д. 10, кв. 5</u>
<small>Индекс места отправления</small> 680011	
Кому	<u>«Издательство</u> <u>Центрполиграф»</u>
Куда	<u>г. Москва,</u> <u>1-я ул. Энтузиастов, д. 15</u>
<small>Индекс места назначения</small> 111024	
111024	

Подана государственная заявка почтовой оплаты присваивается по закону © Издательство «Марш» Москва Россия 2003. Э. 178440, П007

ПОЧТА РОССИИ

На обратной стороне карточки укажите количество экземпляров книг, которые вы хотите приобрести, или серию, на которую вы хотели бы подписаться.

В зависимости от суммы заказа, веса посылки и удаленности места заказа общая стоимость книг может увеличиться от 20 до 70%.

Если вам необходима подробная информация, пришлите письмо с вложенным конвертом и вам отправят бесплатный и подробный прайс-лист.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом составляет от 7% от стоимости заказа.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМИ

**Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф»
в Москве и Ростове-на-Дону**

Москва — ул. Октябрьская, д. 10, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел — тел. (495) 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@peterlink.ru

